

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2021

ТОМ 7

№ 25

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

21025 >

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. филол. н., проф. С.В. Кезина
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. О.Ю. Осмухина
(г. Саранск, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. И.М. Попова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цявень Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Чжан Цзе
(г. Нанкин, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953

© ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2021
© Журнал «Неофилология», 2021

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НЕОФИЛОЛОГИЯ

**2021
Т. 7, № 25**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**ИЗДАЁТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД**

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 3

РУССКИЙ ЯЗЫК

Дмитрук Л.А. Лексика с севернорусской диалектной базой в русском литературном языке 5

Махрачёва Т.В., Лоскутова Д.Н., Блинова Е.Ю. Мифологическая лексика в формулах утрашения детей (на материале говоров Тамбовской области) 12

У Мэн. Сравнительный анализ концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании русского и китайского народа (на материале толковых словарей) 25

ОНОМАСТИКА

Дзюба М.С. Динамика и статика в ономастике 33

Адрес редакции:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Ответственный секретарь

И. В. Ильина

Редакторы:

М. А. Сенина, М. И. Филатова
Редактор английских текстов
В. В. Клочихин
Компьютерное макетирование
Т. Ю. Молчановой
Дизайн обложки
Т. О. Прокофьевой
Администратор сайта М. И. Филатова

Подписано в печать 28.12.2020

Выход в свет 09.02.2021

Формат А4 (60×84 1/8)

Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе

Печ. л. 23,5

Усл. печ. л. 22,8

Тираж 1000 экз.

Заказ № 21015

Цена свободная

Адрес издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Оригинал-макет подготовлен
в объединённой редакции
научных журналов

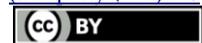
Отпечатано с готового оригинал-макета
в отделе оперативной печати
Издательского дома «Державинский»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Мнение редакции может не совпадать
с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования:

Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. 188 с.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25

Материалы журнала доступны по ли-
цензии [Creative Commons Attribution](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Огольцева Е.В.** Компонент «дерево» в семантической
структуре устойчивых сравнений русского языка 40

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Глазкова М.М., Иконникова Я.В.** Виртуально-твор-
ческий межнациональный диалог (А. Жид – Ф. Ницше –
Ф. Достоевский) во французском и русском литературу-
ведении 51

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Машенкова И.О.** Влияние ветхозаветных реминисцен-
ций в драматической поэме С.А. Есенина «Пугачёв» на
художественно-философскую систему пьесы И.М. Ле-
вина «Моисей» 62
- Колчанов В.В.** От мистерии к карнавалу: китайские
новогодние праздники в повести М.А. Булгакова «Роко-
вые яйца» 71
- Бай Ян, Сорокина Н.В.** Поведение человека в условиях
ограниченной свободы в романе А.И. Солженицына «В
круге первом» 82
- Иванов Е.Е., Иванова Г.П.** Сон в прозе Гайто Газдан-
ова как литературная проблема 91
- Осьмухина О.Ю., Куряев И.Р.** Цикл повестей «Смерть
на брудершафт» Б. Акунина в аспекте литературной
кинематографичности 102

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Мельник Ю.А., Руссу К.Р.** Лингводидактический по-
тенциал современных художественных фильмов на
занятиях по русскому языку как иностранному 111
- Цурцилина Н.Н.** Реализация социокультурной компе-
тенции «обучающихся» в речи на родном и иностран-
ном языке 121
- Данилин Р.А.** Развитие умений иноязычного между-
культурного взаимодействия студентов в целях обучения
иностранному языку в языковом вузе 127

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Житин Р.М., Топильский А.Г.** «Сей малый подарок
посвящается...» Дарственные надписи тамбовских биб-
лиофилов на книгах гражданской печати XVIII века 137
- Никольская Т.М.** Театрализация как способ изучения
культурного пространства этноса 151
- Звонарёва Л.У., Звонарёв О.В.** Русские народные сказ-
ки в США: в графических комментариях А. Алексева и
научном осмыслении Р. Якобсона 165
- Ливэй Чжан.** Восприятие в Китае образа России в кон-
тексте «Один пояс и один путь» 180

- ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ** 186

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
 Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Mainz, Federal Republic of Germany)
 Doctor of Philology, Professor M.V. Gorbanevskiy (Moscow, Russian Federation)
 Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya (Minsk, Republic of Belarus)
 Doctor of Philology, Professor S.V. Kezina (Penza, Russian Federation)
 Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Oxford, Great Britain)
 Doctor of Philology, Associate Professor O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor O.Y. Osmukhina (Saransk, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor I.M. Popova (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
 Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg (Penza, Russian Federation)
 Candidate of Philology Jiawen Sun (Tianjin, People's Republic of China)
 Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun (Volgograd, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina (Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
 Doctor of Philology, Professor A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
 Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor Zhang Jie (Nanjing, People's Republic of China)
 Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin (Tambov, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
 The mass media registration certificate
 ПИИ no. ФC 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University", 2021
 © The journal "Neophilology", 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
 OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2021

Vol. 7, No. 25

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
 ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia of February 12, 2019, no. 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology)

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- Dmitruk L.A.** Vocabulary with the Northern Russian dialect base in the Russian literary language 5
Makhracheva T.V., Loskutova D.N., Blinova E.Y. Mythological vocabulary in the formulas for intimidating children (based on the Tambov region patois) 12
Wu Meng. Comparative analysis of the concept BEAR in language consciousness of the Russian and Chinese people (on the material of explanatory dictionaries) 25

ONOMASTICS

- Dzyuba M.S.** Dynamics and statics in onomastics 33

Subscription index in the catalogue
“Newspapers. Journals” of the Stock company
Agency “Rospechat” is 80303

Distribution territory: Russian Federation,
foreign countries

Editors address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: ilina@tsutmb.ru
Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (In Russian); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (In English)

Executive Editor

I.V. Ilyina

Editors:

M.A. Senina, M.I. Filatova

English texts editor

V.V. Klochikhin

Computer layout

T.Y. Molchanova

Cover design

T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.I. Filatova

Podpisano v pechat' 28.12.2020

Vykhod v svet 09.02.2021

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pechat' na rizografe

Pech. l. 23,5

Usl. pech. l. 22,8

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 21015

Tsena svobodnaya

Publisher's address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation, FSBEI
of HE “Derzhavin Tambov State University”

Original-maket podgotovlen

v ob'yedinennoy redaktsii

nauchnykh zhurnalov

Published basing on ready-to-print file

in Instant Print Department of Publishing House

“Derzhavinskiy” of FSBEI of HE

“Derzhavin Tambov State University”.

190g Sovetskaya St., Tambov 392008,

Tambov Region, Russian Federation

E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

The opinions expressed by the publications

authors may not coincide with those of the
editorial

For citation:

Neophilology. 2021. Vol. 7, no. 25. 188 p.

ISSN 2587-6953

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25

Content of the journal is licensed under a

[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

LANGUAGE STUDIES

- Ogoltseva E.V.** Component “tree” in the semantic structure
of stable comparisons of the Russian language 40

LITERATURE STUDIES

- Glazkova M.M., Ikonnikova Y.V.** Virtual-creative intereth-
nic dialogue (A. Gide – F. Nietzsche – F. Dostoevsky) in
French and Russian literary criticism 51

RUSSIAN LITERATURE

- Mashenkova I.O.** The influence of Old Testament reminis-
cences in the dramatic poem by S.A. Yesenin “Pugachev” on
the artistic and philosophical system of the play by I.M. Le-
vin “Moses” 62

- Kolchanov V.V.** From miracle-play to carnival: Chinese
New Year holidays in Bulgakov’s M.A. novella “The Fatal
Eggs” 71

- Bai Yang, Sorokina N.V.** Human behavior under conditions
of limited freedom in the novel by A.I. Solzhenitsyn’s “In the
first circle” 82

- Ivanov E.E., Ivanova G.P.** Dream in Gaito Gazdanov’s
prose as a literary problem 91

- Osmukhina O.Y., Kuryaev I.R.** Cycle of novellas “Bruder-
schaft with Death” by B. Akunin in the aspect of literary
cinematic 102

CROSSCULTURAL COMMUNICATION

- Melnik Y.A., Russu K.R.** Linguodidactical potential of
modern feature films in Russian as a foreign language classes 111

- Tsurtsilina N.N.** Implementation of the sociocultural compe-
tence of “students” in speech in their native and foreign lan-
guages 121

- Danilin R.A.** Development of foreign language intercultural
interaction skills of students for the purpose of foreign lan-
guage teaching at a linguistic university 127

CULTUROLOGY

- Zhitin R.M., Topilsky A.G.** “This small gift is dedicated
to...” Dedicatory inscriptions of Tambov bibliophiles on the
civil press books of the 18th century 137

- Nikolskaia T.M.** Theatricalization as a way to study the
cultural space of an ethnic group 151

- Zvonareva L.U., Zvonarev O.V.** Russian fairy tales in the
USA: Alexander Alexeieff’s graphic interpretation and Ro-
man Jacobson’s scientific comprehension 165

- Liwei Zhang.** Perception of Russia’s image in China in the
context of “One Belt and One Road” 180

- RULES FOR THE AUTHORS** 186

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-5-11
УДК 81'28

Лексика с севернорусской диалектной базой в русском литературном языке

Людмила Александровна ДМИТРУК ✉
ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
✉ lyudmila-dmitruk@mail.ru

Аннотация. Проанализирован ряд значимых проблем исторической лексикологии и диалектологии, связанных с процессом формирования русского литературного языка, а также с изучением характера его включённости в язык национальный. Прослежена связь кодифицированного языка с такими внелитературными элементами, как народные говоры, просторечие, жаргоны, определяется их историческая значимость для создания в XVIII–XIX веках языка новой формации, построенного на демократической основе. Севернорусские говоры, в том числе костромские, расценены как наиболее архаичный пласт языковых явлений, оказавших влияние на московское койне, на базе которого впоследствии сформировался литературный язык. В данном исследовании севернорусская диалектная лексика и уже, костромская, рассматривается как источник формирования словарного фонда литературного языка, а художественные, публицистические и научные работы писателей и краеведов конца XVIII – XX веков (А.О. Аблесимова, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, С.В. Максимова, И.М. Касаткина, Е.В. Честнякова, Н.Н. Виноградова, В.И. Смирнова, А.В. Громова и др.), связанных с костромским краем, как один из каналов «миграции» регионального слова в литературный язык, что во многом способствовало его адаптации и закреплению в нормированном языке, развитию обширных лексико-семантических связей и отношений.

Ключевые слова: русский литературный язык; народные говоры; севернорусское наречие; костромские говоры; диалектизм; лексика

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края».

Для цитирования: *Дмитрук Л.А.* Лексика с севернорусской диалектной базой в русском литературном языке // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 5-11. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-5-11

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Vocabulary with the Northern Russian dialect base in the Russian literary language

Lyudmila A. DMITRUK ✉
Kostroma State University
17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russian Federation
✉ lyudmila-dmitruk@mail.ru

Abstract. We analyze a number of significant issues of historical lexicology and dialectology related to the development of the Russian literary language, as well as to the study of the nature of its inclusion in the national language. We trace the connection of the codified language with such

extra-literary elements as folk patois, vernacular, jargons, we determine their historical significance for the creation in the 18th–19th centuries of a new formation language, built on a democratic basis. Northern Russian patois, including Kostroma, are regarded as the most archaic layer of linguistic phenomena that influenced the Moscow Koine, on the basis of which the literary language was later formed. In this study, the North Russian dialect vocabulary and narrower, Kostroma, is considered as a source of the formation of the vocabulary fund of the literary language, and the artistic, journalistic and scientific works of Kostroma writers and local historians of the late 19th – 20th centuries (A.O. Ablesimov, N.A. Nekrasov, A.N. Ostrovsky, S.V. Maksimov, I.M. Kasatkin, E.V. Chestnyakov, N.N. Vinogradov, V.I. Smirnov, A.V. Gromov, etc.), related to the Kostroma region, as one of the channels of the “migration” of a regional word into the literary language, which largely contributed to its adaptation and consolidation in a standardized language, the development of extensive lexical and semantic connections and relationships.

Keywords: Russian literary language; folk patois; Northern Russian dialects; Kostroma patois; dialecticism; vocabulary

Acknowledgements: Article is prepared with financial support of Russian Foundation for Basic Research. Project no. 18-012-00809 A “Dialectic study of vocabulary and onomastics of the Kostroma Territory”.

For citation: Dmitruk L.A. Leksika s severnorusskoy dialektnoy bazoy v russkom literaturnom yazyke [Vocabulary with the Northern Russian dialect base in the Russian literary language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 5-11. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-5-11 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Изучение истории становления и развития русского литературного языка тесно связано с историей диалектологических исследований. Работы А.С. Будиловича [1], В.В. Виноградова [2], Ф.П. Сороколетова [3], Н.И. Толстого [4], С.М. Толстой [5] и других освещают ряд вопросов, связанных с проблемой сложных взаимоотношений внутри триады: национальный язык – литературный язык – народные говоры. Как известно, диалектная карта России представлена тремя крупными объединениями говоров – севернорусское и южнорусское наречия, а также среднерусские переходные говоры. Причём наиболее древними из них являются севернорусские диалекты раннего формирования, которые локализуются в северной части Европейской России, срединной части старых славянских поселений, периферийном ареале Славии, зоне языковой архаики [4]. На необходимость детального изучения языковых особенностей данного региона указывает С.М. Толстая: «...территория Русского Севера, будучи периферией периферии, имеет исключительное значение для истории всего славянского мира и истории праславянского языка. Общеславянское значение севернорусских говоров следует уже из того, что ос-

новные признаки, по которым эти говоры противопоставляются другим диалектным группам *русского* языка, одновременно являются показателями, объединяющими их с другими языками славянского мира, иначе говоря, это признаки, типологически релевантные для классификации *славянских* языков» [5, с. 53]. Не менее значимой видится роль севернорусских территорий, к которым принадлежит в том числе и обширная историко-культурная зона – Ярославско-Костромское Поволжье, в становлении русского национального и уже, литературного, языков.

Комплекс языковых черт-маркёров севернорусского наречия оказал значительное влияние на московское койне, наддиалектную по своей сути форму существования языка, возникшую под влиянием северных и южных диалектных стихий, впитавшую их основные фонетические (южнорусский вокализм и севернорусский консонантизм), грамматические, лексические черты, впоследствии ставшие образцовыми, нормированными. В конце XVIII – начале XIX века именно они легли в основу складывающегося русского литературного языка. В это время происходит чрезвычайно важный для истории нашего национального языка процесс преобразо-

вания народного языка в национальный, но построенный на демократической основе. В литературный язык открывается доступ жаргонам, городскому просторечию, этнографической, фольклорной, региональной лексике. И.И. Срезневский, отмечая данную тенденцию, наметившуюся в русской литературе XVII–XVIII веков, писал: «...вкус народный проникал всё более в литературу, так же как по частным долям медленно и, однако, всё более проникал в книги язык народный. Усиление народности языка и слога, вкуса и понятий было в литературе нашей одновременно. И как ни далеки друг от друга кажутся вопрос о развитии литературы и вопрос о развитии языка, тут они сходятся в один нераздельный» [6, с. 94–95]. «Проводником» диалектной лексики в литературный язык часто служит художественная литература. Региональная лексика, искусно вплетённая мастерами слова в канву художественного текста, выходит за пределы ареала своего бытования, начинает частотно и повсеместно употребляться носителями языка, с течением времени становится общеупотребительной, обретает своё особое место в стилистической иерархии литературного языка. Данные языковые единицы включаются авторами в речевую ткань их произведений отнюдь не случайно, не хаотично: народные слова и выражения в ситуации языковой недостаточности замещают лакуны (именуют факты реальной действительности, не имеющие нейтральных лексем-аналогов), наполняют синонимические ряды экспрессивными членами, обогащая и уточняя словарный запас литературного языка, совершенствуя его в количественном и качественном отношениях. Не стали исключением и писатели, чья жизнь и творческий путь связаны с костромским краем, севернорусской речевой традицией: мы встречаем диалектизмы у А.О. Аблесимова, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, С.В. Максимова, И.М. Касаткина, Е.В. Честнякова, А.В. Громова и др. Региональная лексика вошла в литературный язык и закрепились в нём отчасти благодаря и их произведениям, колоритно и полно отражающим народную жизнь, живой разговорный язык представителей различных социальных групп России конца XVII – первой половины XIX века: от крестьянства до купечества и

мелкопоместного дворянства. Данный факт позволяет достаточно точно осветить, проанализировать в синхронии и диахронии на фоне исторических и диалектных словарей русского языка сложный процесс семантико-стилистической перегруппировки лексики, происходивший в национальном языке с конца XVIII века до наших дней, то есть объёмно охватить весь период становления и функционирования русского литературного языка.

Рассмотрим в качестве примера лексические единицы, вошедшие в литературный язык, но до сих пор функционирующие в севернорусских говорах, в том числе костромских.

Слово *лётник*, по данным И.И. Срезневского, фиксируется уже в памятниках письменности XVI–XVII веков с семантикой ‘лёгкая женская одежда, надевавшаяся на рубашку под верхнее платье’ [7, т. 2, с. 80]. Однако, как кажется, данное слово уже и на начальных этапах формирования национального литературного языка могло иметь несколько лексико-семантических вариантов в народной речи, поскольку в СРЯ XVIII, описывающем русский язык начиная с 90-х гг. XVII века, это слово отмечено уже как многозначное. Первое значение приводится со ссылкой на академические словари XVIII века – ‘летняя женская одежда’ – без помет, что может свидетельствовать о нейтральном восприятии слова носителями языка¹. В речевом узусе XVIII века данная лексема бытовала ещё с двумя значениями, при которых в словаре также не указаны какие-либо ограничительные пометы: ‘летняя дорога’ и ‘животное, родившееся прошлым летом’². Иллюстрации из художественной и публицистической литературы, а также личной переписки, приведённые в словарной статье и данные ко всем трём значениям, свидетельствуют о включении многозначной лексемы в речевую обиход XVIII столетия в качестве нейтрального общеупотребительного слова.

В словаре В.И. Даля, отражающем обычай речевого употребления XIX века, слово *летник* представлено как полисемант, распространённый повсеместно (у ряда значе-

¹ СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. СПб.: Наука, 1984–2019. Вып. 11. С. 161.

² Там же.

ний отсутствуют пометы) либо локализующийся преимущественно в среднерусских говорах: *летни'к* и *ле'тошник* – ‘годовалое животное’, иногда ‘годовалый овощ, полевой продукт’ с географическими пометами *пск.* <овское> и *твер.* <ское>; *ле'тник* – ‘летний, южный ветер’; ‘летняя лёгкая одежда, холщовый кафтан, балахон, холщевик, полотняник’; ‘женская верхняя лёгкая одежда, с длинными, широкими рукавами, иначе нака'пки’ с пометой *стар.* <инное>; *летники* – ‘грибы в летнюю пору, когда их уже много’ с пометой *твер.* <тверское>; *летник* – ‘летний путь, поездка и летняя дорога вообще, на колёсах, не на полозу; летний проезд, дорога околицей, по материку’ противоположное слову *зимник*; ‘летнее кочевье инородцев, летови'ще’ [8, т. 2, с. 211]. Как видим, в XVIII–XIX веках слово *летник* являлось достоянием литературного языка, воспринималось носителями языка как многозначное, активно употреблялось в речи и имело статус нейтральной общеупотребительной лексемы. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), пик частотности функционирования этого слова в письменных источниках приходится на середину XIX столетия³, встречаем его и у А.Н. Островского с семантикой ‘летняя женская одежда’ и в авторских ремарках, и в речи персонажей, например: «Входит Марья Власьевна с летником и подаёт с поклоном»; «Да у тебя и летник – все швы бархат На золоте. Тафтяная рубашка С запястьями» [9]. Частотный словарь указывает на четырёхкратное употребление лексемы *летник* именно во втором периоде творчества драматурга (1860–1875 годы) [10, с. 575]. Однако и тогда, в середине – второй половине XIX века, слово *летник* во всём многообразии своих смысловых связей и стилистических коннотаций было представлено в основном в говорах.

В словарях современного русского литературного языка слово *летник* зафиксировано со следующими значениями: ‘однолетние декоративные садовые растения (ноготки, настурция и др.)’ с пометой *сад.* <овое>; ‘старинная летняя женская одежда с длинными широкими рукавами’ зафиксировано

без помет; ‘дорога, которой пользуются только летом’ и ‘помещение без печи для летнего жилья’ с пометами *нар.-разг.* или *обл.*, указывающими на локальный характер лексемы с данной семантикой [11, т. 2, с. 78–179; 12, с. 494]. Как видно из указанных в словарях литературного языка значений, слово и сейчас принадлежит в большей мере стихии разговорного языка, в нормированном же языке его функционирование значительно ограничено: употребляется либо как термин, либо как историзм, хотя помета, указывающая на принадлежность лексемы к пассивному словарному запасу, отсутствует. Однако, бесспорно, слово на современном синхронном срезе фактически вновь переместилось на периферию национального языка. В говорах оно имеет гораздо более обширную семантическую структуру (в СРНГ зафиксировано с девятнадцатью значениями, лишь некоторые из которых дублируют сведения словарей литературного языка), а также более активные лексические связи (в СРНГ представлена омонимия), что, безусловно, является следствием постоянных семантико-стилистических перегруппировок внутри национального словарного фонда. СРНГ отражает бытование слова во всём многообразии его значений фактически повсеместно, но бóльшая концентрация употреблений приходится на территорию распространения севернорусских и среднерусских говоров⁴. Данный факт подтверждается и региональными словарями, например, в «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской, отражающем традиции разговорной речи такого особого диалектного и этнокультурного образования, как Костромской акающий остров, который, генетически тяготея к говорам центра, показывает достаточно яркие признаки севернорусского влияния, слово *летник* приводится со следующими значениями: ‘ягнёнок или телёнок, родившийся летом’ с географической пометой *Буйск.* <ий район>, ‘летняя дорога в лесу’ *Чухл.* <омской район>, ‘холодное, неотапливаемое помещение в доме, где спали летом’ *Чухл.* <омской район>, ‘лёгкая летняя верх-

³ НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 16.09.2020).

⁴ СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018. Вып. 17. С. 18–19.

няя одежда, пиджак' *Буйск.* <ий район> [13, с. 192]. Однако в кратком Костромском областном словаре находим у слова *летник* бо́льший семантический потенциал, здесь оно зафиксировано с восьмью значениями и распространено в ареалах, имеющих исконные севернорусские черты: 'южный ветер'; 'летнее неотапливаемое жилое помещение или кухня'; 'овечья шерсть летней или осенней стрижки'; 'телёнок, ягнёнок, жеребёнок по первому году'; 'летняя дорога для вывозки леса с места разработки'; 'летняя одежда, сарафан'; 'холодный погреб без использования льда'; 'окрошка' [14, с. 112]. Примечательно, что среди перечисленных значений есть и такие, которые не встречаются в других говорах, не отмечены в СРНГ, например, 'окрошка': «*Идите есть, я летник с квасом сделала*» *Павин.* <ский район> [14, с. 112]. В настоящее время лексема *летник* особенно активно употребляется в речи диалектоносителей, проживающих на территории распространения севернорусских и отчасти среднерусских говоров. В литературном же языке, кроме узкоспециального применения, происходит всё более заметное перемещение лексемы в сторону пассивного употребления, а также периферии национального языка.

Слово *луговина* в словаре древнерусского языка И.И. Срезневского не отмечено, хотя производящая лексема *луг* указывается там с несколькими значениями. В СРЯ XVIII слово *луговина* зафиксировано как однозначное с семантикой 'часть луга; лужайка', сопровождается специальным обозначением, свидетельствующим о том, что в описываемый словарём период слово только начало входить в речевой обиход, расценивалось носителями языка как новация: «*Лѣтом всть пасутся в общем стадѣ, сперва около лѣсов, а послѣ жатвы по жнивам и луговинам.* Рдшв Влад. 128»⁵. В словаре В.И. Даля находим более подробное описание значения данной лексемы: 'небольшой луг, луговая площадка; пролесок, прогалина', а также 'непашь, целина, новина, задернелая земля' [8, т. 2, с. 229]. Указанные значения приводятся в словаре без каких-либо ограничительных помет, что может говорить об общеупотребительном характере бытования слова

в середине XIX столетия, его повсеместном распространении. Это подтверждается и данными НКРЯ: пик частотности обращения к лексеме в письменных источниках приходится на 1830 год, достаточно часто это слово используется с 1854 по 1875 г., а далее в первой половине (1926 год) и середине XX века (1954–1955 годы). В МАС, однако, однозначное слово *луговина* отмечено с пометой *разг.* <оворное> и значением 'небольшой луг, луг среди других угодий (лесных, пастбищных)' [11, т. 2, с. 203], то есть, начиная с прошлого столетия, слово характеризует в большей степени сферу разговорного речевого узуса, а не письменной формы литературного языка. В народных говорах лексема *луговина* является полисемантом, обладает более разнообразными синтагматическими и деривационными (в СРНГ приводятся однокоренные лексемы *луговинка*, *луговинушка*, *луговица*, *луговище*) связями, чем в кодифицированном языке. В первом значении 'луг; часть луга', судя по географическим пометам в СРНГ, слово широко представлено в среднерусских, а также севернорусских говорах, в частности костромских, с оттенком значения 'заливной луг' – «*С утра до вечера плавает он (рыбак) по залитым луговинам*» – с пометами *Галич. Костром.* и ссылкой на «Труды костромского научного общества»⁶. Другие значения этого слова имеют более повсеместный характер бытования: 'низкое болотистое место; заболоченный луг' *Калин.*; 'земля, покрытая дёрном; целина' *Рыб. Ярослав.* и оттенком значения 'дёрн' *Нижегор.*; 'участок пашни, отведённый под траву; луг среди пашни' *Пек., Смол., Копаневич. Твер., Калин.*; 'поляна, лужайка в лесу' *Енис., Мезен. Арх.*; 'луговое сено, луговая трава' *Рыб. Ярослав., Ярослав., Киров.*⁷. В костромских говорах слово функционирует активно, в словаре Н.С. Ганцовой находим у него пять значений: 'поле, засеянное травой' *Чухл.* <омской район>; 'залежь, необработанная земля' *Чухл.* <омской район>; 'полоса луга перед полем с растущей на ней травой' *Буйск.* <ий район>, *Чухл.* <омской район>; 'заливной луг' *Буйск.* <ий район>; 'поляна в лесу' *Га-*

⁵ СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. СПб.: Наука, 1984–2019. Вып. 11. С. 237.

⁶ СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018. Вып. 17. С. 175.

⁷ Там же.

лич.<ский район> [13, с. 198]. Данное слово зафиксировано и в словаре А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже», где оно характеризует авторский идиостиль, встречается в приложении в комментирующей части словарной статьи к лексеме *замшареть*: «Замшереть – зарастить мхом (о луговине)» [15, с. 99]. Развитая система значений у слова *луговина* в костромских говорах, в большей степени относящихся к севернорусской диалектной стихии, говорит о длительности функционирования лексемы на данной территории и, возможно, о влиянии сложившихся местных особенностей её употребления на общерусскую традицию.

Таким образом, литературный язык, являющийся стандартизированной формой на-

ционального русского языка, представляет собой целостную, сформировавшуюся коммуникативную систему, которая, однако, в ситуации языкового дефицита до сих пор, как и несколько веков назад, в эпоху начала своего сложения, продолжает подпитываться выразительными средствами – словами, устойчивыми оборотами, синтаксическими конструкциями, – функционирующими на периферии национальной лингвистической системы в диалектах, просторечии, жаргонах. Особая роль в этом постоянном процессе языковой перегруппировки по сей день принадлежит территориальным говорам (в особенности севернорусским), наиболее архаичной и естественной форме национального языка.

Список литературы

1. Будилович А.С. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. 2: Зарождение общего языка на славянском Востоке. Варшава: Изд. иждивением С.-Петерб. слав. благотворит. о-ва, 1892. 375 с.
2. Виноградов В.В. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // История русского литературного языка. Избранные труды. М.: Наука, 1978. С. 206-215.
3. Сороколетов Ф.П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка // Сороколетов Ф.П. Избранные труды / сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетова; отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2011. С. 201-222.
4. Толстой Н.И. О соотношении центральных и маргинальных ареалов в современной Славии // Толстой Н.И. Избранные труды. Т. 3. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 10-30.
5. Толстая С.М. Говоры Русского Севера на общеславянском фоне // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6. С. 53-59.
6. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. 164 с.
7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893–1912.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
9. Островский А.Н. Воевода (Сон на Волге) // Островский А.Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / под общ. ред. Г.И. Владыкина, А.И. Ревякина, В.А. Филиппова. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959.
10. Частотный словарь языка А.Н. Островского / под ред. Н.С. Ганцовской // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 530-654.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
12. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
13. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Кн. клуб Книговек, 2015. 512 с.
14. Ганцовская Н.С. Костромские говоры: в 2 т. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. Т. 1. 195 с.
15. Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Кострома: Инфопресс, 2012. 118 с.

References

1. Budilovich A.S. *Obshchieslavjanskij yazyk v ryadu drugikh obshchikh yazykov drevney i novoy Evropy. T. 2: Zarozhdeniye obshchego yazyka na slavyanskom Vostoke* [Common Slavic Language among other

- Common Languages of Ancient and Modern Europe. Vol. 2: The Origin of a Common Language in the Slavic East]. Warsaw, Published by the Dependence of the St. Petersburg Slavic Charitable Society, 1892, 375 p. (In Russian).
2. Vinogradov V.V. O svyazyakh istorii russkogo literaturnogo yazyka s istoricheskoy dialektologiyey [On the links between the history of the Russian literary language and historical dialectology]. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Izbrannyye trudy* [History of the Russian Literary Language. Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 206-215. (In Russian).
  3. Sorokoletov F.P. Leksiko-semanticheskaya sistema i slovar' natsional'nogo yazyka [Lexico-semantic system and dictionary of the national language]. In: Sorokoletov F.P. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 201-222. (In Russian).
  4. Tolstoy N.I. O sootnoshenii tsentral'nykh i marginal'nykh arealov v sovremennoy Slavii [On the ratio of central and marginal areas in modern Slavia]. In: Tolstoy N.I. *Izbrannyye trudy. T. 3. Ocherki po slavyanskoy yazykoznaniiyu* [Selected Works. Vol. 3. Essays on Slavic Linguistics]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1999, pp. 10-30. (In Russian).
  5. Tolstaya S.M. Govory Russkogo Severa na obshch斯拉vianskom fone [Northern Russian dialects against the common Slavic background]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2018, no. 6, pp. 53-59. (In Russian).
  6. Sreznevskiy I.I. *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. St. Petersburg, Printing House of V.S. Balashev, 1887, 164 p. (In Russian).
  7. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka: v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language: in 3 vols.]. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1893–1912. (In Russian).
  8. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, OLMA-PRESS, 2003. (In Russian).
  9. Ostrovskiy A.N. Voyevoda (Son na Volge) [Voivode (Dream on the Volga)]. In: Ostrovskiy A.N. *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 4* [Collected Works: in 10 vols. Vol. 4]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1959. (In Russian).
  10. Gantsovskaya N.S. (ed.). *Chastotnyy slovar' yazyka A.N. Ostrovskogo* [Frequency dictionary of the language of A.N. Ostrovsky]. *A.N. Ostrovskiy. Entsiklopediya* [A.N. Ostrovsky. Encyclopaedia]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., Shuya, Shuya State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 530-654. (In Russian).
  11. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1985–1988. (In Russian).
  12. Kuznetsov S.A. (compiler and ed.-in-chief). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 1536 p. (In Russian).
  13. Gantsovskaya N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'ye Kostromy i Unzhi* [Dictionary of Dialects of the Kostroma Trans-Volga Region: the Interfluvium of Kostroma and Unzha]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., Moscow, Knigovek Book Club Publ., 2015, 512 p. (In Russian).
  14. Gantsovskaya N.S. *Kostromskiy govor: v 2 t.* [Kostroma dialects: in 2 vols.]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018, vol. 1, 195 p. (In Russian).
  15. Gromov A.V. *Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe* [Dictionary. Vocabulary of Flax Growing, Spinning and Weaving in Kostroma Dialects on the Unzha River]. Kostrom, Infopress Publ., 2012, 118 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дмитрук Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности. Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор данных, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 23.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 19.11.2020 г.
Принята к публикации 27.11.2020 г.

Information about the author

Lyudmila A. Dmitruk, Candidate of Philology, Associate Professor of Pedagogy and Individual Acmeology Department. Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation. E-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Contribution: main study conception, data acquisition, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-1293-1385

Received 23 October 2020
Reviewed 19 November 2020
Accepted for press 27 November 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-12-24
УДК 81:39

Мифологическая лексика в формулах устрашения детей (на материале говоров Тамбовской области)

Татьяна Владимировна МАХРАЧЁВА¹ ✉, Дина Николаевна ЛОСКУТОВА²,
Екатерина Юрьевна БЛИНОВА¹

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ mahrachova@mail.ru

²ТОГАПОУ «Многопрофильный колледж им. И.Т. Карасёва»
392525, Российская Федерация, Тамбовская обл., Тамбовский р-н, пос. Строитель, мкр. Центральный, 23

Аннотация. Проанализирован пласт мифологической лексики тамбовских говоров, функционирующей в структуре формул устрашения детей как текстов коммуникативного типа, относящихся к сфере традиционной духовной культуры. Выявлены особенности структуры таких текстов; состав персонажей-устрашителей; особенности их лексической выразительности, портретные характеристики (локативная принадлежность, наличие волосяного покрова, телесные патологии) и вредоносные функции. Мифологические персонажи, выступая в качестве устрашителей, лишаются большинства семантических признаков; редукция первоначальной семантики таких наименований может быть компенсирована идеофоническими особенностями номинаций этого класса персонажей; неопределённость облика персонажей для запугивания детей обуславливает включение в этот ряд предметов; распространённость народно-педагогического приёма устрашения связана с ролью, которую играют страх и испуг в культуре детства. Для носителей традиционной культуры устрашение можно признать значимым элементом народной педагогики, поскольку оно функционировало не только на вербальном, но и на акциональном уровнях.

Ключевые слова: демонологическая лексика; народная демонология; мифологический персонаж; персонажи-устрашители; традиционная народная культура; говоры Тамбовской области

Благодарности: Авторы выражают благодарность авторскому коллективу Информационно-поисковой системы «Традиционная народная культура южнорусской диалектной зоны» за возможность использовать полевые этнолингвистические материалы при работе над публикацией.

Для цитирования: Махрачёва Т.В., Лоскутова Д.Н., Блинова Е.Ю. Мифологическая лексика в формулах устрашения детей (на материале говоров Тамбовской области) // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 12-24. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-12-24

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Mythological vocabulary in the formulas for intimidating children (based on the Tambov region patois)

Tatyana V. MAKHRACHEVA¹ ✉, Dina N. LOSKUTOVA², Ekaterina Y. BLINOVA¹

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ mahrachova@mail.ru

²Multidisciplinary College named after I.T. Karasev
23 Tsentralnyy microdistr., Stroitel settlement 392525, Tambov district, Tambov Region, Russian Federation

Abstract. We analyze the layer of mythological vocabulary of Tambov patois that functions in the structure of formulas for intimidating children as communicative type texts, related to the sphere of traditional spiritual culture. We identify the structure features of such texts; composition of intimidating characters; features of their lexical expression, portrait characteristics (local affiliation, presence of hair, body pathologies) and harmful functions. Mythological characters, serving as intimidators, are deprived most of semantic features; the reduction of such names initial semantics can be compensated by the ideophonic features of these characters' nominations; the uncertainty of characters' appearance for intimidating children determines the inclusion in this set of subjects; the prevalence of folk pedagogical methods of intimidation is associated with the role played by fear and fright in the culture of childhood. For traditional culture bearers, intimidation can be recognized as a significant element of folk pedagogy, since it functioned not only on the verbal, but also on the actional levels.

Keywords: demonological vocabulary; folk demonology; mythological character; intimidating characters; traditional folk culture; Tambov region patois

Acknowledgements: The authors are grateful to the team of the Information Retrieval System "Traditional folk culture of the South Russian dialect zone" for the opportunity to use field ethnolinguistic materials when working on the publication.

For citation: Makhacheva T.V., Loskutova D.N., Blinova E.Y. Mifologicheskaya leksika v formulakh ustrasheniya detey (na materiale govorov Tambovskoy oblasti) [Mythological vocabulary in the formulas for intimidating children (based on the Tambov region patois)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 12-24. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-12-24 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Специфика мифологической лексики, отмечаемая многими исследователями и состоящая в ирреальности понятийной сферы, стоящей за ней, обуславливает обращение к текстам коммуникативного типа, имеющим устойчивый характер, структурные, грамматические и лексико-семантические закономерности, определённую функциональную направленность (апотропейную, прогностическую, оптативную, моделирующую и т. д.) и связанным с речевым поведением человека как в повседневной жизни, так и в условиях магико-ритуального поведения¹. Намечая

новые методологические подходы, позволяющие представить народную демонологию как сложную многосоставную и многофункциональную систему, Л.Н. Виноградова ставит важнейший вопрос о существенном расширении круга источников и привлечении различных формул (тексты запретов и предписания, мотивировки, обереги, приговоры и т. д.), содержащих сведения о мифологиче-

---

традиционной культуре, обозначен в работе Л.Н. Виноградовой [1, с. 261-268]. Кроме того, описанию отдельных аспектов этой проблемы посвящён раздел в монографии «Мифологический аспект славянской фольклорной традиции» (2016) [1, с. 261-359].

---

¹ Круг теоретических вопросов, посвящённых вербальным клише, их специфике и разновидностям в

ских персонажах (далее – МП) [2, с. 3]. Таким образом, интерес к так называемым «формулам устрашения детей», относящимся к клишированным текстам традиционной культуры, вызван значительным исследовательским потенциалом, позволяющим выявить круг представлений о МП, бытующих в региональной традиции, особенностью их языкового воплощения.

Персонажам-урашителям и формулам запугивания детей посвящена обширная литература: с привлечением детского фольклора и психологии детей на материале восточнославянской традиции эта тема рассматривается Г.И. Кабаковой [3]; специфика функционирования персонажей в структуре текстов запугивания, их лексическая выраженность и семантическое наполнение, особенности номин ации, место в структуре народной демонологии в полесской традиции проанализированы Е.Е. Левкиевской [4], территории Западного и Центрального Полесья – Ю.С. Буйских [5], общерусской традиции – О.А. Черепановой [6], в нижегородских (арзамасских) говорах – Е.Ю. Любовой [7], на территории Рязанской области – авторским коллективом «Щацкого этнодиалектного словаря» [8]; польская мифологическая лексика, обозначающая персонажей-урашителей, в структуре формул запугивания, представлена в обстоятельной работе О.В. Санниковой [9]; отдельным персоналиям посвящены работы Л.Р. Хафизовой (*бука*) [10], О.А. Черепановой (*бука, бабай, мазай*) [6; 11]; формулы пугания и детские страхи в контексте современных представлений о материнстве с привлечением этнографических данных анализирует О.Ю. Бойцова [12]; общетеоретические вопросы наименования МП этого разряда рассматриваются в работах А.Ф. Журавлёва [13] и Л. Раденковича [14]. Исследование персонажей-урашителей на материале говоров Тамбовской области выполняется впервые².

Устрашение – народно-педагогический приём воздействия на поведение детей. На-

пример, запугивание регулировало посещение локусов, которое можно условно разделить на опасные (река, колодец и т. д.) и нежелательные (например, огород, сад или поле, куда маленькие озорники отправлялись за овощами или для баловства и могли повредить посевы или сорвать недозревшие плоды, а то и посетить с хулиганскими намерениями чужие усадьбы): [Детей пугали, чтоб огурцы не рвали на огороде?] *Ды тах-то говорили, тах-то говорили. Тогда ведь лазили за морковкой и всё. Это сейчас вот всё до всяво, а тогда-то ведь у себе-то сорвуть: какой безо времени морковь сорвал? <...>* [Что следовало говорить, чтоб не пустить на огород?] *Детей-то? Да как ж его не пускали? Они сами ходили, сами уйдуть. У нас тут восемь человек, гляди за ними...* (с. Рысли, Моршанский р-н, РН, 2007); *Мы однажды, мои детки, маленькие были, ну, ведь дети есть дети, и мы маленькие были, не хуже, и, ну, тоже к соседке полезли. Но тогда-то, щас-то уж делают это безобразно, ну, там всё с корнем выдирають. А тогда-то, не хуже, потихонечки, чтоб плеть не это, не стоптать. А всё равно ж лазили. Бывало, зашумять, а ты побежишь и летишь, не хуже. А один раз зашумели, а я, с подружками бегали, а я взяла да и упала, встала да в конопи, не хуже их. Это ещё тоже маленькая была. Ну и чё ж а. Ой, а прид ешь, бывало, хорошо – матери не скажут. А мать с отцом, бывало, ругайтсуть: зачем лазить, свои есть. А ведь это детство* (с. Большая Дорога, Староюрьевский р-н, ЛД, РН, 2006).

Традиционный крестьянский быт не предполагал тотального контроля над детьми, поэтому они нередко оставались без присмотра и осваивали окружающее пространство самостоятельно, что могло привести не только к нарушению этических норм, но также к увечьям, пропаже или гибели детей в лесах, водоёмах или колодцах: ... *Детка, когда смотреть, дитёночек, было [за детьми]? Смотреть было, правильно, некогда. Мы все работали, родители работали, какие вот родили. А оставляли на бабушкав, а бабка дома ещё чё-нибудь ковыряется сделать, тоже не без дялов. А он как выйдить там, чумазый и чумазый, где, можить, в болоти, где как <...>* [Что следовало предпринимать,

² Все полевые материалы снабжены указанием на собирателя, осуществившего запись: МТ – Махрачёва Татьяна Владимировна; РН – Раковская Наталия Габтеллахатовна; ЧА – Чемерчёва Анна Андреевна; ЛД – Лоскутова Дина Николаевна; далее следует год записи материала.

чтоб дети на огород не ходили?] Да *это вот их пугали, они особенно, как они, сказать, у кого хотели либо вишню сорвать, либо хощее яблоко видить – хочеться сорвать вот. А не разрешали: не ходитя, это чужоя!* (с. Серповое, Моршанский р-н, МТ, РН, 2007); ...*Это страцать детей. Ну вот я и говорю-то, это детей страцали, чтоб не ходили, а то уходятся. Это щас вот речка непружёнья, а мало ухаживаются что ля?* (с. Рождественское, Рассказовский р-н, ЛД, РН, 2008).

Таким образом, формулы утращения были призваны маркировать опасные места, установить пространственные границы, которые нельзя пересекать, по крайней мере, без взрослых. Как отмечает Г.И. Кабакова, «родители пугают детей потому, что они сами одержимы страхом за детей» [3, с. 369].

Другая педагогическая функция запугивания связана с регуляцией поведенческой сферы детей: утращение выступает внешним фактором регламентации детских капризов, шалостей и т. д. (например, если требуется успокоить расшалившихся детей, заставить их слушаться и т. д.).

Структура формул утращения в говорах Тамбовской области типична и представляет собой клише, включающее запретительную часть, имя мифологического персонажа и «вредоносный» предикат, характеризующий действие МП по отношению к ребёнку (*утацит, поймает, утянет, укусит, схватит, будет бегать* за кем-то и т. д.), или указывающий на нахождение в локусе МП, который «поджидает» нарушителя (*сидит, стоит, ходит, живёт*)³ (см. подробнее: [4, с. 446; 9, с. 57]). Структура может варьироваться, например, иногда предикат опускается: *Ребятишков пугали: не ходите в огород, а то там русалка* (с. Кулевча, Инжавинский р-н, 2002) [15, с. 96]; формула может быть свернута говорящим до упоминания только имени персонажа: ...*и вот придёшь туда, он [сын] уже большенький был, уж года три, и чё-нибудь станить: вон куга! Вон куга! Вот и я своих пугала, даже внучат пугала – куга!* (с. Серповое, Моршанский р-н, РН, 2007).

³ Тексты, строящиеся по типу передачи ребёнка некому МП в случае нежелательного поведения («не делай что-либо, а то тебя отдам козе/дяде/ и т. д.»), следует отнести, вероятно, к формулам угрозы.

Реже первая часть заменяется глаголом в форме повелительного наклонения, как будто допускающим нарушение запрета, но нацеленным на достижение противоположного эффекта – остановить ребёнка: ...*Не знаю, какая-то сисянка. Это тада ещё мать, бывало, на нас: «Идитя-идитя, а то сисянка сидить, идитя!».* Вот, бывало, боисся (с. Мезинец, Староурьевский р-н, ЛД, РН, 2006).

Состав МП, служащих для запугивания детей, зафиксированный на территории Тамбовской области, в целом согласуется с восточнославянской традицией (см.: [4; 6; 7] и т. д.): 1) персонажи народной мифологии и сказочные персонажи (*русалка, леший, водяной, ведьма, дед-хозяин/хозяин, баба/бабка Яга*); 2) персонажи, присущие жанру утращения и запугивания детей и, как правило, не функционирующие за его пределами (*сисянка, малаша, макар, куга, букан, аuka, кукашка*); 3) образы животного мира (*волк, бирюк, обезьянка, коза, синичка*); 4) социальные и этнические «чужаки», чужие взрослые (*ведерщик, татар, люди с нетипичной внешностью*); 5) Бог.

Особенностью утращителей является субстанциональная размытость, неопределённость образов, стоящих за представителями этого «класса» мифологических персонажей. В исследовательской литературе они определяются как МП с усечённым [4, с. 448] или нулевым денотатом [14, с. 66-67; 16, с. 108], вербальные МП, поскольку представления об этих существах сконцентрированы преимущественно в их номинациях [3, с. 357]. По мнению Л.Р. Хафизовой, идея неопределённости может быть заложена в саму номинацию таких МП, например, для *буки* предложена этимологическая версия, связывающая «недоделанность» мифологического образа и восприятие маленького ребёнка как недооформленного существа с точки зрения его принадлежности к миру человеческого в традиционной культуре [10, с. 209]. Если для специфических персонажей детских запугиваний неясность облика можно назвать «онтологической» характеристикой⁴, то другие

⁴ Как отмечает О.В. Санникова, специфические персонажи детских запугиваний могут быть одними из наиболее архаичных в народной демонологии и воплощать «непостижимые, хаотические начала» [9, с. 58].

«герои» этих формул, попадая в контекст устрашения детей, теряют большинство своих признаков⁵. Это может быть обусловлено прагматикой таких текстов – их назидательной направленностью, в соответствии с которой главным является дидактический «стержень» формулы устрашения, а не сам мифологический персонаж или его ипостась (см., например: [9, с. 45]). Не случайно в некоторых текстах не упоминается даже имя МП, а констатируется его присутствие в нежелательном или опасном месте: *У отца тут не далеко, на огороде, конопля росла. Раньше коноплю выращивали, масло делали. И вот мне всегда казалось, что там кто-то сидит* (с. Кёрша, Рассказовский р-н, ЛД, 2019); [Чтобы дети не ходили на огород, их стращали?] *Ну стращали, скажут – там тебе поймать хто-нибудь. [Кто может поймать?] Да хто? Как, как, как уж сказать, не ходи, а то поймают тебе там. Туда раньше не пускали* (с. Волхонщина, Пичаевский р-н, РН, 2008).

Так, информанты зачастую затрудняются описать русалку – одного из самых частотных персонажей-урашителей в тамбовской традиции, лешего, бабу Ягу, которую информанты никак не соотносят с жанром сказки, бирюка и козу. Два последних персонажа лишаются своих зооморфных черт и переходят в разряд «нулеморфных»: [Лешим стращали?] *Да, леший, это леший поймать, а хто яво, хто такой? Хто яво видал, лешего-то этого?* [Кто такой леший?] *А хто его? Никто его, скажут: хтой-то поймать, а хто поймать? Никто никого не лавить* (с. Волхонщина, Пичаевский р-н, РН, 2008); [Как детей пугали, чтобы они не бегали в огород?] *Ну как жа, да там и леший какой-та, и там всякий, по-всякому, и ведьмы – там ведьма вон сидит, она тебе поймать, как жа! Эта всё стращали, эт и я своих стращала. Они побольше стануть, и сады уж тут, колхозный сад, они уйдуть, боисси там, чё-то они: не... не ходитя, там [неразб.], всякии там, нагвариишь йим: вот, не*

⁵ См., например, вывод Е.Е. Левкиевской, сделанный в отношении полесской традиции [4, с. 448]. По мнению О.А. Черепановой, «забвение мотивировки, непонятность названия является фактором, способствующим закреплению слова и образа, причём, вероятно, сначала слова, затем образа» [16, с. 116].

ходитья, там и Баба Яга, и всё там. Наплетьшь им, они тогда тах-то не ходють. [Кто такой леший?] Леший – это как-то, вроде, говорят, в реке хтой-то, в ряке он, тах-та вроде, леший. [Леший?] Да. В речки, да. Это, вроде леший-то в речке, да тоже тах-то стращали: не ходи купаться, там леший поймать. А хто такой, я щас не скажу, это разговор такой [Не говорили, какой он?] Да не знаю, так-то леший – всё, ничаво (с. Рудовка, Пичаевский р-н, РН, 2008); [Вы рассказывали о том, как пугали детей козой.] А-а... [Расскажите об этом подробнее.] Коза? Не такая коза вон, какая ходит по полю, щипит травку и окотится и добится – это коза настоящая. А это коза пугало, пугало, пугала она детей, вот не слушается: «А я, я тебе, козе отдам тебе!». Коза, ну хто это, эту козу никто не видал, никто не знает, какая она, эта коза, в... Просто так это, это старики тадашнии, старухи так называли, коза. [Говорили детям, чтобы те не ходили на огород: не ходи туда, а то тебя кто-то утащит?] Ну тоже вот это самая коза, да (с. Пахотный Угол, Бондарский р-н, ЛД, РН, 2007); ...а потом их [детей] пугали: вот пойдётя, там сидит бирю'к! А какой это бирюк, хто яво знает. Он вас стащит! Я буду искать, где вас искать? Он упрёт, тады сюда домой и не притащит! Вот они всё-таки нямножко, дети, боялись. Тада это вот дети этого боялись, а щас вот каво настращашь? <...> [Куда утащит бирюк?] Да куда там утащит. Там никуды он не утащит, вот что напугать надо рябёнка, чтоб он не ходил, всё (с. Серповое, Моршанский р-н, МТ, РН., 2007).

В структуру образа русалки в формулах запугивания входит прежде всего локативная характеристика – излюбленное место обитания русалок в конопляном поле и реке: *...Мы вот, конопля, бывало, росли, и боялися бежать быстро, а то, мол, русалка выскочит из конопле. В коноплях, бывало, какие-то русалки. [Опишите русалок.] А не знаю, русалки да русалки. Мы не видали, я, например, не видала никаких русалок (с. Стёжки, Сосновский р-н, 2003) [15, с. 96]; [Правда ли, что в конопле живут русалки?] Ну тады всё стращали нас, маленькие. Вот скажут: «Не ходитя в семя [конопляное], не ходитя!» А у нас ведь тада за речкой была, речка,*

скажет: «Дочка, не ходи, поймают там вас эти...», – какие ты говоришь – русалки, – и утацать в речку». Да, пугали, чтоб... [А правда ли, что они есть?] Русалки-то? Они, можить, и есть. [А не рассказывали, какие они?] Нет, никогда не слыхала (с. Дмитриевщина, Рассказовский р-н, ЧА, 2003); ...Русалка в конопях сидит, русалка, чтоб не ходили туда, пугали нас, пугали: не ходитя, там вон такая, такая сидит там. Не могу сказать (с. Хитрово, Рассказовский р-н, ЛД, НР, 2008); [Не говорили, что там в конопле русалка?] А в конопя 'х русалка, как её, русалка, да, конопя-то сеяли. Прямо, бывало, скажут: а то в конопях поймайть тебя русалка. А какая она, русалка? Кто её видал? (с. Волхонщина, Пичаевский р-н, РН, 2008); ...чѐй-то я так слышала, чѐй-то говорить: если будешь купаться, говорить, то русалка в речке, говорили нам, уже нельзя купаться (с. Кёрша, Рассказовский р-н, ЛД, 2003); Я не помню, это пугают русалкой-то. [Как можно напугать русалкой?] Ну как? В речке купаться – холодная, не ходитя, там русалка, вот и всё. [Так пугали в любой день или в какой-то определённый?] Когда купаться идѐшь холодно, вот, и они, и родители пугают: не ходитя, там, уж русалка там! [Как выглядит русалка?] Да я сама не знаю, говорить, русалка, а я ня знаю (с. Кёрша, Рассказовский р-н, ЛД, 2003). Пребывание русалки в огороде также может быть связано с тем что, по сообщениям жителей области, коноплю как культурное растение возделывали на собственных приусадебных участках⁶.

Следует отметить, что в конопляном поле прячутся прежде всего женские персонажи – сисянка, баба Яга, малашка, а также синичка: [Правда ли, что детей раньше пугали, что во ржи живѐт?...] Пугали, там сися 'нка, скажут. Да. Это конопя раньше сеяли, семечки-то <...>. И вот, бывало, скажут: бяжи, бяжи на огород за огурцами, или не знаю, зачем, сисянка там поймайть. Пугали детей-то: сисянка поймайть, там она сидит, в конопях в этих. [А кто такая эта сисянка?] Да никого там, просто пугали так детей. Пугали их. [А какая эта сисянка?] Да какая-то она, никакой там нету. Эта сисянка, никого там нету. Так пугали детей, чтоб

не бегали, не топтали (с. Мезинец, Старо-юрьевский р-н, РН, ЧА, 2006). [Пугали детей, чтоб они в огород не ходили?] Ну пугали, конечно, пугали <...> [Например, в конопле сидит?] Да, хтой-то сидит там в конопях, Баба Яга. Да, Баба Яга там. [Какая она?] Ну говорили, Баба Яга, а какая, я почѐм знаю? Я не знаю, мои хорошие: там Баба Яга сидит, не хулиганѐтя, по горбдам не ходитя, по садам по чужим не лазайть! (с. Рождественское, Рассказовский р-н, ЛД, РН, 2008); ...Русалка – это купаться тады, и раньше всё её пугали, русалка. И зараньше у нас семя была, конопя назывались, семя сеяли. А семя это, конопя, брали и их тады мяли, толкли и вот ткали, в старину ткали. Это холсты делали и ткали. И у нас на речке, вот тут, была семя. И бывало вот ведь бегаить, это вот щас во всех, а тады на горбди либо морквѧ какая у кого, либо чаво, огурец – забираютя ребятишки-то, скажут: там сидит либо малѧша, либо, как ты сказала-то? Русалка. Малаша, ещѐ малаша в семи [семени] сидит, говорить – пугали. Говорять: там малаша, и русалка, и она, говорить, вас утацѧть! Вот и пугали нас, этих, маленьких, чтоб не ходили на... на горбд на чужой. Ведь тады ж народ, он ведь почти же голодный был, и вот ребятишки, бывало, за морквѧй забираться к кому-нибудь, а вот мать-то, бывало, чтоб ты не пошла на речку: там в конопях малаша и русалка сидит. Вот ты пойдѐшь, она тебе поймайть и утацѧть! [Малаша и русалка – это одно и то же?] Нет, русалка это сама собой, а это малаша ещѐ какая-то была. Малаша, там, говорить, малаша сидит. [Как выглядит Малаша?] Да хто их видал-то? Да, можить, и не видал-то, хто их видал-то? Так просто пугаить, пословица, можить, была, можить их сроду и не было. А можить хто нарядился, сидела какая, испугать чтобы. Но это малаша. А эта малаша, её прямо с детства: смотри на речку не ходи, пойдѐшь на речку, а там речка, – бывал, скажут, – либо ухѧдисси, либо чаво. Скажут: не ходи на речку, в конопях малаша сидит. Она тебе поймайть и всё! И вот боялись и не ходили (с. Кёрша, Рассказовский р-н, ЛД, 2003); [Правда ли, что в конопле русалки живут?] Это не знаю. А семя [конопляное] сеяли, а нас пугали, ну старые, чтоб мы семя не это,

⁶ О коноплеводстве, прядении и ткачестве на территории Тамбовской области подробнее см.: [17].

семя, чтоб мы не ходили туда и не топтали: и там вот кто, синичка живёт, она вас потулит [прогонит?] отсюда! И мы не ходили. Синичка. Птичка такая-то, птичка такая-то. [А что значит «потулит»?] Она нас тогда отсюда потулит (с. Дмитриевщина, Рассказовский р-н, ЧА, 2003). Другие персонажи-урашители не обладают выраженной локативной закреплённостью и в отношении топоса являются взаимозаменяемыми (см. об этом также, например, в Полесье [4, с. 448]).

Помимо сведений о местах обитания, в текстах запугиваний содержится указание на некоторые портретные характеристики урашителей, среди которых выделяются лохматость (и всё, что связано с шерстью или обильным волосяным покровом) и телесные патологии (например, хромота) – признаки, соотносимые с инаким, хтоническим и инфернальным: ...кукашка, кукашка, стращают вот. [Кукашка?] Да. [Что такое кукашка?] Да вся такая размохнатная (с. Рудовка, Пичаевский р-н, НР, 2008).

Последнее – важная деталь, способствующая мифологизации облика «чужого взрослого», который попадал в разряд урашителей в том числе и из-за особенностей внешнего вида, и, кроме того, в обыденной жизни, вне контекста устрашения, мог стать причиной испуга у ребёнка – заболевания, характеризующегося сильным нервным потрясением. Примеры подобного см. также⁷: ...это тада пугали, не то что вот какимито этими, волиёбниками, а даже у нас в сяле был один мужик, он хромал, и мы яво боялись. Это, бывалча, идёт если он, а мы чаво-нибудь балуимси с братом, с сястрой, мама скажить: вон Фёдор Яковлевич идёт, щас он вас возмёт! Мы врассыпную да под кровать хоронились. Ну, это просто вот тоже, как сказать, ну как с детства оно выходит так, а некоторые боятся, а некоторые и не боятся. Мы, значить, он хромой – его надо бояться. Вот это вот так <...> Ну то что он, наверно, поймаить что ли нас, куда-то отнесёт. Вот чаво (с. Покрово-Чичерино, Петровский р-н, ЛД, РН, 2007). Показателен также следующий рассказ, в

котором страх ребёнка персонифицируется и превращается в фигуру мужчины без ноги, слезающего с печи: ...Вот в детстве, знаете, мы, когда жили не здесь, а туда дальше, а потом, значь, переселились, это была отцовская поместья, и мы сюда переселились. Мне было четыре года, а этому, брат в маленькой зыбке. Ну и мама пошла за водой на речку, а я осталась одна, выходить дело. Она гварть: ты покачай Колькю, а то он кричать будить. Ну я взяла подцепку [цепь или верёвка, на которую крепили люльку] эту и тах-то села на табуретку там, табуреточка была маленькая. Я села и сидела качала. И вот я смотрю на печь, сейчас их и печей-то мало, а тогда-то у нас была печь. Смотрю на печь, вот мне кажется, значь, с этой печи слязайть мужчина, на одной ноге, одной ноги у него нету, а одна нога у него есть. И вот такой весь чёрный, страшнай. Вот. Ну это потому что я боялась на новом мести, и вот мне... и я глядела, глядела, значь, он на одну ступеньку слез, на другую ступеньку слез, щас на третью ступеньку слезить, выходить дело, тогда на пол слезить <...> [Что это было?] Просто это я боялась, и мне вообразилась такая ерунда. Это, это просто моя боязнь, моя боязнь было. Чатыри года, чаво ж ты хочишь (с. Пеньки, Моршанский р-н, МТ, РН, 2007).

Появление такой детали облика персонажа, как обильный волосяной покров, также может иметь поддержку во внешней среде, поскольку страх перед неосвоенным пространством взрослые культивировали и поддерживали не только с помощью вербальных формул, но действий. Детей пугали намеренно, нередко облачаясь в шубы или ветошь и отправляясь в запретное место: [Информатор-1]: ...вот она, [имя дочери], была маленькая, и они вот, и у соседа мальчик был, и вот они, ну этого был малай, ты играла с ним [обращается к дочери], вспомни, да. Ну они собрались за гурацами, а бабка, соседка, рядом: «Ольк, попугай их!» [Информатор-2]: Да, они нас пугали, шубу какую-то надевали. [Информатор-1]: Шубу, одень, говорить, шубу, да за ними! Они... И вот одела я, накрылась шубой, и за ними. Больше не стали... (с. Покрово-Чичерино, Петровский р-н, ЛД, РН, 2007); [Как пугали детей, чтобы они не ходили в огород?] Пугали, да. [Как пугали?]

⁷ Лоскутова Д.Н. Испуг в традиционных представлениях крестьян Тамбовской области (статья в печати).

Да как жэ, нарядится какой-нить мушшына иль женщина в чё-нибудь и пугают. [Что говорили, чтоб дети не ходили?] Там их называли пужалки, да (с. Хитрово, Рассказовский р-н, ЛД, РН, 2008). Для этих же целей в конопляном поле, огороде устанавливали пугало (в ряде районов области (Бондарский р-н, Моршанский р-н, Староюрьевский р-н) также именуемое *русалкой*), которое не только отпугивало птиц, но и детей. Иногда взрослые намеренно «закрепляли» за именем сконструированный образ: [Не говорили, что в конопле кто-то живёт?] Ну, это тады говорили, на... да, вроде, говорили, бабка Яга: ой, там бабка Яга, не ходитя! А то она вас перелáвя [переловит], и там чё-то. Да, баба Яга. И вот нас пугали так бабой Ягой-то этой. А щас вот их ничем не испугаешь. Да, бабу Ягу-то, бывало, коноплю-то тоже посáдють, так вот палки наденуть, там и телогрейку, да на голову наделають, вот и стоит. Бывало, маленькие... Это щас вот ничё не боятся, а тада. [Как называли это сооружение?] Баба Яга, это самая баба Яга. Да, баба Яга. Метлу ей воткнул вот суда. Вот так, так палку высокую поставють [вертикально], а вот так ещё прибьють. [Как перекладина?] Да. Оденуть, например, рубаху, у ней, вроде как, рукава мотáютсуть, а тут ещё шляпа иль чё, а сюда метлу – вот баба Яга, баба Яга (с. Заворонежское, Староюрьевский р-н, НР, 2006). Неясность облика устрашителя, неизвестность, стоящая за именами детских страшилищ, позволяли использовать в этом качестве предметы, также характеризующиеся мохнатостью, наличием шерсти. Так, Л.Р. Хафизова при анализе буки как персонажа детского фольклора, в том числе и формул запугивания, приводит обширный материал о связи этого МП с шерстью, волосами, мохнатостью, а также с предметами, обладающими перечисленными характеристиками [10, с. 202]. Примеры наделения «шерстяного» предмета – вывернутого наружу овечьего козуха – свойствами устрашающего персонажа приводит также Ю.С. Буйских [5, с. 37]. Подобные атрибуты могли стать причиной испуга у ребёнка и за рамками ситуации педагогического устрашения, особенно если такой предмет соотносили с загадочным названием, вполне созвучным с именами представи-

телей этого класса МП. В следующем тексте информант рассказывает о том, как девочка испугалась отстриженную косу, лежащую на печи, которую сверстники называли *кукán*: ...Да, испуг, бываить испуг, это я про испуг расскажу. У мене Вале было, да годика три, прям маленькая, годика три, и к одним она бегала <...>. А там девочка была, ну она, конечно, ей годов десять было <...>. Щас она на печкю их пасóдить, и играют. Вот в одну время приходит <...>, легла на кровать и закрылась. Я враз её это, одела. Она, как она закричить: «Ой, ой, ой, вот она! Вот она! – Ага. – Вот она! – Мг. – Вот она, мама, вот она!» <...>. Разожгли огонь, лампы были, лампу зажгли, она прям как глянить, как закричить, на стенку обернётся и как закричить. Вот, это испуг. <...>. А я говорю: «Это что такой? Ты чаво? Кто тебе напугал-та?» – «Люба мене показала куканá!». Кукán – это какой-то страшный вещь такой, кукán. <...> [Спрашивает]: «Люб, ты чем напугала Вальку?». Она и говорит: «Я ничем. У нас коса ляжить». Ну отрязали, вот тада косы-то у женицинав были, вот такие во, по поясу и широкие. И вот тётъ Катя это отрезала, косу-то, на кой, она, говорить, мне нужна? Ну они её так заделали и положили, печка, а тут эта труба, колпак называлси, на колпак положили. Она достала, она и говорит: «А это чаво?» <...>. Говорить: «Кукán!» (с. Никольское, Знаменский р-н, ЛД, 2005). Иллюстрацией того, какую роль в формировании образов устрашения играла их гносеологическая неопределённость, является следующий текст, в котором раскрывается сущность процесса номинации страшного предмета тем именем, которым пугали. Главным «героем» этого текста является всё тот же мохнатый предмет – шкура козлёнка, позволяющий проследить, как «волосатые» образы порождают целый номинативный ряд персонажей детских запугиваний: [Как пугали детей, чтобы они за огурцами не бегали в огород?] ...Вот у нас было, видишь вот, щас пусто, а это было много народа, и ребятишкав много было <...>. У нас изба была маленькая, и мне понадобилась мочáла, полы помыть. А они, у нас было песок свалёнай, и они, эти ребятишки все, там помéне, побóле, все в этом, в этим песке-то и играют, вот шумять,

колготя'ться. А там на этом, на потолке-то ещё висела у нас козья шкура, резали козлёнка, и шкуру там повесили. Вот они и бегутся, и чёй-то заспорили. А я взяла кра... краешек этой шкуры под низ, это он шас железом, а он был крыт соломой, вот под низ-то высунула, и вот так ей, этой шкурой, двигаю. Они все как воробьи смотрюль – чёй это такое? Вот, ну и значь, начинают при-думывать. Один говорит: «Это Макар!».

Ну это его, его, значь, пугали каким-то Макаром. Он говорит, другой, и говорит: «Нету, это веде... ведёрчик, веде...» – Нет! Это татар!» – это третий говорит». – «Нету, это ведерчик!» [Ведерчик?] Он, ага, ведерчик у нас ходил по селу тут. Ну ве́дра вставлял худья, а такой задурáчный мужик был, ага, и, бывал, шумить, орёт: «Чугуны, ве́дра починять!». Они, ребяташки, его боялись многия. И вот он говорит: «Это ведерчик!». Ну я там расхохоталась, ну у каждого своя страсть, кого кем пугали, тот то и говорит. Ну это ребяташки все разбёглись и перпужались (с. Пеньки, Моршанский р-н, МТ, НР, 2007).

Рядом исследователей высказывались предположения об ономатопейном характере номинаций персонажей-устрашителей. Так, Л.Р. Хафизова подробно анализирует этимологию слова бука с позиций звукоподражательной мотивации, при этом рассматривая как вариант принадлежности слова детской речи, так и атрибуцию сфере нечеловеческих – иномирных – звуков [10, с. 208]. О.А. Черепанова высказывает мысль о происхождении некоторых названий устрашителей из детской речи [6, с. 24], а Г.И. Кабакова связывает ономатопею в сфере номинации детских страшилищ в том числе и с гулением младенца [3, с. 357]. На звукоподражательный характер отдельных имён данной группы МП указывает Е.Е. Левкиевская [4, с. 471]. Широкий фонетический контекст «бесовской речи» позволил А.Ф. Журавлёву выявить звуко-символические особенности в сфере наименования нечистой силы, в том числе и персонажей запугивания, при этом критически подойти к звукоподражательному происхождению отдельных номинаций [13, с. 355-357]. Следует отметить, что дополнительным аргументом в пользу значимости звукового оформления имени устрашителя является

способность громкого и неожиданного звука стать причиной детского испуга⁸ (см. в отношении тамбовской традиции⁹).

Анализ лексем, обозначающих специфических МП устрашения в говорах Тамбовской области, показал, что эта группа номинаций также не лишена звукоизобразительных интенций (аука, сисянка, кукашка, а также кукан), см., например, активное использование заднеязычных согласных, в том числе в пределах одного слова (куга¹⁰). В то же время, если учитывать принадлежность слов кукашка и кукан к корню *kuka¹¹, то здесь речь может идти о первоначальной семантике изгиба и искривления¹², характерной для лексики, обозначающей инфернальных существ, а также пагубные и болезненные состояния. Вероятно, эти слова, так же как и бука, для которого исследователями предлагается «незвуковая» этимология [10, с. 209], [6, с. 25], попадая в формулы устрашения, функционируют по заданному «сценарию» – тенденции, при которой происходит редукция большинства семантических признаков, а звуковое оформление выдвигается на первый план.

По той же причине звуко-символизм можно также частично усмотреть в словах бирюк и букан за счёт сочетания начального б (взрывного) с заднеязычным к. Не последнюю роль в формировании функции устрашения у бабы Яги, практически лишённой своего сказочного ореола в формулах запугивания¹³, играют идеофонические особенности имени, но это высказывание может звучать лишь как предположение.

⁸ О взаимосвязи формул устрашения с народно-медицинскими представлениями славян об испуге см. подробнее [3].

⁹ Лоскутова Д.Н. Испуг в традиционных представлениях крестьян Тамбовской области (статья в печати).

¹⁰ Авторами «Этимологического словаря славянских языков» предполагается ономатопоэтическое происхождение kuga – название чумы и эпидемии от горестного восклицания [18, с. 85].

¹¹ См., например, слова кука в значении 'некто страшное, обитающее в темноте, чем пугают детей', кукан в значении 'мифическое существо, обитающее в лужах, болотах', родственные * kuka [18, с. 87-88].

¹² Показательно, что куканом дети называли женскую косу – предмет, для которого прослеживается не только связь с волосами, но и изгибом при плетении.

¹³ См. также о бабе Яге как персонаже-устрашителе в полесской традиции [4, с. 447].

Остановимся подробнее на образе *сисянки*, зафиксированной локально в с. Мезинец Староюрьевского района, граничащего с Рязанской областью (обработано 11 текстов у разных информантов). Из описаний сисянки известны следующие признаки и функции: 1) женская ипостась; 2) локус сосредоточения – река и конопляное поле: ...*Ну, только пугали, ничего так. Ну, то, как вы говорите, так и нам говорили: пойдите вон туда, до конопей дойдёте, там сисянка сидит, она вам там, даст вам тама! Ничё там не было, никакой ни сисянки, ничё* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, РН, 2006); 3) внешние признаки – страшная, лохматая: ...*Сисянки. Вот это, можа, правда иль няправда, а, говорить, вот к речке тада, можа быть, пугали маленьких: сисянка, говорить, они лохматаи, страшнаи, говорить. И, можа, и правда, может быть, и правда маленьких, гврить, уха... уводили. Да. Она ма́ня, ма́ня [манит] его да и, можа, чем-нибудь привлячётся яво. «Не ходи на речку, там сисянки!»* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, ЛД, РН, 2006); 4) вредоносные функции – заманивать; утаскивать; преследовать: [Пугали ли детей, чтобы они на огород не ходили?] *Ну, энто маленьких, энто и нас пугали, конечно. Тада этот, как его, сеяли <...> коноплю-то. Ну вот, посеюте и говорить, что сисянка какая-то выскоча и будя за вами бегать <...>. У нас и сямья-то была восемь-десять человек ведь. Конечно, какие ж там огурцы, если раза два пройдёшь по ним. И чаво жа там останется? <...>. [Как пугали сисянкой?] *Ну, она, можа, и утаца. Но это я не верю, это сказка какая-нибудь. Ну, как вот рассказывали, что: она вас утащить. Да и всё. И мы боялись ды не ходили* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, РН, 2006).*

Выскажем предположение, что перечисленные параметры могут указывать на близость образов сисянки и русалки или их идентичность. Показательно, что на территории соседней, Рязанской, области наблюдается номинативное разнообразие при обозначении русалки (например, щекоталки, вопилки, покликуши, макачки и т. д.) [19, с. 533]. Так, в нескольких текстах, зафиксированных в Староюрьевском районе, лексема сисянка упоминается наряду с другими обозначениями подобных «существ» – *шутанка* и

водянка: ...*Какие-то были тогда водянки, какие-то, подожди, подожди, сисянки какие-то были* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, ЛД, РН, 2006); [Принято ли было в старину пугать детей тем, что их кто-то может утащить?] *Да, страшиáli, страшиáli. Там какая-то сисянка, там какая-то сисянка да шутанка, да так же, так же говорили, да...* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, РН, 2006). Вероятно, лексема *сисянка* – это обозначение русалки, характерное для детской речи. Можно предположить, что в процессе словотворчества это наименование было специально создано именно для сферы детских запугиваний. В соответствии с закономерностями детской речи может употребляться, например, номинация *аука*: ...*Аука-то? Да чё как и маленьких стращаишь – вон, аука идёт, аука, да какая-нибудь страшная такая-то вот* (с. Рудовка, Пичаевский р-н, РН, 2008). Характерно, что в случае, когда в качестве утрашителя для ребёнка выступает Бог, то употребляется форма *Боженька*, близкая детскому восприятию: ...*а тогда Богу веровали вот с такого возраста, лет пять, а тебе уже родители учуть: садись и помолись Богу, кушать садисси, а то Боженька тебе ушко отрежить. Видишь, как говорили, учили: Боженька ушко отрежить, надо Боженьке молиться. Учили с детства, чтоб перекститься и сесть поесть* (с. Серповое, Моршанский р-н, МТ, РН, 2007).

Можно также предложить версию, согласно которой лексема *сисянка* функционирует в русле номинативной стратегии именования по характерной детали внешнего вида. Сведения о наличии гипертрофированной груди у русалки зафиксированы в соседней, Рязанской, области: «“Русалкой” пугали. <...> “Ляжышь?” – “Нет”. – “Пачяму?” – “Ни хачю” – “Ни хочишь, щас я пазаву!” – “Каво?” – “Русалку!” А он у миня-т спрашваить: “Какая она, русалка?” Я: “Страшная! Очнь срашныя! Касматыя, лахматыя, нос бальшой, грудь здаравуция”...» [8, с. 95]. Слово *сисья* в значении ‘женская грудь’ зафиксировано в «Словаре русских народных говоров», в том числе, с пометой тамб. [20, с. 351], и ассоциируется с грудными детьми. Кроме того, в народной среде номинация персонажа подвергается ремотивации: сущность образа пы-

таются истолковать сами носители традиции, предлагая мотивировку, связанную с грудью сисянки: [Принято ли было пугать детей, чтобы они не ходили в огород?] [Информатор-1]: *А, это сисянка. Из конопёй тада: не ходи, там сисянка! А какая сисянка, не знаю, что это за сисянка. Сиськи что ль у ней висели, или чё, сисянка, наверное.* [Информатор-2]: *Ты так говоришь, скажи «грудь», а то они ведь записывают.* [Информатор-1]: *Ну что же, это всё правильно: сисянка – её и звали сисянка* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, РН, 2006).

Таким образом, состав и структура формул запугивания, зафиксированных на территории Тамбовской области, вписывается в общерусский контекст; мифологические персонажи, выступая в качестве устрашителей,

лишаются большинства семантических признаков; редукция первоначальной семантики таких наименований, возможно, компенсируется звукоизобразительными интенциями, наблюдаемыми в сфере лексики этой группы персонажей; неопределённость облика персонажей для запугивания детей обуславливает включение в этот ряд предметов; распространённость народно-педагогического приёма устрашения связана с ролью, которую играют страх и испуг в культуре детства; для носителей традиционной культуры устрашение можно признать значимым элементом народной педагогики, поскольку оно функционировало не только на вербальном, но и на акциональном уровнях (намеренное пугание детей в нежелательных для посещения местах).

Список литературы

1. *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. 384 с.
2. *Виноградова Л.Н.* Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения: дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. М., 2001. 92 с.
3. *Кабакова Г.И.* Придёт серенький волчок: о формулах устрашения детей // Семиотика страха: сб. ст. М.: Русский институт; Европа, 2005. С. 356-372.
4. *Левкиевская Е.Е.* Персонажи-устрашители // Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. С. 446-513.
5. *Буйских Ю.С.* Персонажи детских запугиваний в современных представлениях украинцев Полесья // Живая старина. 2014. № 1 (81). С. 36-38.
6. *Черепанова О.А.* Кем «полохали» детей на Руси // Живая старина. 1994. № 1. С. 23-25.
7. *Любова Е.Ю.* Мифологические персонажи-устрашители в нижегородских говорах // Карповские чтения: сб. ст. Вып. 8 / отв. ред. Ю.А. Курдин. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. С. 214-218.
8. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь / авт.-сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Н.Н. Гилярова, Л.Н. Чижикова. Рязань, 2001. 488 с.
9. *Санникова О.В.* Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1994. С. 44-83.
10. *Хафизова Л.Р.* Бука как персонаж детского фольклора // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2000. С. 198-211.
11. *Черепанова О.А.* Челнок деда Мазая в пучине культурной памяти // Севернорусские говоры. Вып. 10: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 59-64.
12. *Бойцова О.Ю.* От традиции к «научному материнству» и обратно: случай Бабая, злого дяди и милиционера // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, Н.А. Мицюк. Смоленск: Изд-во СмолГУ; Москва: ИЭА РАН, 2016. Т. 1. С. 97-100.
13. *Журавлёв А.Ф.* Фонетика бесовской речи // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2013. С. 344-362.
14. *Раденкович Л.* Личные имена мифологических существ // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2013. С. 59-72.
15. *Махрачёва Т.В.* Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект). Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008. 230 с.
16. *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983. 434 с.
17. *Буцких С.А.* Коноплеводство, прядение и ткачество: прошлое и настоящее (исторический, этнографический и лингвистический аспекты) // Экология языка и речи: материалы 8 Междунар. науч. конф.

- / науч. ред. А.Л. Шарандин; отв. за вып. Т.В. Махрачёва. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 155-165.
18. Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Вып. 13 / отв. ред. О.Н. Трубачёв. М.: Наука, 1987. 285 с.
19. Русские Рязанского края / отв. ред. С.А. Иникова. Т. 2. М.: Индрик, 2009. 748 с.
20. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина. Вып. 37. СПб.: Наука, 2003. 415 с.

References

1. Vinogradova L.N. *Mifologicheskiy aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii* [Mythological Aspect of Slavic Folklore Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 2016, 384 p. (In Russian).
2. Vinogradova L.N. *Slavyanskaya narodnaya demonologiya: problemy sravnitel'nogo izucheniya: dis. v vide nauch. doklada ... d-ra filol. nauk* [Slavic Folk Demonology: The Problem of a Comparative Study. Dr. philol. sci. diss. as a scientific report]. Moscow, 2001, 92 p. (In Russian).
3. Kabakova G.I. Pridet seren'kiy volchok: o formulakh ustrasheniya detey [A grey wolf will come at night: on the formulas for intimidating children]. *Semiotika strakha* [Semiotics of Fear]. Moscow, Russkiy Institut Publ.; Evropa Publ., 2005, pp. 356-372. (In Russian).
4. Levkiyevskaya E.E. Personazhi-ustrashiteli [Characters-intimidators]. *Narodnaya demonologiya Poles'ya: Publikatsiya tekstov v zapisyakh 80–90-kh gg. XX veka. T. 3: Mifologizatsiya prirodnikh yavleniy i chelovecheskikh sostoyaniy* [Folk Demonology of Polesie: the Publication of Texts in the Records of the 80–90s. 20th century. Vol. 3. Mythologization of Natural Phenomena and Human Conditions]. Moscow, LRC Publishing House, 2016, pp. 446-513. (In Russian).
5. Buyskikh Y.S. Personazhi detskikh zapugivaniy v sovremennykh predstavleniyakh ukrainsev Poles'ya [Characters of child intimidation in modern views of Ukrainians in Polesie]. *Zhivaya starina* [Living Olden Time], 2014, no. 1 (81), pp. 36-38. (In Russian).
6. Cherepanova O.A. Kem «polokhali» detey na Rusi [Who scared children in Russia]. *Zhivaya starina* [Living Olden Time], 1994, no 1, pp. 23-25. (In Russian).
7. Lyubova E.Y. Mifologicheskiye personazhi-ustrashiteli v nizhegorodskikh govorakh [Mythological characters-intimidators in the Nizhny Novgorod dialects]. *Karpovskiy chteniye. Vyp. 8* [Karpovskiy Reading. Issue 8]. Arzamas, Arzamas branch of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2018, pp. 214-218. (In Russian).
8. Morozov I.A., Sleptsova I.S., Gilyarova N.N., Chizhikova L.N. (author-compiler). *Ryazanskaya traditsionnaya kul'tura pervoy poloviny XX veka. Shatskiy etnodialektnyy slovar'* [Ryazan Traditional Culture of the First Half of the 20th century. Shatsk Ethnodialect Dictionary]. Ryazan, 2001, 488 p. (In Russian).
9. Sannikova O.V. Pol'skaya mifologicheskaya leksika v strukture fol'klornogo teksta [Polish mythological vocabulary in the structure of folklore text]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan Folklore. Beliefs. Text. Ritual]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 44-83. (In Russian).
10. Khafizova L.R. Buka kak personazh detskogo fol'klora [Buka as a character of children's folklore]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balcanic Folklore. Folk Demonology]. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 198-211. (In Russian).
11. Cherepanova O.A. Chelnok deda Mazaya v puchine kul'turnoy pamyati [Grandpa Mazai's shuttle in the abyss of cultural memory]. *Severnorrusskiye govory. Vyp. 10* [Northern Russian Dialects. Issue 10]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2009, pp. 59-64. (In Russian).
12. Boytsova O.Y. Ot traditsii k «nauchnomu materinstvu» i obratno: sluchay Babaya, zlogo dyadi i militsionera [From tradition to “scientific motherhood” and back: the case of Boogy Man, the evil uncle and the policeman]. *Materialy Devyatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZHI i IEA RAN «Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur»: v 2 t.* [Proceedings of the 9th International Research Conference Russian Association Researchers Women's History and RAS Institute of Ethnology and Anthropology “Motherhood and Fatherhood through the Prism of Time and Culture”: in 2 vols.]. Smolensk, Smolensk State University Publ.; Moscow, RAS Institute of Ethnology and Anthropology Publ., 2016, vol. 1, pp. 97-100. (In Russian).
13. Zhuravlev A.F. Fonetika besovskoy rechi [Phonetics of demonic speech]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th Anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 344-362. (In Russian).
14. Radenkovich L. Lichnyye imena mifologicheskikh sushchestv [Personal names of mythological creatures]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To

- the 90th Anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 59-72. (In Russian).
15. Makhacheva T.V. *Narodnyy kalendar' Tambovskoy oblasti (etnolingvisticheskiy aspekt)* [Folk Calendar of the Tambov Region (Ethnolinguistic Aspect)]. Tambov, Pershina R.V. Publ., 2008, 230 p. (In Russian).
  16. Cherepanova O.A. *Mifologicheskaya leksika russkogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk* [Mythological Vocabulary of the Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1983, 434 p. (In Russian).
  17. Butskikh S.A. *Konoplevodstvo, pryadeniye i tkachestvo: proshloye i nastoyashcheye (istoricheskiy, etnograficheskiy i lingvisticheskiy aspekt)* [Hemp farming, spinning and weaving: past and present (historical, ethnographic and linguistic aspects)]. *Materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ekologiya yazyka i rechi»* [Proceedings of 8th International Research Conference "Ecology of Language and Speech"]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2019, pp. 155-165. (In Russian).
  18. Trubachev O.N. (executive ed.). *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vyp. 13* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Issue 13]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 285 p. (In Russian).
  19. Inikova S.A. (executive ed.). *Russkiye Ryazanskogo kray. T. 2* [Russians of the Ryazan Region. Vol. 2]. Moscow, Indrik Publ., 2009, 748 p. (In Russian).
  20. Andreyeva-Vasina N.I. (compiler). *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp 37* [Dictionary of Russian folk Dialects. Issue 37]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 415 p. (In Russian).

Информация об авторах

Махрачёва Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: mahrachova@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, написание части текста и редактирование статьи, научное консультирование, окончательное одобрение рукописи.

Лоскутова Дина Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий отделением. Многопрофильный колледж им. И.Т. Карасёва, п. Строитель, Тамбовский район, Тамбовская область, Российская Федерация. E-mail: losdina@yandex.ru

Вклад в статью: идея, написание части текста, обработка эмпирического материала, оформление статьи.

Блинова Екатерина Юрьевна, научный сотрудник научно-образовательного центра «Русист». Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ekaterina_blinov@bk.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, поиск и анализ литературы, обзор литературы, сбор данных, анализ авторской картотеки, написание части текста.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 20.08.2020 г.
Поступила после рецензирования 16.10.2020 г.
Принята к публикации 23.10.2020 г.

Information about the authors

Tatyana V. Makhacheva, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: mahrachova@mail.ru

Contribution: study conception, part of manuscript text drafting and editing, scientific advice, final manuscript approval.

ORCID: 0000-0003-2291-6960

Dina N. Loskutova, Candidate of Philology, Department Head. Multidisciplinary College named after I.T. Karasev, Stroitel settlement, Tambov district, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: losdina@yandex.ru

Contribution: brainchild, part of manuscript text drafting, empiric material processing, manuscript design.

ORCID: 0000-0001-9643-9226

Ekaterina Y. Blinova, Research Scientist, Research and Educational Center "Rusist". Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: ekaterina_blinov@bk.ru

Contribution: source material acquisition, literature search and analysis, literature review, data collection, author's card catalog analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0003-2586-9872

There is no conflict of interests.

Received 20 August 2020
Reviewed 16 October 2020
Accepted for press 23 October 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-25-32
УДК 81'374

Сравнительный анализ концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании русского и китайского народа (на материале толковых словарей)

Мэн У ✉

Юго-восточный университет, Институт иностранных языков
210096, Китайская Народная Республика, г. Нанкин, Сипайлоу 2
✉ njuw@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема языка и концепта в рамках когнитивной лингвистики. Цель исследования состоит в выявлении ментальных различий в концептуализации концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании русского и китайского народа. Представлен подход, согласно которому словарные дефиниции рассматриваются в качестве языкового репрезентанта концепта, названного словарным словом. Словарь рассматривается как свод наших знаний о мире, которые сформировались в результате его концептуализации и категоризации. При рассмотрении лексемы *Медведь* в «Словаре русского языка» (МАС) под редакцией А.П. Евгеньевой и «Словаре иероглифов Синьхуа» под редакцией Китайской академии социальных наук сравниваются разные аспекты: толкование слова, его иллюстративные материалы, в том числе и фразеологические единицы. В изучении неродного языка опора на словарные дефиниции позволяет использовать лексикографическую репрезентацию концептов как один из активных и начальных приёмов для понимания и восприятия национальной ментальности.

Ключевые слова: концепт; медведь; лексикографическая репрезентация; толковый словарь; языковое сознание

Благодарность: Работа выполнена в рамках проекта Фонда Юго-восточного университета (КНР) по фундаментальной научно-исследовательской работе «Исследование когнитивной структуры словарной статьи в толковых словарях русского языка».

Для цитирования: У Мэн. Сравнительный анализ концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании русского и китайского народа (на материале толковых словарей) // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 25-32. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-25-32

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Comparative analysis of the concept BEAR in language consciousness of the Russian and Chinese people (on the material of explanatory dictionaries)

Meng WU ✉

Southeast University
2 Sipailou, Nanjing 210096, People's Republic of China
✉ njuw@mail.ru

Abstract. We consider the problem of language and concept in the framework of cognitive linguistics. The purpose of the work is to identify the mental differences in the conceptualization of the concept BEAR in the linguistic consciousness of the Russian and Chinese people. We present

an approach according to which dictionary definitions are considered as a language representative of a concept called a dictionary word. The dictionary is considered as a collection of our knowledge about the world, which was formed as a result of its conceptualization and categorization. We compare different aspects of the lexeme BEAR in the “Dictionary of the Russian Language” (MAS) edited by A.P. Evgenyeva and the “Xinhua Zidian” edited by the Chinese Academy of Social Sciences: interpretation of the word, its illustrative materials, including phraseological units. In the study of a foreign language, reliance on dictionary definitions allows us to use lexicographic representation of concepts as one of the active and initial methods for understanding and perceiving national mentality.

Keywords: concept; bear; lexicographic representation; explanatory dictionary; language consciousness

Acknowledgment: The work is carried out as part of the project of the Fundamental Research Foundation of Southeast University “Research of the cognitive structure of dictionary entry in explanatory dictionaries of the Russian language”.

For citation: Wu Meng. Sravnitel'nyy analiz kontsepta MEDVED v yazykovom soznanii russkogo i kitayskogo naroda (na materiale tolkovykh slovarey) [Comparative analysis of the concept BEAR in language consciousness of the Russian and Chinese people (on the material of explanatory dictionaries)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 25-32. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-25-32 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Как известно, ключевые понятия когнитивной лингвистики – понятия концептуализации и категоризации. По мнению А.Л. Шарандина, «роль и функции концептуализации и категоризации определяются как важнейшие в человеческом сознании, поскольку они являются основой всей познавательной деятельности человека и связаны с приобретением, переработкой и использованием информации человеком» [1, с. 75]. В процессе концептуализации и категоризации осуществляется реализация антропоцентризма при рассмотрении языкового сознания носителей того или иного этнического языка и сохраняются их своеобразные коллективные знания, которые оказываются чрезвычайно важным элементом в социально-культурном коммуникативном общении носителей данного языка.

Основной единицей концептуализации и категоризации является концепт. Н.Н. Болдырев определяет концепт как «единицу концептуального содержания, выделяемую человеком в процессе познания с целью последующей их передачи в языковой форме или дальнейшего накопления, что предполагает их определенное конфигурирование (или формат), а также структурную организацию в процессе хранения» [2, с. 24]. В этом плане исследовательский интерес представ-

ляет словарная дефиниция, которая решает подход к анализу отдельного концепта через изучение плана содержания и плана выражения слова. Особенно значимо изучение плана содержания в исследовании концептов, поскольку план содержания (лексическое значение) лексемы – это денотативно-сигнификативное содержание, являющееся основным компонентом в семантической структуре лексемы, связанным с репрезентацией содержания концепта.

Лексема как единица словаря и концепт как единица картины мира, несомненно, оказываются в тесной связи. При исследовании языковой картины мира, в которой «всегда находят отражение духовные и материальные ценности, образ жизни общества и человека» [3, с. 33], нужно признаться в том, что изучение любого концепта не обойдется без рассмотрения определения лексем, соотносящихся с данным концептом, в разных словарях, особенно в толковых словарях. По мнению А.П. Бабушкина, «словарное толкование представляет единственную возможность вплотную увидеть характер обозначенного словом концепта, выявить когнитивную семантику лексемы» [4, с. 42]. И в нашем предыдущем исследовании обнаружено, что в словарной статье зоны «*толкование*» и «*иллюстрация*» наиболее полно

отражают языковую картину народа. А уникальные характеристики толковых словарей именно состоят в подробностях толкования слов и богатстве материалов иллюстрации» [5, с. 158-159].

Исследование лексикографической репрезентации концепта представляет собой один из основных методов изучения языка, позволяющий «прочитать» коллективное познание мира в языке. В результате появляется возможность осмыслить, какие концептуальные признаки оказываются значимыми в коммуникативном общении того или иного народа.

Целью настоящего исследования является сопоставительное сравнение и анализ состава лексических значений (лексико-семантических вариантов), отражённых в словарных статьях толковых словарей русского и китайского языков.

В качестве примера проанализируем зону толкования и зону иллюстрации в словарной статье лексемы *Медведь*, репрезентирующей концепт МЕДВЕДЬ, в «Словаре русского языка» (МАС) под ред. А.П. Евгеньевой [6] и иероглифом «熊» (Сюн) в «Словаре иероглифов Синьхуа» (Синьхуа) под ред. Китайской академии социальных наук¹.

«Словарь русского языка» (МАС) под ред. А.П. Евгеньевой – это наиболее авторитетный нормативный словарь современного русского литературного языка, который представляет современное состояние словарного состава русского литературного языка, а также включает часть широкоупотребительной лексики русского литературного языка от пушкинской эпохи до наших дней, необходимой для понимания произведений художественной, публицистической и научной литературы XIX–XX веков.

«Словарь иероглифов Синьхуа» – это наиболее продаваемый китайский словарь, популярный как внутри страны, так и во всём мире. Он был включён в Книгу рекордов Гиннеса как «Самый популярный словарь» и «Самая продаваемая книга (из регулярно переиздаваемых)». Словарь Синьхуа известен нормативностью и доступностью. В 2011 г. вышло в свет 11-е издание этого словаря, ко-

торое включает в себя более 13 тысяч иероглифов и 3300 слов.

Концепт МЕДВЕДЬ – это один из самых типичных биологических концептов в сознании русского народа. Как отмечает И.Ю. Третьякова, «медведь выступает как типичный представитель фауны России, встречающийся почти повсеместно и хорошо знакомый представителям как русского этноса, так и других этносов полиэтнического государства» [7, с. 192-193]. В представлении китайского народа концепт «熊» (Сюн) также представляется значимым, поскольку известная китайская панда «熊猫» (Сюнмао) является одним из видов медведей – бамбуковым медведем. Многие учёные рассматривали в своих исследованиях концепт МЕДВЕДЬ с разных сторон. Например, С.В. Бурёнова [8] рассматривает медведя как зооморфный образ в немецкой и русской фразеологии, Ю.А. Кошкарова [9] исследует концепт образа медведя в русской ментальности, Г.В. Афанасьева-Медведева [10] обращает внимание на образ медведя в русской народной прозе Восточной Сибири (по материалам фольклорной экспедиции 1980–2010 гг.). А в данной статье мы сосредоточим наше внимание на сопоставительном сравнении и анализе состава лексических значений и использованных иллюстративных материалов в толковых словарях русского и китайского языков.

Сопоставительный анализ лексемы *Медведь* показывает, что содержание концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании русского народа во многом отличается от содержания концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании китайского народа (табл. 1).

Мы проанализировали представленный словарный материал и обнаружили следующее.

1. В словарной статье МАС первое значение: «*Крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами*». А в словарной статье Синьхуа первое значение: «*Название зверя. Медведь имеет крупное тело и короткий хвост, может прямо ходить и лазить по деревьям. Существует много видов медведя*». Сравнение биологического описания медведя в двух толковых словарях показывает, что в языковом пред-

¹ Словарь иероглифов Синьхуа (新华字典). 11-е изд. Пекин: Изд-во «Шань иньшугуань», 2011.

Таблица 1

Зона толкования в МАС и Словаре Синьхуа

Зона рассмотрения	Название словаря	Словарь русского языка	Словарь иероглифов Синьхуа
Зона толкования		1. Крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами. Разг. устар. мех этого животного, а также изделия из такого меха	1. 兽名, 身体大, 尾短, 能直立行走, 也能爬树。种类很多。【大熊猫】哺乳动物, 又叫熊猫、猫熊, 像熊而略小, 尾短, 眼周、耳、前后肢和肩部黑色, 其余白色, 耐寒。喜食竹叶、竹笋。生活在我国西南地区, 是我国特有的珍贵动物。 Русский перевод: Название зверя. Медведь имеет крупное тело и короткий хвост, может прямо ходить и лазить по деревьям. Существует много видов медведя
		2. Разг. О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке. О невоспитанном человеке	
			2. <方> 斥责 Русский перевод: <диал.> порицать
			3. <方> 怯懦, 没有能力 Русский перевод: <диал.> трусливый, неспособный

ставлении русского народа образ этого животного более конкретный, а в языковом сознании китайского народа внешность медведя не очень ясна («имеет крупное тело и короткий хвост»).

2. В первое значение слова *Медведь* в МАС входит компонент «Разг. устар. мех этого животного, а также изделие из такого меха», который отсутствует в китайском словаре, то есть концептуальный признак «мех» не входит в содержание концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании китайского народа. Такое явление обусловлено тем, что в России холодная и долгая зима, а в Китае зима не такая продолжительная, особенно в южных регионах Китая, где зимой температура держится на плюсовой отметке. При таком климате мех медведя не используется в качестве материала для изготовления тёплых изделий в большинстве регионов Китая.

3. В первое значение иероглифа «熊» (Сюн) в словаре Синьхуа входит другой компонент – подробная энциклопедическая информация о панде «熊猫» (Сюнмао): «Гигантская панда, или бамбуковый медведь: морозостойкое млекопитающее с коротким хвостом. Тело немного меньше, чем у медведя.

Шерсть вокруг глаз, ушей, передних и задних конечностей и плеч чёрная, а шерсть других частей тела – белая. Источником его питания является бамбук. Панда, живя на юго-западе Китая, является уникальным красным зверем в Китае». Мы видим, что описание о медведе в зоне толкования использует 20 иероглифов, а описание о панде – 59 иероглифов. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что концептуальный признак «панда» занимает очень значимое место в сравнении с содержанием концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании китайского народа. Естественно, концептуальный признак «панда» не входит в содержание концепта МЕДВЕДЬ в сознании русского народа.

Поэтому можно предположить, что слово *Медведь* в сознании современных носителей русского языка в первую очередь значит «крупное хищное, всеядное млекопитающее» и его «мех», а иероглиф «熊» (Сюн) в сознании современных китайцев – «Название зверя» и «панду».

4. Хотя разница переносных значений в двух словарях значительная, но они близки по оценочной коннотации данной лексемы. В словарной статье МАС второе значение сло-

ва *Медведь*: «Разг. О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке» и компонент «О невоспитанном человеке». В этом значении слова присутствуют положительная оценка (*крупный, сильный*) и отрицательная оценка (*грузный, неуклюжий, неловкий, невоспитанный*). А в китайском словаре Синьхуа совсем другая ситуация. В связи с тем, что иероглиф «熊» (Сюн) в китайском языке можно употреблять как имя существительное, глагол и имя прилагательное, словарная статья «熊» (Сюн) включает в себя и значение «*порицать*», и значение «*трусливый*». Эти значения в определённой степени свидетельствуют о существовании отрицательной оценки в содержании концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании китайского народа. Иными словами, отрицательная коннотативная оценка как концептуальный признак присутствует в содержании концепта МЕДВЕДЬ в сознании носителей двух языков, а положительная коннотативная оценка присутствует только в содержании этого концепта в языковом сознании русского народа.

Однако отрицательные коннотативные оценки в содержании концепта МЕДВЕДЬ в сознании двух народов не тождественны: для русского народа медведь – это грузный, неуклюжий и неловкий, а для китайского народа медведь – трусливый. Следует отметить, что толкование значения «*трусливый*», на наш взгляд, более связано с образом панды, чем с образом медведя. Это в большей или меньшей степени свидетельствует о значимости концептуального признака «*манда*» в структуре содержания концепта МЕДВЕДЬ.

5. При чтении словарной статьи «Медведь» в Словаре Синьхуа мы заметим, что здесь отсутствует значение «*китайская фамилия*». Фамилия «Сюн» является одной из самых древних фамилий у китайского народа. Согласно шестой переписи населения 2010 года в Китае более 4 миллионов человек обладают фамилией «Сюн». Отсутствие такого значения в словарной статье, на наш взгляд, оказывается недопустимым.

Для анализа иллюстративных материалов в МАС и Словаре Синьхуа мы также сделали табл. 2.

Из табл. 2 мы видим следующее.

1. В зоне иллюстрации МАС большинство примеров употребления составляют цитаты из классической литературы, кроме которых используются только 2 общеупотребительных словосочетания. Особенность этого словаря именно состоит в его иллюстративных материалах – большое количество литературных примеров, которые отражают художественную языковую картину мира русских писателей. Иллюстративные примеры, по мнению В.В. Дубичинского, «представляют собой отрывок текста, демонстрирующий заголовочную единицу в конкретном словесном окружении, и выполняют две основные функции: 1) уточняют, выделяют значения заголовочной единицы; 2) приводят иллюстрирующие доказательства, дополняющие семантизацию языковой единицы» [11, с. 59]. Однако в словарной статье «Медведь» в Словаре Синьхуа лишь 2 примера употребления в диалектной речи. Более того, у основного значения «*Название зверя*» даже отсутствует пример употребления, который должен был бы помогать читателю словаря усвоить данное слово и расширять содержание концепта МЕДВЕДЬ. Это является большим недостатком этого словаря в плане отражения языковой картины китайского народа.

2. В словарной статье «Медведь» в МАС даются три фразеологические единицы. Фразеологические единицы тесно связаны с историей и культурой народа, его обычаями и традициями. Они являются носителями лингвострановедческой информации, которая рассматривается в качестве важного компонента при изучении концептуальной и языковой картин мира данного народа. Как отмечает А.М. Бабкин, фразеологический фонд языка народа является живым и неиссякающим источником, который придает языку яркость черт национального характера и обеспечивает его обогащение новыми выразительными средствами и возможностями [12, с. 258]. Три фразеологизма о медведе в МАС описывают образ в русском языковом сознании (например, фразеологизм «*Медведь на ухо наступил кому*» отражает большой вес у медведя; «*Смотреть (или глядеть) медведем*» – угрюмость) и свидетельствует об эко-

Таблица 2

Зона иллюстрации в МАС и Словаре Синьхуа

Зона рассмотрения	Название словаря	Словарь русского языка	Словарь иероглифов Синьхуа
Зона иллюстрации	Примеры употребления после каждого значения	1. <i>Бурый медведь. Белый медведь.</i> □ <i>Самый крупный обитатель наших лесов – медведь – спит зимой в своей берлоге, в глухой лесной чаще. С. Огнев, Жизнь леса. // Не успел он выйти на улицу, --- таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном, как --- столкнулся с господином тоже в медведях, крытых коричневым сукном. Гоголь, Мёртвые души.</i>	1. (отсутствие примеров употребления)
		2. <i>Когда Сергей подошёл к Ирине, она встала и сказала: – Эх, медведь! Руки – как грабли... Ещё уронишь [ребёнка]! Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды. – Алёша, братишка, ты ли? Ох, раздавил меня, медведь! Да откуда ты такой взялся! Ты же маленький был. Николаева, Жатва. [Хлестаков:] К ним если приедет какой-нибудь --- помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. Гоголь, Ревизор. Новый начальник --- имел репутацию медведя в обращении. Л. Толстой, Анна Каренина</i>	
			2. 熊了他一顿。 Русский перевод: <i>порицал его</i>
		3. 这人真熊，一上场就败了下来。 Русский перевод: <i>Этот человек настолько труслив, что он проиграл, как только играл</i>	
	Фразеологические единицы	<i>Медведь на ухо наступил кому</i> см. наступить 1. <i>Делить шкуру убитого медведя</i> см. делить. <i>Смотреть (или глядеть) медведем</i> – быть, казаться нелюдимым, угрюмым	【熊熊】 形容火势旺盛：烈火熊熊。 Русский перевод: 【Сюнсюн】 описывает пожар в самом разгаре. <i>Лехуо Сюнсюн (Пожар полыхает)</i>

логической ценности медведя в обыденной жизни русского народа («Делить шкуру убитого медведя»). Они оживляют простые описательные слова в зоне толкования и дополняют содержание концепта МЕДВЕДЬ в представлении каждого читателя.

3. В конце словарной статьи «Медведь» в Словаре Синьхуа также даётся одно устойчивое выражение «Сюнсюн», которое означает разгар пожара. Китайские учёные спорят об этимологическом значении иероглифа 熊 (Сюн): некоторые считают, что исходным значением этого иероглифа является значение «название зверя» [13], а другие считают значение «разгар пожара» первоначальным [14], хотя в современной речи это значение используется только в фразеологической

единице «Сюнсюн». Но семантическая связь между этими двумя значениями безусловна: древние китайцы верили, что внутри тела медведя действует такая чудесная тепловая энергия, подобная жару или огню, которая защищает его от мороза зимы. Поэтому фразеологическая единица «Сюнсюн» свидетельствует о существовании скрытого семантического отношения между концептуальными признаками в структуре содержания концепта МЕДВЕДЯ.

Таким образом, мы видим, что концепт МЕДВЕДЬ имеет разное содержание в национальной языковой картине мира русского и китайского народов. Например, для русского народа медведь имеет сильный, неуклюжий образ, и его мех и шкура обладают

экономической ценностью; для китайского народа в содержание данного концепта входят такие важные уникальные компоненты, как панда и жар. Всё это нашло своё отражение в концептуальном содержании соответ-

ствующего словарного слова. Изучение этих разных концептуальных признаков ключевых концептов способствует взаимопониманию в межкультурной коммуникации двух народов.

Список литературы

1. Шарандин А.Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 75-81.
2. Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. Вып. 9. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 23-32.
3. Е Линь. Ментальность и неологическая картина мира (на материале тамбовских СМИ) // Неофилология. 2018. Т. 4. № 15. С. 33-38. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-15-33-38
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.
5. У Мэн. Эволюция концепта «Добро» в языковой картине русского народа (на материале толковых словарей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68): в 2 ч. Ч. 1. С. 158-161.
6. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.
7. Третьякова И.Ю. Культурные смыслы фразеологических компонентов-зооморфизмов медведь и волк (к вопросу о национально-культурных особенностях русских фразеологизмов) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 192-197.
8. Бурёнова С.В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30. С. 29-40.
9. Кошкарлова Ю.А. Концепции образа медведя в русской ментальности // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 266-270.
10. Афанасьева-Медведева Г.В. Образ медведя в русской народной прозе Восточной Сибири (по материалам фольклорных экспедиций 1980–2010 гг.) // МНКО. 2010. № 6-2. С. 65-68.
11. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. М.: Наука-Флинта, 2008.
12. Бабкин А.М. Русская фразеология: ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970.
13. 许慎.说文解字.北京:中华书局, 1963.
14. 苏宝荣.<说文解字>今注.西安:陕西人民出版社, 2000.

References

1. Sharandin A.L. Dinamicheskaya priroda kontseptualizatsii i kategorizatsii kak osnova rechevoy deyatelnosti cheloveka [The dynamic character of conceptualization and categorization as a basis of a human's speech activity]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2013, no. 1, pp. 75-81. (In Russian).
2. Boldyrev N.N. O metayazyke kognitivnoy lingvistiki: kontsept kak edinitsa znaniya [On metalanguage of cognitive linguistics: concept as a unit of knowledge]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Issue 9, Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ.; Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2011, pp. 23-32. (In Russian).
3. E Lin. Mental'nost' i neologicheskaya kartina mira (na materiale tambovskikh SMI) [Mindset and Neological Worldview (on material of Tambov media)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 15, pp. 33-38. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-15-33-38. (In Russian).
4. Babushkin A.P. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of Concepts in Lexical-Phraseological Semantics of the Language]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1996. (In Russian).
5. Wu Men. Evolyutsiya kontsepta «Dobro» v yazykovoy kartine russkogo naroda (na materiale tolkovykh slovarey) [Evolution of the concept “good” in the Russian linguistic worldview (by the material of explanatory dictionaries)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 2 (68): in 2 pts, pt 1, pp. 158-161. (In Russian).

6. Evgenyeva A.P. (ed.). *MAS – Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [MAS – Dictionary of the Russian Language: in 4 Vols.]. 4th ed., stereotyped. Moscow, Russian Language Publ., 1999. (In Russian).
7. Tretyakova I.Y. Kul'turnyye smysly frazeologicheskikh komponentov-zoomorfizmov medved' i volk (k voprosu o natsional'no-kul'turnykh osobennostyakh russkikh frazeologizmov) [Cultural meaning of the phraseological zoomorphism components bear and wolf (touching the cultural features of the russian phraseological units)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*, 2014, vol. 20, no. 6, pp. 192-197. (In Russian).
8. Burenkova S.V. Zoomorfnyye obrazy nemetskoj i russkoj frazeologii [Zoomorphic images of German and Russian phraseology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 30, pp. 29-40. (In Russian).
9. Koshkarova Y.A. Kontseptsii obraza medvedya v russkoj mental'nosti [Conceptions of an image of a bear in Russian mentality]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2010, no. 2, pp. 266-270. (In Russian).
10. Afanasyeva-Medvedeva G.V. Obraz medvedya v russkoj narodnoy proze Vostochnoy Sibiri (po materialam fol'klornykh ekspeditsiy 1980–2010 gg.) [Image of a bear in Russian national prose of eastern Siberia (on materials of folklore expeditions 1980-2010)]. *MNKO – World of Science, Culture and Education*, 2010, no. 6-2, pp. 65-68. (In Russian).
11. Dubichinskiy V.V. *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian Language]. Moscow, Nauka-Flinta Publ., 2008. (In Russian).
12. Babkin A.M. *Russkaya frazeologiya: eye razvitiye i istochniki* [Russian Phraseology: Its Development and Sources]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. (In Russian).
13. 许慎.说文解字.北京:中华书局, 1963. (In China).
14. 苏宝荣.<说文解字>今注.西安:陕西人民出版社, 2000. (In China).

Информация об авторе

У Мэн, преподаватель кафедры русского языка и литературы, Институт иностранных языков. Юго-восточный университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика. E-mail: njuwm@mail.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, анализ словарных слов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 03.08.2020 г.
Поступила после рецензирования 20.09.2020 г.
Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Meng Wu, Lecturer of Russian Language and Literature Department, University of the Foreign Languages. Southeast University, Nanjing, People's Republic of China. E-mail: njuwm@mail.ru

Contribution: idea, main study conception, dictionary words analysis, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-6694-144X

Received 3 August 2020
Reviewed 20 September 2020
Accepted for press 25 September 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-33-39
УДК 81.373.2

Динамика и статика в ономастике

Мария Сергеевна ДЗЮБА ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ msdzyuba@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено статическое и динамическое в ономастике. Установлено, что, несмотря на то, что синхронический и диахронический подходы к языку являются достаточно самостоятельными приёмами, необходимо признать, что «статичность», хотя это может показаться и парадоксальным, является не синхроническим, а диахроническим фактом, обнаружить который можно при рассмотрении языка во временной перспективе. Обосновано, что эргонимы обслуживают людей смежных поколений и, с одной стороны, эргонимы будто бы устойчивы и статичны, но, с другой стороны, они подвержены динамическим процессам. В этой противоречивости и заключается основа существования эргонимов и источник из развития. На материале ойкодомонимов с онимной частью «антропоним», отражающих территориальные варианты, зависящие от языковых и лингвокультурных предпочтений тамбовских жителей, и словом «дом» рассмотрена статичность и динамичность эргонимической категории. Доказано, что выявление того, что статично, а что динамично, оказывается возможным только после установления в языке определённых исторических этапов (граней). Носителю языка это позволит воспринимать язык как объективно существующее средство коммуникации, лингвисту – установить системный характер языка и оценить его ретроспективно и перспективно.

Ключевые слова: ономастика; эргонимы; ойкодомонимы; статика; динамика

Для цитирования: Дзюба М.С. Динамика и статика в ономастике // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 33-39. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-33-39

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Dynamics and statics in onomastics

Maria S. DZYUBA ✉

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ msdzyuba@mail.ru

Abstract. We consider static and dynamic in onomastics. We establish that, despite the fact that the synchronic and diachronic approaches to language are quite independent techniques, it must be admitted that “static”, although it may seem paradoxical, is not a synchronic, but a diachronic fact, which can be discovered when considering the language in time perspective. We justify that ergonyms serve people of adjacent generations and, on the one hand, ergonyms are supposedly stable and static, but, on the other hand, they are subject to dynamic processes. This inconsistency is the basis for the existence of ergonyms and the source from development. On the material of oikodomonyms with the onymic part “anthroponyms”, reflecting the territorial variants depending on the linguistic and linguo-cultural preferences of the Tambov inhabitants, and the word “home”, the static and dynamic nature of the ergonomic category is considered. We prove that the identification of what is static and what is dynamic is possible only after the establishment of certain histor-

ical stages (boundaries) in the language. This will allow a native speaker to perceive the language as an objectively existing means of communication, and a linguist – to establish the systemic nature of the language and evaluate it retrospectively and prospectively.

Keywords: onomastics; ergonyms; oikodomonyms; statics; dynamics

For citation: Dzyuba M.S. Dinamika i statika v onomastike [Dynamics and statics in onomastics]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 33-39. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-33-39 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

К чрезвычайно актуальному и востребованному в настоящее время направлению современной лингвистики, интегрирующей достижения смежных гуманитарных дисциплин при анализе системы языка как показателе устойчивости, относится ономастика.

Темпоральный диапазон охвата изучения эргонимической лексики выделяется со второй половины XX века, в первых исследованиях, посвящённых анализу собственных имён. В работах Л.М. Щетинина, Б.З. Букчиной, Г.А. Золотовой, А.В. Суперанской, Е.С. Отин и других частично затрагивались названия комплексных объектов (названия учреждений, предприятий, объединений, фирм).

В конце XX века появились работы М.В. Китайгородской, И.В. Крюковой, М.Я. Крюковой, Н.Н. Розановой, Т.П. Романовой и других, сформировавшие научное направление в ономастике, посвящённое изучению эргонимов. В это же время появился и словарь русской ономастической терминологии Н.В. Подольской, в котором даётся научное толкование термину «эргоним – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [1, с. 151].

Ономастика XXI века ознаменована к исследованию имён собственных новыми подходами – интересы стали сосредотачиваться на художественных текстах [2; 3], когнитивной лингвистике [4; 5], психолингвистике и социоллингвистике [6].

По мнению Т.Ю. Лариной и Т.В. Милевской, создание целостности текста во многом определяется наличием в нём эргонимов. На материале дилогии «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова учёные привели примеры юмористических эргонимов («2-й дом Старсобеса», «Музей

мебельного искусства», «огнетушитель «Эклер», «Дом Народов», редакция газеты «Станок») [7].

В аспекте когнитивного осмысления эргонимы рассматриваются как единицы языка, отражающие взаимодействие мыслительных и языковых структур, как репрезентанты различных областей знания об устройстве городского пространства. В этом случае предмет изучения эргонимии переносится с языковых средств на рассмотрение эргонимических реалий с точки зрения их участия в процессе формирования смысла и отражения определённого формата знания об окружающей действительности в такой разновидности, как эргонимические знания.

Эргонимы иллюстрируют социальный и культурный уровни социума, отражающие признак своеобразия. Так, дифференциальный признак «прошлое – настоящее», соотносённый с динамичностью ономастической лексики, отражается в том, что открытость эргонимического пространства позволяет использовать эпонимы для передачи всевозможных инноваций, уточнения, конкретизации – тем самым служит обогащению языка.

В эргонимическом пространстве города всегда будет продуктивность нового, с которым сосуществует частотность. Частотность и продуктивность – это проявление одного явления. Поэтому все те эргонимы, которые встречаются чаще, оцениваются как продуктивные и, соответственно, потенциально значимые для того или иного города.

Так, современное название магазина кондитерских изделий «Тамбовская казначейша» дано по названию известной поэмы «Тамбовская казначейша» М.Ю. Лермонтова, в которой представлено достоверное описание Тамбова 30-х гг. XVIII столетия:

...Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин»¹.

Читатель поэмы может представить себе старый Тамбов, в котором было только три прямых улицы и два трактира – «Московский» и «Берлин». Думается, что это вымышленный Лермонтовым образ улиц города как свидетельство «славного» провинциального «городка», типичного для того времени, когда процветала карточная игра.

Учёные освещают собственно русские по языковой основе эргонимы, эргонимы западноевропейского происхождения или эргонимы с западноевропейскими элементами, что имеет выход, прежде всего, на вопросы культуры речи в традиционном понимании (борьба с европеизмами), поскольку креативный потенциал эргонимов на основе заимствований в настоящее интенсифицируется. Особое проявление эргонимов находится в контексте рекламной культуры и нейминга, отражающих специфику региона, на которые необходимо обращать внимание.

В настоящее время статическое и динамическое в ономастике начинает получать заметное место, соответственно, эргонимы, служащие для наименования объектов как реального пространства города, так и отражённые в контексте художественного текста (действительные и вымышленные), требуют внимательного изучения.

Примечательно, что эргонимы как особая разновидность имён собственных дают очень богатый материал, находя отражение в ономастическом пространстве языка, в котором отражается система ареальных (локальных) эргонимов, свидетельствующая об одной из особенностей ономастических единиц – их устойчивости.

Однако, будучи устойчивыми, они постоянно находятся в движении и подвергаются изменениям, обусловленным экстралингвистическими факторами. Этому способствует открытость ономастического пространства, которая обнаруживается на всех уровнях языка.

Речь идёт о проникновении иноструктурных элементов в состав эргонимов (заимствование морфем, звуков, лексико-семантических компонентов). В связи с этим учёные выделяют интерлингвистическую функцию языка, сущность которой состоит «в воздействии одной языковой системы на другую систему или на другие системы» [8, с. 731].

Как и любые лексические единицы, эргонимы наиболее чувствительны к процессам изменения, что особенно проявляется во времена коренных преобразований общества. Например, советские стереотипы, отражённые в семантике «только вперёд», широко представлены на современной карте города Тамбова: торговый центр «Авангард», офис «Авангард-Экспресс», автошкола «Авангард», банк «Авангард» (слово, восходящее к французскому языку в значении «передовой отряд»).

Названия магазинов «Рассвет», «Восход», стадиона «Локомотив», кинотеатров «Заря», «Мир», «Аврора», «Луч», завода «Комсомолец» также отражают стилистику называния в период советской эпохи. Со временем некоторые городские объекты исчезли, но в памяти старожилов города эти названия сохранились.

Эргонимы обслуживают людей смежных поколений, с одной стороны, эргонимы будто бы устойчивы и статичны, но, с другой стороны, они подвержены динамическим процессам. В этой противоречивости и заключается основа существования эргонимов и источник их развития.

Следовательно, неотъемлемым атрибутом ономастических единиц является статика и динамика, и следует говорить о соотносительности статике и динамике с синхронией эргономической лексики.

Как любая единица языка, эргоним имеет своё «эргонимическое значение», и, будучи единицей ономастического пространства города, эргоним ориентирован на номинацию реальных городских учреждений.

Эргономическая лексика формирует эргонимическую категорию, представленную разными видами эргонимов, как «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – это некоторый признак (параметр), который лежит в основе разби-

¹ URL: <http://lermontov.velchel.ru/index.php?cnt=6&sub=22> (дата обращения: 15.10.2020).

ния обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [9, с. 215].

Одним из видов эргонимов является ойкодомоним. Термин «ойкодомоним» был впервые отмечен во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» (1988) – это «имя собственное здания» [1, с. 88-89]. Иными словами, этот термин служит для обозначения исторических зданий и сооружений в городе, которые всем горожанам известны как учреждения. Примечательно, что в этом словаре подчёркивается: «загородные здания также могут иметь собственные имена, это особенно относится к дворцам и домам в усадьбах» [1, с. 89].

Сегодня в городе появился Торговый центр под именем «Домь купца Аносова». Т.О. Прокофьева относит такого рода эргонимы к разряду «ретро» и подчёркивает, что «они способствуют созданию комфортной языковой и отчасти социокультурной ситуации в городе» [10, с. 248].

Название «*Домь купца Аносова*» включает прототип исторического характера – наличие буквы Ъ и знания о купце Василии Михайловиче Аносове. Это был Почётный гражданин города Тамбова, способствующий своей деятельностью и благотворительностью развитию города во второй половине XIX века.

Дом тамбовского купца Аносова был построен в последней четверти XIX века и использовался как гостиница. В конце XX века здесь были кафе «*Джейран*» и «*Жемчужина*». В настоящее время дом разрушен, фасад старого дома служит витриной Торгового центра.

Музейный комплекс, расположенный в городе Тамбове и являющийся Филиалом музея-заповедника «Петергоф», широко известен горожанам как «*Дом Асеева*» наряду с официальными названиями: «Дом купца Асеева», «Асеевский дворец» и «Усадьба Асеева». Это здание в первой половине XX века принадлежало фабриканту Михаилу Васильевичу Асееву. В 1918 г. в этом здании располагалась колония для несовершеннолетних, затем впоследствии агрономический

факультет Тамбовского университета, впоследствии кардиологический санаторий.

Более 70 названий домов по имени его владельцев рассказывают об истории дореволюционного Тамбова, но в большей степени они говорят об истории и судьбах людей, в нём живших когда-то [11, с. 70-78].

Антропонимы, входящие в ойкодомонимы, отражают процесс трансонимизации. В этом случае в образовании ойкодомонимов используется генетивная модель номинации по лексико-синтаксическому способу.

Ойкодомонимы отражают знания об известных тамбовских личностях, проявивших себя в различных видах деятельности, приведём некоторые примеры (табл. 1).

Как показывает табл. 1, ойкодомонимы, содержащие онимическую часть – антропоним – указывают на преобладающий социальный класс тамбовчан в XIX – начале XX века – купечество, людей, занимающихся торговлей.

Лексема ДОМ активно участвует в образовании ойкодомонимов и без сочетания с фамилией, например: «*Дом Деревянный*» (принадлежал купцу А.М. Аносову), «*Дом Деревянный с резьбой*» (принадлежал мещанам А.Я. и В.А. Ляпиным), *Дом Петропавловского кладбища*, *Дом Почтовый*, *Дом Трудолюбия* (дом для круглых сирот).

На страницах газеты «Губернские ведомости» (от 28 февраля 1889 г.) значится интересное объявление, в котором указание на адрес не обходится без использования слов ДОМ, приведём текст полностью.

«Зубной врач Наида Ивановна Конради прибыла въ Тамбовъ на самое короткое время. Принимаетъ больныхъ ежедневно. 11 час. утра до 4 час. дня. Квартира – Большая улица. Дом Батракова рядомъ съ домою Нарышкина».

Существительное «ДОМ» в значении «любое здание для жилья или учреждения» активно используется в современных тамбовских эргонимах. Идею атмосферы русского дома отражают эргонимы «Дом хлеба» и «Хлебный дом», рекламируя уникальность русской кухни, которая в наши дни уступает национальным итальянским, японским или китайским блюдам.

Таблица 1
Ойкодомонимы г. Тамбова
с онимической частью «антропоним»

Имя дома	Отражение деятельности
Дом Агапкина Дом Жемчужникова Дом Шатрова	Творческая деятельность
Дом Асеева Дом Багрецовых Дом Байкова Дом Венедиктова Дом Мухина Дом Шоршорова Дом Егорова Дом Ефанова Дом Замятина Дома Петинных Дом Пикулина Дом Толмачёва Дома Толмачёвых	Купечество
Дом Барятинский Дом Волокитина Дом Яковлева	Владение (поместьями, доходными домами и т. д.)
Дом Беклемишева Дом Булдакова Дом Васильева Дом Булгакова Дом Устинова Дом Чичерина Дом Чмичканова	Общественная и служебная деятельность
Дом Бердоносова	Издательская деятельность
Дом Богородицкого Дом Гусева Дом Потапова	Медицинская деятельность
Дом Викарного Архиерея Дом Тихона Поспелова	Церковная служба
Дом Вихрова Дом Никонова Дом Гимпельсона Дом-магазин Ряшенцева	Торговая деятельность
Дом Устинова	Мастер по профессии
Дом Герасимова	Строительная деятельность
Дом судьи Андреевского Дом адвоката Шкатова	Юридическая деятельность
Дом Евгеновых Дом Назарьева	Преподавательская деятельность
Дом Воейкова	Воинская служба

Эргонимы с лаконичным словом «дом» воссоздают атмосферу домашнего тепла и уюта – «Дом художников», «Дом писателей»,

ассоциируются с нужными вещами и теплой компанией – «Торговый дом», «Пивной дом».

Рассмотренные нами ойкодомонимы представляют собой эргонимы в их территориальных вариантах, зависящие от языковых и лингвокультурных предпочтений жителей и, по сути, являются моделью традиционной ономастической номинации.

Заметим, что синхронический и диахронический подходы к языку являются достаточно самостоятельными приёмами. В настоящее время проявляется изучение прагматики эргонимов и связано с синхроническим подходом [12].

Динамичность эргонимической категории выражается в том, что она исторически изменчива. Поэтому синхронный анализ эргонимов не раскрывает в полной мере их сущность. Динамичность эргонимов обнаруживается в противопоставлении речевой деятельности и языковых традиций, проявляясь в виде потенциальности возникновения новых оттенков и характеристик исходных эргонимических единиц.

Таким образом, динамика ономастических единиц, как процесс, обусловлена многими факторами. Поэтому «статичность», хотя это может показаться и парадоксальным, является не синхроническим, а диахроническим фактом, обнаружить который можно при рассмотрении языка во временной перспективе.

Определение же этой перспективы и выявление того, что устойчиво и что статично (хотя бы относительно), а что динамично, оказывается возможным только после установления в языке определённых исторических этапов (границ). Носителю языка это позволит воспринимать язык как объективно существующее средство коммуникации, лингвисту – установить системный характер языка и оценить его ретроспективно и перспективно.

Список литературы

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
2. Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтономология (начало) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 18-27.

3. Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология (окончание) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 10-17.
4. Щербак А.С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2020. С. 301-304.
5. Щербак А.С., Ду Чуньян, Хэ Юйдань. Исследование урбанонимических единиц в рамках когнитивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 88-95.
6. Разумов Р.В. Городская топонимика и личная сфера говорящего // Ономастика Поволжья: материалы 18 Междунар. науч. конф.: в 2 т. Кострома, 2020. Т. 1. С. 145-149.
7. Ларина Т.Ю., Милевская Т.В. Роль имён собственных в формировании когерентного текста (на материале романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 5 (29). С. 114-119.
8. Линь Е. Интерлингвистическая функция неологизмов // Нефилология. 2020. Т. 6. № 24. С. 730-736. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-730-736
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
10. Прокофьева Т.О. Ретро-элементы в эргонимии современного провинциального города: фрагмент ономастической картины Тамбова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 12 (140). С. 244-248.
11. Молчанова Г.А., Олонцева Н.В., Щукин Ю.К. Старый Тамбов от А до Я (История дореволюционного Тамбова в коротких рассказах). Тамбов: ТОГУП «Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2004. 320 с.
12. Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 23 с.

References

1. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 192 p. (In Russian).
2. Kalinkin V.M. *Znakom'tes': poetonomologiya (nachalo)* [Please meet poetonymology (beginning)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, Tambov, 2016, vol. 2, no. 4 (8), pp. 18-27. (In Russian).
3. Kalinkin V.M. *Znakom'tes': poetonomologiya (okonchaniye)* [Please meet poetonymology (ending)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, Tambov, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 10-17. (In Russian).
4. Shcherbak A.S. *Onomasticheskoye soznaniye kak kognitivno-yazykovaya sistema* [Onomastic consciousness as a cognitive-language system]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Moscow, Institute of linguistics RAS; Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2020, pp. 301-304. (In Russian).
5. Shcherbak A.S., Du Chunyan, Xhe Yuydan. *Issledovaniye urbanonimicheskikh edinit v ramkakh kognitivnogo podkhoda* [Urbanonym units study within the cognitive approach]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2018, no. 4, pp. 88-95. (In Russian).
6. Razumov R.V. *Gorodskaya toponimika i lichnaya sfera govoryashchego* [City toponym and personal sphere of speaker]. *Materialy 18 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Onomastika Povolzh'ya»: v 2 t.* [Proceedings of the 18th International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region”: in 2 vols.]. Kostroma, 2020, vol. 1, pp. 145-149. (In Russian).
7. Larina T.Y., Milevskaya T.V. *Rol' imen sobstvennykh v formirovani kogerentnogo teksta (na materiale romanov I. Il'fa i E. Petrova «Dvenadtsat' stul'yev» i «Zolotoy telenok»* [Proper names and their functions in the text coherency formation (at the material of the novels “The Twelve Chairs” and “The Little Golden Calf” by I. Ilf and E. Petrov)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznananiye – Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2015, no. 5 (29), pp. 114-119. (In Russian).
8. Lin E. *Interlingvisticheskaya funktsiya neologizmov* [Interlinguistic function of neologisms]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 730-736. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-730-736 (In Russian).
9. Yartseva V.N. (ed.-in-chief). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1990, 682 p. (In Russian).
10. Prokofyeva T.O. *Retro-elementy v ergonimii sovremennogo provintsial'nogo goroda: fragment onomasticheskoy kartiny Tambova* [Retro-elements in ergonomy of modern provincial town: fragment of onomastic

- pattern of Tambov]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, Tambov, 2014, no. 12 (140), pp. 244-248. (In Russian).
11. Molchanova G.A., Olontseva N.V., Shchukin Y.K. *Staryy Tambov ot A do Ya (Istoriya dorevolyutsionnogo Tambova v korotkikh rasskazakh)* [Old Tambov from A to Z (History of Pre-Revolutionary Tambov in Short Stories)]. Tambov, Proletarskiy Svetoch Publ., 2004, 320 p. (In Russian).
  12. Kurbanova M.G. *Ergonimy sovremennogo russkogo yazyka: semantika i pragmatika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ergonyms of the Modern Russian Language: Semantics and Pragmatics. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2015, 23 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дзюба Мария Сергеевна, аспирант, кафедра русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: msdzyuba@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, сбор данных, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 12.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 24.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Maria S. Dzyuba, Post-Graduate Student, Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: msdzyuba@mail.ru

Contribution: literature search and analysis, data acquisition, manuscript drafting and design.

ORCID: 0000-0003-2140-6432

Received 12 November 2020
Reviewed 24 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-40-50
УДК 81'373.7

Компонент «дерево» в семантической структуре устойчивых сравнений русского языка

Екатерина Васильевна ОГОЛЬЦЕВА ✉

Московский педагогический государственный университет
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1
✉ tertiumcomp@mail.ru

Аннотация. Дан анализ семантической структуры устойчивых сравнений с компонентом «дерево» и его производными. Устойчивые сравнения рассматриваются как особые фразеологизмы – воспроизводимые языковые единицы с образным компаративным значением. Показано, что разные структурные модели подобных фразеологизмов образуют некое семантическое единство – своего рода «компаративное гнездо». Привлекая большое количество контекстов, иллюстрирующих типовые ситуации употребления устойчивых сравнений с компонентом «дерево», сделан вывод, что формальное варьирование их образной основы предопределяет разнообразие семантических нюансов, которые оказываются значимыми на прагматическом уровне. Использование метода анализа словарных дефиниций и контекстуального анализа даёт возможность, во-первых, существенно дополнить и уточнить научные результаты, полученные специалистами в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, а во-вторых, наметить пути систематизации русской компаративной фразеологии, занимающей важное место в экспрессивном фонде русского языка. Рассматривая образно-символические смыслы, группирующиеся вокруг лексемы «дерево», важно разграничивать два взаимосвязанных значения: «многолетнее растение» и «древесный материал, древесина». Система значений устойчивых сравнений русского языка с компонентом «дерево» базируется на семантических признаках «твёрдый», «жесткий», «неэластичный», характеризующих второе значение. Иными словами, лексема «дерево» в русском языке является репрезентантом не только растительного, но и вещественного кода культуры.

Ключевые слова: устойчивое сравнение; компаративный фразеологизм; семантика; прагматика; образ; образное значение; компаративное гнездо; языковая картина мира; код культуры

Для цитирования: Огольцева Е.В. Компонент «дерево» в семантической структуре устойчивых сравнений русского языка // Нефилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 40-50. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-40-50

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Component “tree” in the semantic structure of stable comparisons of the Russian language

Ekaterina V. OGOLTSEVA ✉

Moscow Pedagogical State University
Building 1, 1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow 119991, Russian Federation
✉ tertiumcomp@mail.ru

Abstract. The work analyzes the semantic structure of stable comparisons with the “tree” component and its derivatives. We consider stable comparisons as special phraseological units - reproducible linguistic units with figurative comparative meaning. We show that different structural

models of such phraseological units form some semantic unity – “comparative nest”. We draw a large number of contexts that illustrate typical situations of using stable comparisons with the “tree” component, we conclude that the formal variation of their figurative basis determines the variety of semantic nuances that are significant at the pragmatic level. The use of the analysis method of dictionary definitions and contextual analysis makes it possible, firstly, to significantly supplement and clarify the scientific results obtained by specialists in the field of cultural linguistics and cognitive linguistics, and secondly, to outline ways of systematizing Russian comparative phraseology, which occupies an important place in the expressive fund of Russian language. When considering the figurative and symbolic meanings grouped around the lexeme “tree”, it is important to distinguish between two interrelated meanings: “perennial plant” and “woody material, wood”. The system of meanings of stable comparisons of the Russian language with the “tree” component is based on the semantic features “hard”, “rigid”, “inelastic” that characterize the second meaning. In other words, the lexeme “tree” in Russian language is a representative not only of the plant, but also of the material code of culture.

Keywords: stable comparison; comparative phraseological unit; semantics; pragmatics; image; figurative meaning; comparative nest; linguistic world-image; culture code

For citation: Ogoltseva E.V. Komponent «derevo» v semanticheskoy strukture ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka [Component “tree” in the semantic structure of stable comparisons of the Russian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 40-50. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-40-50 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Образные значения слова *дерево* неоднократно становились объектом внимания лингвистов. При этом исследователей интересуют преимущественно лишь два ракурса его семантики: 1) образные ассоциации, связанные с «деревом» как гиперонимическим наименованием большого класса многолетних растений; 2) образный потенциал конкретных деревьев – представителей ландшафта, типичного для той или иной местности, страны. В последнем случае подвергаются анализу гипонимы – названия конкретных пород деревьев: *клёна, дуба, липы, берёзы, осины, рябины* и др. Совокупность образных и символических смыслов, группирующихся вокруг этих наименований, квалифицируется как эстетическая и культурная ценность. Так, в монографии И.С. Куликовой «флоризмы» в целом и названия деревьев в частности рассцениваются как знаки художественных и языковых концептов. Уделено внимание и гиперониму *дерево* как объекту поэтической рефлексии в произведениях Н. Заболоцкого и М. Пришвина [1].

Другие авторы посвящают свои исследования непосредственно «арбонимам», усматривая в их системной организации признаки «семантического поля», в рамках которого функционируют как лексические, так и фра-

зологические единицы. Так, О.Б. Абакумова выявляет «прототипические деревья» в русской и английской лингвокультурах и сопоставляет связанные с ними коннотации, используя при этом как метод ассоциативного эксперимента, так и анализ зафиксированных в словарях переносных значений арбонимов, мотивированных ими производных слов, устойчивых выражений с «древесными образами» [2].

Исследователи относят «дерево» к древнейшим концептам славянской мифологии (см., в частности, [3]). Характеризующийся яркой национально-культурной спецификой, этот концепт богато представлен и в произведениях фольклора, и в идиоматике, и в авторской поэзии многих языков мира [4; 5]. В последние два десятилетия появился целый ряд работ, посвящённых воплощению растительного (вегетативного) кода русской культуры в системе фразеологизмов и устойчивых сравнений русского языка. В этих исследованиях, как правило, уделяется внимание и «дереву» как одному из флористических образов, при этом исследуются прежде всего образные и символические смыслы конкретных представителей растительного «древесного» мира [6–9].

Однако очевидно, что заслуживает глубокого внимания и другой, «вещественный» аспект семантической структуры слова **дерево**, который в функционально-прагматическом плане столь причудливо смешивается с аспектом «растительным», что их, оказывается, трудно отделить друг от друга. На наш взгляд, как раз эта амбивалентность «дерева живого» и «дерева мёртвого» (дерева-материала) недостаточно учитывается учёными, которые исследуют концепт «дерево» в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах. Между тем вполне достаточно оснований рассматривать «дерево» и как репрезентант «вещественного кода культуры»¹. В этом качестве существительное *дерево* особенно ярко проявляет себя в структуре устойчивых сравнений (далее УС). Ассоциации, которые вызывают устойчивые сравнения с образной основой «дерево» (и её вариациями), тоже соотносятся со стереотипами, так или иначе отражающими ментальность людей, по языку и культурным ценностям относящих себя к русским [11].

По сведениям лексикографических источников, в русскоязычных текстах функционируют четыре устойчивые компаративные структуры с образным ядром (компонентом В) «дерево»: *как (словно, точно) дерево; как (словно, точно) деревянный; как (словно, точно, будто) одеревенел(-а, -о, -и), как (словно, точно, будто) деревяшка(-и)* [12; 13]. Заметно явное семантическое родство этих фразеологических единиц, которое детерминируется единством образной основы: ядерные компоненты всех перечисленных компаративных структур связаны между собой отношениями производности. Так, они регулярно выражают состояние физической неподвижности рук и (или) ног человека, а также всего его корпуса, отсутствие мимики – вследствие болезни, крайней усталости либо морального страдания: *В автобусе было тесно, жарко. Со всех сторон меня толкали и кричали: – Стал, как дерево. Что задумался? Сходишь на следующей?* (С.В. Сартаков.

Не отдавай королеву)²; *На других я ору, но тебе, так и быть, открою секрет: гаркать не надо, говори отчётливо и не заходи слева. Понял? Садись. – И, видя, что Туровцев медлит, прикрикнул: – Ну что стоишь как деревянный? Адмирала никогда не видел?* (А.А. Крон. Дом и корабль).

В семантике целого ряда компаративных единиц значение «физическая неподвижность» непосредственно связано с признаками твёрдости, жёсткости, негибкости, неэластичности; особенно ярко эти признаки проявляются в семантике УС *как деревяшка (как деревяшки): Руки становятся как деревянные, колени, кажется, уж никогда не разогнёшь... – мороз 30 градусов. А надо ещё с помощью динамометров определить сопротивление снега на сдвиг и разрыв.* (В.А. Чивилихин. Пёстрый камень); – *Здорово. – И Степан подал короткую, твёрдую, как деревяшка, руку.* (Ю.Ф. Галкин. Будний круг). По сведениям «Словаря сравнений русского языка» В.М. Мокиенко, УС *как деревяшка* употребляется в основном по отношению к рукам или ногам человека, «потерявшим чувствительность от холода или от усталости» [13, с. 98].

Этот же признак («омервление» конечностей, утрата ими гибкости, присущей живому организму), могут выражать и другие единицы данного «компаративного гнезда». Например, УС *как (словно, точно) дерево* чаще всего характеризует именно твёрдые, жёсткие, крепкие, загрубевшие от работы, не гнущиеся от усталости или от болезни руки, ладони, пальцы, реже – ноги, пальцы ног, ступни и т. д.: *Уже больше года он не притрагивался к ружью и совершенно растерял сноровку. При мысли о том, что ему сейчас придётся преодолеть целый ряд сложных и быстрых движений, – а пальцы мертвы и несгибучи, как дерево, – он почувствовал себя скверно до самой последней степени.* (С. Голубов. Сотворение мира). Несколько реже это сравнение употребляется по отношению к другим частям тела, при этом признаки «твёрдый», «жёсткий» совмещаются с

¹ На целесообразность детального рассмотрения «вещественного кода культуры», в том числе в сопоставительном плане, в последнее время указывают некоторые лингвисты [10].

² В статье использован материал картотеки Словаря устойчивых сравнений русского языка В.М. Огольцева [12], а также примеры из Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.07.2020).

уже отмеченными выше смежными признаками:

– «нечувствительный»: *Я дотрагиваюсь до уха; оно твёрдое, как дерево, и совсем бесчувственное* (Г.К. Хохлов. Гренада);

– «неподвижный»: *Холодный пот струился по его лицу, язык во рту сделался сух и неподвижен, как кусок дерева* (А.И. Куприн. Молох).

Что касается УС *как деревянный*, то оно чаще всего характеризует неподвижное положение человека, его корпуса в целом: сидеть/стоять *как деревянный*: *Весовицков сидел на стуле прямо, точно деревянный, упираясь ладонями в колена, и его рябое лицо без бровей, с тонкими губами, было неподвижно, как маска* (М. Горький. Мать). Несколько реже это сравнение выступает как характеристика движения человека или животного – неосознанного, машинального, автоматически-однообразного: *Митя как деревянный выходил к чаю, к обеду, потом опять шёл к себе и опять ложился <...>* (И. Бунин. Митина любовь). *И дедушка начал стегать кобылёнку и по крупу, и по ногам. Кобылёнка задрожала, мотнула головой и вдруг запрыгала по двору, как деревянная* (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Компаративные фразеологизмы *как дерево* и *как деревянный* выступают в текстах как средства образного выражения весьма существенной детали психологического портрета человека, находящегося в состоянии душевного оцепенения, глубокого эмоционального потрясения. Неподвижность и неестественная прямизна спины, негнущиеся конечности, лицо, лишённое мимики, – эти признаки нередко оказываются ядерными в структуре портретного описания.

Несколько реже эти УС выступают как характеристики продуктов питания, чаще всего мясных или рыбных: *Подали ветчину, жёсткую, как дерево, с крепким запахом только что вымазанного колеса. Ну, делать нечего – надо же что-нибудь есть* (В.А. Слепцов. Владимирка и Клязьма); *Особенно жалел старик, когда летним делом, в петровки, убивал оленя: свежее мясо портится скоро, – два дня поешь оленины, а потом – бросай! Сушёная оленина – как дерево* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Зимовье на Студёной); *Шуки здоровые есть, как брёвна. А*

мясо у ней уже не то, правда что как деревянное, и тиной отдаёт. У нас их даже свиньям скармливают (В.Г. Распутин. Вниз и вверх по течению).

По нашим наблюдениям, компаративные фразеологизмы *как дерево, как деревянный, как деревяшка* могут употребляться и по отношению к предметам обуви по признакам 1) «твёрдый, неэластичный» (чаще всего под воздействием сильного холода, мороза) и 2) «стучать, издавать характерный стук при ходьбе»: *Время от времени он яростно тёр перчаткой нос, щёки и уши и притоптывал ногами в отвердевших, стучавших, как дерево, калошах* (А.А. Бек. Почтовая проза); *Не успевал самовар закипеть, как на крыльце гремела щеколда, знакомо топали подмороженные, точно деревянные, валенки, распахивалась настежь дверь, и в клубах холодного пара, словно верхом на облаке, влетали сыновья* (В. Смирнов. Сыновья); *В хату ввалились засыпанные снегом мой ездовой Борисенко и проводник пан Янек. Они, как деревяшками, колотили по полу промерзшими валенками* (И.И. Бережной. Два рейда).

Интересно, что УС *как деревянный (-ая, -ое)* чаще, чем остальные сравнения, употребляется по отношению к мёртвому телу человека (животного), чаще всего замёрзшего или убитого: *– Не словили, а согнали. Разница. Посмотрите. Кирпачев взял зайца за задние ноги. Тушка флажком держалась в поднятой руке, не гнулась, как деревянная* (А.А. Ливеровский. Охоты Локтева. Пятый в машине); *Когда солдаты их подняли [замёрзших женщину и мальчика], они не разогнулись. Солдаты раскачали и бросили в грузовик женщину с подогнутыми ногами. Она стукнулась о старика, как деревянная. Потом солдаты раскачали и легко бросили мальчика с подогнутыми ногами. Он стукнулся о женщину, как деревянный, и даже немного подскочил* (В. Катаев. Отче наш).

Характерной особенностью всех рассматриваемых нами компаративных моделей является их широкое использование для образного выражения состояния человека (прежде всего душевного). Показательно, что основная, прототипическая модель *как дерево* используется в этой функции реже остальных. Остальные же структурные типы употребляются в этом качестве вполне регу-

лярно. Особенно широким семантическим диапазоном в плане выражения самых разнообразных нюансов душевного состояния обладает УС *как деревянный*. Это УС чаще всего выражает состояние глубокой отрешённости, полной безучастности, погружённости человека в тяжёлое переживание при отсутствии плача, крика и других «явных» признаков горя: *На четвёртый день ребёнок умер. И сёстры понесли его на кладбище хоронить. Маргарита не плакала. Она двигалась машинально и была как деревянная. Но делала всё, что ей говорила сестра* (М. Зощенко. *Никогда не забудете*); *Изрезал лекарь Дёмушку, / Циновочкой прикрыл / Я словно деревянная / Вдруг стала: загляделась я / как лекарь руки мыл...* (Н.А. Некрасов. *Кому на Руси жить хорошо*).

Это же сравнение может употребляться и для выражения душевной чёрствости, равнодушия, отсутствия внешней реакции на происходящее (в частности, на чьи-либо слова, увещевания, на чужую беду): *Да нет, – надежда плоха [на замужество]: вот теперь я распинаясь, а ведь она смотрит как деревянная; наградил же меня господь за мои прегрешения куклой вместо дочери* (А.И. Герцен. *Кто виноват?*); *Она [Юлия] взяла его [Александра] за руку и – опять полилась нежная, пламенная речь, мольбы, слёзы. Он ни взглядом, ни словом, ни движением не обнаружил сочувствия, – стоял точно деревянный, переминаясь с ноги на ногу* (И.А. Гончаров. *Обыкновенная история*). Характерны наиболее типичные компоненты контекста, «поддерживающие» в подобных случаях семантику состояния: наречие-эпитет «*машинально*», метафоры «*кукла*», «*истукан*», «*изваяние*», «*мёртвый(-ая)*», «*мертвец*», сравнение «*точно застыл(-а)*».

Эмоциональная «закрытость» человека обычно сопряжена с молчаливостью, замкнутостью, неприветливостью: *Вошла Володина мать и стала у двери, прямая, молчаливая, тоже неприветливая. Хорошо Светлана сказала про неё: «Понимаешь, Катя, она вся, вся как деревянная!»* (Н.М. Артюхова. *Мама*); *Сонька плелась за матерью с равнодушной покорностью и ни разу даже не спросила, куда и зачем они идут. Такая уж она выросла, точно деревянная* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. *Крупичатая*).

Наконец, УС *как деревянный* широко употребляется для выражения неловкости, скованности движений – внешних проявлений, которые могут быть связаны с душевным состоянием или с природной застенчивостью: *Заведя руку за спину, он круто повернулся и, весь как деревянный, с поднятыми плечами, пошёл между могил* (А.Н. Толстой. *Хождение по мукам*); *Вести Анну в танце было легко и удобно. Но раздражала её привычка на первом па подаваться к партнёру. Алексей придержал талию Анны большим пальцем, отведя в сторону ладонь. Она заметила это. – Вы всегда держитесь, как деревянный?* (Т.И. Дрёмова. *Ключи Семигорья*).

УС *как деревяшка* (так же как и метафора «*деревяшка*») используется главным образом для передачи многочисленных нюансов человеческих состояний и связанных с ними особенностей поведения. Например, в следующем контексте это сравнение явственно передаёт отсутствие чувства собственного достоинства, покорное смирение: [*Клеопатра Сергеевна:*] *Ты меня разлюбил!.. Я тебе в тягость нравственно и материально, и ты требуешь, чтобы я, как деревяшка* *какая-нибудь, ничего бы этого не понимала и продолжала тебя обременять собой* (А.Ф. Писемский. *Ваал*). Иногда метафора «*деревяшка*» употребляется в одном контексте с метафорой «*дерево*» (о человеке) и её ближайшим образным синонимом «*лёд*», столь же ярким выразителем душевной холодности, равнодушия: *– Лёд! Дерево! – заговорила княжна по уходе доктора. – Это ужасно! Смеяться не умеет, деревяшка* *этакая!* (А.П. Чехов. *Цветы запоздалые*).

В. Одоевский в одном из эссе сборника «*Русские ночи*» даёт подробную расшифровку устойчивой метафоры «*деревяшка*» («*клички*», как её именует автор): «*Сухой педант в нашем языке чрезвычайно верно и глубоко называется* *деревяшкой*, он, сообразно с своею кличкою, никого не любит, ничему не сострадает, ни в чём не раскаивается (В. Одоевский. *Русские ночи*). «*Человек-деревяшка*» вроде лишён явных отрицательных черт, но в русском языковом сознании он неизменно вызывает неприятие и настороженность: *– Злые, что ли? – Подхватил я. – Нет, не злые:* *деревяшки* *какие-то. А впрочем, я не могу на них жаловаться. Сосе-*

ди есть: у помещика Касаткина дочь, образованная, любезная, добрейшая девица... Не гордая (И.С. Тургенев. Записки охотника. Смерть).

Метафора «*деревяшка*» в ситуациях непонимания, недоумения по поводу чьего-либо равнодушия (при эмоциональном неприятии подобного поведения) часто употребляется в сочетании с прилагательным-эпитетом «*равнодушный*», с местоимениями «*эдакая*», «*какая-то*», а также в одном контексте с существительными «*чурка*», «*чурбан*» и прочими компонентами контекста, усиливающими отрицательную коннотацию: – *Воображаю себе, как бы вы за мною ухаживали. Да Вы бы меня с голоду уморили. – Вы это потому так говорите, Александра Павловна, что не знаете меня... Вы думаете, что я чурбан, чурбан совершенный, **деревяшка** какая-то <...>* (И.С. Тургенев. Рудин); – *Вы считаете возможным разрешать серьёзные вопросы дракой? – Нет, я не за драку. Но уж лучше драчун, чем равнодушная **деревяшка*** (Ф.А. Вигдорова. Черниговка).

Представляют интерес некоторые нюансы семантики и закономерности функционирования устойчивого сравнения с образом В-глаголом *как одеревенел*, а также его варианта *как одеревенелый*. Согласно Словарю устойчивых сравнений русского языка, эта компаративная единица характеризуется двумя значениями: '1. Утратил чувствительность, подвижность. О членах, частях тела человека.<...> Син.: *как ватный, как деревянный, как не свой, как чужой*. 2. Утратил восприимчивость, стал равнодушным, безучастным. Син.: *словно окаменел, словно окостенел, словно оцепенел*' [12, с. 424-425].

В Национальном корпусе русского языка (основной подкорпус) мы обнаружили около 12 примеров УС с компонентом «одеревенел» в следующих формальных вариациях: *словно одеревенел, будто одеревенел, точно одеревенел, как будто одеревенел, как бы одеревенел*. Примечательно, что данное УС практически не употребляется с «классическим» показателем компаративных отношений – союзом «как», что, по-видимому, не случайно: образ, выраженный глагольной лексемой, передает гипотетическую, заведомо ирреальную ситуацию: *Марвич бездумным взглядом смотрел на дымный свет фар,*

на холодный туман и острые пики елей, он словно одеревенел и перестал себя ощущать, но вдруг вздрогнул, почувствовав, что водитель косится [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора]; *Надо сказать, когда происходила расправа, я стоял, не шелохнувшись, **точно одеревенел**, и если бы захотел издать крик, то вряд ли смог бы – шок надёжно закупорил мне горло* (М. Елизаров. Библиотекарь); *Я, конечно, живу в постоянной тревоге, играю по самой маленькой и чего-то жду, рассчитываю, стою по целым дням у игорного стола и наблюдаю игру, даже во вне вижу игру, но при всём этом мне кажется, что я **как будто одеревенел**, точно застряв в какой-то тине* (Ф.М. Достоевский. Игрок).

Как правило, такие УС выражают психологическое состояние душевного оцепенения, связанное с глубоким горем: *Бурмот после смерти отца словно одеревенел – больше никто не услышал от него ни слова* (А. Иванов. Сердце Пармы); *Впрочем, его и не спрашивали в эти скорбные часы о подробностях, по крайней мере, я и Анна Петровна: я **точно одеревенел** и превратился в истукана в это страшное время; Анна Петровна, казалось, сошла с ума буйным помешательством, крича, что я убил её дочь* (А.К. Шеллер-Михайлов. Вешние грозы). Такое душевное состояние часто сопровождается неподвижностью, скованностью движений, застывшим лицом-маской и потерей дара речи.

Кроме того, состояние «одеревенелости» связано с утратой сознания, загуманиванием мыслительных способностей, когда человек не помнит себя и с трудом может анализировать события: *Я прочитал в газете такой факт, что вдруг **как бы одеревенел** и сразу перестал понимать решительно всё* (Г.И. Успенский. Из разговоров с приятелями); *Расстервенившийся Илюшка ничего не сознавал, – он **точно одеревенел**, сцепившись в обидчика* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца).

Встречаются интересные случаи авторского раскрытия образа, таящегося в семантике производного глагола, через «расшифровку» внутренней формы или путём противопоставления (антитезы): *С этой минуты Иван Иванович лишился дара речи и даже **как бы одеревенел**: двигался, но не как живой, а как вырезанный из дерева* (С. Шаргу-

нов. Ура!) Любопытно, что *одеревенелый* (*одеревеневший*) – это как бы «мёртвый», противопоставленный всему «живому».

Реже компаративное значение УС *словно* / *точно* / *будто* / *как будто одеревенел(-а)* определяется ситуацией холода, физического «замерзания»: *С трудом я залезаю в сани, под кибитку, на медвежью полость и сено, меня укутывают сверху, а я словно одеревенел, вижу только красные просветы во тьме от наших окон, тёмные фигуры около кибитки и иногда чуть освещённое лицо матери, слышу голос отца, убеждающего её: «Анюта, не простудись, ты бы хоть шаль накинула»* (Е.А. Гагарин. Поездка на святки).

Так же как и УС *как дерево, как деревянный, как деревяшка*, компаративный фразеологизм *словно* (*точно, будто*) *одеревенел* часто выражает признак душевной глухоты, бесчувствия, невосприимчивости к словам и оценкам окружающих: *Я вас вот как покоить буду! Но он словно одеревенел. Даже не выслушал порядком Галочкиных слов и грубо ответил. <...>* (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города); *Каширин не мог не знать, что этого ему никогда не простят, но он словно одеревенел и продолжал посещать «друзей» по-прежнему* (М.Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности. Старческое горе).

Вариант с образом В, выраженным отглагольным прилагательным – *как (точно, будто) одеревенелый* – встречается в текстах значительно реже и употребляется в основном в тех же значениях, что и УС *как (словно, точно) одеревенел*.

1) Физическое состояние замёрзшего, окостеневшего от холода человека: *А двигаешься медленно, не то что на лыжах, и когда приходит положенное время отогреваться, вваливаешься в кабину машиниста как одеревенелый куль* (А. Лехмус. Солдат – везде солдат). В данном случае УС выступает с трансформированном варианте: прилагательное «одеревенелый» не является самостоятельным компонентом В, а представляет собой лишь зависимый элемент по отношению к определяемому существительному «куль». По существу, имеет место контаминация двух УС: *как (словно, точно) куль <с зерном, мукой, овсом>* ('1. Сваливаться, валиться, падать – тяжело, инертно. О челове-

ке') [12, с. 305] и *как одеревенелый* ('1. Утратил чувствительность, подвижность. О членах, частях тела человека') [12, с. 424].

2) Психологическое состояние человека, утратившего восприимчивость, ставшего безучастным, безучастным (нередко вследствие глубокого потрясения): *События, случившиеся этой весной, отравили мою душу, и я сейчас стою, как одеревенелый* (Г. Гачев. Господин Восхищение (повесть об отце)).

Совершенно очевидно, что анализируемые нами устойчивые компаративные структуры, несмотря на общность исходного образа-субстанции («дерево»), не являются дублетами: они не могут рассматриваться как проявление некоей избыточности в языке. Выступая как синонимы во многих коммуникативных ситуациях, они характеризуются и индивидуальными семантико-прагматическими свойствами. Н.В. Черемисина, отмечая парадоксальное стремление языка к стандарту и экспрессии, к экономии и избыточности, к устойчивости и динамике, подчёркивает важность фактора **варьирования** на разных уровнях для сохранения прочности и долговечности всей системы: «Варьирование, всегда связанное с выражением новых смыслов (жанровых, образно-характеристических, словесных, фразеологических и т. п.), есть ПОБЕДА СЕМАНТИКИ над ФОРМОЙ (симметричной). <...> Симметрия прагматически полезна и необходима. Но в процессе функционирования системы возникает потребность <...> также и в построениях асимметричных» (*выделено Н.В. Черемисиной*) [14, с. 62].

Отметим любопытную особенность: в рассмотренных нами **языковых** компаративных моделях образному переосмыслению подвергается прежде всего второе значение существительного «дерево» '<...> 2. Только ед. ч. Древесный материал, идущий на изделия, постройки; древесина'¹. «Дерево» ассоциируется не с живой природной реальией, а, скорее, с мёртвым материалом (жестким, твёрдым, не способным гнуться).

Первое же значение '1. Многолетнее растение с твёрдым стволом и ветвями, образующими крону'² используется главным

¹ Словарь русского языка: в 4 т. М.: Изд-во «Русский язык», 1981–1984. Т. 1. С. 388.

² Там же.

образом в составе индивидуально-авторских (свободных) сравнений. При этом совершенно непредсказуемо, какой именно признак дерева-растения окажется актуальным в том или ином авторском контексте. Ср.: *И почему один всю жизнь на месте – как дерево, а другой – как перекасти-поле?* (Г.Л. Немченко. Цыганский отпуск); *В автобусе было тесно, жарко. Со всех сторон меня толкали и кричали: – Стал, как дерево. Чего задумался? Сходишь на следующей?* (С.В. Сартаков. Не отдавай королеву). В обоих случаях семантика авторских компаративных структур опирается на признак неподвижности, который, однако, проявляется по-разному: в первом примере УС как *дерево* – характеристика образа жизни в целом, во втором – характеристика поведения человека в конкретной ситуации. В авторских сравнениях с образом дерева-растения часто встречаются уточняющие компоненты, синтаксически зависящие от компонента В – согласованные прилагательные либо предложно-падежные формы существительных. При этом образ сравнения может выступать во множественном числе, поскольку слово «дерево» в подобных случаях ведёт себя уже не как название материала (*singularia tantum*), а как конкретное существительное: *Стоит олень, голову поднял, на охоту оглядывается, будто ждёт чего-то. <...> Морда тонкая, умная; рога, как дерево ветвистое, от конца до конца целая сажень* (В. Гаршин. Сказание о гордом Аггее); *Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди, что деревья в лесу; ни один ботаник не станет заниматься каждою отдельною берёзой* (И.С. Тургенев. Отцы и дети). Очевидно, что во всех приведённых случаях из семантической структуры существительного *дерево* «вытягивается» не вещественное, а, скорее, первое, «растительное» значение.

Анализ авторских компаративных структур, несомненно, представляет большой интерес как в аспекте развития языковых моделей сравнения, так и в плане анализа специфических черт того или иного идиостиля. Что касается процедуры сопоставительного анализа восприятия данного образа представителями разных лингвокультур, то здесь, бесспорно, на первом плане должны быть не

свободные, а общенародные единицы – компаративные фразеологизмы. В этом отношении мы полностью солидарны с Н.В. Черемисиной: «Языковая картина мира оказывается в системе различных картин мира наиболее долговечной, устойчивой, во многом (разумеется, лишь на том или ином конкретном временном срезе...) стандартной, ибо «воспроизводимы» именно стандартные ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА, ставшие УЗУАЛЬНЫМИ» (выделено автором цитаты) [15, с. 13]. Рассмотренная нами система может и должна быть дополнена целым рядом производных слов с семантикой образного сравнения, или компаративно-производных слов: *деревянный* (например, о походке человека), *деревянно* (улыбаться), *деревенеть*, *одеревенеть*, *задеревенеть* (от холода), *одеревенелый*, *задеревенелый* и т. д. Системное описание словообразовательных моделей и гнезд русского языка, в рамках которых регулярно проявляется компаративное деривационное значение, содержится в работах [16; 17].

Итак, на примере компаративного гнезда «дерево» мы попытались показать процедуру анализа средств образного выражения близких, но не тождественных смыслов. Подобное варьирование образной основы устойчивого сравнения в сфере компаративной фразеологии наблюдается регулярно и, несомненно, заслуживает более глубокого исследования. Значимость такого анализа определяется, помимо уже отмеченных выше факторов, и необходимостью системного описания места фразеологических единиц в «экспрессивном фонде» русского языка, о которой неоднократно говорили видные фразеологи нашего времени.

В целом система устойчивых сравнений с компонентом «дерево» и его производными антропоцентрична; она оказывается причастной к трём пересекающимся семантическим полям: 1) физическое состояние человека (в русском языке реализуются такие семантические признаки, как твёрдость, жёсткость; негибкость, неэластичность; холод, состояние замерзания; смерть, умирание; неподвижность или скованность движений; сонливость; 2) эмоциональное (психологическое) состояние (УС выражают такие признаки, как смущение, стеснительность; эмоциональная скованность; глубокая душевная

боль под влиянием несчастья, горя (чаще всего смерти или болезни близких); отсутствие осознанности собственных действий; шоковое, стрессовое состояние; страх; край-

нее изумление, удивление; 3) поведение (молчаливость; замкнутость; отсутствие реакции на окружающее; отрешенность от происходящих событий и их оценок).

Список литературы

1. Куликова И.С. Мир русской природы в мире русской литературы. Слова-растения в русской художественной картине мира. СПб.: Наука; САГА, 2006. 480 с.
2. Абакумова О.Б. Типологические схемы значений арбонимов и национальная специфика концептов в русском и английском языках // Чествуя филолога: к семидесятипятилетию Ф.А. Литвина. Орёл, 2002. С. 191-206.
3. Красс Н.А. Концепт «дерево» в славянской мифологии и поэзии А.С. Пушкина // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2004. № 1 (2). С. 50-55.
4. Борисова Л.В. Концепт «Дерево» как лингвокультурный код // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 1. С. 34-45.
5. Кропотухина П.В. Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 35-39.
6. Трафименкова Т.А. Фразеологизмы и устойчивые сравнения с компонентом-фитонимом как средство аксиологической характеристики человека // Известия Смоленского государственного университета. 2001. № 2. С. 218-227.
7. Рябинина М.И., Рябинина Н.В. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентами дерево / название дерева в русском, английском и немецком языках. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. 137 с.
8. Кхонг Тху Хиен. Русские и вьетнамские фразеологизмы с названиями растений в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 18 с.
9. Шаймарданова Г.М. Этнокультурная семантика фразеологизмов с названиями растений в русской и башкирской языковой картине мира // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2019. № 2. С. 134-137.
10. Чжоу Юеминь, Грязнова А.Т. Границы понятия «вещественный код» в русской языковой картине мира // Преподаватель XXI век. 2018. № 2. Ч. 2. С. 333-340.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
12. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: Русские словари: Астрель; АСТ, 2001. 800 с.
13. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 603 с.
14. Черемисина Н.В. Симметрия/асимметрия как глубинный универсальный закон языка и в различных отраслях знания // Человек. Язык. Искусство (памяти профессора Н.В. Черемисиной): материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МПГУ, 2002. С. 59-65.
15. Черемисина Н.В. Языковые картины мира и их семантическое взаимодействие в художественном тексте // Человек. Язык. Искусство (памяти профессора Н.В. Черемисиной): материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МПГУ, 2002. С. 12-24.
16. Огольцева Е.В. Образное значение в системе отсубстантивной деривации (структурно-семантический аспект). М.: Флинта, 2019. 296 с.
17. Огольцева Е.В. Образный потенциал существительных – названий веществ // Информационный потенциал слова и фразеологизма: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Р.Н. Попова. Орёл, 2005. С. 232-236.

References

1. Kulikova I.S. *Mir russkoy prirody v mire russkoy literatury. Slova-rasteniya v russkoy khudozhestvennoy kartine mira* [Russian Russian World of Nature in the World of Russian Literature. Words-Plants in the Russian Artistic Picture of the World]. St. Petersburg, Nauka Publ.; SAGA Publ., 2006, 480 p. (In Russian).
2. Abakumova O.B. *Tipologicheskiye skhemy znacheniy arbonimov i natsional'naya spetsifika kontseptov v russkom i angliyskom yazykakh* [Typological schemes of values arbeninoy and national specificity of con-

- cepts in Russian and English]. *Chestvuya filologa: k semidesyatipyatiletyu F.A. Litvina* [Honoring the Philologist: To the Seventy-Fifth Anniversary of F.A. Litvin]. Orel, 2002, pp. 191-206. (In Russian).
3. Krass N.A. Kontsept «derevo» v slavyanskoy mifologii i poezii A.S. Pushkina [The concept of the tree in the Slavonic mythology and Pushkin's poetry]. *Vestnik RUDN. Seriya «Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya» – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2004, no. 1 (2), pp. 50-55. (In Russian).
  4. Borisova L.V. Kontsept «Derevo» kak lingvokul'turnyy kod [Concept tree as a linguistic and cultural code]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskiye nauki – Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: Philology Series*, 2014, no. 1, pp. 34-45. (In Russian).
  5. Kropotukhina P.V. Kontseptosfera «Mir rasteniy» kak ob'yekt lingvisticheskikh issledovaniy [Conceptual domain “Plants” as an object of linguistic study]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii – Pedagogical education in Russia*, 2014, no. 6, pp. 35-39. (In Russian).
  6. Trafimenkova T.A. Frazеологизмы и устойчивые сравнения с компонентом-фитонимом как средство аксиологической характеристики человека [Phraseological units and stable comparisons with the phytonym component as a means of axiological characterization of a person]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta – of Smolensk State University*, 2001, no. 2, pp. 218-227. (In Russian).
  7. Ryabinina M.I., Ryabinina N.V. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika frazeologizmov s komponentami derevo / nazvaniye dereva v russkom, angliyskom i nemetskom yazykakh* [National and Cultural Specifics of Phraseological Units with Components Tree / Tree Name in Russian, English and German]. Khabarovsk, Pacific National University Publ., 2014, 137 p. (In Russian).
  8. Kkhong Tkhu Khiyen. *Russkiye i v'yetnamskiyе frazeologizmy s nazvaniyami rasteniy v lingvokul'turologicheskom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian and Vietnamese Phraseological Units with the Names of Plants in the Linguistic and Cultural Aspect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tver, 2019, 18 p. (In Russian).
  9. Shaymardanova G.M. Etnokul'turnaya semantika frazeologizmov s nazvaniyami rasteniy v russkoy i bashkirskoy yazykovoy kartine mira [Ethnocultural semantics of phraseological units with plant names in the Russian and Bashkir language picture of the world]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully* [Bulletin of Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla], 2019, no. 2, pp. 134-137. (In Russian).
  10. Chzhou Yuyemin, Gryaznova A.T. Granitsy ponyatiya «veshchestvennyy kod» v russkoy yazykovoy kartine mira [The boundaries of the concept of “substantial code”]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI Century], 2018, no. 2, pt 2, pp. 333-340. (In Russian).
  11. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguoculturological Aspects]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1996, 288 p. (In Russian).
  12. Ogoltsev V.M. *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiiy)* [Dictionary of Stable Comparisons of the Russian Language (Synonymous-Antonymic)]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Astrel Publ., AST Publ., 2001, 800 p. (In Russian).
  13. Mokiyeenko V.M. *Slovar' sravneniy russkogo yazyka* [Dictionary of Comparisons of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2003, 603 p. (In Russian).
  14. Cheremisina N.V. Simmetriya/asimmetriya kak glubinnyy universal'nyy zakon yazyka i v razlichnykh otraslyakh znaniya [Symmetry/asymmetry as a deep universal law of language and in various branches of knowledge]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chelovek. Yazyk. Iskusstvo (pamyati professora N.V. Cheremisinoy)»* [Proceedings of International Research and Practice Conference “Person. Language. Art (in memory of Professor N.V. Cheremisina)”. Moscow, MPGU Publ., 2002, pp. 59-65. (In Russian).
  15. Cheremisina N.V. Yazykovyye kartiny mira i ikh semanticheskoye vzaimodeystviye v khudozhestvennom tekste [Linguistic pictures of the world and their semantic interaction in a literary text]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chelovek. Yazyk. Iskusstvo (pamyati professora N.V. Cheremisinoy)»* [Proceedings of International Research and Practice Conference “Person. Language. Art (in memory of Professor N.V. Cheremisina)”. Moscow, MPGU Publ., 2002, pp. 12-24. (In Russian).
  16. Ogoltseva E.V. *Obraznoye znacheniyе v sisteme otsubstantivnoy derivatsii (strukturno-semanticheskiiy aspekt)* [Figurative Meaning in the System of Non-Substantive Derivation (Structural and Semantic Aspect)]. Moscow, Flinta Publ., 2019, 296 p. (In Russian).
-

17. Ogoltseva E.V. Obraznyy potentsial sushchestvitel'nykh – nazvaniy veshchestv [Figurative potential of nouns – names of substances]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati R.N. Popova «Informatsionnyy potentsial slova i frazeologizma»* [Proceedings of International Research and Practice Conference Dedicated to the Memory of R.N. Popov “Information Potential of Words and Phraseological Units”]. Orel, 2005, pp. 232-236. (In Russian).

Информация об авторе

Огольцева Екатерина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка. Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: tertiumcomp@mail.ru

Вклад в статью: концепция, основанная на идее объединения языковых единиц с семантикой образного сравнения в «компаративные гнезда»; систематизация и обработка языкового материала из личной картотеки и Национального корпуса русского языка; анализ семантики устойчивых сравнений; написание текста статьи.

Поступила в редакцию 25.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 09.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Ekaterina V. Ogoltseva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Language Department. Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, E-mail: tertiumcomp@mail.ru

Contribution: conception based on the idea of combining linguistic units with the semantics of figurative comparison into “comparative nests”; systematization and processing of linguistic material from a personal card index and the National Corpus of the Russian language; analysis of stable comparisons semantics; manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0001-6439-0130

Received 25 October 2020
Reviewed 9 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61
УДК 82.0

Виртуально-творческий межнациональный диалог (А. Жид – Ф. Ницше – Ф. Достоевский) во французском и русском литературоведении

Марина Михайловна ГЛАЗКОВА ✉, Яна Владимировна ИКОННИКОВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
✉ rusfilol37@mail.ru

Аннотация. В результате обзора литературы по проблеме «Диалог культур в творчестве А. Жида» установлены обширные контактные связи и типологические схождения, переклички образов и идей, выявлены новые трактовки сюжета. Все это стало основой интертекстуального анализа, позволившего более глубоко понять интенцию художников слова, особенно Ф.М. Достоевского, с кем А. Жид и вступает в виртуальный диалог. Цель работы – обращение к этико-философским идеям Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского в контексте произведений А. Жида, что оказывается важнейшим моментом и основой для понимания сути творчества видного французского писателя. В систему анализа входит своеобразный диалог Ф. Ницше, А. Жида с Ф.М. Достоевским – художников, относящихся к разным национальностям и культурам, не совпадавшим по времени, не знавшим друг друга лично, который оказался свидетельством их неразрывной культурной связи. Определена степень изученности и самобытности художественного мира А. Жида на основе богатого фактического материала, который содержится в исследованиях творческого наследия французского писателя, что позволяет проследить эволюцию творчества А. Жида с начала XX до начала XXI века, определить литературоведческую значимость проблем, которые поставлены в его творчестве. Методология работы включает в себя обзор уже сделанного во французском и русском литературоведении по данной проблеме в контексте воплощения в их творчестве национальных идей, что и составляет новизну и актуальность данного исследования. Выводы: для А. Жида обращение к Ф.М. Достоевскому было погружением в его художественные тексты с целью познания русской ментальности в сопоставлении её с западно-европейской системой ценностей. Французский писатель подчёркивал, что в русской среде, изображённой Ф.М. Достоевским, преобладает любовь, которая «всеохватна», поэтому она писателем названа «всемирной отзывчивостью». К такой любви люди идут через сострадание, жертвенность, кротость и глубокую веру в Спасителя и Богородицу. Осознав свою мессианскую роль в мире, русский народ в лице Ф.М. Достоевского, по мнению А. Жида, в будущем обновит католическую церковь, исказившую христианство и внесшую распри в мировое общество. Диалогический ракурс требует более глубокого исследования, потому что и французские, и немецкие, и русские писатели-мыслители обращают свой взгляд не только на интерпретационную часть, не только на толкование, интерпретацию произведений Ф.М. Достоевского, но и на рассыпанные в произведениях А. Жида переклички с его мыслями, споры с его героями, намёки на его сюжеты, на обыгрывание отдельных эпизодов, что не нашло детального изучения и обоснования в этом интересном виртуальном диалоге.

Ключевые слова: контактные и типологические связи писателей; схождения и переклички и совпадения трактовки образов мировой литературы; виртуальный диалогизм

Для цитирования: Глазкова М.М., Иконникова Я.В. Виртуально-творческий межнациональный диалог (А. Жид – Ф. Ницше – Ф. Достоевский) во французском и русском литературоведении // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 51-61. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Virtual-creative interethnic dialogue (A. Gide – F. Nietzsche – F. Dostoevsky) in French and Russian literary criticism

Marina M. GLAZKOVA ✉, **Yana V. IKONNIKOVA**

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ rusfilol37@mail.ru

Abstract. The review of literature on the problem of “Dialogue of cultures in A. Gide’s works” establish extensive contact and typological convergence, a rollcall of images and ideas, reveal new interpretation of the story. All this became the basis of intertextual analysis, which allows us to understand more deeply the intention of the artists of the word, especially F.M. Dostoevsky, with whom A. Gide enters into a virtual dialogue. The work purpose is to address the ethical and philosophical ideas of F. Nietzsche and F.M. Dostoevsky in the context of A. Gide’s works, which turns out to be the most important moment and the basis for understanding the essence of the work of prominent French writer. The system of analysis includes a peculiar dialogue between F. Nietzsche, A. Gide and F.M. Dostoevsky – artists belonging to different nationalities and cultures, who did not coincide in time, did not know each other personally, which turned out to be evidence of their inextricable cultural connection. We determine the study degree and A. Gide’s artistic world originality on the basis of the rich factual material contained in the studies of the creative heritage of the French writer, which allows us to trace the evolution of A. Gide’s work from the beginning of the 20th to the beginning of the 21st century, to determine the literary significance of the problems posed in his work. The methodology of the work includes an overview of what has already been done in French and Russian literary studies on this issue in the context of the embodiment of national ideas in their work, which is the novelty and relevance of this study. Conclusions: for A. Gide, an appeal to F.M. Dostoevsky was immersed in his literary texts in order to understand the Russian mentality in comparison with the Western European system of values. The French writer emphasized that in the Russian environment, depicted by F.M. Dostoevsky, love prevails, which is “inclusive”, so the writer called it “world responsiveness”. People go to such love through compassion, sacrifice, meekness and deep faith in the Savior and the Mother of God. Realizing their messianic role in the world, the Russian people, represented by F.M. Dostoevsky, according to A. Gide, in the future will renew the Catholic Church, which distorted Christianity and brought strife in the world community. The dialogical perspective requires a deeper study, because French, German and Russian writers-thinkers turn their gaze not only to the interpretative part, not only to the interpretation, interpretation of the works of F.M. Dostoevsky, but also scattered in the works of A. Gide rolls with his thoughts, disputes with his heroes, allusions to his plots, to playing out individual episodes, which did not find a detailed study and justification in this interesting virtual dialogue.

Keyword: contact and typological writers’ connections; convergence and rollcall and coincidence of interpretation of world literature images; virtual dialogism

For citation: Glazkova M.M., Ikonnikova Y.V. Virtual’no-tvorcheskiy mezhnatsional’nyy dialog (A. Zhid – F. Nitshe – F. Dostoyevskiy) vo frantsuzskom i russkom literaturovedenii [Virtual-creative interethnic dialogue (A. Gide – F. Nietzsche – F. Dostoevsky) in French and Russian literary criticism]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 51-61. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Андре Жид (1869–1951) представляет уникальное явление в истории мировой ли-

тературы. Обладатель Нобелевской премии по литературе (1947 г.), А. Жид считается

«самым современным классиком», который оказал значительное влияние на становление мировой литературы XX века. Богатое разнообразное литературное наследие французского писателя в жанре романов, эссе, театральных пьес, критических статей, дневников, мемуаров, переписки с выдающимися деятелями эпохи позволяет исследователям говорить об А. Жиде как о многогранном художнике.

Хотя об Андре Жиде выпускается ежегодный бюллетень, посвящённый его творчеству, свидетельствующий о неисчерпаемости оттенков вопросов и тем, связанных с его прозой, до сих пор не исследован смысл творческого диалога А. Жида с Ф. Ницше и Ф.М. Достоевским, который длился всю его творческую жизнь. А между тем в своих лекциях о Ф.М. Достоевском писатель, размышляя о противоречивости философии Ф. Ницше, сближал точки зрения этих двух противоположных мыслителей, доказывая их диалогичность.

В 70-е гг. XX века появляются серьёзные исследовательские работы, в которых литературоведы обращаются к моральным, психологическим, философским вопросам в художественном мире А. Жида. Особый интерес направлен к теме «Ф.М. Достоевский и А. Жид». В современных работах уделяется внимание жанровой проблематике романов писателя, роли идей Ф.М. Достоевского в произведениях французского классика и их интерпретации.

К теме «Осмысления творчества А. Жида и Ф. Ницше» в России долгое время не обращались, поскольку именно немецкий мыслитель длительное время подвергался негативной оценке, в результате чего сформировался образ «имморалиста, декадента, идеолога нацизма, шовиниста, антисемита, проповедника фашизма» [1]. В 1990-е гг. интерес к наследию Ф. Ницше приобрёл новые парадигмы прочтения: его работы были интересны для исследователей языка и филологии науки [1].

На наш взгляд, обращение к этико-философским идеям Ф. Ницше в свете идей Ф.М. Достоевского и в контексте произведений А. Жида является основой для понимания сути его творчества. В систему анализа в нашем исследовании входит своеобразный

диалог художников-мыслителей Ф. Ницше, А. Жида и Ф.М. Достоевского, относящихся к разным культурным кодам. Этот важный, во многом пророческий диалог художников слова, показывающий неразрывность культурных связей западноевропейских литератур и России.

В книге «Андре Жид», созданной Р. Лалу, особенно ярко показана борьба «демонов» и «ангелов» в душе человека в романе А. Жида «Фальшивомонетчики» (1925), почерпнутая из романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871). Критик приходит к следующему выводу: «Человеку часто говорили, что он несёт в себе Царство Бога, А. Жид неустанно повторяет, что он несёт в себе также царство Сатаны и не может избавиться от обязанности приносить плоды от своего двойного наследия» [2, р. 45-46].

Р. Лалу сосредоточивается на религиозной проблематике, раскрывая внутренний конфликт в душе самого писателя, который обусловил эмоциональность и драматизм сюжетов его произведений. Исследователь уверен, что основные противоречия, которые пронизывают все тексты А. Жида, могут быть сведены к одной дилемме: как быть свободным от моральных догм и в то же время «не перейти черту», то есть понимание того, что полная безудержная свобода не совместима с нравственным законом.

Рамон Фернандес в монографии «Андре Жид» (1931) вектор своего исследования направляет на специфику его историзма. Он не согласен с мнением, что А. Жид «меньше всего думает об исторических фактах, по сравнению с другими писателями» [3, р. 14]. Учёный расширяет параметры исследования творчества А. Жида. Он говорит об его эволюции от автобиографии к роману, которая «отвечает важнейшим историческим моментам...», акцентируя внимание на духовном плане его исторической значимости [3, р. 14]. По мнению исследователя, драма А. Жида – это «драма влечения, вторжение другого в его внутреннюю жизнь, в его христианское сознание, что приводит к значительным последствиям, к конфликту» [3, р. 18]. Р. Фернандес назвал основную тему произведений А. Жида – это «Бог как судия» – и объявил, что христианская религия очень ограничивает человека, создавая «кандалы для свободы

личности». Он, как и Р. Лалу, подчёркивал нерешенность внутреннего конфликта, который переживает писатель. Подсознательно тема столкновения неограниченной свободы Ф. Ницше и строгой христианской морали Ф.М. Достоевского уже ощутима в трактовке творчества французского писателя.

Имя Ф. Ницше появится в непосредственной связи с А. Жидом в монографии Анри Дрена «Ницше и Жид» (1932). Автор рассматривает созвучность идей немецкого и французского мыслителей на примере «Так говорил Заратустра» (1883–1885) и ранних произведений А. Жида («Яства земные» 1887, «Имморалист» 1902, «Тесные врата» 1909). Цель критика – изучить «порыв души к свободе и к радости», который, на первый взгляд, объединяет двух художников, Ф. Ницше и А. Жида [4, р. 26].

По мнению А. Дрена, герои А. Жида, как и Заратустра, находятся в поисках своего «глубокого естества», прежде всего, хотят быть свободными, вот почему они «отдаляются от огороженных мест, церковей, семей, они отрицают любую собственность» [4, р. 104]. Г. Дрен считает, что бесконечная проблема, которая стоит в центре мысли А. Жида и Ф. Ницше, – это «проблема индивиду и его возможностей. Проблема отрицания Бога и проблема индивидуализма» [4, р. 106].

Французский исследователь ставит вопрос о смирении и гордыне в творчестве Ф. Ницше и А. Жида, приходя к выводу, что Ф. Ницше, как и герои А. Жида, в своей гордыне терпят поражение в споре с Богом. Хотя в концепции Г. Дрена звучат морализаторские интонации, исследователь утверждает, что единственным правильным путём человека должен быть путь «не до сверхчеловеческого, а к Богу» [4, р. 255].

Двухтомная монография «Андре Жид, его жизнь, его творчество» Леона Пьер-Кена – одно из самых интересных литературоведческих исследований начала XX века. Он также обращается к биографии художника, обогащая свой труд «Дневниками» А. Жида, письмами, воспоминаниями его друзей, проникая, таким образом, в самую суть характера писателя. Автор оригинально рассматривает тему диалогизма, которая интересовала его предшественников. В своей монографии фран-

цузский критик концентрирует внимание на самых драматических моментах жизни А. Жида. По его мнению, внутренний мир писателя, его своеобразное мировоззрение проявляются в эволюции его творческих поисков, в том числе и в осознании моральных ценностей. Учёный сосредоточивает свой основной интерес на вопросах морали в творческой системе французского писателя. Он считает, что именно противоречивые мнения А. Жида, ярко отражённые в его произведениях, и составляют «Его Мораль». Пьер-Кен предполагает, что после чтения Евангелия и Ф.М. Достоевского А. Жид осознал, что «он не сможет уничтожить окончательно противоречия своей природы» [5, р. 234]. По его мнению, французский писатель прошёл путь от «эгоцентрического индивидуализма к евангельской морали», но эти два аспекта слились в единую систему – в индивидуализм» [5, р. 192]. Критик расширяет исследовательские параметры, показывает эволюцию в формировании нравственного мировоззрения А. Жида.

К религиозной проблематике, воплощённой в виртуальном диалоге писателей, обращается и Луи Баржон в своём исследовании «Жид и Сент-Экзюпери» (1952). Преподаватель современной французской литературы Луи Баржон задумывается в своём научном труде над вопросом веры «в мире, где провозглашена смерть Бога» [6, р. 5].

Начиная свое исследование творчества писателей А. Жида и А. де Сент-Экзюпери с их детства, автор акцентирует внимание на религиозном воспитании. Оба сироты, которые рано потеряли родителей, писатели прошли сложный жизненный путь к пониманию религии. А. Жид воспитывался в протестантской семье, «окружённый пуританской моралью, которая является противоестественной», как считает учёный [6, р. 18]. А. де Сент-Экзюпери вырос в католической среде. Л. Баржон утверждает, что А. Жид видел в «нравственных нормах принцип разрушения своего жизненного порыва», А. де Сент-Экзюпери, наоборот, видел «принцип, который направляет и укрепляет этот порыв» [6, р. 18]. В своём небольшом по размеру труде католический учёный находит отличия в основной теме творчества двух писателей: А. Жид провозглашает смерть

Христа, а произведения А. де Сент-Экзюпери направлены к прославлению Христа [6, p. 30]. Л. Баржон одним из первых подходит к размышлениям о смерти Бога в творчестве А. Жида, но вместе с тем акцентирует внимание на необходимости принимать особенности протестантского воспитания французского писателя.

В трудах, посвящённых А. Жиду (1950–1960 гг.), появляются новые векторы изучения его художественного мира. В другом направлении ведёт свои исследования творчества А. Жида французский философ Марк Бегбедер. Соглашаясь и полемизируя со своими предшественниками, он выдвигает новые идеи. В монографии со странным, на первый взгляд, названием «Взгляд с окна на человека Жида» (1954), М. Бегбедер также отмечает неотъемлемость творчества художника от его биографии, «хотя бы для того, чтобы понять, как сформировалось его творчество» [7, p. 9]. Учёный методично «открывает окна» жизни французского писателя, начиная от пуританского детства и вместе с тем анализируя истоки «еретических» взглядов А. Жида.

В 1957 г. выходит двухтомное биографическое исследование «Молодость Андре Жида» Жана Деле, который вносит новое, неординарное видение художественной переклички французского писателя с русским гением, рассматривая начало его творческого пути через психоаналитический метод. Опираясь на труды З. Фрейда, автор монографии раскрывает основные мотивы творческой реализации французского писателя. А. Жид, по его утверждению, находит «путь своего спасения в литературном творчестве» [8, p. 657]. Учёный акцентирует внимание на серьёзном увлечении французского писателя философией Ф. Ницше. По его мнению, это увлечение сильно повлияло на возникновение сложного внутреннего конфликта, связанного с религиозным воспитанием А. Жида. Ж. Деле говорит о том, что благодаря своему «личному методу, ироничной эстетике, примененной к морали, А. Жид должен был выздороветь от своего ницшеанства, прививая его своим героям» [8, p. 658]. Автор уверен, что все герои писателя «страдают от своего индивидуализма», всех он приводит к «банкротству» [8, p. 658]. Исследова-

тель приходит к выводам, что А. Жид, несмотря на всю свою психологическую сложность и противоречивость, остался христианским писателем.

Характерной чертой, объединяющей этих исследователей, является то, что в центре – личность А. Жида в его внутреннем монологическом диалоге с Ф.М. Достоевским, как неотъемлемое свойство биографического метода. Для французского писателя много значит свобода личности, считает Жан Гутьер, «но изображает он её, как правило, во всей её сложности» [9, p. 157].

Не все исследователи с восторгом отнеслись к творчеству А. Жида. Французский романист Марсель Берже в своём труде «Стиль под микроскопом» (1949) проводит детальный анализ предисловия к «Имморалисту». Неординарный стиль А. Жида Берже воспринимает негативно, считая, что в этом предисловии даже под микроскопом сложно отделить автора от главного героя Мишеля. Специфика его анализа в ироническом рассмотрении каждой фразы, каждого слова, используемого А. Жидом. Как пишет М. Берже, «это предисловие абсолютно противоречит любому предисловию» [10, p. 69].

Анализируя большой массив критической литературы об А. Жиде, можно проследить существенное изменение направления исследовательского внимания с конца XX – до начала XXI века в сторону осмысления антихристианского мировоззрения А. Жида.

В своей монографии «Андре Жид и Поль Валери» (1998) Даниэль Мутот посвящает целый раздел проблеме «Жид и Ницше». Исследователь обращается к литературному наследию А. Жида, также выделяя его наиболее «ницшеанский» роман «Имморалист». Основная проблема, по мнению критика, это проблема «трагического столкновения Жизни и Культуры, поставленная в рамки конкретного существования» [11, p. 130]. Как считает Д. Мутот, само знакомство А. Жида с творчеством Ф. Ницше повлияло на замену заголовка ницшеанским понятием «Имморалист». Исследователь считает, что основная ницшеанская тема «переоценки всех ценностей» звучит во всём романном творчестве А. Жида до 1925 г.

В монографии Д. Мутот исследует пересечения идей А. Жида с творческим потен-

циалом Ф.М. Достоевского, высоко оценивая книгу А. Жида «Достоевский»: «Достоевский и его творчество соприкоснулись с французским сознанием XX века благодаря Жиду...» [11, р. 197]. Исследователь справедливо отмечает, что в классическом наследии А. Жида можно выделить несколько творческих образов Ф.М. Достоевского. Д. Мутот изучает творчество русского писателя на менее известных во Франции его произведениях: «Кроткая» и «Неточка Незванова», тем самым обогащая представление французского читателя о «русском гении».

На рубеже XX–XXI веков французские учёные обращаются к теме влияния Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского на творчество А. Жида в других аспектах. В этом плане выделяется статья Софи Оливье «Полемика между Полем Клоделем и Андре Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского» (1994). Исследовательница подробно останавливается на переписке Поля Клоделя и А. Жида, в котором обсуждаются вопросы религии. По мнению С. Оливье, «Жид находит в русском писателе кое-что от протестантизма своего детства: любовь к евангельскому Христу и враждебность в отношении католической религии. Писатель пленяет его постоянным смирением, которое он проявляет на каторге, полным отсутствием бунта против своей судьбы» [12, с. 212].

Труд Николаса Ода “L'impossible confession de Fédor Dostoïevski écrite par André Gide” (2014) выделяется среди других интересными размышлениями и параллелями с прозой Ф.М. Достоевского. Исследователь подчёркивает, что А. Жид ушёл от намерения написать биографию Ф.М. Достоевского, но создал в результате «биографическое пространство без биографии» [13, р. 6]. Учёный говорит о разительном отличии между исповедью «по Достоевскому и по А. Жиду». По мнению Н. Ода, исповедь – это «настоящее место встречи двух писателей: с одной стороны, специфическая игра А. Жида вокруг построения картины себя, с другой стороны, романский универсум Достоевского, которому присуща противоречивая позиция повествования о себе» [13, р. 6]. Н. Ода одним из первых обращается к проблеме исповедальности в творчестве А. Жида.

С расширением художественного и культурного контекста значение творчества Ф.М. Достоевского для А. Жида становится всё более явным. В XXI веке появляются зарубежные исследования не только французских авторов, которые посвящены вопросу «Достоевский и Жид».

В своей книге “A Virgil to his Dante: Gide's reception of Dostoievski” (2000) британский литературовед и историк Дональд Рейфилд, устанавливая зависимость развития художественной концепции А. Жида от Ф.М. Достоевского и от евангельских истин, писал: «Евангелие и Достоевский действуют в тандеме на развитие Жида» [14, р. 342]. В поле зрения учёного попадают самые известные произведения А. Жида «Фальшивомонетки», «Подземелья Ватикана», Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», «Идиот». Подытоживая, Д. Рейфилд пишет о том, что «с «Фальшивомонетчиками» А. Жид освободился от влияния Ф.М. Достоевского, в «Подземельях Ватикана» французский писатель показывает человеческую природу, силу, которая протестует против порядка и универсума, против морали и разума» [14, р. 354].

Мари Мюрезан в своей статье с символическим названием «Пустые комнаты Андре Жида» (2008) обращается к теме влияния немецкого и русского мыслителей на творчество французского писателя. Исследовательница акцентирует внимание на том факте, что до публикации романа «Имморалист» в 1902 г. А. Жид даже не вспоминал о Ф. Ницше ни в своём Дневнике, ни в письмах. Подтверждая, таким образом, мнение самого А. Жида о том, что «ницшеанство началось ещё до появления Ницше». Она рассматривает «ницшеанство» в «дневниках» А. Жида и его двух произведениях «Яства земные» (1897) и «Имморалист» (1902). Автор статьи говорит о постоянной «борьбе» А. Жида, «чтобы совместить Ницше и Достоевского в пространстве своего литературного творчества» [15, р. 1]. Исследовательница посвоему очерчивает существующую проблему. Каждый из великих мыслителей, по её мнению, вносит свою долю влияния на художественный мир французского писателя. Но, как считает М. Мюрезан, А. Жид не смог до конца принять ни позицию Ф. Ницше, ни позицию Ф.М. Достоевского. С таким выво-

дом сложно согласиться, поскольку литературовед не включает в свой труд такую важную составляющую творчества французского писателя, как самобытный диалог А. Жида с философом Ф. Ницше и писателем Ф.М. Достоевским, заключённый в явных переключках образов, идей и художественных средств выражения.

Высоко оценивали творчество А. Жида многие российские писатели, литераторы, выдающиеся деятели эпохи начала XX века. Французский писатель был близко знаком с И.А. Буниным, Г. Адамовичем, И. Эренбург, М. Бердяевым, Б. Пастернаком. М. Цветаева в своём письме к А. Жиду (1937) обращается к нему как к французскому писателю, который любит Россию, знаком с русской литературой [16].

В России литературоведы вводили в свои исследования, анализировали и литературно-критические труды А. Жида. Особенно важно, что, освещая фигуру французского классика с разных сторон, литературовед Н.Я. Рыкова в своей вступительной статье ко второму тому собрания сочинений А. Жида (1935) обращается к его труду «Достоевский». Она концентрирует внимание на значимости творчества Ф.М. Достоевского для европейской литературы конца XIX века. По верному, на наш взгляд, мнению Н.Я. Рыковой, роман «Бесы» французский писатель расценивает как роман «революционного раскрепощения», с явной политической направленностью, а личные суждения А. Жида не охватывают всего «многопланового спектра значений произведений Достоевского» [17, с. 332]. Анализ творчества А. Жида посвящено несколько научных трудов Н.Я. Рыковой, главные из которых: «Андре Жид и его роман «Фальшивомонетки», «Проза. Модернистские и консервативные тенденции».

Творческий диалог с Ф.М. Достоевским у французского писателя был всеобъемлющим. В 1908 г. А. Жид написал сценарий по роману «Братья Карамазовы» для постановки на сцене французского театра. Одновременно выходят статьи А. Жида «Переписка Достоевского» (1908), а затем «Братья Карамазовы» (1911), «Речь на праздновании столетия со дня рождения Достоевского» (1921).

А. Жида интересует всё: личность Ф.М. Достоевского, его жизнь и его творче-

ство, эксклюзивность его художественного языка, его взгляды на мир. Среди невоплощённых замыслов А. Жида стало создание биографического эссе «Жизнь Достоевского», но в 1923 г. выходит в свет книга «Достоевский», которая состояла из нескольких статей, также в неё вошли лекции, прочитанные в театре «Старая Голубятня», посвящённые столетию со дня рождения русского гения.

Свои лекции о Ф.М. Достоевском А. Жид начинает с обращения к литературной работе М. де Вогюе «Русский роман» (1886), где он сетует, что М. де Вогюе сознательно ограничивает выбор анализируемых произведений русского автора: «Господин Вогюе подаёт нам плачевно обеднённый, неполный и тем самым искажённый образ этого необыкновенного гения...» [18, с. 205-206]. Такое резкое определение обусловлено тем, что французский учёный обходит своим вниманием такие масштабные произведения Ф.М. Достоевского, как «Братья Карамазовы» и «Бесы».

М. де Вогюе, действительно, выделял как самые удачные романы «Бедные люди», «Записки из мёртвого дома», «Преступление и наказание», отмечая, что именно в этих произведениях «лучше показаны разные грани его (Достоевского) таланта» [19, р. 266]. Однако в своём исследовании он обращался и к таким произведениям Ф.М. Достоевского, как «Униженные и оскорблённые», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы», давая обобщающую, но неполную характеристику этим романам.

М. де Вогюе неоднократно указывал на «растянутость» романов Ф.М. Достоевского, считая это основным недостатком русского писателя [19, р. 266]. М. де Вогюе по-своему акцентировал внимание на особых, значительных моментах творчества Ф.М. Достоевского, подчёркивая его уникальность и его талант психолога.

А. Жид акцентировал внимание на «современности образов», созданных в этом романе, считая, что «никакое произведение художественной фантазии не владеет более убедительным бытием, чем эти знаковые образы; ни на мгновение не теряющие своей выраженной реальности» [18, с. 239].

Большую часть своего анализа М. де Вогюэ посвятил роману «Записки из Мёртвого

дома» (1860–1861). Он обратился к биографической линии произведения, которая плотно вплетена в канву романа, в которой содержится, по его мнению, опыт четырёх лет жизни на каторге самого Ф.М. Достоевского. В этом романе христианская идея страдания, по убеждению М. де Вогюэ, возведена русским писателем до крайней степени моральной ценности: «Я не думаю, что можно нарисовать более мучительные страдания в более отвратительной обстановке <...> Он поднял осторожной, но безжалостной рукой полотно, скрывавшее от взоров самих русских этот сибирский ад, ледяной круг Данте, затерявшийся в далёких туманах» [19, р. 236-237]. М. де Вогюэ понимал страдание в романах Ф.М. Достоевского как средство духовного возрождения человека, как необходимый путь «морального очищения» [19, р. 110], и всё творчество Ф.М. Достоевского он определял «как религию страдания». По мнению М. де Вогюэ, весь смысл произведений Ф.М. Достоевского заключается в одной фразе, когда Раскольников стоит на коленях перед Соней: «Я стою на коленях перед всем страданием человеческим» [19, р. 111]. Французский учёный говорит об эстетизации страдания, апологии страдания в произведениях Ф.М. Достоевского.

А. Жид, так же, как и М. де Вогюэ, видит в творчестве Ф.М. Достоевского те аспекты, которых лишены французские романы. Он также выделяет в Ф.М. Достоевском «склонность не только к страданию, но и к состраданию, которое свойственно и преступнику» [18, с. 11]. А. Жид акцентирует внимание на основополагающей роли Евангелия как в жизни, так и в литературном творчестве Ф.М. Достоевского: «Всё, что он писал потом, проникнуто евангельским учением» [18, с. 267].

Развивая эту тему, А. Жид приходит к интересному сравнению понимания Евангелия Ф.М. Достоевским и Ф. Ницше: «Безопасной, глубокой реакцией, которую оно вызвало у Ф. Ницше, была, надо прямо сказать, зависть» [18, с. 267]. А. Жид считает, что реакция Ф.М. Достоевского была совсем другой: «Он сразу же почувствовал, что Ф.М. Достоевский низко склонился перед Христом; и первым, и самым важным следствием этого было его самоотречение» [18,

с. 267]. Надо заметить, что в своём исследовании творчества Ф.М. Достоевского А. Жид часто обращался к немецкому философу. В предисловии к изданию книги «Достоевский» он использовал цитату Ф. Ницше: «Достоевский – единственный психолог, у которого я мог чему-то научиться», демонстрируя таким образом основной ориентир своего исследования. В своей работе А. Жид, по сути, противопоставил две полярные философские системы этих двух выдающихся мыслителей.

Своеобразное осмысление понимания «человека в мире» Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше найдёт своё отражение и в произведениях А. Жида. Уже в 1902 г., до появления труда «Достоевский», выходит его роман «Имморалист», где писатель создаёт героя, близкого по духу, но вписывает его в жизненные реалии своего времени. А. Жид анализирует, к чему приводит «свобода» в ницшеанском понимании, в мире, где «Бог умер». Писатель замечает, что Ф. Ницше «требует действия, вследствие которого «сильный человек» без каких-либо моральных потерь для себя может быть освобождён от мук совести» [18, с. 267]. В «Имморалисте» главный герой Мишель не освобождается от мук совести, а самому французскому писателю остаётся искать гуманный путь в мире, где «Бог умер».

Для постижения самобытности творчества Ф.М. Достоевского А. Жид обращался к теме своеобразия русской ментальности: «В русской душе он видит «склонность к всемирной отзывчивости и всепримирению» и доходит до того, что <...> произносит удивительные слова, что русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоиться. <...> эта «всемирная отзывчивость» сопровождается и подкрепляется пламенным чувством любви к России, которое в сознании Достоевского является необходимым» [18, с. 227-228]. По убеждению А. Жида, национальная эксклюзивность играет первоочередную роль в понимании творчества русского классика. Склонность к страданию и состраданию, самоунижение, «религиозность русского человека, которая остаётся даже тогда, когда любая вера угасла» [18, с. 270] – одно из важнейших качеств

русского народа и лично Ф.М. Достоевского, по мнению А. Жида.

Оба критика, и М. де Вогюе, и А. Жид, вглядываясь в творчество Ф.М. Достоевского, видят самобытность русского характера, приходя к выводу, что мировосприятие русского человека не укладывается в рациональную ментальность европейца. М. де Вогюэ приводит слова Свидригайлова из «Преступления и наказания» о «широком человеке...»: «Русский человек – человек необъятный, необъятный, как его земля, страшно склонный ко всему фантастическому и беспорядочному» [19, р. 268]. М. де Вогюе сознательно подчёркивал: «Русский человек» акцентирует своё внимание на общенациональных ценностях. Поведение героя Ф.М. Достоевского часто не поддаётся пониманию рационального европейца. Доказывая свое мнение, М. де Вогюе приводит цитату Тютчева:

Умом Россию не понять,
В Россию можно только верить [19, р. 243].

То, что у М. де Вогюэ только намечено пунктирно, у А. Жида разворачивается в подробное исследование. А. Жид постоянно подчёркивает важную роль христианского сознания героев Ф.М. Достоевского. Его внимание сосредоточено на глубоком отличии русского человека от западноевропейского: «Русский человек, наоборот, всегда готов признаться в своей неправоте, – даже перед врагом, – всегда готов на самоунижение, самообвинение» [18, с. 274]. А. Жида поражает изображение исповеди в произведениях русского писателя, которое существенно отличается от европейского понимания: «Идея исповеди не на ухо священнику, исповеди перед первым встречным, всенародной, повторяется, как нечто неотступное в романах Достоевского» [18, с. 274].

А. Жид неуклонно акцентирует внимание на своеобразии русской ментальности и считает, что в своём творчестве Ф.М. Достоевский проводит идею о «мессианской роли русского народа в духовном возрождении Запада» [18, с. 228]. Французский писатель педалирует мысль, выраженную в высказывании самого Ф.М. Достоевского: «Напишут много книг, а главное упустят: на Западе Христа потеряли... и поэтому Запад приходит

в упадок, именно поэтому» [18, с. 229]. Основным в этом высказывании есть взгляд самого А. Жида: именно в письмах Ф.М. Достоевского, которые он цитирует, он выделяет общие с ним убеждения: «На Западе Христа потеряли по вине католицизма»? Где тот французский католик, который теперь осмелится растрогаться слезами благочестия, что наполняют эту переписку? Зря Достоевский желает «развенчать перед миром русского Христа, миру неведомого, и начало которого заключается в нашем родном православии», – французский католик уверен в своей вере, не захочет слушать...» [18, с. 229-230]. А. Жид критикует роль католической церкви, которая обесценила себя, исказила веру, и в этом смысле он приближается к главной идее Ф. Ницше.

В русском писателе А. Жид видит своего единомышленника и выделяет самое главное: «Не к анархии ведёт нас Достоевский, а просто – к Евангелию» [18, с. 327]. И даёт объяснение: «Христианское учение – то, которое содержится в Евангелии, – обычно представляется нам, французам, только через призму католической церкви. Достоевский воспринял учение Христа непосредственно и только из Евангелия, а именно этого не допускает католик» [18, с. 327]. А. Жид акцентирует внимание на Ф.М. Достоевском как носителе своеобразного христианского сознания: «...я не знаю писателя более христианского и в то же время такого далекого от католицизма» [18, с. 327]. Этот выбор темы для А. Жида неслучаен и очень важен: «Только оставив позади своё отчаяние и своё преступление, даже казнь, только будучи выброшенным из человеческого общества, Раскольников встретился с Евангелием. В любом случае, Ф.М. Достоевский был полностью убеждён так же, как и я, в том, что в евангельских истинах нет никакой путаницы; а это самое главное» [18, с. 340-341]. А. Жид говорит о себе словами Ф.М. Достоевского, он видит в нём своего собрата, в отличие от М. де Вогюе, который всегда сохранял менторский стиль исследователя.

Французской формуле логического последовательного изложения событий в романе А. Жид противопоставляет «ветвистую» манеру Ф.М. Достоевского: «...кажется, что мысли ложатся под его перо не одна за дру-

гой, а одновременно, или что подобно «ветвистым деревьям», которые царапают его, пока он вытаскивает их на свет, и за всё цепляются по дороге; отсюда – и запутанная многочисленность, которая, будучи подавленной, предопределяет сложность его романов» [18, с. 210], отрицая, таким образом, позицию М. де Вогюе, который негативно отзывался о стиле Ф.М. Достоевского. Французское восприятие особой манеры письма Достоевского подтверждает и современник А. Жида, французский критик Андре Сюарес, который также отмечает на своеобразное очарование «беспорядка» у Ф.М. Достоевского: «Достоевский – это удивительный беспорядок, когда ему не удаётся найти свой порядок. Но его порядок – это чудо, когда он его достигает» [20, р. 286-287]. Анализируя произведения Ф.М. Достоевского, А. Жид заметил то, что его творчество было подготовлено романами Ф.М. Достоевского.

Таким образом, во многих исследованиях и художественных произведениях А. Жида проявляется морально-идеологическое

единство, отражены важнейшие человеческие ценности, озвученные в Евангелиях. Особенно много параллелей и схождений в произведениях А. Жида, расширяющих параметры работы, в которой подробно рассматриваются проблемы религиозного сознания героев Ф.М. Достоевского, ставящего вопрос о «сверхчеловеке» в своих произведениях. В размышлениях над метафизической системой Кириллова, которая содержит, по мнению А. Жида, «зародыш Ницше», содержатся противоречия.

А. Жид и Ф.М. Достоевский сыграли колоссальную роль через свои переключки в русской и во французской культурах. Ценность исследований художественных интерпретаций творчества Ф.М. Достоевского в творчестве А. Жида заключается во внесении нового в понимание «человека в мире». Воспринимая в произведениях русского писателя человеческое страдание как путь ко Христу, А. Жид подчёркивал его христианскую уникальность, универсальность как художника и психолога.

Список литературы

1. *Синеокая Ю.В.* Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI в.): дис. ... д-ра философ. наук. М., 2003. 426 с.
2. *Lalou R.* André Gide. Strasbourg, 1928. 126 p.
3. *Fernandez R.* André Gide. P., 1931. 265 p.
4. *Drain H.* Nietzsche et Gide. Essai / ed. de la Madleine. P., 1932. 256 p.
5. *Pierre-Quint L.* André Gide sa vie, son oeuvre. P.: Librairie Stock, 1932. 346 p.
6. *Barjon L.* Gide et Saint-Exupéry. P., 1952. 31 p.
7. *Beigbeder M.* Fenêtre sur l'homme Gide. P., 1954. 135 p.
8. *Delay J.* La jeunesse d' André Gide. P., 1957. Vol. 2. 684 p.
9. *Hytier J.* André Gide. P., 1945. 327 p.
10. *Berger M.* Style au microscope. P., 1949. Vol. 1. 241 p.
11. *Moutote D.* André Gide et Paul Valéry. Nouvelles recherches. P., 1998. 358 p.
12. *Оливье С.* Полемика между Полем Клоделем и Андре Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1994. № 3. С. 210-221.
13. *Aude N.* L'impossible confession de Fédor Dostoïevski écrite par André Gide // Séminaire «Genèse et autobiographie». ITEM. 2014. 8 Feb.
14. *Rayfield D.* A Virgil to his Dante: Gide's Reception of Dostoevsky // Forum for Modern Languages. St. Andrews, 2000. October. Vol. 36. № 4. P. 340-356.
15. *Muresan M.* Les chambres vides d' André Gide // Littérature histoire théorie. 2008. № 4.
16. *Цветаева М.* Андре Жиду // Наследие Марины Цветаевой: сайт о великом русском поэте XX века. URL: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_zidu (дата обращения: 02.09.2020).
17. *Рыкова Н.Я.* Предисловие // Жид А. Собрание сочинений. Т. 2. Л., 1935. С. 329-333.
18. *Жид А.* Достоевский // Жид А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: пер. с фр. А. Фёдорова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. 464 с.
19. *De Vogüé M.* Roman russe. P.: Librairie Plon, 1892. 352 p.
20. *Suarès A.* Trois hommes. P., 1913. 280 p.

References

1. Sineokaya Y.V. *Filosofiya Nitsche i dukhovnyy opyt Rossii (konets XIX – nachalo XXI v.): dis. ... d-ra filosof. nauk* [Philosophy of Nietzsche and the Spiritual Experience of Russia (late 19th – early 21st centuries). Dr. phil. sci. diss.]. Moscow, 2003, 426 p. (In Russian).
2. Lalou R. *André Gide*. Strasbourg, 1928, 126 p. (In French).
3. Fernandez R. *André Gide*. Paris, 1931, 265 p. (In French).
4. Drain H. *Nietzsche et Gide. Essai*. Paris, 1932, 256 p. (In French).
5. Pierre-Quint L. *André Gide sa vie, son oeuvre*. Paris, Librairie Stock Publ., 1932, 346 p. (In French).
6. Barjon L. *Gide et Saint-Exupéry*. Paris, 1952, 31 p. (In French).
7. Beigbeder M. *Fenêtre sur l'homme Gide*. Paris, 1954, 135 p. (In French).
8. Delay J. *La jeunesse d'André Gide*. Paris, 1957, vol. 2, 684 p. (In French).
9. Hytier J. *André Gide*. Paris, 1945, 327 p. (In French).
10. Berger M. *Style au microscope*. Paris, 1949, vol. 1, 241 p. (In French).
11. Moutote D. *André Gide et Paul Valéry. Nouvelles recherches*. Paris, 1998, 358 p. (In French).
12. Olivye S. Polemika mezhdu Polem Klodelem i Andre Zhidom po povodu obraza Iisusa Khrista v tvorchestve Dostoyevskogo [Dispute between Paul Claudel and André Gide about the image of Jesus Christ in Fyodor Dostoevsky's works]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The problems of historical poetics*, Petrozavodsk, 1994, no. 3, pp. 210-221. (In Russian).
13. Aude N. L'impossible confession de Fédor Dostoïevski écrite par André Gide. *Séminaire «Genèse et autobiographie»*. ITEM Publ., 2014, 8 February. (In French).
14. Rayfield D. A Virgil to his Dante: Gide's Reception of Dostoevsky. *Forum for Modern Languages*. St. Andrews, 2000, October, vol. 36, no. 4, pp. 340-356.
15. Muresan M. Les chambres vides d'André Gide. *Littérature histoire théorie*, 2008, no. 4. (In French). Available at: <http://www.fabula.org/lht/4/muresan.html> (accessed 15.09.2020)
16. Tsvetayeva M. Andre Zhidu. *Naslediye Mariny Tsvetaevoy: sayt o velikom russkom poete XX veka* [The Legacy of Marina Tsvetaeva: a Site about the Great Russian Poet of the 20th century]. (In Russian). Available at: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_zidu (accessed 02.09.2020)
17. Rykova N.Y. Predisloviye [Introduction]. In: Zhid A. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Leningrad, 1935, pp. 329-333. (In Russian).
18. Zhid A. Dostoyevskiy [Dostoevsky]. In: Zhid A. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Vol. 6. Moscow, TERRA – Book Club Publ., 2002, 464 p. (In Russian).
19. De Vogüé M. *Roman russe*. Paris, Librairie Plon Publ., 1892, 352 p. (In French).
20. Suarès A. *Trois hommes*. Paris, 1913, 280 p. (In French).

Информация об авторах

Глазкова Марина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии. Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: rusifilol37@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, подбор первичного материала, поиск литературы, обработка и редактирование материала, окончательное одобрение рукописи.

Иконникова Яна Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии. Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: janakareva@yandex.ru

Вклад в статью: обзор литературы, анализ художественного текста, написание статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 06.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 30.11.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the authors

Marina M. Glazkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Philology Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: rusifilol37@mail.ru

Contribution: main study conception, source material acquisition, literature search, material processing and editing, final manuscript approval.

ORCID: 0000-0003-0518-9896

Yana V. Ikonnikova, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian Philology Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: janakareva@yandex.ru

Contribution: literature review, literary text analysis, manuscript drafting.

ORCID: 0000-0001-9170-8546

There is no conflict of interests.

Received 6 October 2020
Reviewed 30 November 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-62-70
УДК 821.161.1

Влияние ветхозаветных реминисценций в драматической поэме С.А. Есенина «Пугачёв» на художественно-философскую систему пьесы И.М. Левина «Моисей»

Ирина Олеговна МАШЕНКОВА^{1,2} ✉

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

²Биньхайский институт внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков
300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117

✉ vladirmuseum@rambler.ru

Аннотация. Исследованы сюжеты и образы Ветхого Завета в драматической поэме С.А. Есенина «Пугачёв». Актуальность исследования определена необходимостью как всестороннего рассмотрения возможных интерпретаций поэмы, так и привлечения внимания к её творческому воздействию на литературу русской эмиграции. Целью исследования стало выявление в поэме С.А. Есенина «Пугачёв» ветхозаветных реминисценций и определение их влияния на религиозно-философское содержание пьесы И.М. Левина «Моисей». Теоретической основой исследования послужил тезис об интертекстуальности поэмы «Пугачёв», выдвинутый Н.И. Шубниковой-Гусевой. В ходе исследования проведён сопоставительный анализ художественных структур поэмы С.А. Есенина «Пугачёв» и пьесы И.М. Левина «Моисей». На основании выявления общих элементов композиционной организации и поэтического языка этих произведений сделан вывод о том, что пьеса И.М. Левина представляет собой своеобразную рецепцию библейских реминисценций «Пугачёва», связанных с исходом израильтян из Египта. При сопоставлении текста «Пугачёва» с книгой Исхода выявлен ветхозаветный подтекст, который стал главным объединяющим фактором образной системы поэмы. В совокупности с уже ранее обозначенными в есениноведении новозаветными мотивами поэмы ветхозаветные реминисценции свидетельствуют о её глубоком религиозно-философском содержании.

Ключевые слова: русская литература 1920-х гг.; литература русского зарубежья; «Пугачёв» С.А. Есенина; «Моисей» И.М. Левина; Ветхий Завет; литературные реминисценции

Для цитирования: Машенкова И.О. Влияние ветхозаветных реминисценций в драматической поэме С.А. Есенина «Пугачёв» на художественно-философскую систему пьесы И.М. Левина «Моисей» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 62-70. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-62-70

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The influence of Old Testament reminiscences in the dramatic poem by S.A. Yesenin “Pugachev” on the artistic and philosophical system of the play by I.M. Levin “Moses”

Irina O. MASHENKOVA^{1,2} ✉

¹Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

²Binhai School of Foreign Affairs of Tianjin Foreign Studies University

117, MaChang Rd., Tianjin 300072, People’s Republic of China

✉ vladirmuseum@rambler.ru

Abstract. The work examines the plots and images of the Old Testament in the dramatic poem by S.A. Yesenin “Pugachev”. The relevance of the study is determined by the need for both a comprehensive consideration of possible interpretations of the poem and drawing attention to its creative impact on the literature of the Russian emigration. The aim of the study is to identify in the poem by S.A. Yesenin “Pugachev” of the Old Testament reminiscences and determination of their influence on the religious and philosophical content of the play by I.M. Levin “Moses”. The theoretical basis of the study is the thesis about the intertextuality of the poem “Pugachev”, put forward by N.I. Shubnikova-Guseva. In the course of the study, a comparative analysis of the artistic structures of the poem by S.A. Yesenin “Pugachev” and plays by I.M. Levin “Moses”. Based on the identification of common elements of the compositional organization and poetic language of these works, it is concluded that the play by I.M. Levin is a kind of reception of the biblical reminiscences of “Pugachev” associated with the exodus of the Israelites from Egypt. When comparing the text of “Pugachev” with the book of Exodus, the Old Testament subtext is revealed, which became the main unifying factor of the figurative system of the poem. Together with the New Testament motifs of the poem already indicated in Yesenin studies, the Old Testament reminiscences testify to its deep religious and philosophical content.

Keywords: Russian literature of the 1920s; literature of Russia Abroad; “Pugachov” by S.A. Yesenin; “Moses” by I.M. Levin; the Old Testament; literature reminiscences

For citation: Mashenkova I.O. Vliyaniye vetkhozavetnykh reministsentsiy v dramaticheskoy poeme S.A. Esenina «Pugachëv» na khudozhestvenno-filosofskuyu sistemu p'yesy I.M. Levina «Moisey» [The influence of Old Testament reminiscences in the dramatic poem by S.A. Yesenin “Pugachev” on the artistic and philosophical system of the play by I.M. Levin “Moses”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 62-70. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-62-70 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Драматическая поэма С.А. Есенина «Пугачёв» на протяжении многих лет продолжает оставаться в центре пристального внимания литературоведов. Фундаментальный труд Н.И. Шубниковой-Гусевой [1] стал основой для поиска современными исследователями творческих параллелей между «Пугачёвым» и произведениями других авторов – в первую очередь, «Капитанской дочкой» и «Историей пугачёвского бунта» А.С. Пушкина (С.Н. Пяткин, А.А. Севастьянова и др.) [2–3], а также романом М.Ю. Лермонтова

«Вадим» (В.А. Сухов) [4], поэмой В.В. Маяковского «Про это» (М.А. Галиева) [5], трагедией А.Б. Мариенгофа «Заговор дураков» (В.А. Сухов) [6], романом С.А. Ауслендера «Пугачёвщина» (Н.А. Евсина) [7] и др. Успешность этих сопоставлений обусловлена художественной многоплановостью «Пугачёва». Н.И. Шубникова-Гусева отмечала глубину интертекстуальности драматической поэмы: «Историческим или историко-документальным характером есенинский «Пугачёв» не исчерпывается, напротив, эта поэма

созвучна не только событиям, происходящим в послереволюционной России, но имеет универсальное значение» [1, с. 162]. Она обратила внимание на мотивы Нового Завета в «Пугачёве», обогатившие поэму философским подтекстом. Эти мотивы, по её убеждению, акцентируются и рисунком С.А. Есенина «Колосья» на полях рукописи «Пугачёва»: «Есенин выявляет евангельское значение имени – Пётр – камень, которое связано с «твердыней веры» и благодаря оппозиции Емельян – Пётр даёт ему дополнительный смысл – хлеб – камень, который является зеркальным отражением евангельской притчи о том, как «камни сии сделались хлебами» (Мф. 4: 3)» [8, с. 304].

Поскольку Священное Писание едино и цельно, между Ветхим и Новым Заветом существует тесная неразрывная связь: по выражению блаженного Августина, «Новый Завет в Ветхом скрывается, Ветхий в Новом открывается», то представляется возможным выявление новозаветных реминисценций в «Пугачёве». В этой связи может быть весьма значимым соотнесение «Пугачёва» с пьесой писателя и художника, эмигранта И.М. Левина «Моисей» (1971). Уже была предпринята попытка с помощью этого сопоставления проследить влияние Есенина на творчество Левина как одного из представителей литературы русского зарубежья [9]. Цель исследования – выявить ветхозаветные реминисценции в поэме Есенина «Пугачёв» и доказать, что они повлияли на художественную структуру и религиозно-философское содержание пьесы Левина.

Пьеса «Моисей» написана И.М. Левиным в соавторстве с братом, поэтом и журналистом В.М. Левиным, но закончена уже после смерти последнего. Обоих братьев с Есениным связывало личное знакомство, переросшее в дружбу, деловые и творческие связи: И.М. Левин встречался с Есениным в Москве, В.М. Левин также сотрудничал с ним в столице и неоднократно общался с поэтом в Америке. Литературное наследие братьев Левиных включает ряд работ, посвящённых Есенину: воспоминания В.М. Левина «Есенин в Америке»; «О Есенине»; статьи И.М. Левина «Сергей Есенин»; «А. Блок, С. Есенин и В. Маяковский» [10], которые свидетельствуют об их неугасающем интере-

се к творчеству поэта. Особое внимание ими было уделено «Пугачёву». В.М. Левин передаёт впечатление от монолога Хлопуши, прочитанного Есениным 27 января 1923 г. в Бронксе: «Есенин читал протяжно, настойчиво, изумительно трогая сердце искренностью своего тона и простотой образов, иногда царапающих нас своей народностью и неожиданностью, но сближающих с ним. Это были образы не нарочито подобранного фольклора, а собственной его жизни, его детства и отрочества» [10, с. 191].

Упоминание об образах детства и отрочества относится как к крестьянским мотивам, так и к библейским, на которые Левины чутко реагировали. Они выросли в иудейской семье, где события Ветхого Завета с детства воспринимались ими как часть их собственной жизни: «Были мы рабами у египтян, и Бог послал Моисея спасителем от рабства. И дал ему силу и приказ навести на фараона и его страну десять казней за то, что не хотел фараон отпустить еврейский народ для свободного служения Богу» [10, с. 52]. В автобиографической повести «Золотое детство» В.М. Левин воспроизводит яркие образы детской фантазии, оживляющей ветхозаветные истории: «Тогда пришла цвардея – жабы напали на Египет – войдёшь в квартиру, а на кроватях и на столах, за занавесочками – везде жабы... И до чего же страшно было по ночам, когда жабы кричали басом: крак, крак, крак... Дети, наверно, очень пугались» [10, с. 53]. В то же время братья охотно посещали в школе уроки Закона Божия, ходили с русскими друзьями тайком от родителей и в церковь, и в синагогу – и мечтали о единой вере для всех. Детские попытки осмысления переросли в духовный поиск, который Левины соотносили с богоисканием Есенина [11]. Итогом их духовных исканий стало принятие ими православной веры.

Переход из иудаизма в христианство сопровождался длительными глубокими размышлениями, о которых можно судить по имеющейся у автора статьи переписке Левиных. Они полагали, что на этот шаг можно решиться лишь при условии глубокого изучения обеих религий: «Нужно Бога узнать Саваофа, а потом Христа»¹, – писал брату

¹ Письмо И.М. Левина В.М. Левиному от 23.04.1932 г. // Личный архив И.О. Машенковой и В.П. Середы.

Иосиф Левин. Братья приняли крещение в 1932 г., когда старшему было уже 40, а младшему 38 лет. О степени их компетентности в вопросах богословия можно судить по следующему факту: в 1937 г. Экзарх Московской Патриархии в Америке Вениамин (Федченков) организовал в Нью-Йорке богословские курсы, где в числе преподавателей был и В.М. Левин [12, с. 101].

В связи с этим представляется вполне закономерным, что у Левиных родился замысел пьесы на библейскую тему. Это сложное многоплановое произведение, охватывающее события от явления Божия Моисею у горы Хорив (Исх. 3:3) до его прощального обращения к израильтянам через сорок лет и восхождения на вершину горы Фасги (Втор. 3). Сюжет Исхода, взятый за основу, был соединён с другой ветхозаветной темой – Песнью Песней. Переложения Песен царя Соломона, сделанные В.М. Левиным, были опубликованы отдельно в посмертном сборнике его стихотворений «Лик сокровенный» (Нью-Йорк, 1954). В пьесе эти стихи вложены в уста главного героя либо адресованы ему: левинский Моисей любит и любим. Смелое и органичное соединение эпического и лирического, позволившее создать яркий и впечатляющий образ, оценили и критики. Русскоязычная нью-йоркская газета «Новая заря» опубликовала рецензию А. Горелова, отмечавшего новый, нестандартный подход к изображению библейского героя: «Иосиф Левин... модернизировал образ великого пророка, он снял наложенный на него великими авторами грим и показал его в виде человека обыкновенного, по крайней мере, в начале его восхождения к высоте» [13].

Вместе с тем И.М. Левин вплетает в сюжет свою излюбленную тему – рассуждения о природе красоты. В «Трактате о сюрконсьянсиллизме» (1962) он изложил свои художественные принципы, основанные на эстетической концепции «Ключей Марии» Есенина [14], и с тех пор неоднократно обращался к толкованию своей идеи в статьях и книгах. О принципах сюрконсьянсиллизма Левин пишет в статьях для газеты «Новая заря»: «О театре В.Э. Мейерхольда» (1965), «Космос и фантастика» (1973) и др., а также посвящает им эпизод в романе «Адамово зачатие» (1976). В пьесе эта идея обозначена риторическим во-

просом Моисея: «Разве дух и красота не исходят из одного источника?» [15, с. 68] и последующими рассуждениями, но всего выразительнее она отражена в сцене на базаре в пустыне. Левин противопоставляет своему пониманию красоты как дара Божьего меркантильные представления о ней. Пресытившись манной небесной, предприимчивые израильтяне делают из неё пудру, которая пользуется спросом у женщин, страдающих без косметики:

«Четвёртый продавец: Пудра, пудра из манной небесной, сам Бог послал. Кому, кому, налетайте, дамы и девицы» [15, с. 76].

Нельзя не выделить в пьесе и ещё одну тему, которая всегда оставалась ключевой для Левиных: Есенин, его творчество и их дружба. Он служит прототипом молодого поэта, несправедливо обвинённого в краже винограда. Моисей просит его почитать стихи – и этот эпизод соотносится с воспоминаниями И.М. Левина о неудавшихся попытках запечатлеть на холсте образ товарища: «Много раз мы с Есениным собирались писать его портрет, но стоило только начать, как приходила толпа почитателей и просили читать стихи» [10, с. 304]. Стихотворные вставки в пьесе реминисцентны: они содержат тропы, во многом созвучные лирике Есенина. Так, например, есенинская метафора «как холстины, ползли облака» (Заглушила засуха засевки...) [16, с. 67] в «Моисее» повторяется почти дословно, даже с соблюдением ритма: «растянулись холстом облака» [15, с. 51]. Есенинский образ «кувшина луны», с динамикой, нарушающей границу между небесным и земным пространством:

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берёз! [16, с. 154]

у Левина трансформируется в «ведро месяца», также соединяющего небо и землю:

Зачерпнул ведром
Месяц звёздную высь
И кривым черенком
На утёсе повис [15, с. 52].

Отмечая в пьесе Левина метафоры уподобления крестьянскому миру, характерные для поэтики Есенина, и употребление заим-

ствованной из есенинского словаря крестьянской лексики («ивняк», «ржавь», «хмарь», «тьма», «мрежи»), стоит обратить внимание на то, что для Левина, чьё детство и юность, в отличие от Есенина, прошли в Петербурге и Москве, крестьянская лексика отнюдь не была родной и органичной. Лишь оказавшись вдали от родины и стремясь на протяжении многих лет сохранить в русской эмигрантской среде русский, есенинский дух, Левин интуитивно чувствует его именно в крестьянских образах и метафорах.

Однако Левину не всегда удаётся следовать стилистике Есенина при отсылке к его образам. Так, воспроизводя узнаваемые строки из «Пантократора» («Не молиться тебе, а лаяться / Научил ты меня, Господь» [17, с. 73]), Левин заменяет «грубое» для ветхозаветного сюжета слово «лаяться» на нейтральное «ругаться»:

Держа на устах
Имя Твоё,
Молось и ругаюсь [15, с. 60].

Несколько иным образом трансформируется левинская аллюзия на стихотворение Есенина «Корова». Здесь знакомый сюжет и естественная для него крестьянская лексика дополняется совершенно чужеродным словом «монтаньяры» (от фр. *Montagnard* – ‘горцы’):

Плыл коровий му,
Коровьего сердца удары,
Это тягостный мык по телку,
Что на бойню свели монтаньяры [15, с. 51].

Подобное проявление лексической интерференции является неотъемлемой и неизбежной характеристикой речи эмигрантов, и надо отдать должное тем из них, кто, включая Левина, боролся за чистоту родного языка, преодолевая трудности в собственной речи и помогая их исправлять другим. Одним из частных примеров могут служить письма Иосифа Левина к дочери брата Вениамина, родившейся и выросшей во Франции, о необходимости правильного владения русским языком как основой родной культуры.

На фоне есенинского мотива в пьесе «Моисей» особенно отчётливо проявляется её композиционное сходство с «Пугачёвым»

Есенина. Пьеса также названа по имени главного героя. Как и «Пугачёв», она состоит из восьми картин. Из шестнадцати персонажей «Пугачёва» – один вымышленный (Крямин) и одному Есенин «сочинил биографию» (Бурнов) [18, с. 525]. Из пятнадцати персонажей «Моисея» – двое с вымышленной биографией (Дебора и Онан). Если отвлечься от конкретных имён и событий, лёгших в основу сюжетов этих произведений, их фабула одинакова: герой ведёт людей, поверивших в его высшее предназначение и объединившихся под его началом, к свободе и лучшей жизни. Изнурённые длительным походом, люди отчаиваются и теряют надежду на благополучный исход. Заговорщики предлагают сдать на милость неприятеля. В финале звучит предсмертный монолог героя.

В.М. Левин оценивал поэзию Есенина как «мир тайный, духовный, религиозно-христианский»². В этой связи можно предположить, что библейские реминисценции в художественной структуре поэмы «Пугачёв» были очевидны для Левина. Поэтому у них возникла идея создания пьесы «Моисей».

Сопоставление поэмы с книгой Исхода доказывает обоснованность подобной рецепции «Пугачёва». В начале поэмы герой приходит к родному славянскому племени, движимый тревогой за его судьбу, а затем воссоединяется с ним:

В солончаковое ваше место
Я пришел из далёких стран –
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян [18, с. 8].

О возвращении героя к своему народу в раздумьях и заботах о нём, мыслях о соединении с ним говорится и в книге Исхода: «И пошёл Моисей, и возвратился к Иофору, тестю своему, и сказал ему: пойду я, и возвращусь к братьям моим, которые в Египте, и посмотрю, живы ли ещё они?» (Исх. 4:18).

В обоих произведениях тревога за судьбу родного племени оказалась не напрасной. В первой главе «Пугачёва» указывается на притеснение народа властью, его жестокое

² Левин В.М. Большевицкий поэт – товарищ Есенин (к 25-й годовщине его смерти) // РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 589.

изнурение полевой работой, о притеснении народов окраин:

Над капустой, над овсом, над рожью
Мы задаром проливаем пот...
.....
...И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапищ [18, с. 9].

В первой главе книги Исхода также показана тяжёлая работа, в том числе полевая, и жестокое угнетение израильтян египетским фараоном: «...И делали жизнь их горькою от тяжкой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью» (Исх. 1:14).

Указать народу путь к спасению может лишь тот, кто избран для этого Всевышним. Знак Божественной избранности Моисея – жезл, которым Господь повелел ему творить знамения, чтобы утратить фараона и убедить его в Божественном могуществе: «...И жезл сей [который был обращён в змея] возьми в руку твою: им ты будешь творить знамения» (Исх. 4:17). У Есенина жезл, посох как символ власти, Божественного избрания упоминается в словах сторожа о высшем предназначении странников, подобных Пугачёву:

Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в пальцы?
[18, с. 12]

Можно отметить отсылки к Ветхому Завету и в главе «Бегство калмыков». В книге Исхода Моисей уводит своих людей и весь скот ночью, после того как в полночь погибли все первенцы в Египте: «И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхор до шестисот тысяч пеших мужчин, не считая детей; и множество разноплеменных людей вышли с ним и мелкий и крупный скот, стадо весьма большое» (Исх. 12:37-38).

В главе «Бегство калмыков» калмыки также уходят ночью, забрав с собою скот:

Нынче ночью, как дикие звери,
Калмыки всем скопом орд
Изменили Российской империи
И угнали с собою весь скот [18, с. 14].

Одинаковы и опасения власти в отношении к притесняемому народу. Фараон опасается, что израильтяне перейдут на сторону неприятеля, и призывает к немедленной погоне: «...Иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли нашей» (Исх. 1:10).

Такие же опасения о воссоединении беглецов с неприятелем высказывает Тамбовцев и призывает к немедленному их преследованию:

Так бросимтесь же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладонями
Китаю не предалась [18, с. 14].

На библейский подтекст в картине бегства калмыков обращает внимание и Д.В. Поля, называя её «исходом калмыков» в Китай. При этом он отмечает: «В интерпретации С. Есенина выступление яицких казаков, «побег калмыков» и пугачёвский бунт сливаются в единое целое» [19, с. 32]. Это единство, обусловленное, по мнению Д.В. Поля, «актуальным для революционных лет тезисом о родстве эксплуатируемых», подкрепляется и общим ветхозаветным подтекстом этих картин. Так, в словах Кирпичникова выражено общее представление об исходе как лучшей доле для всех притесняемых: «В новый край, чтоб новой жизнью жить» [18, с. 15].

Представление о «новом крае» и «новой жизни» соотносится с обетованием, данным израильскому народу: «...И иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течёт молоко и мёд» (Исх. 3:8).

Народ, столкнувшийся с трудностями и лишениями на пути в «новый край», разуверившийся в обетовании, начинает роптать. В тревожных предчувствиях Шигаева «Что-то должно случиться. / Говорят, наступит глад и мор» [18, с. 35] отражены бедствия, неоднократно упоминаемые в Ветхом Завете как Божья кара (меч, голод и мор). В главе «Ветер качает рожь» Чумаков говорит, что предпочёл бы смерть дома безнадежному и беспечному скитанию:

Лучше было б погибнуть нам там и лечь,
Где кружит воронье беспокойным, зловещим
свадьбищем,

Чем струить эти пальцы пятерками
 пылающих свеч,
 Чем нести это тело с гробами надежд, как
 кладбище! [18, с. 40]

Ропот казаков в «Пугачёве» выражен сходным образом с ропотом израильтян, также желавших скорее умереть дома сытыми и спокойными нежели быть обречёнными на голодную смерть в безнадёжном пути: «...О, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом» (Исх. 16:3).

Сцена расправы казаков с Пугачёвым, не оправдавшим их веры, соотносит его образ с самым главным мотивом Ветхого Завета – мотивом пророчества. Отсылки к этому мотиву встречаются в поэме неоднократно: это пугающие казаков видения «лошадиного черепа» луны и ольхи «с пробитой башкой», дважды повторенное сравнение птиц с крестами [18, с. 24, 41], осенняя сырость, которую Пугачёв воспринимает как предсказание смерти:

Это осень, как старый оборванный монах,
 Прочитит кому-то о погибели вещи [18, с. 24].

Однако ветхозаветный пророк – не только предсказатель. Прежде всего он – проводник Божественной воли. В этом плане новое значение в поэме обретают образы луны и колокола. Луна, отражающая солнечный свет, становится проводником этого света, так же как колокол становится проводником воли в него звонящего. Таким образом, «колокол луны», о котором говорит сторож после встречи с Пугачёвым, дважды отсылает к мотиву пророчества. Пугачёв называет избы «деревянными колоколами», слышит «благовест бунтов»; звон колокола звучит и в словах других персонажей: Хлопуша предлагает «трахнуть по липовой меди», Зарубин слышит «звань к оружью». Образ луны, рож-

дающей, развивающейся, умирающей, появляется в шести из восьми глав поэмы. Пугачёв сравнивает свою душу со «зверёньшем тёплым» в берлоге, а луну – с жёлтым медведем, тем самым уподобляя её своей душе. Насыщенность поэмы образами луны и колокола, окружающими Пугачёва, придаёт ему ореол пророка. Подтверждением наличия такого ореола может служить вопрос Караваява: «Тебе ж недаром верят?» [18, с. 21].

Выявленный в драматической поэме «Пугачёв» библейский подтекст, связанный с историей исхода израильтян из Египта – не единственная отсылка к книге Исхода в творчестве Есенина. Этой же темой связано и стихотворение «Не в моего ты Бога верила»: образы «пророк» и «неопалимая купина» соотносятся с Моисеем и явлением ему Ангела Господня в пламени огня из неопалимого тернового куста; «колдунья», «царевна сонная» соотносятся с египетской царевной, воспитавшей Моисея-«пасынка». Лирический герой, как Моисей, стремится спасти свою страну и вывести её к радостной жизни в неугасимой единой вере.

Таким образом, проведённый сопоставительный анализ художественных структур драматической поэмы Есенина «Пугачёв» и пьесы Левина «Моисей» убедительно свидетельствует об их лексико-семантических, композиционных, стилистических параллелях. Это позволяет сделать вывод об интерпретации Левиным сюжета поэмы Есенина как истории исхода израильтян из Египта, описанной в Ветхом Завете. Сопоставление поэмы «Пугачёв» с книгой Исхода, обнаруживающее сходство образов и мотивов, показывает возможность и закономерность такой интерпретации. Выявленные таким образом ветхозаветные реминисценции в совокупности с ранее уже обозначенными в есениноведении реминисценциями Нового Завета – свидетельство глубокого и цельного религиозно-философского содержания поэмы «Пугачёв».

Список литературы

1. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: от «Пророка» до «Чёрного человека»: творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: Наследие, 2001. 687 с.
2. Пяткин С.Н. Исторический нарратив поэмы Есенина «Пугачёв» как диалог-соперничество с Пушкиным // Научный диалог. 2017. № 12. С. 237-250.

3. *Севастьянова А.А.* Пугачёв А.С. Пушкина и Пугачёв С.А. Есенина: заметки историка // Современное есениноведение. 2015. № 3 (34). С. 69-73.
4. *Сухов В.А.* «Это буйствуют россияне!» Пугачёвский бунт в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим» и трагедии С.А. Есенина «Пугачёв» // Современное есениноведение. 2013. № 24. С. 31-38.
5. *Галиева М.А.* Фольклорная традиция в поэме В.В. Маяковского «Про это» // Научный диалог. 2015. № 6 (42). С. 8-20.
6. *Сухов В.А.* «Пугачёв» С.А. Есенина и «Заговор дураков» А.Б. Мариенгофа как художественное воплощение принципов имажинизма в драматургии (творческие параллели) // Проблемы научной биографии С.А. Есенина. Рязань: Пресса, 2010. С. 322-338.
7. *Евсина Н.А.* Роман С.А. Ауслендера «Пугачёвщина» и пугачёвская тема в советской литературе 1920-х годов // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2 (8). С. 59-64.
8. *Шубникова-Гусева Н.И.* Рисунки Есенина как часть реального комментария к его произведениям // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. С. 288-309.
9. *Машенкова И.О.* Ветхозаветные реминисценции: взгляд на поэму С.А. Есенина «Пугачёв» по прочтении пьесы И.М. Левина «Моисей» // Сергей Есенин и его современники. М. [и др.]: ИМЛИ им. А.М. Горького, 2015. С. 354-361.
10. *Левин В.М., Левин И.М.* О Есенине и о себе. Тамбов: П.Ю. Золотов, 2016.
11. *Середа В.П.* Вениамин Левин о духовных исканиях Сергея Есенина и собственном духовном опыте // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. 2. М. [и др.]: ИМЛИ им. А.М. Горького, 2017. С. 618-625.
12. *Вениамин (Федченко), митрополит.* Служение в Америке (в документах 1933–1947 гг.) / сост. Р.Ю. Просветов. М.: Отчий Дом, 2016.
13. *Горелов А.* «Моисей» // Новая заря. Нью-Йорк, 1972. 28 окт.
14. *Машенкова И.О.* «Трактат о сюрконсыансиллизме» И.М. Левина как эстетическая интерпретация «Ключей Марии» С.А. Есенина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 4 (30). Т. 1. С. 20-29.
15. *Левин И.М.* Моисей. Париж: Гриф, 1971.
16. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 1 / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского. М.: Наука: Голос, 1995. 671 с.
17. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 2 / подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина. М.: Наука: Голос, 1997. 463 с.
18. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 3 / сост. и подгот. текстов Н.И. Шубниковой-Гусевой; коммент. Е.А. Самоделова, Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Наука: Голос, 1998. 718 с.
19. *Поль Д.В.* Народы Поволжья в поэме «Пугачёв» С.А. Есенина // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 30-34.

References

1. *Shubnikova-Guseva N.I.* *Poemy Esenina: ot «Proroka» do «Chernogo cheloveka»: tvorcheskaya istoriya, sud'ba, kontekst i interpretatsiya* [Esenin's Poems from the "Prophet" to the "Black Man": Creative History, Fate, Context and Interpretation]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, 687 p. (In Russian).
2. *Pyatkin S.N.* Istoricheskiy narrativ poetry Esenina «Pugachev» kak dialog-sopernichestvo s Pushkinym [Historical Narrative of Yesenin's Poem "Pugachev" As Dialogue-Rivalry with Pushkin]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2017, no. 12, pp. 237-250. (In Russian).
3. *Sevastyanova A.A.* Pugachev A.S. Pushkina i Pugachev S.A. Esenina: zametki istorika [A.S. Pushkin's Pugachev and S.A. Esenin's Pugachev: the historian's notes]. *Sovremennoye eseninovedeniye – Modern Yeseninology*, 2015, no. 3 (34), pp. 69-73. (In Russian).
4. *Sukhov V.A.* «Eto buystvuyut rossiyane!» Pugachevskiy bunt v romane M.Y. Lermontova «Vadim» i tragedii S.A. Esenina «Pugachev» ["It's rampaging Russians!" Pugachev rebellion in the novel of M. Lermontov's "Vadim" and the tragedy of the S. A. Esenin's "Pugachev"]. *Sovremennoye eseninovedeniye – Modern Yeseninology*, 2013, no. 24, pp. 31-38. (In Russian).
5. *Galiyeva M.A.* Fol'klornaya traditsiya v poeme V.V. Mayakovskogo «Pro eto» [Folk tradition in V. Mayakovsky's poem "About That"]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2015, no. 6 (42), pp. 8-20. (In Russian).
6. *Sukhov V.A.* «Pugachev» S.A. Esenina i «Zagovor durakov» A.B. Mariyengofa kak khudozhestvennoye voploshcheniye printsipov imazhinizma v dramaturgii (tvorcheskiye paralleli) ["Pugachev" S.A. Yesenin

- and “The Conspiracy of Fools” by A.B. Mariengof as an artistic embodiment of the principles of imagism in drama (creative parallels)]. *Problemy nauchnoy biografii S.A. Esenina* [Problems of the Scientific Biography of S.A. Yesenin]. Ryazan, Pressa Publ., 2010, pp. 322-338. (In Russian).
7. Evsina N.A. Roman S.A. Auslendera «Pugachëvshchina» i pugachevskaya tema v sovetskoj literature 1920-kh godov [The novel “Pugachevshchina” by S. Auslender and the theme of Pugachev’s rebellion in soviet literature of the 1920-s]. *Mirovaya literatura v kontekste kul’tury – World Literature in the Context of Culture*, 2013, no. 2 (8), pp. 59-64. (In Russian).
  8. Shubnikova-Guseva N.I. Risunki Esenina kak chast’ real’nogo kommentariya k ego proizvedeniyam [Yesenin’s drawings as part of the “real” commentary to his works]. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 2, pp. 288-309. (In Russian).
  9. Mashenkova I.O. Vetkhovetnyye reministsentsii: vzglyad na poemu S.A. Esenina «Pugachev» po prochtenii p’yesy I.M. Levina «Moisey» [Old Testament reminiscences in S. Yesenin’s poem “Pugachov” after reading J. Levin’s drama “Moses”]. *Sergey Esenin i ego sovremenniki* [Sergey Yesenin and His Contemporaries]. Moscow [et al.], Gorky Institute of World Literature Publ., 2015, pp. 354-361. (In Russian).
  10. Levin V.M., Levin I.M. *O Esenine i o sebe* [About Yesenin and Themselves]. Tambov, P.Y. Zolotov Publ., 2016. (In Russian).
  11. Sereda V.P. Veniamin Levin o dukhovnykh iskaniyakh Sergeya Esenina i sobstvennom dukhovnom opyte [Veniamin Levin on the spiritual quest of Sergei Yesenin and his own spiritual experience]. *Sergey Esenin. Lichnost’. Tvorchestvo. Epokha. Ch. 2* [Sergey Yesenin. Personality. Creation. Epoch. Pt 2]. Moscow [et al.], Gorky Institute of World Literature Publ., 2017, pp. 618-625. (In Russian).
  12. Veniamin (Fedchenkov). *Sluzheniye v Amerike (v dokumentakh 1933–1947 gg.)* [Ministry in America (1933–1947 Documents)]. Moscow, Otchiy Dom Publ., 2016. (In Russian).
  13. Gorelov A. «Moisey» [“Moses”]. *Novaya zarya – New Dawn*, New York, 1972, 28 Oct. (In Russian).
  14. Mashenkova I.O. «Traktat o syurkons’yansilizme» I.M. Levina kak esteticheskaya interpretatsiya «Klyuchey Marii» S.A. Esenina [“Traktat O Syurkons’yansilizme” by I.M. Levin as an aesthetic interpretation of “Klyuchi Marii” by S.A. Yesenin]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2019, no. 4 (30), vol. 1, pp. 20-29. (In Russian).
  15. Levin I.M. Moisey [Moses]. Paris, Grif Publ., 1971. (In Russian).
  16. Esenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 1* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1995, 671 p. (In Russian).
  17. Esenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 2* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 2]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1997, 463 p. (In Russian).
  18. Esenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 3* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 3]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1998, 718 p. (In Russian).
  19. Pol D.V. Narody Povolzh’ya v poeme «Pugachev» S.A. Esenina [Peoples of the Volga region in the poem “Pugachev” of S.A. Esenin]. *Kul’turnoye naslediye Rossii – Cultural heritage of Russia*, 2018, no. 3, pp. 30-34. (In Russian).

Информация об авторе

Машенкова Ирина Олеговна, аспирант по направлению «Языкознание и литературоведение – русская литература», ассистент кафедры русского языка как иностранного. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; преподаватель. Биньхайский институт внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика. E-mail: vladimirmuseum@rambler.ru

Вклад в статью: идея исследования, работа с архивными источниками, анализ литературных источников, написание, оформление и редактирование статьи.

Поступила в редакцию 05.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 14.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Irina O. Mashenkova, Post-Graduate Student in the “Linguistics and Literary Studies – Russian Literature” Direction, Assistant of the Russian as a Foreign Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Lecturer. Binhai School of Foreign Affairs of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People’s Republic of China. E-mail: vladimirmuseum@rambler.ru

Contribution: study conception, work with archival sources, literature references analysis, manuscript drafting, design and editing.

ORCID: 0000-0003-4991-3073

Received 5 November 2020
Reviewed 14 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-71-81
УДК 82-1/-9

От мистерии к карнавалу: китайские новогодние праздники в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Исследованы китайские аллюзии Нового года и праздника Фонарей, использованные М.А. Булгаковым в 6-й главе повести «Роковые яйца». В свете китайской праздничной культуры и её карнавализации рассмотрены белая и чёрная ритуальная магия, мифологические образы китайского аграрного календаря: Персиковое дерево, «Огненный судья», «Белое непостоянство» и «Чёрное непостоянство», «Пурпурная девушка». К мифопоэтическому анализу повести привлечён «фантастико-сатирический» роман средневекового китайского литератора У Чэньэня «Путешествие на Запад» (1590). Показано, как М.А. Булгаков вписывает в свой текст это необычное, экзотическое, религиозное произведение, запечатлевшее основы китайской культуры. Кроме мифологического содержания, к сфере анализа аллюзий на китайский текст привлекается образ средневекового китайского чиновника, китайский этикет, праздничное застолье, улично-площадные убранства зрелища и увеселения. Исследован мистериальный характер повести. Изложены не только ритуалы вызова богов, демонов и духов мёртвых, но и традиционное для всех мистерий посвящение «неофита», одним из главных этапов которого является катабасис (сошествие в ад), названный К.Г. Юнгом архетипом «ухода рыцаря в темноту». Путь в китайский гадес главного героя повести профессора В.И. Персикова и оказывается таким катабасисом, показанным в пародийном ключе. Пристальное внимание уделено такому модернистскому приёму изображения российской действительности, как приём столкновения/вмешивания времён. Китайское карнавальное «безумие» становится реальным российским безумием, связанным с реформами народного хозяйства. Поэтому особое место в исследовании отведено анализу сатирических средств воздействия на зрителя: элементов эксцентрики, буффа, пародии и гротеска. В этом поле едкой сатиры Булгакова лежит, считает автор статьи, образ основателя «первого в мире социалистического государства» В.И. Ленина и внутренняя политика сменивших его руководителей, возвестивших начало эпохи уничтожения русского крестьянства и наступление эры коллективизации и механизации сельского хозяйства. Жанр фантазмагии, проявившийся в массовой истерии москвичей и полыхающих кострах от сжигаемых гор трупов кур, также усиливает сатирический характер повести.

Ключевые слова: мистерия; карнавал; миф; ритуал; пародия; китайский текст; «Путешествие на Запад»; «праздник Фонарей»; «Огненный демон»; «Белое непостоянство» и «Чёрное непостоянство»; «Пурпурная девушка»

Благодарности: Выражаю благодарность моему другу и коллеге из КНР Бай Ян за помощь в подготовке статьи.

Для цитирования: Колчанов В.В. От мистерии к карнавалу: китайские новогодние праздники в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 71-81. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-71-81

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

From miracle-play to carnival: Chinese New Year holidays in Bulgakov's M.A. novella "The Fatal Eggs"

Vladimir V. KOLCHANOV ✉

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. Chinese allusions of New Year and the Lantern Festival used by M.A. Bulgakov in the 6th chapter of the novella "The Fatal Eggs" are studied. White and black ritual magic, mythological images of Chinese agricultural calendar are considered from the perspective of Chinese festive culture and its carnivalization: Peach tree, "Fire judge", "White inconstancy" and "Black inconstancy", "Purple girl". The mythopoetic analysis of the novella involves a "fantastic and satirical" novel by a medieval Chinese writer Wu Cheng'en "Journey to the West" (1590). It is shown how M.A. Bulgakov inscribes this unusual, exotic, religious work that captures the basics of Chinese culture in his text. In addition to the mythological content, the allusions analysis sphere on the Chinese text involves the image of a medieval Chinese official, Chinese etiquette, a celebratory feast, street and areal decorations of the spectacle and jollification. The miracle-play character of the novella is researched. Not only the rituals of summoning the gods, demons, and spirits of the dead are described, but also the traditional for all the miracle-plays initiation of the "neophyte", one of the main stages of which is the catabasis (descent into hell), called by C.G. Jung as the archetype of "the knight's departure into the dark". The main character's path to the Chinese tartarus of the novella by Professor V.I. Persikov turns out to be such a catabasis, shown in a parody key. Close attention is paid to such a modernist method of depicting Russian reality as the method of collision/interference of times. Chinese carnival "madness" is becoming a real Russian madness associated with the reforms of the national economy. Therefore, a special place in the study is given to the satirical means analysis of influencing the viewer: elements of eccentricity, comedy play, parody and grotesque. In this field of Bulgakov's caustic satire lies, we think, the image of the "the world's first socialist state" founder V.I. Lenin and the internal policy of the leaders who replaced him, announced the beginning of the Russian peasantry destruction era and the beginning of the collectivization and agriculture mechanization era. The phantasmagoria genre, manifested in the mass hysteria of Muscovites and blazing fires from burning mountains of dead chickens, also strengthens the satirical character of the story.

Keywords: miracle-play; carnival; myth; ritual; parody; Chinese text; "Journey to the West"; "Lantern Festival"; "fire demon"; "White inconstancy" and "Black inconstancy"; "Purple girl"

Acknowledgment: I would like to express my gratitude to my friend and colleague from the People's Republic of China Bai Yang for help in preparing the work.

For citation: Kolchanov V.V. Ot misterii k karnavalu: kitayskiye novogodniye prazdniki v povesti M.A. Bulgakova «Rokovyie yaytsa» [From miracle-play to carnival: Chinese New Year holidays in Bulgakov's M.A. novella "The Fatal Eggs"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 71-81. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-71-81 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

О том, что творчество М.А. Булгакова насыщено мистериальными аллюзиями и содержит фрагменты «секретных» учений о связи человека и космоса, мира зримого и мира невидимого, в литературоведении говорилось нередко. Большое внимание этой проблематике уделял и автор данной статьи

[1–7]. Западноевропейская магия с его масонским эквивалентом, русская магия и античная теургия, – можно сделать некоторое резюме, – необходимым образом конституировали пространство булгаковской прозы, структурировали время, распределяя между собой вечное и повседневное. Они создали

гармонию между человеком и мирозданием и до сих пор подвигают читателя на размышления о Вечности и Абсолюте.

Гораздо меньше говорилось и писалось о карнавальном векторе произведений писателя. Здесь нельзя назвать ни одного цельного исследования, хотя указаний на эту проблему можно найти предостаточно. Этим пробелом мы и воспользуемся, обратившись к повести «Роковые яйца». Но для начала разведём функции, какие выполняли в жизни человечества две религиозные церемонии – мистерия и карнавал.

Первую называли «училищем смерти» [8], так как под ней понимались этапы, порядок, последовательность, ступенчатость и закономерность в получении сакральных знаний, каждый раз заканчивающиеся испытанием неопита. Такое «училище» имело ярко выраженный родо-племенной или государственный характер, оно всегда претендовало на власть в племени или стране. Мистериальные знания здесь были доступны далеко не каждому, а только духовно одарённым наставникам человечества, своего рода духовным избранникам – шаманам, волхвам, жрецам, святым, иерофантам. Путём ритуалов и особых диетических предписаний жрец открывал космические врата, уходил в мир незримый, мир богов и духов и возвращался назад. Этому он учил и своих учеников. Если ученик успешно проходил инициацию, то назывался «дважды рождённым», посвящённым и становился обладателем священного знания, не доступного профанам и демосу. Иногда церемония принимала обратный характер – бог или демон вызывался в мир и помогал теургу осуществлять задуманное.

Карнавал несколько отличался от мистерии. Это был праздник демонов, богов и всех людей, в нём сходились разные ритуалы, разные виды магий, он сохранял и поддерживал сделанную когда-то перегруппировку массового религиозного сознания.

Если до начала карнавала все мистерии встраивались в профанное пространство и время, то в период праздника карнавала (период народных торжеств и увеселений) – в священное. Массы, хотя и гротескно, повторяли то, что было возможно наставникам и их неопитам; упразднялись статусы, иерархии, государственный порядок, богатство и

бедность, и самое главное – делался прогноз на будущее, в первую очередь, на будущий урожай, от которого зависела жизнь всего коллектива.

Периоды революционного обновления социума также соответствовали духовному состоянию человека традиционного карнавала, он окунался в хаос, но испытывал новую катастрофу сознания: умертвлял бывших богов, демонов и героев без права их воскресения, перегруппировывал сознание и на карте среди разрушений и насилия искал новое священное.

Поэтому не только смерть славянского Волоса в лице первого сторожа зооинститута Власа и приход античного Пана в образе русского мужика Панкрата символизирует в повести «Роковые яйца» недавнее революционно-культурное обновление. В качестве варианта обновления Булгаков использовал необычный, экзотический, **китайский** текст. Он вторгается праздником китайского Нового года в славянский весенне-летний календарный цикл (события, напомним, в повести протекают с апреля по август) и представляет собой любопытный модернистский приём – ситуацию вмешивания праздников¹, вызывающую катастрофические последствия и шоковые состояния². «Он (Новый год. – В. К.) есть в году самый главный праздник у китайцев» [10, с. 1], – констатировал ещё в 1927 г. И.Г. Баранов, и это, вероятно, является одной из важных причин обращения писателя к полю новогодних китайских аллюзий.

Во-первых, об этом говорит сама фамилия главного персонажа – Персииков. С самого начала она вводит читателя в китайское мифологическое пространство, культурно-семантически противопоставленное смертности человеческого существа и связанное с китайским празднованием Нового года. С древности в Китае на Новый год при пожеланиях удачи и счастья пили сок персика, считая, что он является эликсиром бессмер-

¹ Е.А. Яблоков, впервые исследовавший этот приём у Булгакова, называл его «приемом контаминации», когда в «сферу действия» одного праздника непредсказуемо вмешиваются функции другого» [9, с. 61]. Думается, что такая ситуация, уходящая глубокими корнями в народное двоеверие, в рамках модернистской системы должна учитывать шоковую атмосферу вмешательства и дополняться понятием «столкновение».

² Подробнее см.: [1, с. 57-61].

тия, а ветками и предметами, сделанными из его древесины, отгоняли злых духов. От него всякая «рогатая и безрогая нечисть, – считалось в народе, – в панике торопилась унести копыта» (URL: <http://myfholology.info/planta/persik.html>). Кроме того, в восточной мифологической традиции персиковое дерево, от которого образована фамилия Владимира Ипатьевича, несло на себе черты Мирowego Древа, а идиома «персиковая роща на той стороне» (китайский иероглиф 世外桃源, то есть место, отделённое от внешнего мира) подразумевала амбивалентное толкование – рай или «место неподалёку от ворот ада» (URL: <http://myfholology.info/planta/persik.html>). Заметим, что, врываясь с первой страницы в текст, китайская новогодняя фамилия персонажа вносит и элемент пародии: цветок персика – китайский «символ свежей юной девушки, а также легкомысленных женщин и «безумия персиковых цветков» как перифразы смятения чувств в переходном возрасте» (URL: <http://help-computers.ru/Girl-with-Peaches.html>). Для прототипа Персикова В.И. Ленина и его политического окружения – пародия язвительная.

Во-вторых, раз существует «место неподалёку от ворот ада» (в пародийном плане – неподалёку от ворот мавзолея В.И. Ленина), то есть некая пограничная зона между миром живых и мёртвых, то должны существовать и inferнальные выходцы. Один из них в главе 4-й «Попадья Дроздова» «тотчас» (оттуда, видимо) и появляется – с китайской внешностью, одеждой и атрибутами императорского мандарина и его изысканным этикетом:

«Из-за спины Панкрата тотчас вынырнул молодой человек с гладковыбритым маслянистым лицом. Поражали вечно поднятые, словно у **китайца**, брови и под ними ни секунды не глядевшие в глаза собеседнику агатовые глазки. Одет был молодой человек совершенно безукоризненно и модно. В узкий и длинный до колен пиджак, широчайшие штаны колоколом и неестественной ширины лакированные ботинки с носами, похожими **на копыта**. В руках молодой человек держал трость, шляпу с острым верхом и блокнот <...> Вместо ответа молодой человек поклонился профессору два раза на левый бок и на правый, а затем его глазки колесом прошлись по всему кабинету (выделено нами. – В. К.)» [11, с. 318].

То, что гость, очутившийся в новогодней персиковой «роще на той стороне», не имеет отношения к райским кушам, говорят не только «копыта», но и место действия в следующей сцене: «Он (Персиков. – В. К.) тоскливо глядел на **крышу** университета, где в чёрной пасти бесновался невидимый Альфред (выделено нами. – В. К.)» [11, с. 322]. По сути, она рисует психическое состояние рядового китайца, увидевшего ночной призрак на крыше дома и услышавшего замогильный зов. Зов этот естественный, если учесть, что в Китае умершие приходят на Новый год. И путь их лежит через крыши домов.

Булгаков, возможно, знал о народном поверье приходить через крыши домов: о категорических запретах сушить на крыше ночью простыни ввиду опасности запутывания в них душ усопших, писало литературное и популярно-научное приложение к журналу «Нива» за 1911 г.; запрет в Китае был настолько серьёзным, что нарушившие его отправлялись в «четвёртый круг ада»: «Сюда же попадают и те женщины, – писал ежемесячник в разделе «Смесь», – которые при жизни имели привычку развешивать своё бельё после стирки на крышах домов. Для того чтобы уразуметь смысл этой странности, надо знать, что, по китайскому верованию, души усопших имеют обыкновение реять в воздухе над своими земными жилищами. А развешанное на них бельё сбивает их, не даёт им распознать своего жилья»³.

А вот как в главе 5 («Куриная история») обрисовывается, по дороге в куриный гадес, сам профессор в роли китайского привидения на крыше, запутавшегося в простыне экрана:

«На другой день после того, как он развязался с Альфредом Бронским, ему пришлось выключить у себя в кабинете в институте телефон, снявши трубку, а вечером, проезжая в трамвае по Охотному ряду, профессор увидел самого себя **на крыше** огромного дома с чёрною надписью «Рабочая газета». Он, профессор, дробясь, и зеленея, и мигая, лез в ландо такси, а за ним, цепляясь за рукав, лез механический шар в одеяле. Профессор **на крыше, на белом экране**, закрывался кулаками от фиолетового луча. Засим выскочила огненная надпись:

³ Китайский ад // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1911 г. Спб.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1911. Т. 1. С. 686.

Профессор Персиков, едучи в авто, даёт объяснение нашему знаменитому репортёру капитану Степанову.

И точно: мимо храма Христа, по Волхонке, проскочил зыбкий автомобиль и в нём барахтался профессор, и физиономия у него была, как у затравленного волка.

– Это какие-то **черти, а не люди**, – сквозь зубы пробормотал зоолог и проехал (выделено нами. – В. К.)» [11, с. 326].

Впечатление катабасиса, дороги в гадес усиливается благодаря словам: «вечером», «Охотный ряд», «чёрная надпись», «дробясь, и зеленея», «ландо», «зыбкий», «по Волхонке» (читай: по Волхонке – волчьей дороге), «волк».

Третьей китайской аллюзией в повести «Роковые яйца» является праздник Фонарей. Само название главы «Москва в июне 1928 года» настраивает не только на срок празднования Нового года в Китае, который продолжался в разных местностях от двух недель до одного месяца, но и на 15-ю ночь, – по сути, Последнюю ночь Нового года, которая представляла собой кульминацию праздника Фонарей: существовало мнение, что фонари горели не только для демонов и богов, но и для «неприкаянных душ усопших», жаждущих успокоения:

«Огоньки фонариков посвящались не только богам, но и душам умерших. По всему Китаю большой популярностью пользовалось представление о том, что лампадки и фонари, зажжённые на первое полнолуние года, помогают бесприютным душам найти дорогу в преисподнюю, где будет решена их судьба. Чтобы помочь несчастным душам, горящие фонари ставили на перекрестках дорог, у храмов, переправ и в других подходящих для этого местах. В деревнях Северного Китая крестьяне наливали в большой котёл купленное в складчину масло и поджигали опущенный в него большой фитиль. Затем этот гигантский светильник носили по деревне и брызгали горящим маслом на углы домов, а их жильцы бросали в котёл огарки свечей. Считалось, что неприкаянные души усопших, с которыми ассоциировались эти огарки, обретают таким путём успокоение [Нагао, 1973, т. 2, с. 292]. Фонари горели и для умерших предков, которых тоже провожали в Праздник Первой ночи. Так, жители Цзянсу в полнолуние 1-го месяца прибирали семейные могилы и вешали на них фонарь. В провинции Шаньси ночью на 15-е число, по сообще-

нию старинной хроники, «люди провожали предков, и женщины громко рыдали» [Нагао, 1973, т. 2, с. 329]»⁴.

Иными словами, все двери потустороннего мира в это время открывались, и Фонари были призваны осветить дорогу туда и обратно; более того, «многие, в частности, верили, что в 15-й день 1-го лунного месяца преисподняя разверзается, и люди, прогуливаясь, могут сбросить в неё свои недуги»⁵.

На китайский новогодний карнавал – «Праздник Фонарей» – указывает и аллюзия в 6-й главе: «бусинками жалобно горели китайские фонарики в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде». По своему существу этот праздник являлся очень древним, ещё добуддийским, наступал в ночь с 14 на 15 число первой луны и представлял собой одновременно и грандиозный уличный карнавал со всевозможными площадными увеселениями, и белый (оградительный) магический обряд аграрно-экономического плана. Иными словами, земледельческий ритуал встраивался в народный карнавал, приводил к кульминации празднование Нового года и делал самое важное в жизни любого китайца – прогноз на год.

Чтобы лучше представить роль и место «Праздника Фонарей» в тексте «Роковых яиц» и заодно понять его содержание, попробуем вначале обратиться к «фантастико-сатирическому» роману средневекового китайского литератора У Чэньэня «Путешествие на Запад» (1590) (во втором, сокращённом русском, переводе «Сунь Укун – Царь обезьян»). Он отчётливо показывает нам знаки той волшебной ночи, которая разыгрывается в главе 6 «Москва в июне 1928 года» и которая прогнозирует катастрофу в русской деревне: разорение природного земледельца, коллективизацию и механизацию сельского хозяйства.

Тексты для сравнения приходится брать немалые: отрывок из 91-й главы китайского романа и всю 6-ю главу повести (благо, что 6-я глава является наименьшей из всех глав).

⁴ Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Гл. ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 65.

⁵ Там же. С. 74.

Выделенные жирным шрифтом в тексте «Рокковых яиц» слова покажут не только аллюзии китайского праздника Нового года, но и принцип суггестивного маркирования текста, который Булгаков применял в повести неоднократно [1, с. 56, 58-59, 62; 2, с. 45]. Выделения затронут как световые, так и голосовые спецэффекты. Катастрофической ситуации столкновения/вмешивания времён они добавляют нот отчаяния и ощущения шокового состояния истерии и массового безумия. Ведь и китайский Новый год, по сообщению древнего летописца, относился к празднику карнавала, когда «все люди казались обезумевшими»⁶. То же происходит и в главе 6-й, правда, с учётом встраивания чёрного ритуала эффект получается обратный: несмотря на запреты и действия властей, люди «объедаются гнилыми яйцами».

«Путешествие на Запад»:

«—Уважаемый наставник, вы видели праздничные фонари только у нас в монастыре и в пригороде у восточной заставы. А нынче вечером начнётся настоящий праздник. Пойдёмте в город, поглядим на «золотые фонари». Что вы на это скажете?»

Сюаньцзан с радостью согласился и вместе с Сунь Укуном и остальными учениками в сопровождении толпы монахов отправился в город на праздник Фонарей.

Об этом празднике сложены такие стихи:

Пышно украшены улицы города,
звенят весёлые песни.

Счастливы люди в этом краю —
на праздник собрались вместе.

Ярко сверкают цветные фонарики
в призрачном лунном свете;

Ночь напролёт возносят молитвы —
призывают дожди и ветер.

Чистой радостью светятся лица,
сегодня печали забыты.

Низками крошечных огоньков
кроны деревьев увиты.

Улицы были запружены народом. Люди веселились в своё удовольствие: плясали, ходили на ходулях, катались на слоне; было много ряженых. В разных концах города, то тут, то там, устраивались всевозможные зрелища. Наконец монахи провели Танского наставника сквозь толпу к мосту,

на котором были установлены золотые фонари. Подойдя ближе, он увидел три огромных светильника, величиной с добрый чан, над которыми красовались двухъярусные ажурные башенки, сплетённые из тонкой золотистой проволоки. Внутри башенки были выложены тонкими пластинками из глазури и светились так ярко, что затмевали сияние луны. От масла, налитого в светильники, исходил чудесный аромат.

— Что за масло в этих светильниках? — спросил Сюаньцзан.

— Это масло привозят из округа Осеннее небо. Там двести сорок больших дворов, и они ежегодно вырабатывают масло для этих светильников. Повинности других округов неизмеримо легче, нежели та, которую несут эти двести сорок дворов. Ведь это не просто масло, а душистое. Каждый лян его обходится в два ляна серебром! А горят эти светильники всего три ночи.

— Да разве может столько масла выгореть за три ночи? — воскликнул Сунь Укун.

— Ничего удивительного, — ответил монах. — В каждом фонаре сорок девять огромных фитилей. Фитили сделаны из пеньки, обмотаны шёлковой ватой, и каждый из них толщиной с куриной яйцо. Если нынешней ночью сюда снизойдут воплощенные Будды, то уже завтра масла в сосудах не останется, и свет фонарей начнет меркнуть.

— Вот это здорово! — смеясь, сказал Чжу Бацзе. Выходит, что достопочтенные Будды забирают даже масло из светильников?

— Да, ты совершенно прав, — ответил монах. — Жители города знают об этом, передают своим потомкам, и так из рода в род. Это повелось с древнейших времен. Если масло из сосудов исчезнет, значит, Будды приняли подношение. В такой год бывает, разумеется, обильный урожай. Если же масло остаётся нетронутым, обязательно случается лихолетие с неблагоприятными дождями и ветрами. Вот почему люди не жалеют сил и денег на столь дорогое подношение.

В это время послышалось злое завывание ветра, и люди в панике стали разбегаться.

— Почтенный наставник! — сказали монахи. — Надо возвращаться! Надвигается буря. Это сами Будды спускаются с небес поглядеть на праздник Фонарей!

— Откуда вы взяли, что это Будды? — спросил Танский монах.

— Ну, как же! Так бывает из года в год, — ответил один из монахов. — Если ветер поднимается до наступления третьей ночной стражи, все знают, что это предвещает сошествие Будд, и спешат поскорее укрыться!

— Я и мои ученики всегда только и думаем о Будде. Молимся и поклоняемся ему, — сказал

⁶ Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Гл. ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 12.

Танский наставник. – И если в самом деле Будды соизволят сойти с неба в этот замечательный праздник, то мы останемся здесь и поклонимся им. Это будет для нас великое счастье.

Вскоре в самом деле появились три Будды, которые приблизились к золотым светильникам. Танский наставник вбежал на мост, повалился наземь и начал отбивать поклоны. Сунь Укун быстро поднял его на ноги и сказал:

– Наставник, это не Будды! Это самые настоящие оборотни!

Не успел он договорить, как огонь в светильниках потускнел, раздался резкий свист. Оборотни подхватили Танского наставника и умчались» [12, с. 649-650].

«Роковые яйца»:

«Она светила, огни танцевали, гасли и вспыхивали. На театральной площади **вертелись белые фонари автобусов, зелёные огни трамваев, над бывшим Мюр и Мерилизом, над десятым надстроеным на него этажом, прыгала электрическая разноцветная женщина, выбрасывая по буквам разноцветные слова:** «Рабочий кредит». В сквере против Большого театра, где **бил ночью разноцветный фонтан,** толкалась и гудела толпа. А над Большим театром гигантский **рупор завывал:**

– Антикуриные прививки в Лефортовском ветеринарном институте дала блестящие результаты. Количество куриных смертей за сегодняшнее число уменьшилось вдвое.

Затем рупор менял тембр, что-то **рычало** в нём, над театром **вспыхивала и угасала зелёная струя, и рупор жаловался басом:**

– Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой в составе наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка, профессоров Персикова и Португалова... и товарища Рабиновича!.. Новые попытки интервенции!.. – **хохотал и плакал как шакал, рупор,** – в связи с куриною чумой!

Театральный проезд, Неглинный и Лубянка **пылали белыми и фиолетовыми полосами, брызгали лучами, выли сигналами, клубились пылью.** Толпы народа теснились у стен у больших листов объявлений, **освещённых резкими красными рефлекторами:**

Под угрозой тягчайшей ответственности воспрещается населению употреблять в пищу куриное мясо и яйца. Частные торговцы при попытке продажи их на рынках подвергаются уголовной ответственности с конфискацией всего имущества. Все граждане, владеющие яйцами, должны в сроч-

ном порядке сдать их в районные отделения милиции.

На крыше «Рабочей газеты» на экране грудой до самого неба лежали куры, и зеленоватые **пожарные, дробясь и искрясь, из шлангов поливали их керосином.** Затем **красные волны ходили по экрану, неживой дым распухал и мотался клочьями, полз струей, выскакивала огненная надпись:**

Сожжение куриных трупов на Ходынке

Слепыми дырами глядели **среди бешено пылающих витрин магазинов, торгующих до 3 часов ночи,** с двумя перерывами на обед и ужин, заколоченные окна под вывесками: «Яичная торговля. За качество гарантия». Очень часто, **тревожно завывая,** мимо милиционеров проносились **шипящие** машины с надписью: «Мосздравотдел. Скорая помощь».

– Обожрался ещё кто-то гнилыми яйцами, – шуршали в толпе.

В Петровских линиях **зелёными и оранжевыми фонарями сиял** знаменитый на весь мир ресторан «Амбир», и в нём на столиках, у переносных телефонов, лежали картонные вывески, залитые пятнами ликеров:

По распоряжению – оmlета нет. Получены **свежие устрицы.**

В Эрмитаже, где **бусинками жалобно горели китайские фонарики** в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим **пронзительным светом** эстраде куплетисты Шрамс и Карманчиков пели куплеты, сочинённые поэтами Ардо и Аргуевым:

Ах, мама, что я буду делать
Без яиц?..

– и грохотали ногами в чечетке.

Театр покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского «Бориса Годунова», когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил движущуюся **разных цветов электрическую вывеску,** возвещавшую пьесу писателя Эрендорфа «Курий дох» в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссёра республики Кухтермана. Рядом, в Аквариуме, переливаясь рекламными огнями и блестя полуобнажённым

женским телом, в зелени эстрады, под гром аплодисментов, шло обозрение писателя Ленивцева «Курицыны дети». А по Тверской, **с фонариками по бокам морд**, шли вереницею цирковые **ослики**, несли на себе сияющие плакаты:

В театре Корш возобновляется «Шантеклэр» Ростана

Мальчишки-газетчики **рычали и выли** между колёс моторов:

– Кошмарная находка в подземелье! Польша готовится к кошмарной войне!! Кошмарные опыты профессора Персикова!!

В цирке бывшего Никитина, на **приятно пахнущей навозом коричневой жирной арене** мертво-бледный клоун Бом говорил распухшему в клетчатой водянке Биму:

– Я знаю, отчего ты такой печальный!

– Отцово? – пискливо спрашивал Бим.

– Ты зарыл яйца в землю, а милиция **15-го участка** их нашла.

– Га-га-га-га, – смеялся цирк так, что в жилах стыла радостно и тоскливо кровь и под стареньким куполом веяли трапеции и паутина.

– А-ап! – **пронзительно кричали** клоуны, и кормленая белая лошадь выносила на себе **чуждой красоты женщину, на стройных ногах, в малиновом трико.**

* * *

Не глядя ни на кого, никого не замечая, не отвечая на подталкивания и тихие и нежные зазывания проституток, пробирался по Моховой, вдохновенный и одинокий, увенчанный неожиданной славой Персиков **к огненным часам** у манежа. Здесь, не глядя кругом, поглощённый своими мыслями, он **столкнулся со странным, старомодным человеком, пребольно ткнувшись пальцами прямо в деревянную кобуру револьвера, висящего у человека на поясе.**

– Ах, **чёрт!** – пискнул Персиков. – Извините.

– Извиняюсь, – ответил встречный неприятным голосом, и кое-как они расцепились в людской каше. И профессор, направляясь на Пречистенку, тотчас забыл о столкновении (выделено нами. – В. К.)» [11, с. 335-338].

Как видим, китайский ритуал даёт неблагоприятный прогноз на год – приходят демоны и крадут масло вместе с Танским наставником. Примерно также обстоит дело в «Роковых яйцах». Недавний теургический опыт с красным лучом материализует в ночной карнавальской Москве русского оборотня, «столкнувшегося» со своим вызывателем.

В дальнейшем он предстанет как «сукин сын», «антихрист» и «д... д... д...» Рокк.

Ситуация усугубляется ещё и тем, что, в отличие от китайского белого ритуала, имеющего мантико-религиозный характер и производящего воскресения Буддам, русский обряд служит целям чёрной магии – порченные яйца зарываются в землю, а оттуда попадают к стражам порядка. Поэтому и китайское новогоднее дерево, украшенное фонариками, из «ветвистого дерева, символизирующего процветание генеалогического клана»⁷ (Мирового Древа), превращается в дерево траура, дерево «леса скорби»: «В Эрмитаже, где бусинками жалобно горели китайские фонарики в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде». Эпитеты «жалобно», «неживая», «убивающая», «пронзительная» подчеркивают состояние души, спускающейся в ад.

В приведённом выше фрагменте из 6 главы «Москва в июне 1928 года» существует много и других аллюзий на Новый год и праздник Фонарей. Мы последуем ходу изложения текста, только вместо традиционной китайской магии и пожеланий с «хорошим смыслом» будем учитывать, что смысл пожеланий получается с «плохим смыслом», пародийным и фантазмагоричным.

Так как Новый год также был связан с идеей очищения и определёнными диетическими предписаниями, то

«В старом Китае существовал запрет есть на Новый год скоромное или, точнее, пищу из «живых существ», включая рыбу и яйца. В буддизме и даосизме 1-й день года почитался как один из важнейших праздников и дней поста. В этот день, по китайским верованиям, божества спустились на землю, и есть скоромное в их присутствии означало совершить тяжкий грех»⁸; «при приготовлении новогодней пищи пользовались только растительным маслом. Правда, на новогодние столы нередко ставили и блюда с рыбой – символом достатка и яйцами – символом удачи, но к ним не прикасались»⁹.

В связи с идеей очищения и стол выстилался определёнными, ритуальными кушаньями

⁷ Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Гл. ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 66.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же.

ями. Запрет в ночь Первой луны есть скоромную пищу компенсировался растительной пищей и морепродуктами: разрешалось употреблять каши, овощи, фрукты, морскую капусту, мидии и устрицы. Последние, как мы видим в тексте повести, усиливают китайское начало: «По распоряжению – омлета нет. Получены **свежие устрицы** (выделено нами. – В. К.)».

Вера в «очистительную силу огня» и огненного Демона, с которым китайцы проводжали всё плохое на празднике Фонарей, также отражена в тексте 6-й главы. По пути на Пречистенку Персиков продирается сквозь толпу к «огненным часам у манежа», где «преобольно» сталкивается со «странным старомодным человеком» с «кобурой револьвера на поясе». Что это как не аллюзия на разверзшуюся бездну преисподней и выход из неё огненного Демона, загробного «Огненного судьи, повелителя демонов и владыки ада»?

Еще одними популярными представителями загробного мира на празднике Фонарей являлись ангелы смерти Байучан (白无常 «Белое непостоянство») и Хэйучан (黑无常 «Чёрное непостоянство»). Они носили соответствующие их именам цвета одежды и атрибуты, дурацкие колпаки, имели гротескные лица белого и мертвенно-бледного цветов и сильно различались по росту: один был здоровым верзилкой, другой уродливой коротышкой. Духи много шутили и нападали на зрителей, их одновременно и ждали как представителей древнего китайского бога земли, так как он отвечал за будущий урожай, и сильно боялись¹⁰.

Аллюзией на Байучан и Хэйучан в повести могла служить буффонная пара: «мертвенно-бледный клоун Бом» и «распухший в клетчатой водянке Бим». Их аллегорические шутки также прогнозировали результаты посевов, но виделся в них будущий неурожай, связанный с действиями властей и органов НКВД. Смерть и голод символизировали здесь лицо Бомы и «водянка» Бима – в голод люди, евшие вместо хлеба лебеду, пухли и приобретали черты смертельно больных людей. Примечательна деталь в

«клоунском» фрагменте 6 главы: «милиция 15 участка». Эта деталь может быть как раз маркером и 15-го дня китайского Нового года, и аллегорией дьявола в раскладе древнейших гадательных карт Таро: под 15-й картой Старших Арканов значился «Дьявол», или «Гений катастроф».

Новогодние праздники – это массовый ритуал и одновременно праздник: «укрошения драконов», изгнания демонов, неприкажных душ и возвращения на землю отправленных на доклад к Нефритовому императору его заместителей на земле. К таким заместителям относилась Цзы-гу (紫姑 букв. «Пурпурная девушка»), или «девушка из уборной». Легенда о ней гласила: молодая красавица погибла от руки ревнивой жены богача, причём была утоплена в нечистотах туалета или свиного хлева, с тех пор став богиней-оракулом; она сообщала «житейские новости будущего лета, предсказывала гостей и многое другое». «В сотнях <...> текстов, более древних или позднейших, она описывается в том же духе – как фигура из соломы или травы, используемая по всей стране на спиритических сеансах в день Нового года» [13, с. 52, 54]. Чтобы вызвать «Пурпурную девушку», следовало произнести заклинание: «Ослиный помёт благоухает, лошадиный помёт воняет, ситная девушка, с почтением просим выйти»¹¹.

Карнавальным, эксцентричным образом она и выходит – в булгаковской повести после церемонии «цирковых осликов» на Тверской «с фонариками по бокам морд», на «приятно пахнущей навозом коричневой жирной арене» «кормленная белая лошадь выносила на себе чудной красоты женщину, на стройных ногах, в малиновом трико».

Таким образом, китайские мистерия и карнавал, использованные в качестве игрового модернистского приёма, стали в повести Булгакова ещё и средством сатиры. Ритуальные празднества обернулись пародией на внутреннюю политику «первого в мире социалистического государства» и биографию его основателя – В.И. Ленина. В годы смены хозяйственно-экономических парадигм (нэпа и коллективизации сельского хозяйства) и начавшегося процесса сакрализации вождя

¹⁰ Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Гл. ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 64.

¹¹ Там же. С. 75.

под названием Лениниана писатель предложил иной взгляд на существующую действительность. Воспитанный всей предшествующей культурой, обогащённый знаниями, которые накопило человечество, он представил «первое послеоктябрьское десятилетие» как сбой в работе русского аграрного календаря, гибель многовекового уклада русского крестьянства. «Сатирический удар» оказался нанесённым с неожиданной стороны – со стороны китайской календарно-аграрной ма-

гии. Только пропущенный через дальневосточное магическое решето, текст мог быть напечатан, распространён и «даже в 1930 г. оставаться одним из наиболее спрашиваемых произведений в библиотеках» [14, с. 617]. Приведись ему выделиться из спектра «магического кристалла», он неминуемо попал бы в разряд «пасквильной сатиры на покойного вождя и коммунистическую идею в целом» [14, с. 613], а сам автор немедленно был бы выброшен из советской истории.

Список литературы

1. Колчанов В.В. Между мистерией и буфф: повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» в свете театральных модернистских жанров первой трети XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Вып. 2 (6). С. 53-65.
2. Колчанов В.В. От дьяблерии к «оперетке»: музыкальный буфф и приемы нейролингвистического программирования в романе-мистерии М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 41-54.
3. Колчанов В.В. От дьяблерии к «оперетке»: музыкальный буфф и приемы нейролингвистического программирования в романе-мистерии М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 2 (10). С. 42-49.
4. Колчанов В.В. Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии // Русская литература XX–XXI веков в национальном культурно-историческом контексте / отв. ред. Н.Ю. Желтова. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2017. С. 170-188.
5. Колчанов В.В. «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и после того // Филологическая регионалистика. 2018. Т. 10. № 1-2 (25-26). С. 5-20.
6. Колчанов В.В. Мистериальный вектор повести М.А. Булгакова «Дьяволиада» // М.А. Булгаков: pro et contra: антология / сост. О.В. Богданова. СПб.: РХГА, 2019. С. 527-547.
7. Колчанов В.В. Оккультизм, магии и ритуалы симпатической магии в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // М.А. Булгаков: pro et contra: антология / сост. О.В. Богданова. СПб.: РХГА, 2019. С. 798-817.
8. Флоренский П. «Человек умирает только раз в жизни...» // Тибетская книга мертвых / пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Амфора, 1999. С. 166-167.
9. Яблоков Е.А. Мотивы прозы М. Булгакова. М.: РГГУ, 1997.
10. Баранов И.Г. Китайский Новый год. Харбин, 1927.
11. Булгаков М.А. Роковые яйца // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Голос, 1995. Т. 2.
12. У Чэньэнь. Сунь Укун – Царь обезьян / пер. с кит. А. Рогачева. М.: Худож. лит., 1982.
13. Эберхард В. Китайские праздники / пер. с англ. и предисл. Н.Ц. Мункуева. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1977.
14. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М.: Эксмо: Алгоритм: Око, 2005.

References

1. Kolchanov V.V. Mezhdru misteriyey i buff: povest' M.A. Bulgakova «Rokovyye yaytsa» v svete teatral'nykh modernistskikh zhanrov pervoy treti XX v. [Miracle-play and comic play: novella by M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs" from the point of theatre modernist genres of the first third of XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2016, no. 2 (6), pp. 53-65. (In Russian).
2. Kolchanov V.V. Ot d'yablerii k «operetke»: muzykal'nyy buff i priyemy neyrolingvisticheskogo programirovaniya v romane-misterii M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [From diableria to operetta: musical buffo and methods of neuro-linguistic programming in mystery novel of M.A. Bulgakov "The White Guard"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 41-54. (In Russian).

3. Kolchanov V.V. Ot d'yablerii k «operetke»: muzykal'nyy buff i priyemy neyrolingvisticheskogo programirovaniya v romane-misterii M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [From diableria to operetta: musical buff and methods of neuro-linguistic programming in mystery novel of M.A. Bulgakov "The White Guard"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 2 (10), pp. 42-49. (In Russian).
4. Kolchanov V.V. Katabasis kak satiricheskiy motiv v povesti M.A. Bulgakova «Rokovyie yaytsa»: obraz professora Persikova v svete antichnoy, zapadnoyevropeyskoy i russkoy tseremonial'noy magii [Katabasis as a satirical motive in the novel of M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs"]. In: Zheltova N.Y. (executive ed.). *Russkaya literatura XX–XXI vekov v natsional'nom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian Literature of the 20–21 Centuries in the National Cultural and Historical Context]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2017, pp. 170-188. (In Russian).
5. Kolchanov V.V. «Tambov na karte general'noy...»: satiricheskaya povest' M.A. Bulgakova «Rokovyie yaytsa» i «kurinaya istoriya», v sem grade sluchivshayasya, a takzhe v stolitse i gosudarstve, do i posle togo ["Tambov on the general chart...": satirical novel of M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs" and "chicken story" happened in that town and also in the capital and state, before and after that]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regionalism], 2018, vol. 10, no. 1-2 (25-26), pp. 5-20. (In Russian).
6. Kolchanov V.V. Misterial'nyy vektor povesti M.A. Bulgakova «D'yavoliada» [Mysterical vector of M.A. Bulgakov's novella "Diaboliad"]. *M.A. Bulgakov: pro et contra: antologiya* [M.A. Bulgakov: pro et contra: anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2019, pp. 527-547. (In Russian).
7. Kolchanov V.V. Okkul'tizm, magi i ritualy simpaticheskoy magii v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» [Occultism, magicians and ritual of sympathetic magic in the novel of M.A. Bulgakov "The Master and Margarita"]. *M.A. Bulgakov: pro et contra: antologiya* [M.A. Bulgakov: pro et contra: anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2019, pp. 798-817. (In Russian).
8. Florenskiy P. «Chelovek umirayet tol'ko raz v zhizni...» ["A man dies only once in his life..."]. *Tibetskaya kniga mertvykh* [Tibetan book of the dead]. St. Petersburg, Amfora Publ., 1999, pp. 166-167. (In Russian).
9. Yablokov E.A. *Motivy prozy M. Bulgakova* [Motives of Prose by M. Bulgakov.]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1997. (In Russian).
10. Baranov I.G. *Kitayskiy Novyy god* [Chinese New Year]. Harbin, 1927. (In Russian).
11. Bulgakov M.A. Rokovyie yaytsa [The Fatal Eggs]. In: Bulgakov M.A. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Bulgakov M.A. Collection of Works: in 10 vols.]. Moscow, Golos Publ., 1995, vol. 2. (In Russian).
12. Wu Cheng'en. *Sun' Ukun – Tsar' obez'yan* [Sun Wukong – the Monkey King]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1982. (In Russian).
13. Eberkhard V. *Kitayskiye prazdniki* [Chinese holidays]. Moscow, Main Editorial of Eastern Literature of "Nauka" Publ., 1977. (In Russian).
14. Sokolov B.V. *Bulgakov. Entsiklopediya* [Bulgakov. Encyclopedia]. Moscow, Eksmo, Algoritm, Oko Publ., 2005. (In Russian).

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Вклад в статью: в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» функционирует «китайский текст», являющийся средством сатиры на проводимую в СССР политику коллективизации сельского хозяйства. Китайские аллюзии проявляются через такие религиозно-народные церемонии, как китайские мистерия и карнавал, художественно перенесённые в повесть через приёмы гротеска, пародии, буфа и эксцентрики. Представлена идея перехода мистерии в карнавал.

Поступила в редакцию 11.01.2020 г.
Поступила после рецензирования 24.02.2020 г.
Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Vladimir V. Kolchanov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Contribution: in M.A. Bulgakov's novella "The Fatal Eggs" there is a "Chinese text", which is a mean of satire on the policy of agriculture collectivization carried out in the USSR. Chinese allusions are manifested through such religious and folk ceremonies as the Chinese miracle-play and carnival, artistically transferred to the story through techniques of grotesque, parody, comedy-play and eccentrics. The transition idea of the miracle-play to the carnival is presented.

ORCID: 0000-0001-9755-2378

Received 11 January 2020
Reviewed 24 February 2020
Accepted for press 3 March 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-82-90
УДК 821.161.1

Поведение человека в условиях ограниченной свободы в романе А.И. Солженицына «В круге первом»

Ян БАЙ¹, Наталия Владимировна СОРОКИНА² ✉

¹Северо-западный педагогический университет

Китайская Народная Республика, г. Ланьчжоу, район Аннинг, ул. Восточная, 967

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ sorok_tam@rambler.ru

Аннотация. Посвящено изучению особенностей изображения поведения людей в условиях лагерного заключения в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Изучены формы художественного воплощения темы внутренней и внешней свободы личности. Сопоставлены принципы изображения повседневной жизни заключённых в рассказе «Один день Ивана Денисовича» и романе «В круге первом». Уделено внимание значению заглавий указанных произведений А.И. Солженицына. Рассмотрено изображение писателем событий и действий людей при отсутствии/ограниченности физической свободы. Подчёркнута роль творческих начинаний в процессе самосохранения человеческого достоинства. Обозначены основные параметры изображения любовных сюжетных линий и семейных историй в романе. Уточнено значение авторских шрифтовых выделений в тексте. Акцентируется внимание на непреходящей актуальности темы сохранения душевной силы человека в периоды вынужденной неволи и ограниченных условий существования, являющейся одной из приоритетных в творчестве А.И. Солженицына. Результаты проведённого исследования способствуют расширению представлений об идейно-художественной специфике «лагерной прозы» писателя и могут быть применимы при изучении истории русской литературы в вузах, на спецсеминарах и спецкурсах по творчеству классика XX века.

Ключевые слова: А.И. Солженицын; роман «В круге первом»; мир заключённых; внутренняя и внешняя свобода личности; ограниченные условия существования

Для цитирования: Бай Ян, Сорокина Н.В. Поведение человека в условиях ограниченной свободы в романе А.И. Солженицына «В круге первом» // Нефилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 82-90. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-82-90

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Human behavior under conditions of limited freedom in the novel by A.I. Solzhenitsyn's "In the first circle"

Yang BAI¹, Nataliya V. SOROKINA² ✉

¹Northwest Normal University

967 East St., Anning District, Lanzhou, People's Republic of China

²Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ sorok_tam@rambler.ru

Abstract. The work is devoted to the study of the image features of the people's behavior in the conditions of camp imprisonment in the A.I. Solzhenitsyn's novel "In the first Circle". We study the forms of artistic embodiment of the theme of inner and outer freedom of the individual. We

compare the principles of depicting the daily life of prisoners in the story “One Day in the Life of Ivan Denisovich” and the novel “In the First Circle”. We pay attention to the meaning of the titles of these works by A.I. Solzhenitsyn. We consider the writer’s portrayal of events and actions of people in the absence/limitation of physical freedom. We emphasized the role of creative endeavors in the self-preservation of human dignity. We outline the main parameters of the depiction of love storylines and family stories in the novel. We are clarifying the meaning of the author’s font emphasis in the text. We focus on the enduring relevance of the topic of preserving the mental strength of a person during periods of forced bondage and limited living conditions, which is one of the priorities in the work of A.I. Solzhenitsyn. The results of this study contribute to the expansion of ideas about the ideological and artistic specifics of the writer’s “camp prose” and can be applied when studying the history of Russian literature in universities, at special seminars and special courses on the work of the classic of the 20th century.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn; novel “In the first circle”; the world of prisoners; internal and external freedom of the individual; limited living conditions

For citation: Bai Yang, Sorokina N.V. Povedeniye cheloveka v usloviyakh ogranichennoy svobody v romane A.I. Solzhenitsyna «V krugе pervom» [Human behavior under conditions of limited freedom in the novel by A.I. Solzhenitsyn’s “In the first circle”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 82-90. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-82-90 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В историю культуры России А.И. Солженицын вошёл с произведением о повседневной жизни лагерного заключённого. Первый опубликованный рассказ А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» был задуман в начале 1950-х гг., написан – в конце десятилетия, напечатан – в 1962 г. Вместе с двумя другими, опубликованными почти одновременно с ним – «Случай на станции Кочетовка», «Матрёнин двор» (Новый мир. 1963. № 1), – он стал «визитной карточкой писателя, его входным билетом в русскую литературу» [1, с. 187].

Образы заключённых занимают особое место в творчестве А.И. Солженицына. Подобные герои с разнообразными арестантскими судьбами непосредственно и косвенно присутствуют как в прозаических, так и в поэтических произведениях писателя. Помимо уже названных, к таким относятся рассказы «Правая кисть» (1968), «Как жаль» (1973), повесть «Раковый корпус» (1967), роман «В круге первом» (1968), поэма «Дороженька» (1952, опубл. в 1999), сборник «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи» (1946–1953, опубл. в 1999).

В данной работе рассматриваются некоторые особенности изображения А.И. Солженицыным психологии и поведения людей, оказавшихся в условиях физической несво-

боды – тюремного заключения. Основным материалом служит роман «В круге первом», привлекаются и другие произведения писателя. Цель – выяснить, насколько влияют ограниченные условия, существование героев в неволе на свободу мыслей и повседневные потребности человека в еде, общении, чувствах и эмоциях; определить, согласно авторской концепции, возможности преодоления героями замкнутости существования путём расширения мыслительной деятельности и творчества.

Рассказ «Один день Ивана Денисовича» стал откровением и ярким событием литературной жизни России. В.Я. Лакшин чётко и ясно обозначил оригинальность произведения, заключающуюся в истинности описываемых событий: «Правдиво рассказать о жизни заключённых в лагере ничуть не проще, чем написать, скажем, о буднях войны, о стройке или колхозе. Дело здесь не в теме, а в таланте, то есть в чувстве правды автора и умении нам эту правду передать» [2, с. 35].

Одновременно с рассказом «Один день...» создавались и другие произведения о жизни заключённых, в том числе и роман «В круге первом», который Л.И. Сараскина назвала «литературным памятником» Марфинской шарашке [3, с. 330]. Это обстоятельство позволяет параллельно рассматри-

вать художественные принципы изображения лагерной повседневности в ракурсе темы внешней и внутренней свободы/неволи, отсутствия или ограниченности условий нормальной жизни в названных произведениях.

Первоначальное авторское заглавие рассказа «Один день Ивана Денисовича» – «Щ-854» – невольно отсылает читателя к роману-антиутопии Е.И. Замятина «Мы» (1921), где граждане Единого Государства «обозначены такими же обезличивающими номерами вместо имён» [4, с. 8]. Номера на одежде арестантов, традиционный атрибут заключённых возможно рассматривать как некий символ нивелирования их личностей. Именно поэтому в первоначальном названии рассказа «Один день Ивана Денисовича» – «Щ-854» номер был присвоен Шухову вместо его настоящего имени.

Появление номеров и шифров в упомянутых произведениях не является случайным совпадением и следствием простой симпатии А.И. Солженицына к Е.И. Замятину (писателю посвящена отдельная глава в «Литературной коллекции» А.И. Солженицына), а подтверждает творческую и духовную близость художников. Но в отличие от Е.И. Замятина, у А.И. Солженицына созданные характеры – не из будущего мира. Более важным понятием для него является понятие настоящего. Он пишет о том, что было и что сейчас происходит в нашей жизни. «Сегодня» существует в качестве исторического фрагмента, оно само по себе удивительно и поучительно. Народ ощущает себя в рамках настоящего.

В отличие от картины Единого Государства, изображённой Е.И. Замятиным, А.И. Солженицын, наоборот, в своём реалистическом восприятии подчёркивает уникальность каждого человеческого «я». Своеобразная лексика героев ярко выделяет их оригинальные личности, отчётливо отражает их жизненные позиции. Например, в третьей главе романа «В круге первом» («Шарашка») в разговоре инженер Пряничков с большим изумлением задаёт риторический вопрос: «Господа, позвольте, в каком веке мы живём? На людях – номера? <...> прогрессивно?» [5, с. 20]. Стоит заметить, что писатель представляет своего героя в лёгком романтическом стиле. В характере Пряничкова присутствуют опти-

мизм, юношеская легкость и детская искренность. В то же время выделенное курсивом слово «прогрессивно» позволяет сделать акцент на переосмыслении социально-исторического процесса и на размышлениях о правильности его развития. Так писатель и на графическом уровне задаёт иронический тон реплике.

В произведениях А.И. Солженицына употребление понятия «зэк» является особым способом определения принадлежности людей, имеющих схожую историю в их долагерном пути и затем отбывающих наказание в тюрьме. В романе «В круге первом» глава 32 «На путях к миллиону» начинается со следующих слов: «Известный на многих шарашках старик, профессор математики Челнов, писавший в графе «национальность» не «русский», а «зэк»...» [5, с. 219]. На примере подобных сознательных поступков персонажей писатель обращает особое внимание читателя на мотивы поступков своих героев и в то же время стремится акцентировать внимание на их интеллектуальных, морально-волевых личностных качествах.

В произведениях есть немало прямых указаний на проблему свободы и вольного поведения зэков в тюрьме. В «Одном дне...» герой чувствует себя свободным и предоставленным только самому себе всего несколько минут: «Шухов никогда не просыпал подъёма, всегда вставал по нему – до развода было часа полтора **времени своего, не казённого**» [6, с. 15]; «Не считая сна, лагерник **живёт для себя** только утром десять минут за завтраком, да за обедом пять, да пять за ужином» [6, с. 22]. Это позволило В.Я. Лакшину сделать вывод: «Так что, как ни странно это прозвучит, за едой он больше всего чувствует себя личностью, человеком, который над собою **волен**. Тут уж его интерес, его **право распоряжаться собой**» [2, с. 53] (выделено нами. – Я. Б., Н. С.).

«Рабочее» заглавие романа «Круг-87» ориентировало на композиционные особенности, несколько снижая смысловую наполненность. Затем появилось название «Круг-96», также подчёркивавшее количество глав. А.И. Солженицын «ушёл» от этих названий, усилив тем самым первоначальные, «дотекстовые», читательские ассоциации с библейскими кругами ада, с «Божественной коме-

дией» Данте. В самом же романе символика первого круга приобретает новые значения, уточняя авторский замысел. Имеющиеся многочисленные исследовательские толкования смысла заглавия уточним следующим наблюдением: круг олицетворяет замкнутость пространства, события происходят с навязчивой периодичностью, как **невольное**, подчинённое движение по замкнутому кругу. События одинаковы изо дня в день. Расширение происходит за счёт размышлений, внутренней работы, творчества.

Условия шарашки не совсем точно отражают быт лагерных заключённых. Это, в какой-то мере, привилегированные зэки. Но даже у них явно чувствуется ограниченность.

По сравнению с Шуховым, личное время обитателей Марфинской шарашки значительно увеличивается, у них буквально больше физической свободы. Но обстоятельства, ограничения вносят корректировку в прежние понятия. Само понимание прямой свободы трансформируется в сознании заключённых. Сначала Пряничков с удивлением спрашивает: «Неужели и в тюрьме нет человеку свободы? Где ж она тогда есть?» [5, с. 32]. «Трудный арестант» Бобынин с ненавистью отвечает генералу Абакумову: «У меня ничего нет, вы понимаете, – н е т н и ч е г о ! Жену мою и ребёнка вы уже не достанете – их взяла бомба. Родители мои – уже умерли. И имущества у меня всего на земле – носовой платок, а комбинезон и бельё под ним без пуговиц (он обнажил грудь и показал) – казённое. Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть её не в ваших силах, ибо её нет у вас самих» [5, с. 103]. В процитированном фрагменте важны два момента. Во-первых, отсутствие свободы для большинства арестантов означает полное бессилие, самое страшное наказание. Для убедительности и заострения внимания А.И. Солженицын прибегает уже не к традиционному в его книгах курсивному выделению важных слов, а к **р а з р я д к е**. Этот приём одновременно позволяет без лишних авторских ремарок воспроизвести медленный темп речи героя, пробелы между буквами – как паузы при произнесении. Во-вторых, трудно найти свободного человека, ведь даже те, кто физически не ограничен в своих поступках, как Абакумов, находятся в политической неволе,

зависимости от идеологии, что существенно ограничивает их. А даже в тюрьме человек может почувствовать себя свободным. Получается, что все несвободны, только в разной степени. Поэтому глубокого, радикального, противопоставления «воля – неволя» нет.

Марфинские интеллигенты понимают, что внутренняя свобода бывает больше наказуема, чем внешняя:

«← <...> В Японии есть такой закон, что человека можно судить за образ его невысказанных мыслей.

– У нас-то он как раз и есть и называется *Пятьдесят восемь – десять*» [5, с. 59].

В диалоге речь шла о знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР, десятая часть которой подразумевала наказание за «антисоветскую агитацию и пропаганду».

Действие романа охватывает 3 дня. Используется традиционный для писателя принцип сжатия художественного времени. Но в данном случае кратковременность – отражение и всеобщей ограниченности. Это не просто сжатие всех дней, это ограниченность событий. Даже Новый год не приносит желания мечтать, радости и других новогодних атрибутов.

Локализация романного пространства, ограниченность действия во времени не мешает показать безграничность мыслей зэков. «Камерная жизнь» располагает к концентрации творческого размаха. Одним из средств, которые помогали не потерять ощущение себя в пространстве и во времени, были книги.

За тюремной решёткой заключённым приходится делать принципиальный выбор: оказывать ли услуги администрации, то есть быть доносчиками, по требованию тюремных начальников выполнять рабочие заказы и прочие их прихоти и, таким образом, находиться в относительно комфортных условиях, или быть в немилости у начальства, находиться под постоянной угрозой отправки на этап, рисковать жизнью, но всё же оставаться верным своим принципам и не ждать снисхождения от тюремщиков. Только лучшие герои А.И. Солженицына, обладающие благородными рыцарскими качествами, сумевшие отказаться от компромисса, «...идут на <...> жертвы, выходя из конфликта с Системой победителями» [7], получают истинное освобождение. Писатель требовал от этих

героев оптимизма в самых разных и сложных обстоятельствах, героизма во время принятия вызовов судьбы и романтизма при преодолении трудностей.

Свобода и тюрьма противопоставляются как миры. Автор скрупулезно, до деталей исследует поведение ээка – человека, попавшего за решётку. Ярко это видно в отсутствии привычных для свободных людей ощущений, событий и вещей. Иначе говоря, «дефицит»/нехватка свободы проявляется, в том числе, через дефицит вещей, дефицит времени, дефицит положительных эмоций, а также дефицит женской любви и человеческого счастья. В структуре романа «сжатие времени» [7] и ограничение пространства само по себе уплотняет интенсивность развития событий, тем самым заостряет внимание на крутых поворотах в сюжетной линии. А ограниченность событий, чувств через сужение времени и пространства драматично усиливает контраст между свободным миром и миром заключённых, что позволяет предельно наглядно отметить труднопреодолимые препятствия, стоящие перед героями. И так, для героев каждая минута ценна, «...каждая лишняя шкура дорога» [5, с. 84], каждая хлебная крошка жизненно важна.

Во многих произведениях А.И. Солженицына недостаток еды, в том числе, нехватка хлеба является одним из самых важных индикаторов, который обозначает материальную скудность, и на этой основе позволяет определить степень физического испытания и душевных страданий заключённых.

Шухов («Один день»), Нержин («В круге первом»), Костоготов («Раковый корпус») – это прошедшие войну, отбывающие сроки, материально неблагополучные персонажи. Задолго до лагерных сроков непростой жизненный опыт заставил этих героев осознать драгоценное значение хлеба. Однако в Марфинской тюрьме арестантская участь беспощадно затрагивает людей и из состоятельного социального слоя. Заключённый герцог Эстергази, которому было очень тяжело с питанием, получив от Потапова три пуговицы, сделанные из хлеба, в качестве подарка на день рождения, «клялся, что даже ни от кого из Габсбургов не получал подарка более своевременного» [5, с. 208]. Таким образом, скудная еда, минимальное количество необ-

ходимых продуктов для жизни, в суровых тюремных условиях в значительной мере объединила судьбы всех заключённых.

Заключённые относятся к еде со священным трепетом. Ибо каждая, даже самая маленькая порция продуктов увеличивает физическую и душевную силу, помогая выстоять перед невзгодами.

Напомним один из многочисленных эпизодов романа: «Разве её *ешь!* разве её *кушаешь!* – ею причащаешься!» [5, с. 49] – в девятой главе романа («Пятого года упряжки») Нержин именно таким восклицанием выразил своё понимание ценности лагерного питания. Несмотря на его скудность, заключённые во время еды словно испытывают возвышенные чувства; авторские шрифтовые ремарки обращают внимание именно на эти святые эмоции героя.

В одном из фрагментов заключительной главы («Мясо») изображаются картины, в которых перед этапом заключённые торжественно принимают последний обед, с трудом ими добытый: «...наступило то настоящее молчание, которое и всегда должно сопутствовать еде. <...> тёплой влагой она проходит по пищеводу, опускается в желудок – кровь и мускулы мои заранее ликуют, предвидя новую силу и новое пополнение» [5, с. 714-715]. Таким образом узники укрепляют свой дух, чтобы быть готовыми к непредсказуемому тернистому пути. Изображение сложного и бережного отношения героев к употреблению еды придаёт сцене пафос печали и мужества.

Для сохранения душевного равновесия от арестантов требуется твёрдая воля. Ценность хлеба ясно показана в последней строфе лагерного стихотворения «Хлебные чётки» (1950). Лирический герой в глубоком раздумье произносит следующие строки:

Проносил в рукавице, уловка поэта!
Не дойди до тебя [хлебных четок. – Я. Б., Н. С.]
я усталым умом, –
Было б меньше одною поэмой пропето,
Было больше б одним надмогильным холмом
[8, с. 230].

Благодаря хлебным чёткам автобиографический герой через долгое терпение смог спастись от душевного смятения и не упасть духом.

В романе «В круге первом» уделяется особое внимание теме любви, точнее, теме отсутствия/ограниченности любви. В течение долгих лет роковая арестантская участь не позволяла заключённым близко знать женскую ласку и заботу. В главе 89 («Перепёлочка») мысль Нержина о взаимной симпатии между заключёнными и девушками-«вольняшками» сформулирована во время тайной вечерней встречи с Симочкой. Эта мысль с грустью объясняла настоящую причину начала отношений этих героев: «...разве ты выбрал эту (девушку. – Я. Б., Н. С.)! Ты выбрал это место, через два стола, а там кто бы ни оказалась...» [5, с. 641]. А исповедуясь перед девушкой о свидании со своей женой, Нержин не стал произносить эту мысль вслух. Герой сделал нравственный выбор: его чувство к «вольняшке», которая рядом, не перевесило чувство к жене, которая отказалась его забыть и бросить.

В романе присутствуют две драматично развивающиеся любовные линии: Нержин – Симочка, Руська – Клара. В эпизодах наблюдается и служебный роман: Сологодина – Еменой. Однако любовь, родившаяся в тяжёлой тюремной атмосфере в шарашках, в большой степени означает лишь временное отвлечение от «монастырского уединения» [5, с. 98], ибо у многих из них любовь была украдена лагерными сроками ещё в юном возрасте.

Мысль о том, что «только в тюрьме, а не на семейной воле мужчина так свободен в мыслях, не связан в поступках и готов к жертвам» [5, с. 651], не находит твёрдой поддержки. Мнимая свобода не радует, а мучает.

Несмотря на то, что в произведениях А.И. Солженицына мужские персонажи, как правило, выступают как главные герои, и в большинстве случаев события представлены с мужской точки зрения, лагерная любовь имеет также особый взгляд со стороны девушек-«вольняшек» на человеческие качества арестантов. При этом женский взгляд на отношения даёт возможность оценить женский светлый ум, страстное желание к жизни, а также нежность и печаль, затаённую в душе. Однако и девушки-«вольняшки» также часто становились жертвой несчастных любовных историй и, подчиняясь беспощадной

силе системы, впадали в отчаяние из-за безнадёжности отношений с заключёнными.

Представление героев о любви в лагерных условиях и их понимание/переживание разлуки с любимой отчетливо рассматривается и в ранних поэтических произведениях А.И. Солженицына. Это ощущение, изначально выраженное в стихотворениях «Через две решетки» (1947) и «Отречение» (1950) цикла «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи», практически сохранилось без изменений; оно представлено в романе «В круге первом» с развернутыми сюжетными линиями. Во всех этих произведениях главные герои испытывают сложные чувства по отношению к верным женам и подругам, оставшимся на воле, ибо постоянно нависающие угрозы ссылки арестантам не предвещали светлого будущего для отношений с любимыми. Яркий пример – свидание Нержина с Надей. Осознавая свое бессилие в попытке утешить супругу, Нержин одновременно с чувством глубокого горя и жалости настаивает на расставании с ней.

Писатель представляет тяжёлую долю жён заключённых, при этом он высоко оценивает их душевные качества, которые исконно присущи русским женщинам: терпение, стойкость и самопожертвование. В романе писателем создан целый ряд подобных образов: жены Нержина, Сологодина, Дырзина, Герасимовича. Их безысходное положение автор объясняет тем, что, будучи близкими людьми арестантов, все без исключения героини находятся под огромным социальным давлением, и на воле они полностью отстранены от полноценного участия в жизни. При этом в лучшем случае героиням удаётся лишь скрыть свои печали от близких, оставшись наедине со своей непосильной ношей, а в худшем их ждет роковой исход.

В романе писатель не только обрисовал супружеские отношения между заключёнными и их женами, но и небольшими штрихами нарисовал картины семейных историй тюремных работников. Писатель уделил внимание близким людям таких персонажей, как начальник института Марфинской тюрьмы полковник Яконов, майор Ройтман, младший лейтенант Наделашин и политрук Степанов.

Отношение тюремных работников к своим семьям или близким в определённой степени оказывает влияние на их поведение в различных ситуациях и на мотивы их действий. Например, в главе 24 («Бездна зовёт назад») узнаём, что сам Яконов «шесть лет просидел в тюрьме» [5, с. 62], он был связан с тюремным прошлым и теперь опять находился под угрозой лишения свободы. В случае несвоевременного или некачественного выполнения криптографической задачи, которая ему была непосредственно поручена заместителем министра МГБ Селивановским, ему грозят новые тюремные сроки. И вот автор показывает читателю, как герой в растерянности бессмысленно бродит по ночной Москве, и в раздумьях к нему приходит понимание, что он «единственно для кого извивался, боролся и тиранил остальные часы бодрствования: о двух девочках восьми и девяти лет и о жене Варюше...» [5, с. 163]. В этой системе и у тюремщиков своя несвобода.

Любовные сюжетные линии романа и семейные истории Макарыгиных, Иннокентия и Дотнары, Галахова и Динэры наглядно показывают недостаток личного и семейного счастья. В эпизодах отмечены события семейной жизни как самого советского вождя, так и бытовая крестьянская жизнь Спиридона. Кроме того, писатель успел упомянуть и семейное положение многих второстепенных героев.

Заслуживают внимания и следующие женские образы: Алевтина Никаноровна Макарыгина, вторая жена прокурора Макарыгина; Динэра, старшая дочь Макарыгина и жена известного писателя Галахова; супруга секретаря парткома Степанова. По сравнению с другими героями, эти образы могут показаться малозначимыми. Однако, пожалуй, кроме двух коллег майоров, увлечённых своей тюремной службой и получивших собирательное прозвище «Шишкин-Мышкин» [5, с. 501, 507], олицетворяющих символы зла, в романе эти героини являются единственными персонажами, которые с энтузиазмом идут по жизни, правда, со своим своеобразным пониманием этой самой жизни. Жена Макарыгина с большой страстью стремится к насыщению жилья различным имуществом с целью увеличения внешних признаков материального благополучия семьи. А жена Сте-

панова живёт со своим странным и неугасающим интересом к выращиванию свиней, ибо видит в этом опору семейного бюджета. В то же время Динэра, используя влияние на отца и мужа, заставляет окружающих её людей исполнять свои капризы и желания. Писатель относится к этим персонажам с иронией; их мещанские взгляды на происходящие события соотнесены в романе с социальным положением их семей, что позволяет читателям оценить значение их мелких личных радостей.

Иннокентий ясно «ощутил во всей своей и окружающей жизни какую-то тупую безвыходность» [5, с. 429], что и стало главным мотивом его звонка в американское посольство. В это же время Галахов страдает от того, что пребывание в беззаботном состоянии и сытости не позволяет ему даже с большим трудом обрести творческое вдохновение. И даже вождь в своих сложных семейных отношениях вряд ли испытывает хоть немного человеческого счастья. И для Спиридона беспокойство о судьбе дочери стало постоянной душевной болью. При этом писатель в эпизодах романа показывает, что испытать настоящее человеческое счастье было не дано и «героям, чьи поведенческие возможности крайне сужены, причём это не только узники Марфинской «шарашки», но и внешне «свободным» людям» [9, с. 41].

Таким образом, изображение А.И. Солженицыным судеб эзков, лишённых полноценной свободы, еды, любви, счастья становится не только правдивым описанием социальных условий определённого времени в истории России. Это проверка человека на прочность личности. Ограничения в движении не дают ограничения в мыслях, во внутренней напряжённой работе и интересе к бытовым мелочам жизни: «И там работают, спят, едят, ссорятся и мирятся, и там радуются малым радостям, надеются, спорят, бывает, подшучивают друг над другом...» [2, с. 36]. В романе «В круге первом» А.И. Солженицын, рассматривая повседневность человека за решёткой, даёт читателю возможность ощутить социальную атмосферу тех лет и разъясняет причины отсутствия свободы не только внутри Марфино, но и вне его, во всём обществе. Это также позволяет определить причины несчастья героев, переосмыслить

проблемы социальной системы. Внутренняя свобода, как утверждает писатель, может сохраниться в условиях внешней замкнутости, при ограниченности передвижения – будь то тюремное заключение, болезнь или ситуация эпидемии/пандемии. Его слова: «никогда никакой лагерь не должен сломить душевной

силы человека» [5, с. 330] – способны вдохновить человека на преодоление временных трудностей. Произведения А.И. Солженицына, утверждающие возможность сохранения творческих, духовных сил человека в непростых условиях, особенно востребованы сегодняшним временем.

Список литературы

1. Сорокина Н.В. «Тамбовские» страницы в жизни и творчестве А.И. Солженицына // Неофилология. 2019. Т. 5. № 18. С. 185-192. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-185-192
2. Лакшин В.Я. Иван Денисович, его друзья и недруги // Лакшин В.Я. Литературно-критические статьи. М., 2004. 672 с.
3. Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2018. 959 с.
4. Спиваковский П.Е. Через полвека // «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962–2012) / сост. П.Е. Спиваковский, Т.В. Есина. М.: Русский путь, 2012. 744 с.
5. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. В круге первом. М.: Время, 2011. 880 с.
6. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М.: Время, 2007. 672 с.
7. Голубков М.М. «В круге первом». Опыт монографического анализа. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/?ELEMENT_ID=672 (дата обращения: 03.10.2020).
8. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. Раннее. М.: Время, 2016. 544 с.
9. Спиваковский П.Е. «В круге первом» А.И. Солженицына: тени реального // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2019. № 2. С. 41-49.

References

1. Sorokina N.V. «Tambovskie» stranitsy v zhizni i tvorchestve A.I. Solzhenitsyna [“Tambov” pages in the life and work of A.I. Solzhenitsyn]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 185-192. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-185-192 (In Russian).
2. Lakshin V.Y. Ivan Denisovich, ego druz'ya i nedrugy [Ivan Denisovich, his friends and foes]. In: Lakshin V.Y. *Literaturno-kriticheskiye stat'i* [Literary Critical Articles]. Moscow, 2004, 672 p. (In Russian).
3. Saraskina L.I. *Aleksandr Solzhenitsyn* [Aleksandr Solzhenitsyn]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2018, 959 p. (In Russian).
4. Spivakovskiy P.E. Cherez polveka [In half a century]. «*Ivanu Denisovichu*» polveka: *Yubileynyy sbornik (1962–2012)* [“Ivan Denisovich” Half a Century: Anniversary Collection (1962–2012)]. Moscow, Russkiy Put' Publ., 2012, 744 p. (In Russian).
5. Solzhenitsyn A.I. *Sobraniye sochineniy: v 30 t. T. 2. V krughe pervom* [Collected Works: in 30 vols. Vol. 2. In the First Circle]. Moscow, Vremya Publ., 2011, 880 p. (In Russian).
6. Solzhenitsyn A.I. *Sobraniye sochineniy: v 30 t. T. 1. Rasskazy i krokhotki* [Collected Works: in 30 vols. Vol. 1. Stories and Krohotki]. Moscow, Vremya Publ., 2007, 672 p. (In Russian).
7. Golubkov M.M. «*V krughe pervom*». *Opyt monograficheskogo analiza* [“In the First Circle”. Experience in Monographic Analysis]. Available at: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/?ELEMENT_ID=672 (accessed 03.10.2020). (In Russian).
8. Solzhenitsyn A.I. *Sobraniye sochineniy: v 30 t. T. 18. Ranneye* [Collected Works: in 30 vols. Vol. 18. Early]. Moscow, Vremya Publ., 2016, 544 p. (In Russian).
9. Spivakovskiy P.E. «*V krughe pervom*» A.I. Solzhenitsyna: teni real'nogo [A. Solzhenitsyn's the first circle: the shadows of reality]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*, 2019, no. 2, pp. 41-49. (In Russian).

Информация об авторах

Бай Ян, кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой русской филологии института иностранных языков. Северо-западный педагогический университет, г. Ланьчжоу, Китайская Народная Республика. E-mail: missingapril@yeah.net

Вклад в статью: идея исследования, общая концепция статьи, анализ литературных текстов, написание и оформление статьи.

Сорокина Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Вклад в статью: анализ истории вопроса, обработка и редактирование материала, окончательное одобрение рукописи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 09.11.2020 г.

Поступила после рецензирования 18.12.2020 г.

Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the authors

Yang Bai, Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Head of Russian Philology Department of the Institute of Foreign Languages. Northwest Normal University, Lanzhou, People's Republic of China. E-mail: missingapril@yeah.net

Contribution: study idea, main study conception, literary texts analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: 0000-0001-9334-8599

Nataliya V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Contribution: issue history analysis, material processing and editing, final manuscript approval.

ORCID: 0000-0002-4449-938X

There is no conflict of interests.

Received 9 November 2020

Reviewed 18 December 2020

Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-91-101
УДК 821.161.1.09“20”

Сон в прозе Гайто Газданова как литературная проблема

Евгений Евгеньевич ИВАНОВ¹ ✉, Галина Петровна ИВАНОВА²

¹Иркутский государственный университет
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
✉ ayaom@list.ru

²Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)
630008, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, 113

Аннотация. Освещена проблема сна в поэтике прозы Г. Газданова. Сон рассмотрен в ракурсе прагматики творчества, самопознания и его роли в архитектонике текста. Прослеживается динамика развития художественной репрезентации сновидения как интертекстуального явления. В свете литературных ассоциаций с творчеством А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и Э. По сон в творчестве Г. Газданова определён как развитие мифологемы Нарцисса в трактовке А. Жида в одноимённом эссе. Проанализированы сближение темы сна и призрачности реального мира и влияние онирической дивинологии на повествование в целом. Подрывающие очевидность событий анарративные элементы метаповествования описаны как система противопоставления текущего положения дел вечности. Позиция автора в романах, связанных с Гражданской войной и эмиграцией, рассмотрена в терминах работы М.М. Бахтина «К философии поступка». «Внезаходимость» автора повседневному миру, отграничивая перевёрнутый мир насилия от культуры, манифестируется как «иное» повествуемому миру нарраторов. Сон предстаёт универсалией не только в плане поэтики возможных миров фикционального, но и тотальностью в становлении героев. Обретение яви оказывается возможным только в последних произведениях писателя, в альтруизме как «пробуждении» героев и в интенции к состоянию самадхи. Нирвана как модус авторской «внезаходимости» «спускается» в мир персонажей как итог «движения чувств» или «огонь душевный» – преобладающей особенности произведений Г. Газданова. Таким образом, призрачная сновидность в качестве генерализующего форманта метаповествования ослабевает по мере удаления от «ужасов истории» как травматического опыта участия в войне и последовавшей за ней неустроенностью-«незамеченностью» образа автора. Полифонизм голосов автора и героев в последних романах образует единое нарративное поле, а здесь и сейчас обретает статус яви как просветления, или, в тезаурусе Г. Газданова, «перерождения».

Ключевые слова: ирреализм; призрак; анарративное; метаповествование; Нарцисс

Для цитирования: Иванов Е.Е., Иванова Г.П. Сон в прозе Гайто Газданова как литературная проблема // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 91-101. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-91-101

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Dream in Gaito Gazdanov's prose as a literary problem

Evgeny E. IVANOV¹ ✉, Galina P. IVANOVA²

¹Irkutsk state University

1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ ayaom@list.ru

²Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)

113 Leningradskaya St., Novosibirsk 630008, Russian Federation

Abstract. We highlight the problem of dream in the poetics of G. Gazdanov's prose. We consider dream from the perspective of creativity pragmatics, self-knowledge and its role in the architectonics of the text. We trace the dynamics of the development of the artistic dream representation as an intertextual phenomenon. In the light of literary associations with the works of A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky and E. Poe, dream in G. Gazdanov's works is defined as the development of the mythologeme Narcissus in the interpretation of A. Gide in the homonymous essay. We analyze the convergence of the dream theme and delusiveness of the real world and the oniric divinology's influence on the narrative as a whole. The anarrative elements of metanarrative that undermine the evidence of events are described as a system of opposing the current situation to eternity. The author's position in the novels related to the Civil War and emigration is considered in terms of M.M. Bakhtin's work "Toward a Philosophy of the Act". The author's "outsideness" to the everyday world, delimiting the inverted world of violence from culture, is manifested as "different" to the narrated world. The dream appears as the universals not only in terms of the poetics of possible fictional worlds, but also as a totality in the characters' development. The acquisition of reality is only possible in the last writer's works, in altruism as the "awakening" of the characters and in the intention to the state of samadhi. Nirvana as a mode of the author's "outsideness" "descends" into the characters' world as a result of "movement of feelings" or "spiritual fire" – the prevailing feature of G. Gazdanov's works. Thus, the delusiveness dream as a generalizing formant of metanarrative weakens as one moves away from the "horrors of history" as a traumatic experience of participation in a war and the ensuing unsettled-"unnoticed" image of the author. The polyphonism of the voices of the author and the characters in recent novels forms a single narrative field, and here and now it acquires the status of reality as enlightenment, or, in G. Gazdanov's thesaurus, "re-birth".

Keywords: irrealism; ghost; anarrative; metanarrative; Narcissus

For citation: Ivanov E.E., Ivanova G.P. Son v proze Gayto Gazdanova kak literaturnaya problema [Dream in Gaito Gazdanov's prose as a literary problem]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 91-101. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-91-101 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В исторической ретроспективе функция сна как текста в тексте менялась. Границы сна по мере усиления лирического начала в повествовании размывались. Уже в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» сны представляют собой не только символическую и профетическую области сюжетного действия, но и выход на рубежи авторской венаходимости. Онейросфера «Евгения

Онегина» намекает на параллельные и альтернативные возможности прочтения текста. Например, Онегин проспал назначенное время дуэли. И хотя автор определённо сообщает: «Вот наконец проснулся он» [1, с. 121], безграничный потенциал моделирования сновидения даёт возможность предположить, что Онегин проснулся во сне, и всё, что с ним произошло после убийства Ленского, есть ирреалистическая протенция, которая согласуется со стратегией автора, отражён-

ной в контрфактическом пассаже о том, что могло бы стать с Ленским, если бы Онегин промахнулся. «Пушкин ставит читателя перед целым пучком возможных траекторий дальнейшего развития событий в тот момент, когда Онегин и Ленский сближаются, подымая пистолеты» [2, с. 424].

Ф.М. Достоевский в «Преступлении и наказании» идёт ещё дальше по пути увеличения сновидческой матери и её роли в архитектонике произведения. Если А.С. Пушкин до фатального события в жизни главного героя (дуэли) не подвергает явственности действительного мира персонажей сомнению, то у Ф.М. Достоевского допустимо предположение, что фабульное содержание романа от начала до конца есть плод кошмаров разума, мучительный результат создания статьи о сверхчеловеке, и убийство совершено не в реальности, а в выпадении из неё. Именно такую возможность восприятия романа («сон о себе») рассматривает Л.В. Пумпянский – как продукт «меланхолической, мечтательной действительности... В пределе эта воронка в бесконечном самоуглублении зовёт к уничтожению себя, т. е. к самоубийству» [3, с. 29]. Связывая «Преступление и наказание» с традицией «романа иллюзий», исследователь устанавливает художественную реальность Раскольникова в «состоянии сновидящего существа среди людей, у которых предположительная жизнь протекает, как осуществление чужого вымысла» [3, с. 22]. Другими словами, вся архитектоника повествования «Преступления и наказания» – сновидческая иллюзия. Но в отличие от газдановского героя, который боится заснуть и окончательно лишиться самости и «возможности вернуться в себя», Раскольников «боится проснуться и, кроме этого, ничего не боится» [3, с. 22]. Нависшая над миром угроза «убийства по праву» при пробуждении актанта-злодея ввергнет мир в хаос. Г. Газданов продолжает тему убийства как безвозвратную утрату вечной души и трансгрессию в призрака уже из «вне поля объективированного эстетического видения» [4]. Сон в контексте линейного автоматического существования персонажей предстаёт миром большей реальности, чем обманчивая сиюминутная кажимость. Ф.М. Достоевский называл это «реализмом в высшем смысле».

Сноцентрическое и снобежное одновременно метаповествование Г. Газданова релятивизирует наличное ещё в эпизоде с изменившимся видом сугроба в «Вечере у Клэр» [5, т. 1, с. 53]. Данный эпизод из раннего детства автобиографического героя, как и всё последующее действие, всплывает в кругозоре Николая после близости с Клэр в постели, на границах грёзы и засыпания, или, что не менее вероятно, во сне.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Если у А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского варианты прочтения текста в сновидческой модальности предстают как дополнительные, то у Г. Газданова онирическая атмосфера контаминируется с представлением о призрачности мира как определённая стратегия. Уже в первом романе Г. Газданова появляется мотив «призраков с обрубленными кистями» [5, т. 1, с. 46]. «Кисти» рук обозначают безответственную деятельность человека. В метароманном повествовании писателя призрачность как модус существования актанта ставит мир исторической реальности в детерминированное положение по отношению к миру сна, который транслирует «иной образ» [5, т. 1, с. 47], истинную реальность. И пропуском в метафизическое измерение является вся биография героя, о чём свидетельствует эпитафия из письма пушкинской Татьяны: «Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой» [5, т. 1, с. 39]. Если «в классической античности было известно ещё более убедительное доказательство правдивости сна – это залог, получаемый во сне и обретаемый спящим рядом с собой после пробуждения», в модернистском зазеркалье Г. Газданова требуется подтверждение не реальности сна, а наоборот, жизнь героя выступает залогом, удостоверяющим событийно-ценностную достаточность действительности.

Обременение «потока сознания» сложнотицифицируемыми смыслами как и сложный синтаксис, большая длина абзацев служат замедлению темпа, вчитыванию, способствуют «пробуждению» от механического движения интриги в русле жанровых клише. Процесс автоматического ожидания в ходе рецепции сюжетных пертурбаций заменяется

модусом эмотивного самопознания на стыке с непредсказуемым и таинственным. Автор проявляет своё компетентное присутствие с помощью криптосентических маркёров – странных, вне логики изложения мыслей выражений (в «смутном и жидком зеркале позднего воображения» [5, т. 1, с. 46] «слепое знание к неверному постижению чудесного» [5, т. 1, с. 80]. «Я создам себе иной её образ, и он станет в ином смысле столь же недостижимым для меня» [5, т. 1, с. 46], в «неверном свете слепого знания» [5, т. 1, с. 79] и т. д. Некоторые загадки Г. Газданова невозможно дешифровать непосвящённому. Например, у масонов, в ряды которых вступил Г. Газданов, выражение «идёт дождь» означает то, что дальнейшая беседа должна проходить с использованием двусмысленных намёков в формате «открытой тайны». О таком «внезапном» дожде говорится в демаркационном переходе от парижской экспозиции романа к его основной части – воспоминанию «всей жизни», и мнемонический нарратив о детстве и войне должен читаться как завуалированное послание, а не просто рамочный «путь в одном определённом направлении к женщине». Недаром Г. Газданова это определение М. Горького принял не без колебаний, дипломатично уступив авторитету классика [5, т. 4, с. 29].

Ирреальному отводится ведущая роль в «Возвращении Будды», нуминозный враг побеждает в «Пленнике», а в «Призраке Александра Вольфа» фабульное время романа может быть истолковано как победа «сонной мути» [5, т. 3, с. 6] над безымянным повествователем в его сомнамбулическом мартирологе хронотопа войны и эмиграции. В качестве воина Гражданской войны он должен убить «врага», и отсрочка этого убийства, как и всё последующее, возможно, снится сломленному сном герою «в степи». Борьба со сном в герменевтике газдановской метапоэтики не только стремление выжить, но и часть сложного эйдологического комплекса, который включает в себя и представления об иллюзорности жизни и реальность смерти, и, в конце концов, «пробуждение» как освобождение от контингентности бытия. Сон служит демонстрации несамости, неконтролируемости действий, когда человек сам-не-свой, всё происходящее с ним не зависит от

его воли. Борьба со сном у Г. Газданова выглядит не только как страх быть убитым, но и как сопротивление героя совершению роковой ошибки – убийству против собственной воли и истинного «Я».

Если в классической литературе в периоды истории, когда убийство не легимитизировано, точка зрения автора-творца не выходит за рамки возможного мира произведения, то дивинологические генерализации Г. Газданова свидетельствуют об «искусственном... небожественном» [5, т. 1, с. 148] вырождении истории, конце времён. Герой брошен не в мир, а в никуда или в “Nevermore” («больше никогда!»). Это рефрен из «Ворона» Э. По, возникший из полусонной аутоагрессии философа-книжника (с которого как будто списан повествователь в «Возвращении Будды») после утраты возлюбленной Леноры. В «Призраке Александра Вольфа», начинающемся «горячей и сонной мутью» [5, т. 3, с. 6], в конце «раздаётся страшный крик Елены: «Никогда, ты слышишь, никогда!» – и слышится звон разбитого стекла и выстрел» [5, т. 3, с. 135]. Почитатель Э. По Г. Газданов трансформировал мизансцену мистической встречи со смертью в «Вороне» в убийство для того, чтобы подчеркнуть идею конца жизни в корреляции с метамотивом «смерть любви» [5, т. 1, с. 47]. Весь «залог» – жизненная реальность действия в метаповествовании дана как отсрочка смерти, но не её преодоление. Вместе с тем сам автор-творец не может существовать в призрачной турбулентности исторической реальности, он закрепляется в «другом», «ином», в трансфокаторном остранении привычного хода вещей. «Никогда» и у Г. Газданова, и у Э. По манифестируют безусловный приговор «небожественному» [5, т. 1, с. 148] миру вещей.

У А.С. Пушкина в эпиграфе из Д. Байрона к последней главе «Евгения Онегина» («Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай») [6, S. 142] нет жёсткого размежевания фикционального и мира автора. «Проницаемость духа автора, подобная онирической левитации, кумулирует эфирное течение текста, в которой актуализируются те или иные голоса, их созвучия и переклички... «Прощай», так как это слово-знак окончательного расставания, непривязанности к земному

объекту. Это слово по легенде последнее и в мифологическом отражении Нарцисс – Эхо. Слово «прощай», цветок смерти и Нарцисс – одно и то же» [1, с. 205-206]. В «Евгении Онегине» тема убийства – частная моральная проблема. У Ф.М. Достоевского разворачивается идеологический дискурс насилия. Ф.М. Достоевский говорит об опасности «права на убийство», которая из идеи превращается в «чёрную дыру», безвозвратную трансгрессию. Петербург, по мнению А. Дугина [7], «город «нави», обратной стороны», мёртвый город. Надежда на спасение души Раскольников появляется за его пределами только на каторге. У Г. Газданова в «Вечере у Клэр» Петербург противоположен Сибири и Кавказу, но в основном для него топосом «нави» является Париж. Так, в «Железном Лорде» [5, т. 2, с. 393] запах парижских гниющих роз, цветов любви символизирует гибель, болезнь, роковые ошибки, упущенные возможности, контрастно противопоставленные витальной свежести Сибири. В «Вечере у Клэр» несколько кругов сна. Сначала – даётся основание предположить всю историю с Клэр как приснившуюся на гимнастической площадке, когда Клэр возникает в поле зрения героя в побудительном «Не спите», затем Николай оказывается «спящим товарищем» на спальном месте бронепоезда. Мнемонический нарратив после близости с Клэр и с момента появления призраков предлагает сон как классический текст в тексте. «Сон о Клэр» в сильной позиции конца романа венчает онейротопику романа своим таинственным указанием на «иной образ Клэр», непостижимый в иллюзорной реальности здешнего мира идеал.

Сочетание мотивов сна и призрачности воплощает намеченную ещё в «Евгении Онегине» идею о суицидальности убийства. Убийство оставляет неизгладимый отпечаток на судьбе героя, оно подобно самоубийству. Если объективированный автор в «Евгении Онегине» находится с героем-убийцей в приятельских отношениях, то позиция автора в романах Г. Газданова больше соответствует определению «созерцатель», которое М.М. Бахтин предлагает в рецепции литературы современного ему постреволюционного периода. «Единственное место в бытии эстетического субъекта (автора, созерцателя), точка исхо-

жения его эстетической активности – объективной любви к человеку, имеет только одно определение – венаходимость всем моментам архитектурного единства... Я причастен лишь как созерцающий, но созерцание есть действенная активная внеположность созерцателя предмету созерцания» [4].

Для Г. Газданова, постигшего на личном опыте «ужасы истории», уже недостаточно «навсегда» расстаться с героем-убийцей, как это делает автор в «Евгении Онегине». Ему необходимо не быть с ним в его мире, «мире-события» убийства. Между миром насилия в прозе Г. Газданова и перепечёной (мотив «печали» в «Вечере у Клэр» – от «печи», народного лечения «перепеканием» огнём в русской печи) иной оптикой авторского «я» лежит обновлённое нравственное начало. Создание текста о недопустимости убийства в логике «философии поступка» М.М. Бахтина – для писателя есть «философия творчества» как единственно возможный ответственный поступок. Это его «произведения, озарённые рассеянным, лишённым тени светом скрытой загадки»¹. «Ворон» Э. По написал в комплекте с эссе о секретах творческого процесса «Философия творчества». Оно демонстрирует литературную программу писателя, который показал, что таинственное фокусируется в ослепительной отчётливости деталей. Сюрреалистические сны Э. По питают и онейротопику прозы Г. Газданова с его загадочными вставками в тексте, в определении Э. По – «наводящий и неопределённый взгляд» “*suggestive and indefinite glimpse*” [8, с. 6]. Т. Венедиктова утверждает: «И воображение, и фантазия лишь подводят смертного человека к границе непреходимой и являют трансцендентное, потустороннее исключительно в негативной форме – в виде сложной эмоции (жажды, тоски), генерируемой посредством неопределённого намёка (“*suggestive and indefinite glimpse*”). Внешняя немотивированность анарративных индикаторов, недискурсивность [9, с. 121] наряду с элементами, нарушающими логический строй повествования, образуют иную оптику и мерность, контрапунктную темпо-

¹ Зорин А. Искусство помогает человеку прояснить собственные эмоции. Интервью. 2019. 14 февр. URL: <https://arzamas.academy/mag/644-bumbam> (дата обращения: 08.07.2020).

рально линейному действию. В этой связи нами систематизируется неполное клише «любовного треугольника» в первом романе Г. Газданова – отсутствие мужа Клэр как кровно заинтересованного свидетеля истории, фактуальные несоответствия в линейной последовательности «потока сознания», актуализация вечности с помощью включений грамматического настоящего времени в тотальное прошедшее [10, с. 38-39].

Пульсирующая «внезаходимая» точка зрения образа автора прошивает всё сюжетное действие. Как утверждает А. Зорин, обобщённо комментируя в новейшей литературе: «отказ от нарративности, изобразительности», «обращение к глубинному эмоциональному пласту человека не требует рационализации... настоящие чувства разумом не контролируются. Это примета их подлинности»². И. Яндл в монографии «Текстологическое восприятие у Гайто Газданова: смыслы и эмоции как мотивный и структурный переходы между субъектом и мировоззрением» пишет, что стиль Г. Газданова – «написание эмоций» (*des Schreibens (Writing Emotions)*) ...это связано с тем, что «начало мотивов лежит в человеческом мышлении» [6, S. 18].

Анарративность в поэтике – это обесценивание интриги как предугадывание хода действия, на котором построены авантюрные жанры и классический детектив. Начиная с «Евгения Онегина», когда убийство происходит не вследствие соперничества, затем в «антидетективе» «Преступлении и наказании», когда расследование убийства дано как постфактум и интрига становится проявлением авторской рефлексии, идеальный читатель должен разглядеть за магией интриги вертикальную ипостась автора, то, о чём Э. По говорил в своём эссе: «На какое впечатление, или воздействие на ум, сердце или, более широко, душу читателя я рассчитываю в данном случае?» [8].

«Роман это движение чувств», формулирует герой Г. Газданова в «Эвелине и её друзья» [5, т. 4, с. 335]. На вторичность интриги в романе указывает и Ф.М. Достоевский в

письме к брату М.М. Достоевскому 31 октября 1838 г. «Ум – орудие, машина, движимая огнём душевным...» [11, с. 14]. Но что представляет из себя этот энigmatично зашифрованный мир, из которого автор-творец создаёт свои невозможные креатуры такие, как призрак-нарратор в «Возвращении Будды», или могучий безрукий инвалид, повергающий офицера, стреляющего в упор в «Пленнике», или мерцающий голограммный протоантогонист в «Призраке Александра Вольфа»? «Нарциссическая деятельность» [12, с. 207] писателя от вопроса «как писать» «неизбежно приходит» к общечеловеческому вопросу о смысле жизни. «Эхо» в одноимённом программном стихотворении А.С. Пушкина, отзывается и в «Евгении Онегине», как раз та сфера, где изначально обитает авторский голос. Отражение духа автора в сознании идеального читателя – эта та единственная альтернатива вакууму забвения. Убийство совершается в полной утрате самости – сне, а творческий акт, напротив, максимальное её проявление – явь.

Поэтика сна издревле связана с взаимотражением жизни и смерти как сферой феноменов. Созерцатель стремится разглядеть за покрывалом майи истинное положение вещей. Вызванная страданием травма наполняет душу Онегина «контентом» Татьяны, что выражается на миг включением в кругозор Онегина содержания чужеродного сознания: «Глаза его читали, / Но мысли были далеко; / Мечты, желанья, печали / Теснились в душу глубоко. / Он меж печатными строками / Читал духовными глазами / Другие строки. В них-то он / Был совершенно углублён. / То были тайные преданья / Сердечной, темной старины, / Ни с чем не связанные сны, / Угрозы, толки, предсказания, / Иль длинной сказки вздор живой, / Иль письма девы молодой. / И постепенно в усыпление / И чувств и дум впадает он, / А перед ним воображение / Свой пёстрый мечет фараон» [1, с. 157]. Отрешённость Онегина это сказочный мир Другого – Татьяны, полный «тайных преданий» её мира. А у Татьяны из созерцательного погружения в мир природы любовь-болезнь канализуется в «залог» – символическую жертву письма. «Моей Татьяне всё равно. / Она зари не замечает» [1, с. 63]. Любовь как познание другого-себя (ключевой элемент в

² Зорин А. Искусство помогает человеку прояснить собственные эмоции. Интервью. 2019. 14 февр. URL: <https://arzamas.academy/mag/644-bumbam> (дата обращения: 08.07.2020).

мифе о Нарциссе) эхом отзывается и в образе Татьяны, которая пытается проникнуть в сущность Онегина посещением его дома в главе седьмой. Её «слепое пятно» возникает в лиминальном хронотопе окна перед новой московской жизнью – средой обитания Онегина: «Садится Таня у окна. / Редает сумрак, но она / Своих полей не различает» [1, с. 137]. Коллизия непонимания окружающих (отсутствие «ответа»), её острого восприятия мира («отзвук»), идущего изнутри, «идеально» совпадает с авторским мировосприятием, даёт возможность сопоставления любви и творчества как одного закона мироздания. И творчество (письмо Татьяны) предстаёт спасительной жертвой. Онегин видит после прозрения табула раза – мир Татьяны.

Самый яркий в литературе образ отражения – античный Нарцисс. «Каждый великий образ имеет неизменную онирическую глубину, и наше личное прошлое накладывает особые краски на этот онирический фон. Вот почему подлинное благоговение перед образом приходит к нам нескоро, с открытием его корней за пределами запечатлевшейся в памяти истории» [13]. Говоря о литературной проблеме сна в со-зерцательной поэтике Г. Газданова, невозможно обойтись без античных разысканий. «Всё, что мы видим, мы видим перевёрнутым» или «увиденное в зеркале отражение загадки»³. Коннотация понятия «нарцисс» как эгоистического начала отнюдь не единственная. А. Жид, например, в одноименном эссе интерпретирует Нарцисса как самопознающее существо в интенции увидеть, «какой облик имеет его душа» [14, с. 27]. Если пойти дальше, то Нарцисс – это аскет, презревший радости преходящей плотской любви в пользу внутренней самостоятельности личности. В телесной культуре античности плотское и духовное начало не разделялись, поэтому его любование своей внешностью, этосом изоморфно восхищению внутренним я. В «Евгении Онегине» эпиграф к главе третьей [1, с. 55] связан с образом Нарцисса у Назона (Овидия), а в финале Онегин застывает как цветок смерти в оцепенении после отказа Татьяны. Да и его «говорящая» фамилия намекает на стихию воды, а течение «пёстрых глав» в потоке по-

вестования не размывает «оцельняющий» отчётливый образ поэта, который ставит все точки над *i* в конце романа. «Финал произведения трактуется как смерть сиюминутного эгоистического начала в лице Онегина и вместе с тем – творческая устремлённость автора, основанная на примирении с жизнью как Вечностью» [15, с. 198].

В «Вечере у Клэр» Соседов продолжительно смотрит на воду. Через призму образа Нарцисса-созерцателя можно объяснить и загадочную странную смысловую доминанту «жидкое зеркало позднего воображенья» [5, т. 1, с. 46] в мнемоническом потоке сознания Николая, а также маркирующее смерть слово «неподвижность», которое часто встречается в прозе Г. Газданова. Через ситуацию отказа Соседова в России от близости с Клэр и ухаживание за ней в Париже устанавливается чёткое межтекстовое взаимодействие с отказами во взаимности Татьяны и Онегина, с той разницей, что близость Клэр и Николая состоялась, но только физическая. Всё это отсылает в архаический текст о Нарциссе, сыне речного бога Кефиса, в котором есть и косвенные параллели с самоубийством (эпизод с Аминием). Финальную неподвижность мифологического Нарцисса можно толковать как обретение нирваны – состояние самадхи в амбивалентной метаморфозе «жизнь есть смерть». Если под этим углом зрения посмотреть на жизненный путь Онегина, то и он сначала ушёл от светской жизни и стал «анакоретом», «философом в осьмнадцать лет», а после «убийства друга» находился, вероятно, в покаянном духовном поиске в «местах силы» или паломничестве. Его вид, когда он предстал перед Татьяной, был вид прозревшего смиренного страдальца, далёкого от «ничтожного призрака в гарольдовом плаще» их первых встреч. «Эстетически созерцать – значит относить предмет в ценностный план другого», как утверждает М.М. Бахтин. Онегин не стал поэтом, но его вмешательство в отношения Ольги и Ленского было результатом способности точной оценки жизненных реалий. Время показало, что характеристика возлюбленной друга была верной, поведение Онегина было вызвано искренним желанием предостеречь «поэта» от пошлого существования. Да и его «отпо-

³ Послание апостола Павла к Коринфянам, XIII, 12: “Per speculum in aenigmate” (лат).

ведь» Татьяне нельзя назвать эгоизмом, что Татьяна и принимает с уважением.

Автобиографический герой Соседов и Призрак Александра Вольфа причастны к творчеству, они аватары автора, имеющего опыт встреч со смертью на войне в мире, не изменившемся в лучшую сторону после социальных катаклизмов рубежа веков. В последнем законченном романе Г. Газданова «Эвелина и её друзья» герой даёт объяснение нирваны: «самая ценная, по-моему, возможность, которая дана человеку, – созерцание. Ты видишь жизнь, которая проходит перед тобой, но не принимаешь в ней участия. Перед тобой начинается беззвучное движение, за которым ты следишь и смысл которого тебе становится яснее и понятнее, чем когда бы то ни было» [5, т. 4, с. 43]. Вненаходимость образа автора у Г. Газданова когерентна остранённости его героев. Она выражается индикаторами настойчивых (в тезаурусе М. Бахтина «нудительных») сигналов, которые он посылает для внимательного, «участного» чтения текста. Сон – утрированная форма контингентности в экзистансе героя, его зависимости от случая. Поступок убийство невозможен в просветлённом нирваноподобном мире автора-творца. Он субституируется в фикциональной плоскости произведения. Зло, исходя из рассуждений М.М. Бахтина, не есть действительная реальность, а параллельный ложный мир. Убийство как поступок бесповоротно противопоставлено божественной природе человека.

Герои Г. Газданова, несмотря на их рефлексивные эпизоды интимной близости, далеки от сластолюбия. Это скорее похоже на витальные эксперименты, жизненные пробы и ошибки, чем полноценную любовную связь. В целом мифологема Нарцисса придаёт теме жизни и смерти, самопознанию, недостоверности мира в его «неверном свете» глубокое архаическое измерение. Даже призрачность в контекстах влюблённой в Нарцисса Эхо и проблеме творчества как двойного отражения – («ответ» поэта на жизнь даёт право на ожидание «отзвука» читателя в стихотворении «Эхо» А.С. Пушкина), органично вписывается в этот генетический ряд. Метафорический круговорот поэт (Эхо) – мир (идеальный читатель), по которому тоскует лирический герой у А.С. Пушкина, по-

тенциально предвосхищает и призраков Г. Газданова, которые предпочли убийство миру творчества и вечности. «Метафора – это та связь представлений, что царит во сне, та скользящая логика души, которой соответствует родство вещей в догадках искусства и религии... все разнообразные отношения человека с самим собой и природой, которые чисто объективными ещё не стали, да и никогда, наверно, не станут, нельзя понять иначе как с помощью метафор» [16, с. 399]. Сон у Г. Газданова – это метафора невоплощённой личности – «Двойника» по А. Ухтомскому, которая и наяву тоже спит, которая не знает себя и всегда в опасности совершить непоправимый поступок, а явь, творчество – собеседование, обмен гармонии, то есть любовь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использованные в исследовании методы интертекстуального, структурного и типологического анализа, применение сплошной выборки в качестве аргументов, а также точные герменевтические изыскания позволяют подвести некоторые итоги, которые претендуют лишь на статус «к постановке проблемы» в силу малоизученности не только роли сна в поэтики Г. Газданова, но и явления сна в литературном дискурсе в целом. Г. Газданов использует онейропоэтику в традиции А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского, которая предполагает расширение очевидных прочтений текста. Свойство сна трансформировать явь сближает его как жанровый компонент с игрой и интерактивной рецепцией произведения. Сон как сфера безотчётной деятельности служит, с одной стороны, метафорой автоматического безответственного существования, с другой – он показывает истинное положение вещей в душе человека. Особенно это важно в решении вечного вопроса, которым занялся А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» в эпиграфе к главе четвёртой («Нравственность в природе вещей») [1, с. 78]. У Г. Газданова «низкие истины» освещаются не как наваждение в судьбе пушкинского отдельного человека и не в социуме, инфицированном «трихинами» (у Ф.М. Достоевского), а в масштабе рода человеческого, если верить декларации А. Воль-

фа о «начале истории мира – в тот день, когда Каин убил своего брата» [5, т. 3, с. 113].

Автор в исторической реальности, когда насилие принимает планетарные масштабы (в «Пленнике»: «это в ночной темноте тихо вздрагивает и колеблется огромная тяжесть вращающейся земли?») [5, т. 3, с. 699] и не укладывается в рамки здравого смысла, вынужден дистанцироваться от происходящего в объективном мире и позиционировать свой голос из вненаходимого «инога», которое нирваноподобно и в своём отстранении реальности указывает на «божественный смысл» [5, т. 1, с. 48] жизни. Поскольку сон относится к архетипическим корням эстетической деятельности, закономерно обращение к античности в поиске ответа на связь литературы и сновидения. В оппозиции сон как «смертный сон» и самость (вечность) образ цветка смерти Нарцисса ассоциируется с образом автора в трактовке А.С. Пушкина, которую он предлагает стихотворением «Эхо». Данное стихотворение можно считать программным не только для А.С. Пушкина, но и для Ф.М. Достоевского, и для Г. Газданова. Также следует подчеркнуть роль Э. По в поэтике творчества писателя-гуманиста, мастерство которого не перестаёт открываться с новых сторон.

В творчестве Г. Газданова получила развитие тема призрачности как существование лишённых самости бездушных креатур, неприкаянных жертв трагического поступка. Как пишет А. Дугин: «Человек в этом случае становится существом, принадлежащим сфере галлюцинации. Он не просто сам галлюцинация (хотя до некоторой степени это и так), он выступает как наблюдатель галлюцинации, её зритель по преимуществу, созерцательно, и как её ось. Его природа есть галлюцинация, но он не просто созерцает её, он есть она в её наиболее концентрированной форме. Человек есть обманутое и обманываемое существо. Человек блуждает, т. е. бродит и бредит. Он есть, поэтому, странник, путник по преимуществу. Он – сновидец и грезовидец. И в грёзах он созерцает игру» [7]. Писатель тесно переплёл коннотации призрачности и гипнотической безвольности сна с активной созерцательностью, единственно возможной формой противостояния миру тотального духовного омертвления.

Конгруэнтность призрачности и сновидения интерферентно даёт эффект вытеснения пассивного безответственного отношения к жизни и служит началом в «совершенно иной» соборный мир «площади Согласия». Роль сна в поэтике Г. Газданова предстаёт как мимезис зазеркалья – сон и явь отражают друг друга в герметических проекциях внеположенной жизни вечности. Сам автор-творец через трагический опыт войны «перерождается» и выступает с позиций виталистических энергий, о протеистической мощи которых можно только догадываться. Сон как способ художественной организации текста позволяет вывести автора за пределы фикциональности, в исконную реальность креативного сознания. «Движение чувств» метапрозы Г. Газданова как эволюция личности снимает апорию сна и яви и ведёт к «пробуждению» от «плена» внешнего мира. Историческая и биографическая событийность, отражённая в нарративах с тематизацией «сна» и «призрачности» у Г. Газданова представляется зыбкой симультанной данностью. И сон, и бодрствование в контексте суетливой «подвижности» предстают внешними кажущимися состояниями. Стремление к «перерождению», заявленное в первом романе писателя и доведённое в «Пробуждении» до онтологической завершённости, предполагает двуплановое понимание понятий. До инициации, просветления или обретения самости сон не чередуется с бодрствованием, а является тотальным состоянием, чреватым убийством-самоубийством и потерей души в облике призрака, имеющего двойническое происхождение. Поэтика в таких произведениях ирреалистически намекает на мнимость происходящего и атемпоральное присутствие «неподвижной» анаративной вечности, которая в любой момент может всё поменять как истинная хозяйка мироздания. У Ф.М. Достоевского в роли инога измерения выступают его знаменитые «вдруг», которые не выходят за рамки наррации. Г. Газданов также применяет понятие «внезапность», как в пассаже о «мгновенном» воздействии музыки [5, т. 1, с. 48] и нахлынувшем дожде «столь же неудержимых» воспоминаний» [5, т. 1, с. 46]. Но газдановские сигналы идут из внешнего по отношению к наррации плана, они не темпоральные поро-

ги между ситуациями действия, а притормаживают с целью задуматься, взглядеться, зафиксировать эмоциональное состояние. Сон и призрачность у Г. Газданова доводят до абсурда реальность, которая без этой проце-

дуры только мнимо кажется нормальной и незаметно ведёт к катастрофе и человека, и целые народы. Понятия «сон» и «явь» в ино-сказательной поэтике писателя являются метафорическими посланиями о смысле жизни.

Список литературы

1. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. Л.: Наука, 1978. 527 с.
2. *Лотман Ю.М.* Смерть как проблема сюжета // *Studies in Slavic Literature and Poetics*, Vol. 20; *Literary Tradition and Practice in Russian Culture*. Amsterdam; Atlanta, 1993.
3. *Пумпянский Л.В.* Достоевский и античность: [Доклад, чит. в Вольной философск. ассоциации 2-го окт. 1921 г.]. Пг.: Замыслы, 1922. 48 с.
4. *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Философия и социология науки и техники*. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 80-160.
5. *Газданов Г.* Собрание сочинений: в 5 т. М., 2009.
6. *Jandl I.* Textimmanente Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov: Sinne und Emotion als Motivische und Strukturelle Schnittstelle zwischen Subjekt und Weltbild. Berlin: Peter Lang GmbH, 2019. 566 S.
7. *Дугин А.* Имя мое – топор. Достоевский и метафизика Петербурга. 2011. 11 нояб. URL: <http://rossia3.ru/ideolog/nashi/dostoev> (дата обращения: 08.07.2020).
8. *По Э.А.* Стихотворения; Новеллы; Повесть о приключениях Артура Гордона Пима; Эссе: пер. с англ. М.: АСТ: НФ «Пушк. б-ка», 2003.
9. *Венедиктова Т.Д.* По следу серафимов: между поэзией и аналитической прозой. (Чтение «Ворона» Э.А. По) // *Литература двух Америк*. 2017. № 2. С. 117-133.
10. *Иванов Е.Е.* Ирреализм в романе Г. Газданова «Вечер у Клэр» // *ФИЛОЛОГОС*. Елец, 2019. № 4 (43). С. 33-41.
11. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. Л.: Наука, 1996. 862 с.
12. *Колесников А.С.* Мировая философия в эпоху глобализации. Нью-Йорк; Санкт-Петербург: Зарубежная Россия, 2008. 434 с.
13. *Башиляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 376 с.
14. *Жид А.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Трактат о Нарциссе. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2002. 413 с.
15. *Иванов Е.Е.* Сильные позиции текста как путь «философии жизни» в романе А. Пушкина «Евгений Онегин» // *Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет)*. Душанбе, 2019. № 4 (68). С. 198-211.
16. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

References

1. *Pushkin A.S.* *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 5: Evgeniy Onegin. Dramaticheskiye proizvedeniya* [Completed Works: in 10 vols. Vol. 5: Eugene Onegin. Dramatic Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 527 p. (In Russian).
2. *Lotman Y.M.* *Smert' kak problema syuzheta* [Death as a plot problem]. *Studies in Slavic Literature and Poetics, Vol. 20; Literary Tradition and Practice in Russian Culture*. Amsterdam, Atlanta, 1993. (In Russian).
3. *Pumpyanskiy L.V.* *Dostoyevskiy i antichnost': [Doklad, chitanny v Vol'noy filosofskoy assotsiatsii 2 oktyabrya 1921 g.]* [Dostoevsky and Antiquity: [Lecture Read at the Free Philosophical Association on October 2, 1921]. Petrograd, Zamysly Publ., 1922, 48 p. (In Russian).
4. *Bakhtin M.M.* *K filosofii postupka* [Towards a philosophy of the act]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1984–1985* [Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook 1984–1985]. Moscow, 1986, pp. 80-160. (In Russian).
5. *Gazdanov G.* *Sobraniye sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.]. Moscow, 2009. (In Russian).
6. *Jandl I.* *Textimmanente Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov: Sinne und Emotion als Motivische und Strukturelle Schnittstelle zwischen Subjekt und Weltbild*. Berlin, Peter Lang GmbH, 2019, 566 p. (In German).

7. Dugin A. *Imya moye – topor. Dostoyevskiy i metafizika Peterburga* [My Name is an Ax. Dostoevsky and the Metaphysics of Petersburg]. 2011, 11 Nov. (In Russian). Available at: <http://rossia3.ru/ideolog/nashi/dostoyev> (accessed 08.07.2020).
8. Po E.A. *Stikhotvoreniya; Novelly; Povest' o priklyucheniakh Artura Gordona Pima; Esse* [Poems; Novels; The Narrative of Arthur Gordon Pym; Essays]. Moscow, AST, NF "Pushkin Library" Publ., 2003. (In Russian).
9. Venediktova T.D. Po sledu serafimov: mezhdru poeziyey i analiticheskoy prozoy. (Chteniye «Vorona» E.A. Po) [In the seraphims' footfalls: between poetry and analytical prose (Reading "The Raven" by Edgar Allan Poe)]. *Literatura dvukh Amerik – Literature of the Americas*, 2017, no. 2, pp. 117-133. (In Russian).
10. Ivanov E.E. Irrealizm v romane G. Gazdanova «Večer u Kler» [Irrealism in the novel of G. Gazdanov "Evening at Clairs"]. *FILOLOGOS* [Philologos], 2019, no. 4 (43), pp. 33-41. (In Russian).
11. Dostoyevskiy F.M. *Sobraniye sochineniy: v 15 t. T. 15* [Collected Works: in 5 vols. Vol. 15]. Leningrad, Nauka Publ., 1996, 862 p. (In Russian).
12. Kolesnikov A.S. *Mirovaya filosofiya v epokhu globalizatsii* [World Philosophy in the Globalization Era]. New York, St. Petersburg, Zarubezhnaya Rossiya Publ., 2008, 434 p. (In Russian).
13. Bashlyar G. *Izbrannoye: Poetika prostranstva* [Favorites: Poetics of Space]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2004, 376 p. (In Russian).
14. Zhid A. *Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 1: Traktat o Nartsisse* [Collected Works: in 7 vols. Vol. 1: Treatise on Narcissus]. Moscow, TERRA – Book Club Publ., 2002, 413 p. (In Russian).
15. Ivanov E.E. Sil'nyye pozitsii teksta kak put' «filosofii zhizni» v romane A. Pushkina «Evgeniy Onegin» [Strong positions of the text as a way of "philosophy of life" in the novel of A. Pushkin "Eugene Onegin"]. *Vestnik universiteta (Rossiysko-Tadzhikskiy (slavyanskiy) universitet) – Bulletin of the University (Russian-Tajik (Slavonic) University)*, 2019, no. 4 (68), pp. 198-211. (In Russian).
16. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Human Language and World]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1998, 896 p. (In Russian).

Информация об авторах

Иванов Евгений Евгеньевич, аспирант, кафедра филологии и методики, историко-филологический факультет, отделение гуманитарно-эстетического образования. Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация. E-mail: ayaom@list.ru

Вклад в статью: разработка концепции, основное содержание работы, структурирование текста, анализ литературных источников, написание текста статьи.

Иванова Галина Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), г. Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: tervhen66@mail.ru

Вклад в статью: помощь в подборе литературы, оформление и правка материалов, редактирование, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 18.08.2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 09.10.2020 г.
Принята к публикации 23.10.2020 г.

Information about the authors

Evgeny E. Ivanov, Post-Graduate Student, Philology and Methodology Department, History and Philology Faculty, Humanitarian and Aesthetic Education Department. Irkutsk state University, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: ayaom@list.ru

Contribution: conception development, main work content, text structuring, literature references analysis, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-9937-4357

Galina P. Ivanova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department. Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin), Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: tervhen66@mail.ru

Contribution: assistance in literature selection, materials design and editing, editing, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0003-4184-1597

There is no conflict of interests.

Received 18 August 2020
Revised 9 October 2020
Accepted for press 23 October 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-102-110
УДК 82-311.3, 82-311.6, 82-312.4

Цикл повестей «Смерть на брудершафт» Б. Акунина в аспекте литературной кинематографичности

Ольга Юрьевна ОСЬМУХИНА ✉, Ильгам Рясимович КУРЯЕВ

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
✉ osmukhina@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрена реализация принципов литературной кинематографичности в цикле Бориса Акунина «Смерть на брудершафт», который проанализирован с помощью интертекстуального, контекстуального методов, а также метода целостного анализа литературного произведения. Обосновано, что «роман-кино» как новая форма, явившаяся результатом интермедиального взаимодействия (одного из ключевых процессов современного культурного пространства), способствует утверждению в текстах повестей установки на создание «видимого», динамического действия в подчеркнута визуальном пространстве, конструируемом через систему персонажей и посредством утилитарного монтажа. Установлено, что в тексте Б. Акунина имеется корпус визуального материала (афиши, иллюстрации, фотографии), утверждающий конкретный визуальный образ описываемых событий. Однако само бытование подобного визуального корпуса способствует генерации дополнительной семантики, которая меняет акцент в соотношении «визуальное – вербальное». Таким образом, сделан вывод о том, что в повестях цикла не просто реализуются основные положения «литературной кинематографичности», но и сам текст предстаёт как вторичный по отношению к первичной визуальной материи, к условной до-, по- или постреволюционной «фильме», о бытовании которой говорит представленный корпус иллюстраций и фотографий. Материалы исследования, общие выводы могут быть использованы при анализе не только прочих произведений Б. Акунина, но и современной отечественной и мировой литературы в контексте интертекстуального и интермедиального взаимодействия.

Ключевые слова: литературная кинематографичность; точка зрения; монтаж; аудиовизуальность; иллюстрации; Борис Акунин

Для цитирования: *Осьмухина О.Ю., Куряев И.П.* Цикл повестей «Смерть на брудершафт» Б. Акунина в аспекте литературной кинематографичности // Нефилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 102-110. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-102-110

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Cycle of novellas “Bruderschaft with Death” by B. Akunin in the aspect of literary cinematic

Olga Y. OSMUKHINA ✉, Ilgam R. KURYAEV

Ogarev Mordovia State University
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
✉ osmukhina@inbox.ru

Abstract. We consider the implementation of the literary cinematic principles in Boris Akunin’s cycle “Bruderschaft with Death”, which we analyze using intertextual, contextual methods, as well as the method of holistic analysis of a literary work. We substantiate that “novel-cinema” as a new

form, which is the result of intermedial interaction (one of the key processes of the modern cultural space) contributes to the assertion in the texts of novellas to develop “visible”, dynamic action emphasized in the visual space, constructed through the characters system and utilitarian editing. We establish that in B. Akunin’s text there is a corpus of visual material (posters, illustrations, photographs) that asserts a specific visual image of the events described. However, the existence of such a visual corpus contributes to the generation of additional semantics, which changes the emphasis in the “visual – verbal” relationship. As a result, we conclude that in the novellas of cycle not only the main provisions of “literary cinematic” are realized, but the text itself appears as secondary in relation to the primary visual matter, to the conditional pre-, post- or postrevolutionary “film”, the existence of which is indicated by the presented corpus of illustrations and photographs. Research materials and general conclusions can be used to analyze not only other works of B. Akunin, but also modern domestic and world literature in the context of intertextual and inter-mediate interaction.

Keywords: literary cinematic; point of view; montage; audiovisuality; illustrations; Boris Akunin

For citation: Osmukhina O.Y., Kuryaev I.R. Tsikl povestey «Smert’ na brudershaft» B. Akunina v aspekte literaturnoy kinematografichnosti [Cycle of novellas “Bruderschaft with Death” by B. Akunin in the aspect of literary cinematic]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 102-110. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-102-110 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В сегодняшнем социокультурном пространстве процесс взаимовлияния, взаимопроникновения различных медиатекстов не просто утверждает принципиально новый ландшафт, но постоянно определяет, отодвигает или же отрицает привычные границы различных искусств. В этом контексте кинематограф как одна из главных доминант современной культуры (и западной, и отечественной), характеризующийся первичностью визуального кода над текстуальным [1, с. 18-19; 2; 3, с. 146], становится фактом влияния и трансформации литературных моделей и принципов конструирования «литературных» историй. Кино, актуализируя «феномен резонатора», подразумевающего акцент на ресурсах искусства (литературы)/медиатекста, «которые были скрыты до тех пор, пока данное искусство существовало изолированно от своего «резонатора» [4, с. 31], способствует утверждению в литературном пространстве принципов кинематографичности. Учитывая работы ряда исследователей, посвящённые взаимосвязи литературы и кино [4–6; 16], мы разделяем точку зрения И.А. Мартыановой, согласно которой литературная кинематографичность подразумевает характеристику «текста с монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего ком-

позиционно синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения. <...> Кинематографический тип текста визуален в самом характере своего пунктуационно-графического оформления и членения» [5, с. 9]. При этом задача «кинематографического» текста – «динамизировать изображение наблюдаемого и руководить восприятием читателя» [6, с. 9].

Весьма показательно в этом контексте творчество Бориса Акунина. Так, цикл повестей прозаика «Смерть на брудершафт» предстаёт экспериментом по созданию нового текстового пространства, подчеркнута стилизованного и аналогичного пространству кинематографическому. При этом генерирование новых текстовых форм вписывается в поэтику творчества Григория Шалвовича Чхартишвили, или Бориса Акунина, который в своих произведениях «синтезирует элементы массовой литературы (клишированность, формульность, ориентация на широкую аудиторию и т.д.) с постмодернистскими приёмами (интертекстуальность, ирония, пародийность, игровые контаминации с жанровыми схемами), создавая <...> постмодернистские детективы, в которых реализуется принцип «двойного кодирования» [7, с. 143]. Примечательно здесь, на наш взгляд, внимание Бориса Акунина к киноиндустрии: писатель является автором не только первоисточ-

ников, по которым впоследствии были сняты фильмы («Азazelь», «Турецкий гамбит», «Статский советник», «Пелагия и белый бульдог», «Шпион»), но и сценарных адаптаций к ним (это касается картин, посвящённых авантюрам Эраста Фандорина). Подобная заинтересованность в ином медийном пространстве, ином культурном коде, отличном от кода литературного, подтверждает сознательную авторскую апелляцию к кинематографу и его элементам, участвующим в конструировании своеобразного текстового пространства, соединяющего элементы различных семиотических систем.

Повести, входящие в цикл «Смерть на брудершафт» (2007–2011), согласно авторскому жанровому определению, имеют обозначение «роман-кино», который призван «совместить литературный текст с визуальностью кинематографа», как обозначено на задней переплётной крышке издания 2011 года от издательства «АСТ» [8; 9]. Уже это прямое указание способствует, во-первых, особому отношению к разворачиваемому тексту и конструируемому диегетическому миру. Во-вторых, заявляет о специфической оптике, отличной от оптики восприятия традиционной формы литературы, но акцентирующей внимание на элементах и приёмах, близких к кинематографу и апеллирующей к видимому, наблюдаемому. В-третьих, свидетельствует об активном использовании приёмов и методов кино (монтаж, динамизм, «иллюзия сиюминутности» [4, с. 30], свободное обращение со временем и пространством текста, создание аудиовизуальных образов, абстрактность точки зрения, внимание к деталям).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что тексты повестей построены по принципу литературной кинематографичности. Разворачиваемое пространство аудиовизуально. К примеру: «Схватил Симу за руку и потащил обратно на аллею. Выскочили на дорожку так стремительно, что чуть не угодили под колёса целого эскадрона велосипедистов, все усатые, в одинаковых костюмах и кепи» [10]. Или: «На холме был оборудован наблюдательный пункт. Точно такой же окоп, как все осталь-

ные, но пошире и прикрытый сверху маскировочной сеткой с фальшивыми зелёными листьями. У сдвоенной перископической трубы плечом к плечу стояли четверо солдат в мятых папахах и перепачканных глиной шинелях» [11]. Реализуется оно посредством протагониста, представляемого в диегетическом мире через тревеллинг (репрезентация точки зрения нарратора, постоянного наблюдающего и следующего за героем при относительно линейном разворачивании времени в ситуации игнорирования прочих субъектов и объектов наблюдения). Тревеллинг же способствует и актуализации тех элементов пространства, которые видит сам протагонист, например: «Когда капитан залиvisto дунул в свисток <...> Алёша зачем-то посмотрел на часы <...> и прыгнул из окопа на поле <...> Он нёсся огромными прыжками. Потом оглянулся, увидел, что здорово оторвался от роты, и стал бежать потише» [9, с. 8].

Отдельно необходимо остановиться на описании исторических фигур и реализации персонажей в диегетических пространствах. Образ (в частности, генерала Брусилова, Григория Распутина, Николая II) здесь предстаёт в становлении и остраении. Например: «В салон медленно, важно шёл высокий костлявый мужик – самый натуральный: длинные волосы расчёсаны надвое, борода лопатой, в перепоясанной малиновой рубахе, в сапогах бутылками» [12]. Или: «Старик» говорил очень спокойно, тихо. У него была репутация сухаря, человека холодного и резкого. Штабные леденели под взглядом его медленных голубых глаз. <...> Гневаясь, генерал никогда не кричал – наоборот, понижал голос» [11]. Не называя персонажа по имени, недиегетический нарратор конструирует образ на основе впечатления, с точки зрения протагониста, Алексея Романова или Йозефа фон Теофельса. Тем самым в тексте создаётся ситуация своеобразной игры со зрителем и с системой образов, коррелирующей с тем или иным историческим персонажем. Сама же суть игры заключается в попытке уйти от клишированных форм и изображений всей образной системы. Остранённое описание способствует отстранению исторического персонажа, обременённого предопределённостью исторических фактов, от его визуального образа, нивелированию

его с исторической фигуры до литературного (экранного) героя, объекта на плоскости в его становлении в диегетическом пространстве. Другими словами, в диегетическом мире каждый из персонажей уравнивается (будь то фиктивная личность или историческая фигура), становится зависим от действий тех или иных героев.

Относительно действий персонажей можно отметить следующее: сами их жесты также аудиовизуальны, например: «От выстрела сорок пятого калибра у шпиона снесло весь верх черепа. Стоявший сбоку Кузин вытер лицо, забрызганное мозгом и кровью, да только носом шмыгнул. Зато шпионка и новенький оба заорали, один пронзительней другого» [13]. Однако в этом контексте наиболее примечательным становится (помимо характеристики, как, к примеру, отчество Алексея Романова – Парисович) портретирование персонажей, в том числе в случае сознательного создания комического эффекта. Это касается не только эксцентричных нарядов тех или иных героев (так, Козловский решил «украсить наряд «эпатиста», стал пришивать к рукаву золотую бумажную звезду <...>. В зеркальном стекле двери прапорщик наконец увидел своё отражение <...>. Под мушкетерской шляпой, прямо посередине лба, очень натурально был нарисован широко раскрытый глаз» [14]), но и сопоставления нетипичных характеристик в одном персонаже: «Это был большой, толстый человек, но казалось, что его массивная туша наполнена не мышцами и жиром, а лимонадом. Лимонад бурлил, щекотал пузырьками, подбивал хохотать и валять дурака» [8, с. 112]. Кроме того, и сопоставления двух и более персонажей с различными характеристиками: «Призраки и вурдалаки, томные Пьеро и развратные Коломбины, утопленники и скелеты, русалки и ведьмы – танцевали все. Вертлявый Аспид конвульсивно дёргался, словно гальванизированная лягушка. Мальдорор поставил свою Экстазу на стул, и она по-цыгански трясла плечами. Мелькнула красная маска палача, из коридора появился верзила Мефистофель и тоже начал приплясывать» [14]. Это в определённой степени, на наш взгляд, способствует актуализации тропов американской комической школы кино. «Американская комическая» актуализирует-

ся и в случаях конструирования вербальных аналогов слепстика и визуального гэга, например: «Спустился на ремне в окошко. <...> Исполнил дело, стал тем же манером подниматься обратно. Несмотря на полноту, был он ловок, как толстый котиче. А ремень <...> возьми и лопни. Насмерть Балагур не расшибся <...>. Однако подобрали его в совершенно недвусмысленном виде» [8, с. 116].

В повестях Бориса Акунина точка зрения не статична, но подвижна, пространство также презентуется через «включения» точек зрения иных персонажей: «Поглядела она на денщика Тимошу. Поначалу он ей не показался. Старый, облезлый, рожа лошадиная, ручищи что оглобли. Но миг был до того чудесен <...>, что беглый солдат показался девушке загадочным и прекрасным, будто бронзовый рыцарь дон Кихот, который в питерской квартире стоял на столике близ шифоньера» [12]. Или: «Почтовый стрелнул глазами на лошадиную физиономию клиента, говорившего по-русски с акцентом. – Из колонистов?» [8, с. 110]. Кроме того, в повести «Операция «Транзит» некоторые главы имеют подзаголовки «Глазами мужчины» и «Глазами женщины», демонстрирующие определённый ряд событий с точки зрения Антонины Краевской и с точки зрения Кожухова (он же Теофельс). При этом весь цикл основан на оппозиции четырёх взглядов (князь Козловский и Алексей Романов, Иозеф фон Теофельс и Тимо), их столкновении, наложении. От этого пространство предстаёт остранным, многослойным, равно как и персонажи, акцентируется внимание к деталям как фактам диегетического мира, метонимически связанным с разными семантическими образованиями, изменяющимся от той или иной парадигмы отношений, утверждаемыми точками зрения персонажей. Например: «Отметил и марку папиросы у командира («Дюшес»), и сизый нос стрелка, и томик под мышкой у мальчишки (стихи Александра Блока), и аккуратно подшитый воротничок у механика (стежки явно сделаны заботливой женской рукой)» [15].

Само пространство диегетического мира монтажно, монтаж же несёт в себе утилитарное значение, то есть конструирует «удобную» для читателя-зрителя последовательность, где незаметны границы перехода (в

оппозиции к монтажу идеологическому, акцентирующему внимание на самом факте перехода и «столкновения» фрагментов). Монтаж сопоставляет в общем текстовом пространстве различные области наблюдаемого и их интерпретации, принадлежащие разным персонажам, а также редуцирует временные не-нарративные фрагменты и совмещая видимые пространства. В этом контексте примечательно, что каждая новая глава начинается с констатации нового пространства в иных временных координатах и утверждает, по сути, новый хронотоп [16, с. 329]. Примеров тому множество: «Явление Ангела-Спасителя» Высокая, плечистая фигура, вдоль и поперёк перехваченная ремнями, заняла собою весь проём» [9, с. 33]. Или: «У генерала Жуковского» Лобастый, коротко стриженный человек поднял голову от бумаг, посмотрел на вошедших в кабинет и коротко кивнул» [9, с. 40]. Или: «Смотр талантов». Час спустя Романов сидел у штабс-ротмистра, готовясь к смотру отобранных для поездки агентов» [9, с. 56]). В этом плане показательна и глава «Хронометраж» в повести «Ничего святого», где акцентируется внимание на временной характеристике, эксплицитно маркирующей событийный ряд: «8.00», «8.19», «8.26» [13, с. 56]. При этом необходимо отметить, что повествование остаётся привычным, оно не усложнено монтажно. Подобный приём характерен и для повестей, построенных на принципе параллельного монтажа («Младенец и чёрт» и «Ничего святого»): здесь монтаж сопоставляет протагонистов в едином текстовом пространстве, способствует наложению их точек зрения для образования объективного диегетического мира.

Немного иная ситуация наблюдается в случае очерчивания протагонистом областей прошлого (flashback) или же предсказания будущего (flashforward). Здесь монтажное сопряжение способствует дополнительной характеристике персонажа, благодаря чему последняя обретает идеологический характер. К примеру: «Всё пропало кроме Невского. Ни души на нём. Пусто, бело, морозно. Только сбоку по мостовой баба, замотанная в платок, тащит санки, еле идёт. На санках куль небольшой, веревкой обвязанный. Хоть сверху не видно, однако известно: там усоп-

ший младенец. <...> Снова проспект переполнился, задвигался. Только не людьми, а железными крышами малыми, разноцветными» [12]. Или: «24 часа назад. Ровно сутки назад, когда Зепп, получив интересную телеграмму, моментально собрался в дорогу, жена с сыном вышли его проводить к воротам. <...> 24 года назад. – ...Главное же – вы отдадите мне сына! И навсегда – слышите, навсегда – оставите его в покое! <...> Мать закашлялась. Она была сильно простужена, врачи подозревали пневмонию» [12].

В то же время в тексте утилитарный монтаж выстраивает ситуации, которые можно рассматривать как аналоги монтажной киносцены, где отдельные визуальные акценты делаются на деталях, конструируется сложный ряд сопоставлений планов (крупных, средних, общих) и выстраивается динамичное действие. Например: «Сухой, короткий выстрел. С рычанием связной схватился за простреленный локоть. Выпавший «наган» звонко ударился о рельсу» [12].

Вполне естественным в анализируемых нами произведениях также является и присутствие элементов текста, связанных с лексической группой «Кино». Весь корпус примеров можно, по нашему мнению, разделить на три группы.

Первая объединяет упоминания названия фильма, профессии, аппаратуры, связанные с кинематографом, самого кинематографа как способа проведения досуга. Например: «Оператор с синематографическим аппаратом, занявший переднюю скамью, тоже был германец» [17]. Или: «Чтоб не ссориться, реалист перешёл на новости менее значительные: про фильм «Песнь торжествующей любви» <...>. Но в синематографе божьи люди отродясь не бывали» [12]. Отдельно можно отметить скрытую отсылку к реальному кинематографическому тексту: «В августе шестнадцатого» [11].

Вторая группа включает указание на факт просмотра фильма, к примеру: «Электрический свет померк. Заиграла тягучая, сонная музыка. Через весь зал, рассекая сумрак, прочертился луч, от стены до стены. К концу он расширился и заполнил светом белый прямоугольник <...>. Выплеснувшийся из земли фонтан земли, чёрные комья во все стороны. <...> Тонуций в море миноносец.

<...> Пулемётное гнездо: ствол «максима» сотрясается, пулемётчик бешено разевает рот – что-то кричит. Но не слышно ни криков, ни пальбы, ни разрывов. Лишь журчит меланхолическое фортепьяно да сладко подвывает скрипка. <...>. Передернувшись, Романов поглядел по сторонам. Публика заинтересованно смотрела на сцену, словно ей показывали какой-то забавный, оригинальный аттракцион. <...> Экран побледнел, картинка войны не исчезла, но превратилась в призрачный фон, в задник» [14].

И наконец, к третьей относится использование лексики из группы «Кино» в качестве метафоры жизни. Например: «Но крики делались всё тише, свет тусклеет. Потом он вовсе погас, как в синематографе перед началом сеанса» [9]. Или: «Если бы кто-нибудь сейчас видел лицо шпиона, поразился бы: оно меняло выражения и гримасы со скоростью быстро прокручиваемой киноплёнки» [15].

При этом всё, указанное нами, безусловно не исчерпывает специфики цикла «Смерть на брудершафт». Выбранная Борисом Акуниным авторская стратегия – создание «романа-кино» – способствует конструированию пространства, имеющего особые характеристики, как формальные, так и содержательные.

В формальном плане это выражается через присутствие в тексте иллюстраций, демонстрирующих ту или иную описываемую сцену и находящихся непосредственно рядом с ней. Название глав оформлено в виде интертитров эпохи немого кино, например: «В тайнике» [9, с. 152]. Или: «Мастера золотые руки» [8, с. 140]. Кроме того, сам текст каждой повести обрамлён дополнительным комплексом иллюстраций.

Это, во-первых, обложка, использующая образы, так или иначе соотносящиеся с киноафишами дореволюционного периода. Так, на пятой странице имеется своеобразная стилизованная афиша, использующая псевдодореволюционную орфографию (присутствует «ъ» на конце некоторых слов, «ѣ», «і»), которые также появляются на иллюстрациях и в основном тексте повестей: «ДѢТИ ЛУНЫ» КЛУБЪ-КАБАРЕ» [14]) и указывающая название «фильмы» («Мука разбитого сердца»), её жанр («Мелодрама»), создателей («Операторъ: Денись Гордеевъ. Тапёр: г-н Акунинъ»). Во-вторых, небольшой корпус

фотографий, относящийся к описываемой эпохе и представляющий как сборник фрагментов визуального наполнения и визуальной реализации диегетического мира цикла. В-третьих, иллюстрация, располагающаяся на второй странице книги и демонстрирующая на первом плане тапёра с лицом Бориса Акунина, зрительный зал, заполненный людьми в костюмах начала XX века, и механика, следящего за работой проекционного аппарата.

Всё это – как иллюстрация зрительного зала, своеобразное авторское присутствие Акунина, хотя и в роли тапёра (интеграция собственного образа в определённое текстовое измерение), – оттеняет дополнительное диегетическое пространство и вводит в него дополнительные семантические узлы. Текст повести начинается до начала сюжета, вне самого нарративного действия. Таким образом, выстраивается ситуация обрамления. Повествуемая история репрезентуется как сеанс в «синематографе», как наблюдаемое, утверждающее свою искусственную и техническую природу (проекция и демонстрация с плёнки) и разворачивающее дополнительный звуковой аспект текста, связанный с музыкальным сопровождением (содержание мелодий в качестве фрагментов присутствует на иллюстрациях). Помимо названий глав, выполненных в виде титров, сама эта реальность вне диегезиса заявляет о себе: «Предупреждение для дам и родителей: откровенная сцена!» [15]. Здесь дополнительно отметим весьма примечательную деталь: время чтения книги, равное примерно двум–трём часам, отсылает хотя и к нетипичному, но всё же к хронометражу кинематографического сеанса.

Исходя из тезиса о книге «Смерть на брудершафт» как аналогии кинематографического сеанса, можно сделать дополнительное замечание по поводу образа тапёра Акунина, присутствующего в этом обрамляющем историю пространстве и это пространство утверждающего. Образ тапёра сопровождает и репрезентует, к тому же, и историю о столкновении двух разведок. В этом контексте, а также исходя из научных и переводческих интересов Г. Чхартишвили-япониста образ тапёра можно сопоставить и дополнить с профессией, принадлежащей к японской

традиции демонстрации картин в период немомого кино. Каждая повесть цикла конструирует ситуацию посещения сеанса псевдо (до-, по- или пост-)революционного российского кино, в котором Борис Акунин как персонаж текстового и визуального пространства исполняет не только символическую роль тапёра, вербально и визуально опосредованную, но и роль бэнси («кинорассказчик, живое либретто кинокартины» (цит. по: [18]), бытующую как раз в измерении вербальном. Образ Акунина как бэнси, его семантическое наполнение привносит дополнительные смысловые оттенки в сам факт повествования недиегетического нарратора, находящегося в позиции нулевой фокализации. Акунин как персонаж недиегетический, но присутствующий в текстовом измерении, комментирует происходящее на экране, описывает наблюдаемое, он многословен (в противоположность сценарной записи), он словно играет все партии персонажей, которые указываются в тексте, на иллюстрациях.

Иллюстрации эти, на наш взгляд, требуют дополнительного комментария. Именно они семантически становятся первичной материей, само же описание оказывается реакцией на наблюдаемое, интерпретацией видимого на экране – зрителями, тапёром, бэнси Акуниным. Так, всякий текст повести коррелирует с пространством кинематографическим (визуальным, звуковым), с пространством ситуации просмотра кино, представляя новеллизацией текста кинематографического в его дореволюционной фильме, пусть и не существующей как факт реального мира.

Корпус фотографий в конце повестей также у Акунина получает дополнительное значение. Фотографии здесь – это не только и не столько факт присутствия реального, бытового измерения, бросающего «тень реальности» на происходящее, сколько дополнительные фрагменты визуального наполнения и визуальной реализации диегетического мира цикла. Так, Борис Акунин в контексте рассуждений о борьбе с пиратством неоднократно отмечал, что именно благодаря иллюстрациям «читатель сможет увидеть, как выглядит мир, который [описывается]»¹. Сним-

ки предстают как фрагменты и кадры массовки, локаций, реквизита, как возможность для читателя самому выстроить визуальное аутентичное пространство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что в цикле Бориса Акунина «Смерть на брудершафт», согласно требованиям авторского жанра «роман-кино», прозаик конструирует подчёркнуто аудиовизуальное пространство, организованное посредством утилитарного монтажа, где сюжет имеет характер авантюрного действия как серии подчёркнуто аудиовизуальных сцен. Однако, как мы показали, это не просто актуализация, обращение через словесное выражение к визуальным образам, к тропам, нарративным моделям кинематографа как континуального визуального искусства. Помимо прочего, тексты повестей как совмещение вербальной и визуальной материи способствуют утверждению тезиса о вторичности вербального элемента. В них моделируется ситуация, когда именно текст становится производным от визуального действия, мыслится как «бывший после», как следствие, новеллизация или подробный конспект сцен «фильмы», не существовавшей в истории отечественного и мирового кино. Литературный текст, по сути, предстаёт как кино, а кино как текст. В целом, проект «Фильмы» Бориса Акунина представляет собой эксперимент, в котором плоскость бумажного листа (монитора – в случае с электронной книгой) и плоскость киноэкрана в высшей степени сближаются и окончательно уравниваются.

Перспективой дальнейшего исследования может стать, во-первых, осмысление авторской стратегии Бориса Акунина в других его авторских «проектах», отличающихся очевидной кинематографичностью. Во-вторых, применённая нами методология вполне проецируется на творчество ряда прозаиков 2000–2010-х гг., активно применяющих в своём творчестве приёмы кинематографа (от Л. Улицкой и В. Пелевина до В. Сорокина, А. Рубанова, О. Погодиной-Кузьминой).

¹ Борис Акунин борется с пиратами. URL: <http://os.colta.ru/news/details/31691/> (дата обращения: 13.08.2020).

Список литературы

1. *Барт Р.* Третий смысл. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 104 с.
2. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
3. *Сонтаг С.* О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.
4. *Волошина Т.Г.* Языковые средства реализации кинематографичности в художественных текстах // Филология и проблемы преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. М.: МПГУ, 2010. Вып. 7. С. 29-34.
5. *Мартьянова И.А.* Кинематограф русского текста. СПб.: Своё изд-во, 2011. 240 с.
6. *Можяева Т.Г.* Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.
7. *Осмухина О.Ю.* Специфика авторской стратегии Бориса Акунина: жанровый аспект // Евразийское научное объединение. 2016. Т. 2. № 3 (15). С. 143-146.
8. *Акунин Б.* Смерть на брудершафт. «Мария», Мария... М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2011. 192 с.
9. *Акунин Б.* Смерть на брудершафт. Мука разбитого сердца. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 280 с.
10. *Акунин Б.* Смерть на брудершафт. Батальон ангелов [Цифровая книга]. М.: Abecca Global Inc, 2011.
11. *Акунин Б.* Смерть на брудершафт. Гром победы, раздавайся! [Цифровая книга]. М.: Abecca Global Inc, 2011.
12. *Акунин Б.* Смерть на брудершафт. Станный человек [Цифровая книга]. М.: Abecca Global Inc, 2010.
13. *Акунин Б.* Смерть на брудершафт. Ничего святого [Цифровая книга]. М.: Abecca Global Inc, 2010.
14. *Акунин Б.* Смерть на брудершафт. Дети Луны [Цифровая книга]. М.: Abecca Global Inc, 2010.
15. *Акунин Б.* Смерть на брудершафт. Летающий слон [Цифровая книга]. М.: Abecca Global Inc, 2010.
16. *Пономарёва Ю.В.* Роман-кино как вершина синтеза литературы и кинематографа (на материале романа Б. Акунина «Смерть на брудершафт») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 3. С. 328-332.
17. *Акунин Б.* Смерть на брудершафт. Младенец и чёрт [Цифровая книга]. М.: Abecca Global Inc, 2008.
18. *Куланов А.* Бэнси – тёмная лошадка японского Немого. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2013/6-iyun/bensi-temnaya-loshadka-yaponskogo-nemogo> (дата обращения: 13.08.2020).

References

1. *Bart R.* *Tretiy smysl* [The Third Meaning]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015, 104 p. (In Russian).
2. *Maklyuen M.* *Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Zhukovskiy: "KANON-press-TS", "Kuchkovo pole" Publ., 2003, 464 p. (In Russian).
3. *Sontag S.* *O fotografii* [On Photography]. Moscow, Ad Marginem Press, 2013, 272 p. (In Russian).
4. *Voloshina T.G.* *Yazykovyye sredstva realizatsii kinematografichnosti v khudozhestvennykh tekstakh* [Language means of realizing cinematography in literary texts]. *Filologiya i problemy prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Philology and Problems of Teaching of Foreign Languages]. Moscow, MPGU Publ., 2010, Issue 7, pp. 29-34. (In Russian).
5. *Martyanova I.A.* *Kinematograf russkogo teksta* [Cinematography of Russian Text]. St. Petersburg, Svoe Izdatelstvo Publ., 2011, 240 p. (In Russian).
6. *Mozhayeva T.G.* *Yazykovyye sredstva realizatsii kinematografichnosti v khudozhestvennom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Language Means of Realizing Cinematography in a Literary Text. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Barnaul, 2006. (In Russian).
7. *Osmukhina O.Y.* *Spetsifika avtorskoy strategii Borisa Akunina: zhanrovyy aspekt* [Specificity of the author's strategist Boris Akunin: genre aspect]. *Evraziyskoye nauchnoye ob'yedineniye – Eurasian Scientific Association*, 2016, vol. 2, no 3 (15), pp. 143-146. (In Russian).
8. *Akunin B.* *Smert' na brudershaft. «Mariya», Mariya...* [Bruderschaft with Death. Maria, Maria...]. Moscow, AST: AST MOSKVA Publ., 2011, 192 p. (In Russian).
9. *Akunin B.* *Smert' na brudershaft. Muka razbitogo serdtsa* [Bruderschaft with Death. The Torment of a Broken Heart]. Moscow, AST: AST MOSKVA Publ., 2009, 280 p.
10. *Akunin B.* *Smert' na brudershaft. Batal'on angelov* [Bruderschaft with Death. The Angels Battalion]. Moscow, Publishing House "Abecca Global Inc", 2011. (In Russian).
11. *Akunin B.* *Smert' na brudershaft. Grom pobedy, razdavaysya!* [Bruderschaft with Death. Let the Thunder of Victory Rumble!]. Moscow, Publishing House "Abecca Global Inc", 2011. (In Russian).

12. Akunin B. *Smert' na brudershaft. Strannyi chelovek* [Bruderschaft with Death. The Wandering Man]. Moscow, Publishing House "Abecca Global Inc", 2010. (In Russian).
13. Akunin B. *Smert' na brudershaft. Nichego svyatogo* [Bruderschaft with Death. Nothing Sacred]. Moscow, Publishing House "Abecca Global Inc", 2010. (In Russian).
14. Akunin B. *Smert' na brudershaft. Deti Luny* [Bruderschaft with Death. Children of the Moon]. Moscow, Publishing House "Abecca Global Inc", 2010. (In Russian).
15. Akunin B. *Smert' na brudershaft. Letayushchiy slon* [Bruderschaft with Death. The Flying Elephant]. Moscow, Publishing House "Abecca Global Inc", 2010. (In Russian).
16. Ponomareva Y.V. Roman-kino kak vershina sinteza literatury i kinematografa (na materiale romana B. Akunina «Smert' na brudershaft») [Novel-movie as the pinnacle of literature and cinema synthesis (based on Akunin's novel "Death of Brotherhood")]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Herald of Tver State University*. Series: Philology, 2016, no. 3, pp. 328-332. (In Russian).
17. Akunin B. *Smert' na brudershaft. Mladenets i chert* [Bruderschaft with Death. The Infant and the Devil]. Moscow, Publishing House "Abecca Global Inc", 2008. (In Russian).
18. Kulanov A. *Bensi – temnaya loshadka yaponskogo Nemogo* [Benshi is the Dark Horse of Japanese Silent Cinema]. (In Russian). Available at: <http://old.kinoart.ru/archive/2013/6-iyun/bensi-temnaya-loshadka-yaponskogo-nemogo> (accessed 13.08.2020).

Информация об авторах

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация. E-mail: osmukhina@inbox.ru

Вклад в статью: разработка дизайна исследования, общая концепция статьи, научное консультирование, обработка и редактирование материала, написание 50 % текста статьи.

Куряев Ильгам Рясимович, аспирант, преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация. E-mail: kuryaev.ilgam@yandex.ru

Вклад в статью: идея, набор первичного материала, поиск и анализ научной литературы, анализ художественных текстов, написание 50 % текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 11.09.2020 г.
Поступила после рецензирования 20.10.2020 г.
Принята к публикации 23.10.2020 г.

Information about the authors

Olga Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation. E-mail: osmukhina@inbox.ru

Contribution: study design development, main study conception, scientific consulting, materials processing and editing, 50 % manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-1456-4793

Ilgam R. Kuryaev, Post-Graduate Student, Lecturer of Russian and Foreign Literature Department. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation. E-mail: s.piskunowa2012@yandex.ru

Contribution: idea, source material acquisition, scientific literature search and analysis, fiction text analysis, 50 % manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-4294-5817

There is no conflict of interests.

Received 11 September 2020
Reviewed 20 October 2020
Accepted for press 23 October 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-111-120
УДК 811.161.1

Лингводидактический потенциал современных художественных фильмов на занятиях по русскому языку как иностранному

Юлия Александровна МЕЛЬНИК¹ ✉, Ксения Ринатовна РУССУ²

¹Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14
✉ uliya0783@mail.ru

²Югорский государственный университет
628011, Российская Федерация, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

Аннотация. Посвящено вопросу формирования социокультурной и лингвокультурной компетенций иностранцев, изучающих русский язык как иностранный (РКИ), посредством работы с современными художественными фильмами. Описан лингводидактический потенциал аутентичных видеоматериалов, предназначенных для работы на занятиях по русскому языку как иностранному; представлены критерии отбора. Обращено внимание на то, что кинофильмы являются ценным источником как лингвистической, так и экстралингвистической информации. Сделан вывод о целесообразности применения аутентичных полнометражных художественных фильмов на занятиях по РКИ; рекомендованный уровень владения языком – В1. Авторы предлагают методическую разработку к российскому фильму «Московский романс» (2019). Обоснованы критерии выбора данного фильма, разработана система заданий, часть из которых может быть выполнена во внеаудиторное время. Прописаны такие этапы работы с фильмом, как: «Преддемонстрационный. Подготовка к просмотру», «Демонстрационный. Проверка понимания» и «Последемонстрационный. Обсуждение», а также предлагается четвёртый этап «Продолжение работы во внеучебное время». Данная система работы была апробирована авторами статьи в трёх группах разного национального состава, обучающихся в российских университетах.

Ключевые слова: социокультурная компетенция; видеоматериалы; художественный фильм; русский язык как иностранный

Для цитирования: Мельник Ю.А., Руссу К.Р. Лингводидактический потенциал современных художественных фильмов на занятиях по русскому языку как иностранному // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 111-120. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-111-120

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Linguodidactical potential of modern feature films in Russian as a foreign language classes

Yuliya A. MELNIK¹ ✉, Kseniya R. RUSSU²

¹Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russian Federation
✉ uliya0783@mail.ru

²Yugra State University
16 Chekhova St., Khanty-Mansyisk 628011, Russian Federation

Abstract. The work is devoted to the formation of sociocultural and linguocultural competences of foreigners studying Russian as a foreign language (RFL) through work with modern feature films. We describe the linguodidactic potential of authentic video materials designed to work in the

classroom in Russian as a foreign language; selection criteria are presented. We point out that motion pictures are a valuable source of both linguistic and extralinguistic information. We conclude that it is advisable to use authentic full-length feature films in RFL lessons; the recommended level of language proficiency is B1. We offer a methodological development for the Russian film “Moscow Romance” (2019). We substantiate the criteria for choosing this film, we have developed a system of tasks, some of which can be completed during extracurricular hours. We prescribe such stages of work with the film as: “Pre-demonstration. Preparation for viewing”, “Demonstration. Understanding Test” and “Post-Demonstration. Discussion”, as well as offer the fourth stage “Continuing work outside the classroom”. This system of work has been tested by the authors of the work in three groups of different nationalities studying at Russian universities.

Keywords: sociocultural competence; video materials; feature film; Russian as a foreign language

For citation: Melnik Y.A., Russu K.R. Lingvodidakticheskiy potentsial sovremennykh khudozhestvennykh fil'mov na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Linguodidactical potential of modern feature films in Russian as a foreign language classes]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 111-120. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-111-120 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение. В настоящее время, в соответствии с общегуманитарными принципами обучения, не теряет актуальности проблема разнообразия подходов к взаимосвязи культуры и языка при обучении РКИ. Утверждается, что собственно лингвистический аспект преподавания языка коррелирует со страноведческим и культурологическим аспектами [1, с. 67]. Ещё 80-х гг. XX века был сформулирован компетентностный подход, описывающий, что обучающийся в процессе овладения иностранным языком должен обладать языковыми компетенциями в четырёх видах речевой деятельности. Дальнейшие исследования показали, что для успешного осуществления межкультурной коммуникации, умения адекватно решать коммуникативные задачи в процессе общения с носителями изучаемого языка необходимой является лингвокультурологическая составляющая [2, с. 13]. Описано, что гораздо важнее языкового может оказаться так называемый «культурный барьер», то есть формирование лингвокультурной компетенции признаётся одним из необходимых условий комплексного обучения иностранному (в том числе РКИ) языку [3, с. 46]. Человек через изучаемый язык воспринимает всю систему культурных ценностей, получает умения и навыки применения базовых лингвокультурных единиц, отражающих лингвокультуру социума [2, с. 114]. В случае, когда язык выступает как инструмент обеспечения комфортного совместного сущест-

ствования в том или ином социуме, тогда, когда иностранец следует обычаям, правилам поведения, нормам этикета, стереотипам поведения, принятым в среде носителей языка, речь идёт о формировании социокультурной компетенции [4, с. 286-287]. Иностранец, изучая язык, учится правильно применять языковые единицы на практике в различных ситуациях общения. Кроме того, он должен иметь представление о социальных реалиях и культурных ценностях страны, а «ознакомление с культурой и историей России проводится посредством русского языка и в процессе его изучения» [5, с. 150]. По нашему мнению, достижению данной цели может способствовать работа с современными российскими художественными фильмами.

Аутентичный видеоматериал на занятии по РКИ: теоретико-методологический обзор. Методисты сходятся во мнении, что при включении в учебный процесс неадаптированных видеоматериалов (в том числе современных художественных фильмов) необходимо использовать специально разработанные учебно-методические материалы, так как «работа с художественным кинофильмом должна преследовать конкретные цели и обладать чёткой структурой. Другими словами, она должна представлять собой систему и предполагает наличие упражнений на развитие различных навыков и закрепление нового материала» [6, с. 44].

Несмотря на то, что «методическая копилка» практикующего преподавателя русского языка как иностранного постоянно пополняется новейшими научно-исследовательскими работами, учебными и учебно-методическими материалами, посвящёнными использованию различных аудиовидеоматериалов на занятиях по РКИ, проблема остаётся актуальной [7–15]. Регулярно появляются материалы по работе с современными российскими фильмами [6; 9; 16–18].

Вопрос о целесообразности введения видеоматериалов, особенно на начальных этапах изучения языка, о времени и количестве материала, предлагаемого на более высоких уровнях, остаётся дискуссионным и активно обсуждаемым. Мы согласны с мнением Т.Б. Кашпиревой, утверждающей, что «новое содержание языковых компетенций даёт нам основание утверждать, что, начиная с уровня В1, использование аутентичных видеofilмов может расширить и обогатить ЛК учащихся», так как на этом уровне «непонимание и незнание культуры изучаемого языка может привести к неудачам в ситуациях реального речевого общения» [17, с. 107]. Кроме того, лингводидактический потенциал художественного фильма заключается в том, что:

1) повышается мотивация к изучению русского языка;

2) в нетрадиционной форме вводится новый и закрепляется ранее изученный лексический, грамматический, фонетический и страноведческий материал;

3) интерес представляет изучение синтаксических конструкций, свойственных разговорной речи; фразеологизмы, сленг, присутствующие в речи современной российской молодёжи;

4) развиваются навыки аудирования, неподготовленной устной речи;

5) процесс обучения в целом становится более интересным;

6) обучающиеся учатся вычленять скрытые смыслы, считывать невербальную информацию, психологический подтекст.

Художественный фильм для урока РКИ: критерии выбора, этапы работы. Выбор подходящего для занятия фильма – непростая задача для преподавателя. Необходимо продумать и проанализировать все возможные плюсы и минусы введения в

учебный процесс того или иного фильма с позиции его ценности как источника лингвистической и экстралингвистической информации. Важно учесть обучающий и мотивационный потенциал того или иного фильма, который «должен соответствовать возрастным особенностям учащихся; уровню владения языком; изучаемой разговорной теме; отражать актуальную российскую лингвокультурную действительность; обладать художественной ценностью, знакомить с известными режиссёрами, актёрами; затрагивать гуманитарную проблематику и универсальные вопросы современного мирового сообщества. Фильм не должен пропагандировать войну, насилие, жестокость, расовую, национальную, религиозную, классовую и иную исключительность или нетерпимость; содержать табуированную лексику, жаргонизмы, просторечия» [17, с. 108]. Желательно наличие в фильме конфликта (проблемы), позволяющего инициировать обсуждение, дискуссию. Не менее важным представляется учёт «учебных интересов учащихся, проявляющихся в желании практически проверить свои знания на доступном для их понимания фильме» [6, с. 44]. Нами предлагается методика работы с фильмом «Московский романс». Фильм вышел в прокат в 2019 г. Жанр – мелодрама. Режиссёр – В. Николаев. В главных ролях – Надежда Михалкова и Кирилл Плетнев. Фильм отражает современную российскую действительность, обнажает некоторые актуальные темы, имеет философский подтекст, содержит юмористические сцены. К достоинствам фильма также можно отнести отличный аудиовизуальный ряд, аллюзии на известные советские фильмы, красивые виды современной Москвы – столицы России.

При выборе видеоматериала для работы учитывались все перечисленные выше критерии, в том числе возраст обучающихся, их интересы, уровень языковой подготовки, актуальность тематики фильма и затронутых в нём проблем, а также художественное оформление фильма (дикция актёров, работа оператора, музыкальное сопровождение и т. д.).

Итак, целевой аудиторией для работы с фильмом «Московский романс» являются иностранные обучающиеся от 25 лет и старше, владеющие русским языком не ниже уровня В1, так как они уже имеют базовые

языковые знания, необходимые для понимания лингвистической информации, а также уже обладают некоторым жизненным опытом, позволяющим понять и проанализировать мотивы поступков героев, обсудить проблемы, затронутые в фильме. Главными целями по работе с фильмом являются: развитие коммуникативных навыков и умений обучающихся, в том числе навыков устной монологической и диалогической речи на русском языке с возможностью выражения собственного мнения по той или иной ситуации или проблеме, умения формулировать свою аргументированную точку зрения, вести дискуссию и т. д., а также развитие лингвокультурной и социокультурной компетенций.

Обычно методисты предлагают придерживаться такого алгоритма работы с видео, при котором материал изучается в рамках следующих этапов: преддемонстрационный, демонстрационный и последедемонастрационный [19, с. 8]. Т.Б. Кашпирева именует данные этапы так: «Готовимся к просмотру фильма», «Проверяем понимание фильма», «Обсуждаем» и предлагает продолжить работу над фильмом в свободное от занятий время (четвёртый этап) [17, с. 108-109].

Остановимся подробнее на особенностях организации работы на каждом из перечисленных этапах.

Преддемонстрационный этап. Подготовка к просмотру

Данный этап имеет большое значение, так как позволяет снять лингвистические и экстралингвистические трудности, прогнозируемо возникающие у студентов при просмотре фрагментов и фильма в целом. Отметим, что работа по введению и систематизации необходимой лексики, важной для понимания ключевых сцен и сюжетной линии фильма, важна, но не должна быть слишком затянутой, желательно избегать «объёмных диалогов и полилогов, так как это отвлекает внимание учащихся, не позволяет сосредоточиться на предстоящем просмотре, кроме того, эффективность запоминания большого количества новых лексем, даже в контексте, будет сравнительно низкой» [17, с. 108]. Кроме того, часто преподаватели работают в условиях жесткой экономии учебного времени, когда за небольшое количество учебных

часов хочется многое успеть и получить хороший результат. С учетом целей, поставленных нами при работе с данным фильмом, целесообразным видится введение подобных упражнений на последующих этапах или в качестве домашних заданий. Главная задача на данном этапе – заинтересовать, подготовить обучающихся к просмотру. Преподаватель может начать работу с мини-беседы, предложив обучающимся ответить на актуальные для них вопросы, связанные с тематикой фильма, поднять актуальную проблему (например, стоимость жилья в Москве, других городах, являющихся местом проживания обучающихся). Продолжить работу можно обсуждением киноафиши, названия фильма, трейлера.

Демонстрационный этап. Проверка понимания

Непосредственный просмотр фильма (фрагментов) и его обсуждение проводятся с целью проверки понимания содержания, выявления, объяснения и уточнения лингвокультурных составляющих, а также для закрепления и выведения в активное речевое употребление как известной ранее, так и новой лексики.

В вопросе количества предъявлений видеоматериала, как и в вопросе необходимости деления фильма на отрезки методисты и исследователи не приходят к единому мнению. Некоторые считают, что материал необходимо предъявлять до трёх раз, другие считают, что необходимо ориентироваться на конкретную группу, но в целом «достаточно однократного просмотра без использования монтажной записи» [6, с. 47].

Во время просмотра важно придерживаться определённой стратегии, не останавливать трансляцию слишком часто, чтобы не отвлекать внимание обучающихся от просмотра, но, с другой стороны, проконтролировать понимание сюжетной линии, содержание тех или иных сцен. Проверка понимания может быть проведена в форме пересказа общей сюжетной линии или конкретной ситуации. Кроме того, обучающимся может быть предложено ответить на вопросы по содержанию отрывка, которые могут быть сформулированы таким образом, чтобы помочь им выразить собственное мнение, касающееся деталей фильма, поступков героев,

обсуждение проблемы, представленной в сюжете (например, «Можно ли простить измену?», «Что важнее в жизни – любовь или деньги?»). Преподавателю следует быть готовым к тому, что «ответы студентов могут быть самими неожиданными, так как они во многом обусловлены не только их возрастными и личностными, но и национальными особенностями. То, каким образом иностранный студент воспринимает окружающую его действительность, зависит от его культурной картины мира» [6, с. 48]. Выполнение таких упражнений, часто перерастающих в небольшую дискуссию, помогает выявить национально-культурные особенности восприятия тех или иных фактов, событий, реалий. Преподаватель контролирует процесс и наиболее удачные, лингвокультурологически ценные элементы дискуссий переносит в следующий этап работы с фильмом.

Последемонстрационный этап. Обсуждение

Преподаватель задает вопросы по фильму, оценивая степень полноты и развернутости ответов, помогая обучающимся лучше понять фильм, разобраться в полученной информации, систематизировать и структурировать её. Сохраняется дискуссионный характер заданий, предложенных во время просмотра фильма. Задания носят проблемный характер, направлены на стимуляцию речепорождения обучающихся, находящихся под эмоциональным воздействием фильма и проводимого ранее обсуждения фрагментов. Преподаватель может предложить обучающимся такое упражнение: разыграть небольшие ситуации, аналогичные тем, что были представлены на экране. Данный этап является самым значимым с позиции формирования речевых умений и навыков, а также с позиции синтеза и анализа лингвокультурной составляющей, полученной в процессе просмотра фильма информации.

Безусловно, работа над фильмом может быть продолжена во внеучебное время (четвёртый этап «Продолжение следует...»). Это может быть как работа с популярными сайтами, на которых представлен этот фильм, чтение и обсуждение комментариев к фильму, работа с саундтреком (при условии, что песня обучающимся понравилась). Развитию письменной речи, раскрытию творческого

потенциала обучающихся могут способствовать такие задания: написание эссе, рецензии, съёмка собственного видеоролика по мотивам фильма с использованием саундтрека, написание сюжета продолжения фильма и т. д.

Методическая разработка к фильму «Московский романс» (2019). Отметим, что часть заданий может быть предложена для выполнения во внеаудиторное время (самостоятельно). Данная система работы была апробирована авторами статьи на практических занятиях по русскому языку как иностранному в трёх группах разного национального состава.

Преддемонстрационный этап. Подготовка к просмотру

1. Фильм, который мы будем с вами смотреть сегодня, называется «Московский романс». Как вы думаете, к какому жанру можно отнести этот фильм?

2. Рассмотрите афишу к фильму. Кто изображён на ней? Кто главная героиня? Опишите её.

Знаете ли вы этих актёров? В каких фильмах они снимались? (Галина Польских, «Я шагаю по Москве»; Ирина Муравьёва и Вера Алентова, «Москва слезам не верит»; Елена Коренева, «Покровские ворота» и др.). Позже вы можете посмотреть эти фильмы, ставшие классикой советского кино.

Рис. 1. Афиша к фильму

Как вы думаете, что за дом изображён на афише? Видели ли вы его когда-нибудь, гуляя по Москве?

3. Трейлер к фильму (<https://www.kinopoisk.ru/film/1272221/>). Просмотр, обсуждение.

А. Работа с транскрипцией трейлера (работа с новой лексикой, семантизация устойчивых выражений и новых конструкций и т. д.).

Б. Главная героиня Женя получила в наследство квартиру в высотке на Котельнической набережной. Что это за место?

а) так называется станция метро;

б) это название улицы на окраине Москвы;

в) это жилой дом в центре Москвы, объект культурного наследия России, так называемая «сталинская высотка»;

г) это дом на набережной в Санкт-Петербурге.

В. Найдите в Интернете информацию об этом доме. Расскажите, что вы узнали о нём. Хотели бы вы жить здесь?

4. Режиссёр фильма «Московский романс» В. Николаев сказал: «Мы снимали в настоящей квартире в легендарном доме на Котельнической набережной – там, где и происходит действие картины. Также есть сцены, снятые в библиотеке имени Ленина, парке «Зарядье», городском автобусе, центре Москвы, на речном кораблике... В общем, мы исколесили всю столицу». Вы уже были в этих местах? Хотели бы побывать там?

Демонстрационный этап. Проверка понимания

1. Проверка понимания может быть проведена в форме пересказа общей сюжетной линии или конкретной ситуации. Преподаватель нажимает кнопку «пауза» и просит обучающихся ответить на вопросы.

А. Знакомство Жени и Григория. Герои попадают в неловкую ситуацию. В чём причина? Перескажите данный фрагмент.

Б. Неудачный комплимент. При знакомстве Григорий сказал Жене: «Фигурки на башне (высотки на Котельнической набережной), их скульптор с моей бабки лепил. Вы, кстати, на неё похожи... Ну, я не в смысле...». Что он хотел сказать? Какая реакция последовала? Почему? Что сказали бы вы? Как нужно делать комплименты? Какие комплименты принято делать в вашей стране?

В. Смена имиджа Жени. Как она выглядела до происшествия? Как стала выглядеть позже?

Г. Встреча героев в кафе. Почему Григорий не узнал Женю? Охарактеризуйте поведение героев.

Д. Женя осматривает свою квартиру. Знакомство с квартирантами. Перескажите фрагмент фильма.

Е. Сцена в машине. Какие чувства испытывают герои? Выскажите своё мнение по поводу сложившейся ситуации. Посмотрите фильм «Три тополя на Плющихе», 1968 г., режиссёр Т. Лиознова (дома). Обратите внимание на похожую сцену.

Ж. Женя узнаёт, что муж обманывает её. Охарактеризуйте поведение героев. Что вы думаете об этой ситуации?

3. «Квест «Найди Григория». Начало истории любви. Перескажите фрагмент фильма.

2. Кто кому кем приходится? Соотнесите.

Женя	сосед Гриши
Гриша	соседка Гриши
Соня	сосед Васи и Нади
Василий	подруга Жени
Надя	муж Жени
Инга	интернет-знакомая Гриши
Кирилл	любовница Кирилла жена Кирилла

4. Кто есть кто по профессии? Соотнесите.

Женя	адвокат
Гриша	библиотекарь
Соня	таксист
Василий	фотограф
Надя	неизвестно
Кирилл	турагент

5. Верно или неверно? Обоснуйте ответ.

– Григорий познакомился с Женей в ресторане.

– Главная героиня Женя мечтает о детях.

– Квартиранты постоянно ссорятся.

– Главная героиня не замужем.

– Женя работает в библиотеке, а Григорий – таксист.

– Квартиранты боятся одиночества, поэтому снимают квартиру вместе.

– Григорий занимается ремонтом комнаты Жени.

– Бабушка Жени работала на Мосфильме художником по костюмам, а её муж был врачом-генетиком.

– Женя позволила квартирантам остаться в квартире.

– Герои называют своё жильё «элитным общежитием».

– Григорий влюбился в Женю с первого взгляда.

– В жизни главной героини много счастливых случайностей.

Последемонстрационный этап. Обсуждение

Возможно деление фильма на смысловые отрезки, в каждом из которых поднимаются какие-либо проблемы (например, «Что лучше – снимать жильё или иметь собственное», «Квартирный вопрос: стоимость жилья в центре столицы/на окраине/в деревне», «Жить в центре – глупо», «Неожиданное богатство – зло или благо», «Можно ли простить измену?», «Что выбрать: любовь или деньги?», «Могут ли жить совершенно чужие люди в одной квартире», «Женская дружба – миф или реальность?» и др.).

1. Некоторые люди не верят в женскую дружбу. А вы? В фильме показаны отношения двух подруг – Жени и Сони. Искренняя ли их дружба? Как Соня отреагировала на новость о получении наследства, на изменение имиджа подруги? Она завидовала или радовалась за Женю? Как это характеризует девушек и их дружбу?

2. В одной квартире живут совершенно чужие друг другу люди. Кто они, где работают? Почему они живут вместе? Какие у них отношения? Как вы относитесь к этой ситуации?

3. В семье Жени нет детей. Как Женя объясняет этот факт? Устраивает ли её такая ситуация? Аргументируйте свой ответ.

4. Премьера фильма «Московский романс» состоялась 6 сентября. Создатели фильма говорят, что это подарок Москве ко дню рождения. И как рассказал режиссёр, главный герой фильма – это в первую очередь Москва. Согласны ли вы с этим утверждением?

5. Озвучьте фрагмент фильма.

6. Расскажите, кто из героев вам понравился/не понравился и почему. Дайте оценку фильму. Что нового вы узнали, посмотрев этот фильм?

7. Расскажите продолжение истории («Что было потом...»).

8. Порассуждайте на тему: «Если бы я получил в наследство квартиру в центре столицы (миллион рублей, евро и т. д.), то я бы...».

Продолжение работы во внеучебное время (четвёртый этап)

1. Найдите и прослушайте саундтрек к фильму «Московский романс». Скажите, о чём эта песня? Можно ли передать её содержание одной фразой?

2. Прочитайте отзывы о фильме на сайте <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/134435/forum/#s4470485>. Выберите отзывы, с которыми согласны/не согласны. Аргументируйте свою точку зрения.

3. Прочитайте отзывы о фильме. Подчеркните слова, которые помогают авторам выражать собственное мнение. Выразите свое согласие/несогласие с точкой зрения зрителей.

4. Напишите отзыв на фильм.

5. Найдите сайт киноконцерна «Мосфильм» (<https://mosfilm.ru/>). Здесь, в разделе «Кинотеатр», вы можете посмотреть другие фильмы о Москве, познакомиться с российским и советским кино.

Список литературы

1. Муль И.Л., Литвиненко Ю.Ю., Виданов Е.Ю., Мурашкина А.В. Формирование лингвострановедческой компетенции посредством мультимедийных образовательных технологий (на материале обучающего ресурса «Ближе к России. Омск») // Современные технологии обучения русскому языку как иностранному: материалы Междунар. курсов повышения квалификации. Омск, 2017. С. 67-72.
2. Воробьёв В.В. О статусе лингвокультурологии // Материалы 9 Конгресса МАПРЯЛ. Доклады и сообщения российских учёных. Братислава, 1999. С. 113-119.
3. Тимошенкова Г.Ю., Садовская Е.Ю. Формирование лингвокультурологической компетенции инофона на занятиях по РКИ // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 11. С. 45-49.
4. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.

5. Арутюнян А.Ж., Саркисян И.Р. Страноведческий аспект начальной языковой подготовки студентов // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. Саратов: Изд-во «Наука», 2019. С. 153-158.
6. Николенко Е.Ю., Иванова О.Б. Система работы с художественным фильмом на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. 2013. № 4. С. 43-52.
7. Закарлюка В.А., Ваишутина О.Ю. Формирование навыков аудирования при обучении русскому языку как иностранному с использованием аудиовизуального материала // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: материалы 3 Междунар. науч.-метод. конф. Омск: Омский автобронетанковый инженерный ин-т, 2017. С. 237-244.
8. Кашипова Т.Б. Методические основы использования видеоматериалов при обучении РКИ // Научно-информационные материалы по итогам проведения мероприятий, посвящённых Дню празднования русского языка в странах дальнего зарубежья для российских соотечественников и иностранных граждан. Тула, 2015. С. 64-69.
9. Коноваленко И.В., Шкурко О.В. Работа с фильмом «Калашников» на уроках РКИ (предпросмотровая работа) // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. тр. 11 Междунар. науч.-практ. конф. Астрахань, 2020. С. 53-57.
10. Курлова И.В. Использование мультипликационных, учебных и художественных фильмов на уроке русского языка // Сборник научно-информационных материалов по итогам проведения мероприятий, посвящённых празднованию Дня русского языка в Болгарии, Сербии, Словении, Греции. М.: Ин-т рус. яз. и культуры МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. С. 110-114.
11. Мельник Ю.А. Работа с видеоматериалами на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере русской сказки) // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 209-213.
12. Саркисян И.Р. Коррекция фонетической интерференции учащихся-армян с помощью фонохрестоматий // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе: материалы 3 Междунар. науч.-метод. конф. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2014. С. 380-384.
13. Салахова А.Р. Лингводидактический потенциал советской анимации на уроках русского языка как иностранного // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 314-319.
14. Смелова Д.А., Уша Т.Ю. Мультипликационный фильм «Трое из Простоквашино»: метод. разработка к аудиовизуальному курсу: для студентов-иностранцев и преподавателей РКИ. СПб.: Сударья, 2005. 37 с.
15. Melnik Y.A., Kirova A.V. "The flying ship" cartoon for Russian as a foreign language class as a source of problem-based situations // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 2. С. 202-210.
16. Давайте верить в чудеса! / сост. Ю.Ю. Литвиненко. Омск: ЛИТЕРА, 2018. 70 с.
17. Кашипова Т.Б. Поговорим «Про любовь»: формирование лингвокультурной компетенции учащихся, изучающих русский язык как иностранный // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 106-111.
18. Федяева Е.В., Бесценная В.В. Использование видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере фрагментов сериала «Кадетство») // Инновационное образование и экономика. 2015. Т. 1. № 19 (19). С. 27-29.
19. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс. М.: Просвещение, 2008. 238 с.

References

1. Mul I.L., Litvinenko Y.Y., Vidanov E.Y., Murashkina A.V. Formirovaniye lingvostranovedcheskoy kompetentsii posredstvom mul'timediynykh obrazovatel'nykh tekhnologiy (na materiale obuchayushchego resursa «Blizhe k Rossii. Omsk») [Formation of linguistic and regional competence through multimedia educational technologies (based on the material of the training resource "Closer to Russia. Oms")]. *Materialy Mezhdunarodnykh kursov povysheniya kvalifikatsii «Sovremennyye tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu»* [Proceedings of International Advanced Training "Modern Technologies of Teaching Russian as a Foreign Language"]. Omsk, 2017, pp. 67-72. (In Russian).
2. Vorobyev V.V. O staturse lingvokul'turologii [On the status of cultural linguistics]. *Materialy 9 Kongressa MAPRYAL. Doklady i soobshcheniya rossiyskikh uchenykh* [Proceedings of the 9th Congress of MAPRYAL. Reports and Communications of Russian Scientists]. Bratislava, 1999, pp. 113-119. (In Russian).
3. Timoshenkova G.Y., Sadovskaya E.Y. Formirovaniye lingvokul'turologicheskoy kompetentsii inofona na zanyatiyakh po RKI [Development of lingvokul'tural inofons competence on Russian lessons]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and*

- Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2013, no. 11, pp. 45-49. (In Russian).
4. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages)]. Moscow, IKAR Publ., 2009, 448 p. (In Russian).
  5. Arutyunyan A.Z., Sarkisyan I.R. Stranovedcheskiy aspekt nachal'noy yazykovoy podgotovki studentov [The country-scientific aspect of the initial language training of students]. *Problemy rossiyskoy tsivilizatsii i metodiki prepodavaniya istorii* [Problems of Russian Civilization and Methods of Teaching History]. Saratov, Nauka Publ., 2019, pp. 153-158. (In Russian).
  6. Nikolenko E.Y., Ivanova O.B. Sistema raboty s khudozhestvennym fil'mom na urokakh RKI [Working with a feature film at Russian as a foreign language lessons]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 2013, no. 4, pp. 43-52. (In Russian).
  7. Zakarlyuka V.A., Vashutina O.Y. Formirovaniye navykov audirovaniya pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu s ispol'zovaniyem audiovizual'nogo materiala [Formation of listening skills in teaching Russian as a foreign language using audiovisual material]. *Materialy 3 Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskiye aspekty»* [Proceedings of the 3rd International Research and Methodological Conference “Problems of Modernization of Modern Higher Education: Linguistic Aspects”]. Omsk, Omsk Automobile Armored Engineering Institute Publ., 2017, pp. 237-244. (In Russian).
  8. Kashpireva T.B. Metodicheskiye osnovy ispol'zovaniya videomaterialov pri obuchenii RKI [Methodological bases of using video materials in teaching RFL]. *Nauchno-informatsionnyye materialy po itogam provedeniya meropriyatiy, posvyashchennykh Dnyu prazdnovaniya russkogo yazyka v stranakh dal'nego zarubezh'ya dlya rossiyskikh sootechestvennikov i inostrannykh grazhdan* [Initial Informational Proceedings on the Results of Events Dedicated to the Day of Celebration of the Russian Language in Non-CIS Countries for Russian Compatriots and Foreign Citizens]. Tula, 2015, pp. 64-69. (In Russian).
  9. Konovalenko I.V., Shkurko O.V. Rabota s fil'mom «Kalashnikov» na urokakh RKI (predprosmotrovaya rabota) [Working with the film “Kalashnikov” in the lessons of Russian as a foreign language (preview work)]. *Sbornik trudov 11 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Osnovnyye voprosy lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii»* [Collection of Works of the 11th International Research and Practical Conference “Basic Issues of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication”]. Astrakhan, 2020, pp. 53-57. (In Russian).
  10. Kurlova I.V. Ispol'zovaniye mul'tiplikatsionnykh, uchebnykh i khudozhestvennykh fil'mov na uroke russkogo yazyka [The use of cartoons, educational and feature films in the Russian language lesson]. *Sbornik nauchno-informatsionnykh materialov po itogam provedeniya meropriyatiy, posvyashchennykh prazdnovaniyu Dnya russkogo yazyka v Bolgarii, Serbii, Slovenii, Gretsii* [Collection of Scientific and Informational Materials on the Results of Events Dedicated to the Celebration of the Day of the Russian Language in Bulgaria, Serbia, Slovenia, Greece]. Moscow, M.V. Lomonosov Moscow State University Publ., 2013, pp. 110-114. (In Russian).
  11. Melnik Y.A. Rabota s videomaterialami na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere russkoy skazki) [Using videos in classes of Russian as a foreign language (based on a Russian fairy tale)]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2017, no. 4 (50), pp. 209-213. (In Russian).
  12. Sarkisyan I.R. Korrektsiya foneticheskoy interferentsii uchashchikhsya-armyan s pomoshch'yu fonokhrestomatii [Correction of phonetic interference of Armenian students using phono-chrestomatics]. *Materialy 3 Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v vuze»* [Proceedings of the 3rd International Scientific and Methodological Conference “Actual Problems of Teaching Russian as a Foreign Language at the University”]. Moscow, MGIMO University Publ., 2014, pp. 380-384. (In Russian).
  13. Salakhova A.R. Lingvodidakticheskiy potentsial sovetskoy animatsii na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo [The didactic capacity of soviet animated films in Russian language teaching]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2016, no. 1(43), pp. 314-319. (In Russian).
  14. Smelova D.A., Usha T.Y. *Mul'tiplikatsionnyy fil'm «Troye iz Prostokvashino»: metod. razrabotka k audiovizual'nomu kursu: dlya studentov-inostrantsev i prepodavateley RKI* [Animated Film “Three from Prostokvashino”: Methodological Development for the Audiovisual Course: for Foreign Students and Teachers of the Russian as a Foreign Language]. St. Petersburg, Sudarynya Publ., 2005, 37 p. (In Russian).
  15. Melnik Y.A., Kirova A.V. «The flying ship» cartoon for Russian as a foreign language class as a source of problem-based situations. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo univer-*

- siteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2020, no. 2, pp. 202-210.
16. Litvinenko Y.Y. (compiler). *Davayte verit' v chudesu!* [Let's Believe in Miracles!]. Omsk, LITERA Publ., 2018, 70 p. (In Russian).
  17. Kashpireva T.B. Pogovorim «Pro lyuboff»: formirovaniye lingvo-kul'turnoy kompetentsii uchashchikhsya, izuchayushchikh russkiy yazyk kak inostrannyi» [Let's talk "Pro Lyuboff" (About Love): the formation of linguocultural competence of Russian as a foreign language students]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*, 2017, no. 3, pp. 106-111. (In Russian).
  18. Fedyayeva E.V., Bestsennaya V.V. Ispol'zovaniye videomaterialov na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere fragmentov seriala «Kadetstvo») [Use of video in the classroom for Russian as a foreign language (on the example samples show "Kadetstvo")]. *Innovatsionnoye obrazovaniye i ekonomika* [Innovative Education and Economics], 2015, vol. 1, no. 19 (19), pp. 27-29. (In Russian).
  19. Solovova E.N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs* [Methods of Teaching Foreign Languages: Basic Course]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2008, 238 p. (In Russian).

Информация об авторах

Мельник Юлия Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель. Военный университет Министерства обороны, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: uliya0783@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, сбор данных, написание части текста.

Руссу Ксения Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент. Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация. E-mail: vaganova1988@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, сбор данных, написание части статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 02.12.2020 г.
Поступила после рецензирования 20.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the authors

Yuliya A. Melnik, Candidate of Philology, Senior Lecturer. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: uliya0783@mail.ru

Contribution: study conception, data acquisition, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0001-5263-1099

Kseniya R. Russu, Candidate of Philology, Associate Professor. Yugra State University, Khanty-Mansyisk, Russian Federation. E-mail: vaganova1988@mail.ru

Contribution: literature search and analysis, data acquisition, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-8127-733X

There is no conflict of interests.

Received 2 December 2020
Reviewed 20 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-121-126
УДК 81.242+81.243+81.271.2+378

Реализация социокультурной компетенции «обучающихся» в речи на родном и иностранном языке

Наталья Николаевна ЦУРЦИЛИНА ✉
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
✉ tsounamity@mail.ru

Аннотация. Общеизвестно, что любой текст отражает с помощью языка достижения культуры как продукта социальной активности людей, то есть знаковая система языка даёт возможность передать содержание культуры. В связи с этим констатируется, что при сопоставлении разных языков в процессе работы с соответствующими текстами реципиенты текстовой информации усваивают специфику тех или иных культур и своеобразие тех языков, сквозь призму которых передаётся характер и содержание этих культур. Отмечено, что полноценный межкультурный диалог в значительной степени зависит от усвоения обучающимися культурного кода, присущего лингвосоциуму страны изучаемого иностранного языка. Приведены определения постоянно дополняющегося и остающегося открытым понятия «культура», сформулированные зарубежными и отечественными культурологами. Констатируется положение о том, что более широкое понимание культуры нельзя трактовать без тесной связи с бытом конкретного народа, без учёта отличий представителей разных народов. Даны конкретные примеры того, как отражаемая в текстах через образы действительность не только позволяет лучше понять и осмыслить её, но и оказывает влияние на различные характеристики личности, получающей эту информацию. Подтверждено положение о том, что изучение иностранных языков оказывает влияние на формирование духовного мира личности, обогащает её знанием иноязычной культуры, представляет собой непреходящую ценность. Сделан вывод о том, что текст как продукт устной и письменной речи характеризует индивидуальную культуру личности, формирующуюся, в частности, в процессе обучения.

Ключевые слова: язык; речь; иноязычная культура; текст; обучающиеся

Для цитирования: Цурцилина Н.Н. Реализация социокультурной компетенции «обучающихся» в речи на родном и иностранном языке // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 121-126. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-121-126

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Implementation of the sociocultural competence of “students” in speech in their native and foreign languages

Natalia N. TSURTSILINA ✉
Smolensk State University
4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russian Federation
✉ tsounamity@mail.ru

Abstract. It is well known, that by using language any text reflects the achievements of culture as a product of people’s social activity, that is, the sign system of the language makes it possible to convey the content of culture. Thus, we establish that when comparing different languages in the

working process with the corresponding texts, the recipients of textual information acquire the specificity of certain cultures and the singularity of those languages through the prism of which the nature and content of these cultures is transmitted. We note that a full-fledged intercultural dialogue largely depends on students' assimilation of the cultural code inherent in the linguistic society of the target-language country. We provide definitions of the constantly supplemented and still open concept of "culture", formulated by foreign and domestic cultural experts. We state the position that a broader understanding of culture cannot be interpreted without close connection with the particular people's life, without taking into account the differences between representatives of different peoples. We give concrete examples of how the reality reflected in texts through images not only allows us to better understand and comprehend it, but also affects various characteristics of the person receiving this information. We confirm the position that the study of foreign languages has an impact on the development of the personality mental world, enriches it with knowledge of a foreign language culture, and is of lasting value. We conclude that the text as a product of oral and written speech characterizes the individual culture of the personality, which is developed, in particular, in the learning process.

Keywords: language; speech; foreign language culture; text; students

For citation: Tsurtsilina N.N. Realizatsiya sotsiokul'turnoy kompetentsii «obuchayushchikhsya» v rechi na rodnom i inostrannom yazyke [Implementation of the sociocultural competence of "students" in speech in their native and foreign languages]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 121-126. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-121-126 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Овладение иностранным языком в достаточной степени для участия в полноценном межкультурном диалоге, носит ли оно спонтанный характер (осуществляется под руководством носителя изучаемого языка, что делает возможным его естественное использование не только на уроке, но и во внеурочное время) или под руководством учителя, не являющегося носителем языка, что наиболее типично для российских условий, не в последнюю очередь обуславливается степенью усвоения обучающимися культурного кода, присущего народу, лингвосоциуму стран(ы) изучаемого иностранного языка [1].

Понятие «культура», постоянно дополняющееся и остающееся открытым, включает в себя не только знания, верования, искусство, но и научаемое поведение (Э.Б. Тайлор), набор определённых реакций, закреплённых в качестве нормы и укоренившихся в форме традиции, а также специфические проявления цивилизации, функционирующие в жизни того или иного народа (Э. Сэпир). В последнее время совершенно справедливо более широкое понимание культуры трактуется в тесной связи с бытом конкретного народа, что подразумевает учёт отличий представителя одного народа от другого для того,

чтобы знать и понимать, чтобы вести себя приемлемо в общении с членами данного общества (Д. Хаймс, Г.Л. Ильин, И.Б. Воровцова) (см.: [2, с. 9]). Культуры действительно взаимодействуют и оказывают влияние на тех, кто с ними знакомится, их проявление в повседневной жизни и в речи копируется, тиражируется, осуждается, отвергается, оформляется в «норму». Но процесс этот небыстрый, освоение культуры, в частности бытовой, происходит не сразу. Приятно, когда какой бы плотной не была толпа людей при входе (выходе) где бы то ни было, соблюдается личное пространство, и никто никого не задевает. И как сложно бывает соблюдать социальную дистанцию, когда идущий следом (стоящий рядом) человек, пусть даже в маске, дышит тебе в затылок. Входя в аудиторию с опозданием, некоторые китайские студенты, извиняясь, низко кланяются по восточной традиции. В знак уважения к старшему по статусу китайские студенты «вручают» преподавателю на проверку листы с выполненными контрольными или домашними работами, держа их обеими руками так, чтобы текст был «лицом» к тому, кому он передаётся. Так же поступают и взрослые китайцы, вручая, например, свою визитную

карточку или сувенир коллеге. Эта традиция получила интернациональное распространение в сфере гостиничного бизнеса: карту гостя на ресепшн в фешенебельных сетевых отелях в разных странах мира кледор вручит посетителю, держа её двумя руками и показывая лицом к гостю. На лацканах пиджака кледора блестят (два слева и два справа) скрещенные золотые ключи как знак отличия. *Clé d'or* (от французского «золотой ключ») – ассоциация, объединяющая шефов консьержей (службы, способной выполнить любую просьбу посетителя отеля: заказ столика в ресторане, поиск *baby-sitter*, резервирование авиабилета и пр.). В различных конкретных ситуациях международного общения часто используются интернационализмы, фоновая и безэквивалентная лексика, что упрощает «диалог культур» в том числе и в случае недостаточного владения иностранным языком коммуникантами (отель, бизнес, ресепшн, консьерж, шеф, ол инклюзив, буйя-бес, кэш, месседж и другие слова прочно вошли в речевой репертуар).

Особенности взаимодействия культур, условия для полноценного диалога носителей культур не в последнюю очередь обуславливаются степенью овладения иным персонализированным или общекультурным инофонным кодом, принятия его как проявления идентичности или различия или непринятия и отторжения его в силу различных (идеологических, религиозных и др.) причин. Уважения заслуживает обычай представитель некоторых народов периодически надевать традиционную национальную одежду не только для выступления на сцене в концерте как в своей стране, так и за рубежом, но просто «для удовольствия», «потому что нравится», «по сложившейся традиции» иногда в течение одного–двух дней появляться в ней на занятиях в университете, на прогулке в городе. Так красиво могут проявить «самоидентификацию», например, китайские студентки, приходя на урок в платьях *ципао*, японский преподаватель в кимоно и в (на) деревянных сандалиях *гэта*, студенты из африканских стран в ярких цветных туниках и в оригинальных головных уборах.

Концепт «индивидуальная культура» также, как и общая культура, наряду с культурой интеллектуальной деятельности, культурой

отношения (критическое отношение к действительности), культурой саморегуляции (эмоциональность), включает такие составляющие, как культура общения (коммуникативная компетенция), культура поведения (социокультурная компетенция), культура предметной деятельности (креативность и художественный вкус) [3].

Отношения между внутренним миром обучающегося и внешним миром опосредуются с помощью языка. Например, большинство из тридцати двадцатилетних студентов филологического факультета, изучающих два европейских языка как специальность, правильно определили, к какому типу («Я-Я» или «Я-Он/Другой») относятся предложенные преподавателем следующие речевые примеры формального общения и даже довольно приемлемо аргументировали своё решение:

№ 1. Текст SMS от имени преподавателя:

Добрый вечер, Татьяна!

Нам необходимо встретиться, чтобы обсудить план Вашей курсовой работы. Вы могли бы прийти на кафедру завтра (во вторник) после третьей пары?

Валентина Петровна

№ 2. Текст SMS от лица студентки («от имени») нельзя сказать – послание не подписано; текст приводится полностью, орфография автора сохранена):

здравствуйте! могу

Наиболее сензитивные личности, обладающие в достаточной степени сформированной индивидуальной культурой, поняли и осмыслили текстовую информацию и отражённую в ней через образы действительность в имплицитной форме и далее в дистантном письменном общении с преподавателем начали (или продолжили) оформлять электронные письма и даже короткие устные и письменные сообщения в мессенджерах в соответствии с общепринятыми нормами. В данном случае текст SMS № 1, являясь продуктом социальной активности преподавателя, активизирует действие механизмов внимания и памяти обучающегося, оказывает влияние

на развитие когнитивной сферы познающей личности (J. Peytard) [4, p. 60].

К сожалению, многие студенты не заметили «тонкого намёка» на существующую проблему современного стиля общения в парадигме «преподаватель → студент; студент → преподаватель», и преподаватель ещё долго получал письма, начинающиеся обезличенным «здравствуйте» в лучшем случае, в худшем, например, такое письменное сообщение – ответ на запрос застрявшего где-то на просторах дистанта домашнего задания (текст приводится полностью, орфография и пунктуация автора сохранены):

скину когда смогу

В общении современных студентов, даже получающих филологическое образование, теоретические знания о функциональных стилях речи не всегда реализуются адекватно ситуации. Преподаватель счёл уместным эксплицитно проинструктировать студентов, уходящих на педагогическую практику в школу:

<...> Вы уже знаете имена и отчества учителей, с которыми вам предстоит работать и, следовательно, будете обращаться к ним по имени-отчеству, даже в переписке по электронной почте или в мессенджерах. Так принято у воспитанных людей <...>.

Культура общения, культура поведения, реализующаяся в коммуникативной и социокультурной компетенции личности, осуществляется посредством языковых/текстовых контактов коммуникантов, то есть на основе обучения. Культурный обмен представляет собой форму отношений, внутри которых две категории индивидов, принадлежащих как к одной культуре, так и к разным, обмениваются знаниями или способами восприятия (M. Bahandall) [5].

Креативность и художественный вкус, формируясь в процессе развития личности, проявляются в культуре предметной деятельности и базируются, в том числе, и на национальной культуре.

В зависимости от вида коммуникации (устная, письменная, контактная, дистантная), конкретной ситуации, жанра (художественный,

научный, публицистический) смысловое наполнение текста как наиболее динамичной единицы языка, реализующей основную цель коммуникации, а именно передачу и восприятие некоторого сообщения, основывается на определенной степени свободы, зависящей в том числе от внеязыковых факторов, присущих самой коммуникации, таких, например, как понимаемость, убедительность, эффективность и др. [6, с. 110, 115]. Так выглядят, например, актуальные в ситуации пандемии коронавируса однофразовые тексты: «Вход строго в масках» (предупреждение на «растяжке» над входом в центральный супермаркет); категоричный приказ «Без масок не входить!» (на входной двери университетского подразделения) на русском языке и на объявлении при входе во французское кафе: констатация факта «Le port du masque [est] obligatoire» («Ношение маски обязательно»).

Приведём выдержки из мотивационного письма/текста выступления на собеседовании китайской студентки, поступающей в магистратуру в своей стране:

<<...> В школе я изучала английский язык. Мои друзья спрашивали, почему я решила изучать именно русский язык. Я подумала и ответила им: русский язык красивый, овладение им позволяет познакомиться с богатой русской культурой. Изучение его очень перспективно и в профессиональном плане. Взаимовыгодные отношения между Китаем и Россией в различных областях народного хозяйства крепнут и постоянно развиваются. Для выполнения задач, обозначенных в Программе «Один пояс – один путь», Родине требуются высококвалифицированные специалисты, свободно владеющие русским языком.

В мой родной город часто и в большом количестве приезжают русские туристы. Провинция Хэнань является одним из важнейших политических, экономических и культурных центров Китая вот уже в течение нескольких тысячелетий. Она стремительно развивалась вместе с нашим государством и с течением времени стала выполнять функции важного транспортного узла Китая. Она также имеет большое значение для исследования китайской истории, потому что именно в Хэнане в далёком прошлом находились столицы двадцати китайских империй.

Хэнань считается колыбелью китайской культуры. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические памятники и достопримечательности.

тельности (например, пещеры Лунмэнь, храм Шаолин и многое другое).

В свободное время я люблю читать книги на родном и иностранных языках. Мой университетский профессор мне сказал, что человек, любящий и умеющий читать, – это счастливый человек. Я прочитала многие произведения Александра Сергеевича Пушкина и Льва Николаевича Толстого.

Ещё я очень люблю путешествовать. Во время учёбы в России <...> я побывала в Москве, Санкт-Петербурге и Сочи. Знакомство с этими русскими городами помогло мне расширить кругозор, узнать больше новых русских друзей и получить ценные знания о России.

<...> университет является признанным центром науки и культуры и славится своими традициями. Известно, что факультет русского языка в нашем университете хорошо и быстро развивается. В университете ведётся большая исследовательская работа. Научная деятельность меня всегда привлекала, это то, что составляет сферу моих интересов, это то, чем я хотела бы заниматься. Если бы я имела возможность учиться в магистратуре <...> университета, я бы приложила все силы, чтобы повысить свой уровень владения русским языком и чтобы внести достойный вклад в развитие университета. <...>»

Текст моделируется отправителем по образцам, задаваемым языковым кодом, а поливариативность интерпретации его смыслового наполнения обусловлена индивидуальностью восприятия получателя материальной формы текста.

Аналогом короткой записи даты в русской и европейской традиции (14.10.2020) является её зеркальное отображение в китайской при общепринятом летоисчислении (2020.10.14). В русском языке в датах используются порядковые числительные (второе сентября), во французском языке, кроме обозначения первого числа месяца, количественные (*le deux septembre*). В русском языке нет наращений после римских цифр (в XXI веке), во французском языке наращение есть (*au XXI-ème siècle*).

Имитация и изобретательность являются двумя видами человеческой деятельности (М. Вахандалл) [6]. «Технические» характеристики речи, проявляющиеся в языковой/художественной/национальной/социальной традиции, позволяют распознавать в ней заимствования и нарушения на уровне слов, звуков, жестов. Речевые ошибки удивляют, забавляют, раздражают. Надоевшее «то,

что» («Я хочу сказать *то, что...*»); «двух/в двух тысячи двадцатый/ом» как неумение склонять сложные числительные. Как бы в противовес неудобоваримому «*касаемо*», оправдывающему признание неспособности правильно образовать причастие, в методической терминологии появилось (и утвердилось!) столь же непривычное, режущее слух субстантивированное причастие «обучающиеся», которое стало употребляться к месту и не к месту в любом контексте, связанном с образованием, обучением, вместо: «*учащиеся* (школ, колледжей)», «*ученики* (старших классов)», «*школьники*» и т. д.

Словосочетание *avoir lieu* дословно переводится с французского как «иметь место, состояться»: «Это событие [действительно] имело место» (то есть состоялось, и русский глагол «быть» здесь абсолютно ни при чём). «По *приезду/по прибытию*» вместо правильных форм: «по *приезде/по прибытии*»; неправильное «согласно *приказа*» вместо «согласно *приказу*» в официальных документах; «сто целых и пять десятых *процентов*» (правильно: «пять десятых *процента*»). Ошибки копируются, тиражируются, «уходят в народ»:

«Оперный солист завоевал это право, победив в закрытом конкурсе на лучшее подражание Бергамоту. Конкурсанты ознакомились с его исполнительской манерой и освоили её характерные особенности. Бергамот шепелявил – и они шепелявили, он пел *фатит* (песня *Хватит слёз*) – и они пели *фатит*. В какой-то момент у поющих возникли вопросы к слову *асвальт*. Консультант по сценической речи, взвесив все за и против, пришёл к выводу, что в данном контексте (песня *Закатан в асфальт*) такое произношение является единственно возможным. Почему претензии возникли именно к этому слову, так и осталось загадкой: <...>» [7, с. 319].

Любой текст не только вносит существенный вклад в формирование тезауруса, понимаемого в широком смысле как способ организации знаний личности о мире, отражения вербального и экстравербального компонента картины мира, но и соотносится с интеллектуальной и эмоциональной составляющей его личности [8]. Текст, продуцируемый обучающимися, характеризует их индивидуальную культуру, сформированную как на основе жизненного опыта, так и обучения.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти-Глосса, 2000. 165 с.
2. Ворожцова И.Б. Культурологическая основа личностно-позиционно-деятельностной модели обучения. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2001. 48 с.
3. Ворожцова И.Б. Личностно-позиционно-деятельностная модель обучения иностранному языку (на материале обучения французскому языку в средней школе): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М.: МГУ, 2002. 47 с.
4. Mallarmé S. Crise de vers: Variations sur un sujet // Jean G. L'écriture, mémoire des hommes. Paris: Gallimard, 1987. 224 p.
5. Цурцилина Н.Н. Творческие письменные упражнения в обучении грамматике французского языка (на среднем этапе общеобразовательной школы) // Вопросы обучения иностранным языкам в вузе и школе. Вып. 3. Смоленск: Смоленский педуниверситет, 1998. С. 65-68.
6. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). М.: Высш. шк., 1989. 134 с.
7. Водолазкин Е. Брисбен. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.
8. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М.: Высш. шк., 1989. 237 с.

References

1. Galskova N.D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Modern Methodology of Foreign Languages Teaching]. Moscow, Arkti-Glossa Publ., 2000, 165 p. (In Russian).
2. Vorozhtsova I.B. *Kul'turologicheskaya osnova lichnostno-pozitsionno-deyatelnostnoy modeli obucheniya* [Cultural Basis of the Personal-Positional-Activity Model of Learning]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2001, 48 p. (In Russian).
3. Vorozhtsova I.B. *Lichnostno-pozitsionno-deyatelnostnaya model' obucheniya inostrannomu yazyku (na materiale obucheniya frantsuzskomu yazyku v sredney shkole): avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Personal-Positional-Activity Model of Teaching a Foreign Language (Based on Teaching French in Secondary School). Dr. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, Moscow State University Publ., 2002, 47 p. (In Russian).
4. Mallarmé S. Crise de vers: Variations sur un sujet. Jean G. *L'écriture, mémoire des hommes*. Paris, Gallimard Publ., 1987, 224 p. (In French).
5. Tsurtsilina N.N. *Tvorcheskiye pis'mennyye upravneniya v obuchenii grammatike frantsuzskogo yazyka (na srednem etape obshcheobrazovatel'noy shkoly)* [Creative writing exercises in teaching French grammar (middle school)]. *Voprosy obucheniya inostrannym yazykam v vuze i shkole. Vyp. 3* [Questions of Teaching Foreign Languages in Higher Education and School. Issue 3]. Smolensk, Smolensk Pedagogical University Publ., 1998, pp. 65-68. (In Russian).
6. Vinarskaya E.N. *Vyrazitel'nyye sredstva teksta (na materiale russkoy poezii)* [Expressive Means of the Text (based on the Material of Russian Poetry)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 134 p. (In Russian).
7. Vodolazkin E. *Brisben* [Brisbane]. Moscow, AST Publ.: Elena Shubina Editorial, 2019. (In Russian).
8. Khaleyeva I.I. *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi (podgotovka perevodchikov)* [Fundamentals of the Theory of Teaching Understanding of a Foreign Language (Training of Translators)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 237 p. (In Russian).

Информация об авторе

Цурцилина Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры французского языка. Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация. E-mail: tsounamity@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, подбор первичного материала, работа с литературными источниками, написание и редактирование статьи.

Поступила в редакцию 03.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 27.10.2020 г.
Принята к публикации 27.11.2020 г.

Information about the author

Natalia N. Tsurtsilina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of French Language Department. Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation. E-mail: tsounamity@mail.ru

Contribution: main study conception, source material acquisition, work with literature references, manuscript drafting and editing.

ORCID: 0000-0001-6946-427

Received 3 October 2020
Reviewed 27 October 2020
Accepted for press 27 November 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-127-136

УДК 81.243+372.881.1+316.454.5+378

Развитие умений иноязычного межкультурного взаимодействия студентов в целях обучения иностранному языку в языковом вузе

Роман Александрович ДАНИЛИН ✉

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

✉ danilin_roman@mail.ru

Аннотация. Развитие умений иноязычного межкультурного взаимодействия выступает одной из основных целей обучения иностранному языку студентов направления подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Английский язык»). Вместе с тем содержание обучения иноязычному межкультурному взаимодействию представляет предмет обсуждения в научной литературе. Представлена история вопроса формулировки целей обучения иностранному языку, рассмотрено несколько моделей иноязычной коммуникативной компетенции и межкультурной компетенции. Обобщён перечень межкультурных умений, развитие которых сможет подготовить студентов к межкультурному взаимодействию в различных ситуациях, характеризующихся как «диалог культур», так и «не-диалог культур». К таким умениям относятся: а) выступление в качестве инициатора межкультурного взаимодействия; б) поддержка межкультурного диалога в духе мира для достижения целей коммуникации; в) развитие умения критического мышления в отношении интерпретации фактов, сведений, реалий с позиции этнорелятивизма; г) выступление посредником или медиатором между представителями разных культур, с нивелировкой межкультурных противоречий, уважением представителей контактирующих культур; д) выход из ситуации межкультурного конфликта; е) подавление межкультурных конфликтов; ж) нахождение согласия в межкультурных конфликтах.

Ключевые слова: межкультурная компетенция; межкультурное взаимодействие; межкультурные умения; цели обучения иностранному языку

Для цитирования: Данилин Р.А. Развитие умений иноязычного межкультурного взаимодействия студентов в целях обучения иностранному языку в языковом вузе // Нефилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 127-136. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-127-136

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Development of foreign language intercultural interaction skills of students for the purpose of foreign language teaching at a linguistic university

Roman A. DANILIN ✉

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov Region, Russian Federation

✉ danilin_roman@mail.ru

Abstract. Development of foreign language intercultural interaction skills is one of the main goals of foreign language teaching to students of the “Pedagogical Education” (profile “English Language”) programme. At the same time, the content of teaching foreign language intercultural inte-

raction is the subject of discussion in the scientific literature. In this study we present the history of the problem of formulating the goals of foreign language teaching, consider several models of foreign language communicative competence and intercultural competence. As a result, a list of intercultural skills is generalized, the development of which will be able to prepare students for intercultural interaction in various situations characterized by both “dialogue of cultures” and “non-dialogue of cultures”. These skills include: a) acting as an initiator of intercultural interaction; b) support for intercultural dialogue in the spirit of peace to achieve communication goals; c) the development of critical thinking skills in relation to the interpretation of facts, information, realities from the standpoint of ethnorelativism; d) acting as a intermediary or mediator between representatives of different cultures, with the leveling of intercultural contradictions, respect for representatives of contacting cultures; e) a way out of the situation of intercultural conflict; f) suppression of intercultural conflicts; g) finding agreement in intercultural conflicts.

Keywords: intercultural competence; intercultural interaction; intercultural skills; goals of foreign language teaching

For citation: Danilin R.A. Razvitiye umeniy inoyazychnogo mezhkul'turnogo vzaimodeystviya studentov v tselyakh obucheniya inostrannomu yazyku v yazykovom vuze [Development of foreign language intercultural interaction skills of students for the purpose of foreign language teaching at a linguistic university]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 127-136. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-127-136 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Согласно ФГОС ВО по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Английский язык»), основной целью обучения иностранному языку студентов данного направления подготовки (далее студенты-англисты) является формирование иноязычной коммуникативной компетенции (foreign language communicative competence), а также их развитие и воспитание. Иноязычная коммуникативная компетенция выступала предметом исследования во многих работах отечественных и зарубежных лингвистов и методистов. Термин был впервые предложен американским социолингвистом Д. Хаймсом, в труде «О коммуникативной компетенции» [1], в котором автор принял участие в научной дискуссии с другим известным американским философом и лингвистом Н. Хомским. В соответствии с мнением Н. Хомского носитель языка, или «идеальный говорящий и слушатель» (ideal speaker-listener) с рождения обладает языком [2]. Это владение является врождённым и передаётся ему от родителей. Отсюда учение Н. Хомского получило название «теория генеративной грамматики» (грамматика, которой владеет человек с рождения). Д. Хаймс же, являясь приверженцем антропоцентрической теории, вступил в полемику с Н. Хомским относительно генеративной природы языка. Он счи-

тал, что определяющую роль при овладении языком играет социокультурное окружение ребёнка. Без этого окружения и социального взаимодействия невозможно полноценно овладеть языком.

Научный диалог между Н. Хомским и Д. Хаймсом привлёк внимание лингвистов и методистов всего мира. Как результат, учёными были разработаны модели «иноязычной коммуникативной компетенции» и «иноязычной межкультурной компетенции».

Самая первая модель иноязычной коммуникативной компетенции была предложена М. Каналем и М. Свейн [3]. В состав нового для того времени конструкта на основе обобщения многих теоретических и эмпирических работ канадские учёные включили такие компоненты, как: а) грамматический, б) социолингвистический и в) компенсаторный. В то время понятийное содержание некоторых методических терминов некоторым образом отличалось от современного. В частности, в грамматический компонент М. Каналь и М. Свейн вкладывали владение студентами грамматическим строем языка, лексикой и правилами произношения звуков. В социолингвистический компонент включали как владение культурой страны изучаемого языка, так и изменения речевого регистра в той или иной социальной ситуации. Ком-

пенсаторный компонент означал использование студентами вербальных речевых и невербальных средств восполнения информационных или языковых пробелов, которые возникают у говорящего в момент общения. Безусловно, с позиции современной методики обучения иностранным языкам то, что М. Каналь и М. Свейн называли «грамматическим компонентом», более корректно называть «лингвистический компонент». Понятийное содержание социолингвистического компонента также явно перегружено. Владение культурой страны изучаемого языка, скорее, должно быть выделено в отдельный компонент – «культурный», или «социокультурный». Социолингвистический же должен ограничиваться изменениями речевого регистра в зависимости от контекста. Вместе с тем, несмотря на некоторые дискуссионные вопросы, модель иноязычной коммуникативной компетенции, предложенная М. Каналем и М. Свейн, мгновенно получила мировую известность и стала «отправной точкой» в развитии коммуникативной методики обучения иностранным языкам.

Чуть позже, в 1983 г., М. Каналь пересмотрел модель и выделил четвёртый, чрезвычайно важный для коммуникации компонент – дискурсивный, включающий виды речевой деятельности (говорение, письмо, чтение, аудирование) [4]. Без него невозможно представить теоретический конструкт иноязычной коммуникативной компетенции полным и целостным.

Модель М. Канала и М. Свейн легла в основу многих исследований по коммуникативному методу обучения иностранному языку. Например, С. Савиньен в своей работе обобщила исследование учёных, представила графически модель М. Канала и М. Свейн в виде перевёрнутой пирамиды с отдельными слоями, символизирующими компоненты иноязычной коммуникативной компетенции, учёный показала, что коммуникативная компетенция никогда не начинается с нуля [5; 6]. К тому моменту, когда учащиеся или студенты начинают изучать иностранный язык, у них имеются какие-то знания, стереотипы, представления о стране изучаемого языка, её культуре, народе и т. п. Подобные мысли можно встретить и в ряде других работ, посвящённых обучению культуре страны изу-

чаемого языка [7–11]. По мере обучения данные знания, равно как и языковые навыки и речевые умения, увеличиваются и продолжают формироваться и развиваться. С. Савиньен пришла к выводу о том, что коммуникативная компетенция является уровневой категорией.

В Европе В. Эком в 1986 г. был осуществлён проект по разработке единой для всех государств Евросоюза методологии обучения иностранным языкам, результатом которого послужила модель иноязычной коммуникативной компетенции [12]. За основу новой европейской модели была взята модель М. Канала и М. Свейн. Учёный лишь уточнил и расширил понятийное содержание некоторых компонентов. Модель В. Эка включает шесть компонентов: а) лингвистический; б) дискурсивный; в) социальный; г) социокультурный; д) социолингвистический; е) компенсаторный [12]. В. Эк добавил социальный компонент, утверждая, что каждый обучающийся в момент общения играет определённую социальную роль. Развитие социальной компетенции в условиях формирования иноязычной коммуникативной компетенции означает обучение студентов к ответственности между их социальным статусом и речью. Иными словами, социальная компетенция, равно как и социокультурная компетенция, выступают основой для развития социолингвистической компетенции студентов.

В России широкую известность получила модель иноязычной коммуникативной компетенции, предложенная академиком РАО И.Л. Бим [13]. В основе модели учёный использовала ключевые компоненты моделей М. Канала, М. Свейн и В. Эка: а) лингвистический; б) речевой; в) социокультурный; г) компенсаторный. Таким образом, социолингвистический компонент модели В. Эка был включён в речевой компонент, а социальный – в социокультурный. Кроме этого, И.Л. Бим впервые предложила включить в модель иноязычной коммуникативной компетенции учебно-познавательный компонент. Традиционно учебно-познавательная компетенция считается универсальной компетенцией. Она означает способность учащихся и студентов учиться, заниматься образованием и самообразованием на протяжении всей жизни (life long learning). Это значит,

что её формирование осуществляется на междисциплинарной основе при овладении учащимися и студентами любых дисциплин. Вместе с тем включение учебно-познавательной компетенции в состав иноязычной коммуникативной компетенции означало привлечение внимания научной общественности к ещё одному немаловажному моменту. Изучение любой дисциплины и овладение ею имеет свою специфику, обусловленную спецификой самой дисциплины. В этой связи включение этого универсального компонента в состав иноязычной коммуникативной компетенции акцентирует необходимость обучения студентов специфическим для дисциплины «Иностранный язык» средствам формирования языковых навыков речи и развития речевых умений. В качестве примера можно привести лингвистический корпус – электронный корпус текстов, который может быть использован при обучении учащихся и студентов новой лексики или отработке грамматических структур.

Постепенно изучение культуроведческих аспектов обучения иностранным языкам привело к появлению нового понятия «межкультурное взаимодействие». В научной литературе по методике обучения иностранным языкам существует несколько определений данного понятия. Приведём некоторые из них. «Межкультурное взаимодействие» трактуется как:

– «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих разным национальным культурам» [14, с. 26];

– «функционально-обусловленное коммуникативное взаимодействие людей, которые выступают носителями разных культурных сообществ в силу осознания ими или другими людьми принадлежности к разным геополитическим, континентальным, региональным, религиозным, национальным и этническим сообществам, а также социальным субкультурам» [9, с. 132];

– «совокупность профессионально-предметных, социокультурных и культурно-прагматических знаний и стратегий» [15, с. 6];

– «совокупность знаний, навыков и умений, общая для всех коммуникантов, необходимых для достижения взаимопонимания» [16, с. 6];

– «умения понимать взгляды и мнения представителей другой культуры, корректировать своё поведение, преодолевать конфликты в процессе коммуникации, признавать право на существование различных ценностей, норм поведения» [17, с. 4].

Анализ данных определений показывает, что с развитием методики преподавания ИЯ как науки понимание учёными содержания термина «межкультурное взаимодействие» изменялось и «оттачивалось». В частности, если в 1980-е и 1990-е гг. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, впервые привлекая внимание отечественных учёных к проблеме межкультурного общения, говорили об «адекватности» и не раскрывали, что значит быть «адекватным» участником межкультурного контакта, то последующие работы уже были посвящены конкретным умениям и стратегиям межкультурного взаимодействия. Некоторые определения содержат общие формулировки, которые требуют уточнений и детализации для применения в методике обучения иностранным языкам [15; 16].

В.В. Сафонова справедливо, на наш взгляд, утверждает, что для полноценного межкультурного контакта человек должен осознавать свою культурную (субкультурную) принадлежность [9]. Только в этом случае он сможет выступать представителем и своей родной страны и культуры, а также посредником между культурами.

Среди отечественных методистов В.В. Сафонова была первой, кто обратил внимание на одновременную многогрупповую принадлежность индивида к разным культурным и субкультурным группам [9]. Позднее эта идея получила продолжение в многочисленных работах П.В. Сысоева, посвящённых языковому поликультурному образованию [11; 18]. Также заслуживает внимания мысль И.Л. Плужник о необходимости обучать студентов «преодолевать конфликты в процессе коммуникации» [17]. Позднее это положение будет продолжено в работах П.В. Сысоева и А.А. Дудина [19–21].

В целом же учёные пришли к общему мнению относительно того, что из себя представляет межкультурное взаимодействие – это общение людей, принадлежащих к разным культурам (субкультурам) и осознающих при этом свою поликультурную иден-

тичность. Потребность в продуктивном межкультурном взаимодействии способствовала появлению и развитию еще одного понятия, которым выступает «межкультурная компетенция». В научной литературе также можно встретить множество определений этого термина. Мы придерживаемся двух определений, данных М. Байрамом и П.В. Сыроевым. Для М. Байрама «межкультурная компетенция» – это «способность общаться с «другими», принимать мнения и восприятие мира другими, выступать посредником между разными мнениями, внимательно относиться к оценке различий» [22, р. 6]. П.В. Сыроев предлагает следующее определение термина: «межкультурная компетенция» – это «способность личности эффективно взаимодействовать с представителями разных стран, культур и языковых сообществ <...> является универсальной (компетенцией) и свидетельствует о способности личности взаимодействовать с представителями разных стран и культур независимо от того, какие это страны, какие культуры, и на каком/каких языках происходит общение» [20, с. 267-268]. Таким образом, учёные утверждают, что межкультурная компетенция тесно взаимосвязана с изучаемым иностранным языком, социокультурный материал является основой для развития данного вида компетенции [2], однако это отдельный и самостоятельный вид компетенции, который для методических целей не должен интегрироваться в рассмотренный ранее конструкт иноязычной коммуникативной компетенции.

Многие методисты обращались к вопросу определения содержания обучения межкультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку. Рассмотрим наиболее известные работы и выразим нашу позицию по данному вопросу. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает П.В. Сыроев, в ряде исследований вплоть до 2000-х гг. учёные не проводили чёткую грань между социокультурной и межкультурной компетенциями [19; 20]. При этом следует учитывать, что социокультурный компонент входит в иноязычную коммуникативную компетенцию. Он не может быть не привязан к изучаемому языку и культуре. Межкультурная же компетенция выступает универсальной компетенцией, показывающей «способность личности взаимо-

действовать с представителями разных стран и культур независимо от используемого языка» [20]. Безусловно, формировать межкультурную компетенцию возможно исключительно на конкретном материале социокультурного содержания. Однако, если изучить многие методические работы, посвящённые обучению культуре страны изучаемого языка, то нередко межкультурные умения были представлены в одном ряду с социокультурными, и наоборот. Лишь в работах первой половины 2000-х гг. с развитием методики обучения иностранным языкам учёные начали более скрупулезно относиться к компонентному составу межкультурной компетенции. Рассмотрим более подробно, как представлено содержание обучения межкультурной компетенции в работах зарубежных и отечественных исследователей.

Одним из первых, кто предложил свой компонентный состав межкультурной компетенции, была К. Кнапп [23]. Содержание обучения межкультурной компетенции включало три компонента:

- «знания моделей и коммуникативных действий, их интерпретация как в рамках родной, так и в рамках изучаемой культуры;
- общие знания об отношениях между культурой и коммуникацией, включая зависимость образа мыслей и поведения от специфических для данной культуры особенностей мышления, а также различий между культурами, которые определяются этими особенностями;
- набор стратегий для стабилизации взаимодействия, то есть для решения возникающих в процессе коммуникации трений и проблем» [23].

Как мы видим, компонент «знания» представляет как универсальную информацию из теории коммуникации о взаимоотношениях между коммуникантами, так и информацию о культуре страны изучаемого языка. Как уже говорилось выше, данная информация относится к конструкту социокультурной, а не межкультурной компетенции. Однако заслуживает интереса последний пункт о необходимости развития умений межкультурного взаимодействия, направленных на решение культурных конфликтов, неизбежных при межкультурной коммуникации.

Достаточно большую известность в мире получила модель межкультурной компетенции британского методиста М. Байрама. Учёный выделил пять компонентов:

«1) отношения: любознательность и открытость, готовность приостановить сомнения в правдивости других культур и убеждения в своей собственной;

2) знания: а) социальных групп, их продуктов и практики в собственной стране и в стране собеседника; б) общих процессов общественного и индивидуального взаимодействия;

3) навыки интерпретации: способность интерпретировать документ или событие из другой культуры, объяснять это и связывать его с документами из своей собственной;

4) навыки овладения информацией и взаимодействия: способность приобретать новые знания о культуре и культурной практике и способность использовать знания, отношения и навыки с учётом ограничений в режиме реального времени общения и взаимодействия;

5) критическая культурная осведомленность/политическое образование: способность на основе чётких критериев критически оценивать родную культуру и культуру страны изучаемого языка» [22, р. 9].

Анализ предложенных М. Байрамом компонентов может представлять материал для научной дискуссии по данной проблеме. Во-первых, автор впервые предложил включить в компонентный состав межкультурной компетенции такой компонент, как «отношения». Безусловно, на конкретном социокультурном материале у студентов должно формироваться положительное отношение к культуре страны изучаемого языка, представителям инокультурного сообщества, участникам межкультурного взаимодействия. Без положительного отношения и без ориентации на «диалог культур» межкультурное взаимодействие обречено на провал. Во-вторых, компонент «знания» включает несколько формулировок, которые по своему дидактическому наполнению относятся к социокультурной компетенции: «знания социальных групп, их продуктов и практик в собственной стране и стране собеседника». Означает ли данное понятийное наполнение термина «знания», что если коммуникант не

владеет информацией о конкретных социальных группах людей и продуктах их деятельности, он не сможет принять участие в межкультурном контакте? А если этот контакт уже состоялся, он не будет считаться «межкультурным»?! Вместе с тем вторая часть компонента «знания» действительно соответствует своему содержанию обучения межкультурной компетенции, так как обозначает знания процессов взаимодействия между личностью и обществом. В-третьих, навыки овладения информацией, приобретение новых знаний о культуре страны изучаемого языка также относятся к конструкту социокультурной, а не межкультурной компетенции. В-четвёртых, видится целесообразным объединить, а не разделять навыки интерпретации и развития критического мышления, ибо они обозначают единый процесс анализа данных/информации с последующей аналитической деятельностью.

В российской научной литературе можно выделить несколько исследований, посвящённых содержанию обучения межкультурной компетенции. Одно из них принадлежит В.Г. Апалькову [24]. Отталкиваясь от анализа западных коллег, В.Г. Апальков предложил разделить содержание обучения межкультурной компетенции на три компонента: знания, умения и отношения. «Компонент «знания» включает в себя владение обучающимися информацией о характеристиках культуры, рамках культуры, типах взаимоотношений между культурами. К *межкультурным умениям* автор относит инициацию межкультурного взаимодействия, интерпретацию культурных фактов или событий, выявление культурных сходств и различий между представителями разных культур, критическую оценку контактирующих культур с позиции их собственной системы ценностей, выступление в качестве представителя родной культуры или страны. Третий компонент – *отношения* – включает формирование у учащихся открытости к общению с представителями разных стран и культур, толерантности и эмпатии» [25, с. 31]. Следует специально обратить внимание на то, что В.Г. Апальков первым из российских учёных в компонент «знания» включил не культуру страны изучаемого языка, а информацию о теории коммуникации о типах взаимоотно-

шений между культурами без привязки к конкретной стране или культуре. Компонент «умения» включает универсальные умения взаимодействия с представителями других культур без ссылки на культуру конкретной страны изучаемого языка или субкультуру. Компонент «отношения» обозначает общий и основной вектор межкультурного образования – ориентацию на толерантность и гармоничное взаимодействие с представителями других стран и культур.

Впоследствии модель В.Г. Апалькова была принята за основу другими исследователями. В частности, Н.А. Сушкова, рассматривая вопрос формирования межкультурной компетенции студентов в условиях погружения, предложила следующее наполнение тех же трёх компонентов содержания обучения [26]. «Знаниевый компонент включает типы культур, границы культур и характеристики культур, типы взаимоотношений между культурами; коммуникацию и её виды и функции; конфликты и способы выхода из них; информацию о современном мире, перспективах его развития, международных процессах и международном сотрудничестве; проблемы современного мира, такие как национализм, терроризм и т. п. Компонент «межкультурные умения» включает распознавание и интерпретацию явлений иной культуры, сравнение культурных фактов и событий своей культуры и культуры страны изучаемого языка, определение сходств и различий между ними; ведение межкультурного диалога, осуществление сотрудничества в межкультурных контактах; анализ межкультурных ситуаций, определение ситуаций межкультурных конфликтов, предотвращение и разрешение их; рассмотрение контактирующей культуры с позиции её собственной системы ценностей, обычаев и традиций. Компонент «отношения» включает открытость, толерантность, эмпатию и рефлексивность» [26, с. 12]. Очевидно, что Н.А. Сушкова выступает продолжателем идей В.Г. Апалькова, немного изменяя и уточняя межкультурные умения в соответствии с контекстом обучения студентов – погружением в культуру страны изучаемого языка.

А.А. Дудин, разрабатывая методику развития межкультурных умений на основе коммуникативно-этнографического подхода,

предложил следующий перечень умений межкультурного взаимодействия: «а) инициировать межкультурный контакт; б) поддерживать межкультурное взаимодействие в контексте диалога культур (поддержка благоприятной атмосферы общения, нивелирование культурных конфликтов); в) определять ситуации/сферы культурных различий и возможных культурных конфликтов; г) избегать или выходить из ситуаций культурных конфликтов; д) выступать в качестве культурного посредника, представляющего свою культуру, а также понимающего и уважающего ценности представителей контактирующих культур; е) интерпретировать культурные факты и реалии с позиции системы ценностей контактирующей культуры, избегать этноцентрических суждений; ж) проявлять уважение к представителям контактирующей культуры» [21, с. 9].

Изучение и анализ приведённых трёх исследований свидетельствует о том, что каждый из учёных попытался выразить своё мнение относительно компонентного состава межкультурной компетенции, В.Г. Апальков и Н.А. Сушкова выразили согласие относительно трехкомпонентной структуры межкультурной компетенции. Компонент «знания» в обоих исследованиях включает информацию о типах взаимоотношений между культурами, аспекты теорий коммуникации и конфликтологии. Знаниевый компонент в работе Н.А. Сушковой получился достаточно большим и «глобальным». Это может быть объяснено условиями реализации её модели межкультурного общения. Участники эксперимента приехали в США по программе обмена и в ходе общения должны были решать ряд учебных межкультурных задач. Участники же исследования В.Г. Апалькова являлись учащимися 10–11 классов, участвующими в телекоммуникационном проекте, в ходе которого посредством электронной почтовой группы должны были развить ряд межкультурных умений. В своём исследовании А.А. Дудин сфокусировался преимущественно на тех межкультурных умениях, которые смогли развить в ходе межкультурного взаимодействия студенты лингвистических направлений подготовки, находящиеся на стажировке в Великобритании. Участники эксперимента должны были выступать в ро-

ли этнографов, наблюдающих за иноязычным коммуникативным поведением носителей языка, фиксировать определённые моменты поведения, а затем по окончании исследования обсуждать полученные эмпирическим путём данные с коллегами и преподавателем.

Следует также отметить, что все исследователи выделяли лишь те межкультурные умения, которые реализуются в ситуациях межкультурного сотрудничества, в «духе мира». Вместе с тем, как справедливо отмечает П.В. Сысоев, при таком содержании обучения межкультурному взаимодействию мы готовим учащихся и студентов к общению в «парниковых условиях». В современном мире, в котором процветает культурная дискриминация, культурный вандализм и культурная агрессия, наряду с перечисленными выше умениями у студентов должны также развиваться и другие межкультурные умения, направленные на общение в условиях «Не-диалога культур». К таким умениям учёный относит следующие: «а) уходить от межкультурного конфликта или избегать его; б) подавлять межкультурный конфликт; в) достигать компромисса в межкультурном конфликте; г) убеждать участников межкультурного конфликта в своей правоте» [20, с. 273-276]. Безусловно, развитие таких умений потребует больших усилий как со стороны преподавателя, так и со стороны студентов. Вызвано это будет тем, что традиционно выходу из конфликтов не обучают в средней и высшей школах.

В рамках данного исследования на основе приведённого анализа работ, посвящённых компонентному составу межкультурной компетенции, предлагается обобщённый перечень умений межкультурного взаимодействия, которым можно обучать студентов-англистов. К таким умениям межкультурного взаимодействия относятся:

- выступление в качестве инициатора межкультурного взаимодействия;
- поддержка межкультурного диалога в духе мира для достижения целей коммуникации;
- развитие умения критического мышления в отношении интерпретации фактов, сведений, реалий с позиции этнорелятивизма;
- выступление посредником или медиатором между представителями разных культур, нивелировка межкультурных противоречий, уважение представителей контактирующих культур;
- выход из ситуации межкультурного конфликта;
- подавление межкультурных конфликтов;
- нахождение согласия в межкультурных конфликтах.

На наш взгляд, развитие данного перечня межкультурных умений сможет подготовить студентов к межкультурному взаимодействию в различных ситуациях, характеризующихся как «диалог культур», так и «не-диалог культур».

Список литературы

1. Hymes D.H. On Communicative competence // Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972.
2. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge: MIT Press, 1965.
3. Canale M., Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // Applied Linguistics. 1980. № 1 (1). P. 1-48.
4. Canale M. From communicative competence to communicative language pedagogy // Language and Communication. L.: Longman, 1983. P. 2-27.
5. Savignon S.J. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. Massachusetts: Reading, 1983.
6. Savignon S.J. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. (2nd Edition). N. Y.: McGraw-Hill, 1997.
7. Kramsch C. Context and Culture in Language Teaching. Oxford: Oxford University Press, 1993.
8. Neuner G. The role of Sociocultural Competence in Foreign Language Teaching and Learning. Strasbourg: Council of Europe / Council for Cultural Co-operation (Education Committee), CC-LANG, 1994. 88 p.
9. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996.
10. Сысоев П.В. Культурное самоопределение личности в контексте диалога культур. Тамбов, 2001.
11. Сысоев П.В. Концепция языкового поликультурного образования. М.: Еврошкола, 2003.

12. Ek van J.A. Objectives for Foreign Language Learning. Strasbourg: Council of Europe, 1986.
13. Бим И.Л. Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2001. № 4. С. 5-7.
14. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1990.
15. Сыромясов О.В. Формирование межкультурной профессиональной компетенции специалиста на основе иноязычного текста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.
16. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высш. шк., 2005.
17. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов в процессе профессиональной подготовки. М.: ИНИОН РАН, 2003.
18. Сысоев П.В. Языковое поликультурное образование: теория и практика. М.: Глосса-пресс, 2008.
19. Сысоев П.В. Основные положения коммуникативно-этнографического подхода к обучению иностранному языку и культуре // Язык и культура. 2014. № 4 (28). С. 184-202.
20. Сысоев П.В. Пересматривая конструкт межкультурной компетенции: обучение межкультурному взаимодействию в условиях «диалога культур» и «не-диалога культур» // Язык и культура. 2018. № 43. С. 261-281.
21. Дудин А.А. Методика развития межкультурных умений студентов на основе коммуникативно-этнографического подхода (английский язык, высшая школа): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2017.
22. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters, 1997.
23. Knapp K. Cultural, organizational or linguistic causes of intercultural conflicts? A case study // Thriving on Diversity. Bonn: Dümmler, 1997. P. 117-134.
24. Апальков В.Г. Методика формирования межкультурной компетенции средствами электронно-почтовой группы. М.: МЭСИ, 2011.
25. Апальков В.Г. Методика формирования межкультурной компетенции средствами электронно-почтовой группы (английский язык, профильный уровень): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2008.
26. Сушкова Н.А. Методика формирования межкультурной компетенции в условиях погружения в культуру страны изучаемого языка (английский язык, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.

References

1. Hymes D.H. On Communicative competence. *Sociolinguistics*. Harmondsworth, Penguin Publ., 1972.
2. Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, MIT Press, 1965.
3. Canale M., Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing. *Applied Linguistics*, 1980, no. 1 (1), pp. 1-48.
4. Canale M. From communicative competence to communicative language pedagogy. *Language and Communication*. London, Longman Publ., 1983, pp. 2-27.
5. Savignon S.J. *Communicative Competence: Theory and Classroom Practice*. Massachusetts, Reading, 1983.
6. Savignon S.J. *Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. (2nd Edition)*. New York, McGraw-Hill Publ., 1997.
7. Kramsch C. *Context and Culture in Language Teaching*. Oxford, Oxford University Press, 1993.
8. Neuner G. *The role of Sociocultural Competence in Foreign Language Teaching and Learning*. Strasbourg, Council of Europe, Council for Cultural Co-operation (Education Committee), CC-LANG Publ., 1994, 88 p.
9. Safonova V.V. *Izucheniye yazykov mezhduнародного obshcheniya v kontekste dialoga kul'tur i tsivilizatsiy* [Studying the Languages of International Communication in the Context of the Dialogue of Cultures and Civilizations]. Voronezh, Istoki Publ., 1996. (In Russian).
10. Sysoyev P.V. *Kul'turnoye samoopredeleniye lichnosti v kontekste dialoga kul'tur* [Cultural Self-Determination of the Individual in the Context of the Dialogue of Cultures]. Tambov, 2001. (In Russian).
11. Sysoyev P.V. *Kontseptsiya yazykovogo polikul'turnogo obrazovaniya* [The Concept of Language Multicultural Education]. Moscow, Evroshkola Publ., 2003. (In Russian).
12. Ek van J.A. *Objectives for Foreign Language Learning*. Strasbourg, Council of Europe Publ., 1986.
13. Bim I.L. Nekotoryye aktual'nyye problemy sovremennogo obucheniya inostrannym yazykam [Some current problems of modern foreign languages teaching]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 2001, no. 4, pp. 5-7. (In Russian).

14. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. (In Russian).
15. Syromyasov O.V. *Formirovaniye mezhkul'turnoy professional'noy kompetentsii spetsialista na osnove inoyazychnogo teksta: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of Intercultural Professional Competence of a Specialist based on a Foreign Language Text. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2000. (In Russian).
16. Sadokhin A.P. *Vvedeniye v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. (In Russian).
17. Pluzhnik I.L. *Formirovaniye mezhkul'turnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov v protsesse professional'noy podgotovki* [Formation of Intercultural Communicative Competence of Students in the Process of Professional Training]. Moscow, INION RAN Publ., 2003. (In Russian).
18. Sysoyev P.V. *Yazykovoye polikul'turnoye obrazovaniye: teoriya i praktika* [Language Multicultural Education: Theory and Practice]. Moscow, Glossa-press Publ., 2008. (In Russian).
19. Sysoyev P.V. Osnovnyye polozheniya kommunikativno-etnograficheskogo podkhoda k obucheniyu inostrannomu yazyku i kul'ture [Theoretical basics of the communicative- ethnographic approach to teaching a foreign language and culture]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2014, no. 4 (28), pp. 184-202. (In Russian).
20. Sysoyev P.V. Peresmatrivaya konstrukt mezhkul'turnoy kompetentsii: obucheniyu mezhkul'turnomu vzaimodeystviyu v usloviyakh «dialoga kul'tur» i «ne-dialoga kul'tur» [Revising a structure of intercultural competence: training intercultural interaction in the conditions of “dialogue of culture” and “non-dialogue of cultures”]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2018, no. 43, pp. 261-281. (In Russian).
21. Dudin A.A. *Metodika razvitiya mezhkul'turnykh umeniy studentov na osnove kommunikativno-etnograficheskogo podkhoda (angliyskiy yazyk, vysshaya shkola): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Methodology for the Development of Intercultural Skills of Students based on the Communicative-Ethnographic Approach (English, Higher School). Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2017. (In Russian).
22. Byram M. *Teaching and assessing intercultural communicative competence*. Clevedon, Multilingual Matters Publ., 1997.
23. Knapp K. Cultural, Organizational or Linguistic Causes of Intercultural Conflicts? A Case Study. *Thriving on Diversity*. Bonn, Dümmler Publ., 1997, pp. 117-134.
24. Apalkov V.G. *Metodika formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentsii sredstvami elektronno-pochtovoy gruppy* [Methodology for the Formation of Intercultural Competence by Means of an Electronic Mail Group]. Moscow, MESI Publ., 2011. (In Russian).
25. Apalkov V.G. *Metodika formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentsii sredstvami elektronno-pochtovoy gruppy (angliyskiy yazyk, profil'nyy uroven') : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Methodology for the formation of intercultural competence by means of an electronic mail group (English, profile level). Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2008. (In Russian).
26. Sushkova N.A. *Metodika formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentsii v usloviyakh pogruzheniya v kul'turu strany izuchayemogo yazyka (angliyskiy yazyk, yazykovoy vuz): dis. ... kand. ped. nauk* [Methodology for the Formation of Cross-Cultural Competence in the Context of Immersion in the Culture of the Country of the Studied Language (English, Language University). Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Tambov, TGU im. G.R. Derzhavina, 2009. (In Russian).

Информация об авторе

Данилин Роман Александрович, ассистент кафедры иностранных языков и методики их преподавания. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация. E-mail: danilin_roman@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, изучение и анализ научной литературы, обобщение перечня межкультурных умений, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 21.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 15.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Roman A. Danilin, Assistant of Foreign Languages and Teaching Methods Department. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: danilin_roman@mail.ru

Contribution: study idea, scientific literature study and analysis, intercultural skills generalization, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-1478-2432

Received 21 October 2020
Reviewed 15 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

«НАУЧНАЯ СТАТЬЯ»
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-137-150
УДК 008+099.3

«Сей малый подарок посвящается...» Дарственные надписи тамбовских библиофилов на книгах гражданской печати XVIII века

Руслан Магометович ЖИТИН ✉, **Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ**
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ istorik08@mail.ru

Аннотация. С образованием и развитием частных библиотечных собраний России XVIII века тесно связана традиция книгодарения, начавшая своё развитие с представителей благородного сословия как основных книгодержателей, имевших возможность для приобретения достаточно дорогих изданий. Впоследствии передача книг стала распространяться и среди средних слоёв, рассматривавших книгодарение прежде всего как некую отметку для подведения итога определённого этапа своей жизни – обучения, службы и т. п. Очень часто на таких подарках наносились краткие надписи (инскрипты), содержащие личную информацию различного характера. Предлагаемая статья посвящена инскриптам на книгах гражданской печати XVIII века из коллекций тамбовских букинистов. Обосновано, что внимательное прочтение посвященных надписей позволяет проследить мотивы дарения, характер взаимоотношений букинистов и историю их собраний. Благодаря проведённой работе были созданы новые и дополнены уже существующие собрания книговладельцев. Показаны выявленные благодаря дарственным надписям связи отдельных лиц с учреждениями. Удалось проследить индивидуальные траектории отдельных изданий, которые можно выявить благодаря наличию записей нескольких дарителей, последовательно передававших книги. Рассмотрение инскриптов позволило представить книгу в качестве транслятора личности её владельца и отражения исторических событий.

Ключевые слова: дарственная надпись; пожертвование; личная библиотека; библиофильство; Тамбовская губерния

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00484.

Для цитирования: Житин Р.М., Топильский А.Г. «Сей малый подарок посвящается...» Дарственные надписи тамбовских библиофилов на книгах гражданской печати XVIII века // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 137-150. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-137-150

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

“This small gift is dedicated to...”
Dedicatory inscriptions of Tambov bibliophiles
on the civil press books of the 18th century

Ruslan M. ZHITIN ✉, **Aleksey G. TOPILSKY**

Derzhavin Tambov State University
 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
 ✉ istorik08@mail.ru

Abstract. The tradition of book-making is closely connected with the formation and development of private library collections in Russia in the 18th century, which began its development with representatives of the noble class as the main book-holders who had the opportunity to purchase fairly expensive publications. Subsequently, the transfer of books began to spread among the middle strata, who viewed book-making primarily as a kind of mark for summing up a certain stage in their life – training, service, etc. Often on such gifts, short inscriptions (inscripts) were applied, containing personal information of a different nature. This work is dedicated to the inscriptions on the civil press books of the 18th century from the collections of Tambov second-hand booksellers. We prove that a careful reading of the dedicatory inscriptions allows us to trace the motives of donation, the nature of the relationship between second-hand booksellers and the history of their collections. Thanks to the conducted work, we create new and supplement the existing meetings of book owners. We show the connections of individuals with institutions revealed through donation inscriptions. We trace the individual trajectories of individual editions, which can be identified through the presence of the records of several donors who consecutively donated books. Consideration of the scripts allows us to present the book as a translator of the personality of its owner and a reflection of historical events.

Keywords: dedicatory inscription; donation; personal library; bibliophilism; Tambov governorate

Acknowledgements: The study was funded by grant of Russian Foundation for Basic Research no. 19-09-00484.

For citation: Zhitin R.M., Topilsky A.G. «Sey малыy podarok posvyashchayetsya...» Darstvennyye nadpisi tambovskikh bibliofilov na knigakh grazhdanskoy pechati XVIII veka [“This small gift is dedicated to...” Dedicatory inscriptions of Tambov bibliophiles on the civil press books of the 18th century]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 137-150. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-137-150 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Инскрипт, или дарственная надпись на книге, – важный элемент книжной культуры, органическая часть бытования изданий. Такие пометы представляют ценность не только для изучения личности дарителя и получателя, но и отражают связи субъектов инскрипта, специфику их взаимоотношений. Как утверждал Е.И. Яцунок: «автограф сопровождает личный (не адресованный читателям) контакт двух людей, он направлен только определённому лицу» [1, с. 4].

Важность инскрипта в историографии книжной культуры России не вызывает со-

мнений «Надпись, – писал Л. Озеров, – личная историческая зарубка на книге, ваша записка, положенная в бутылку, которую волны времени вручат вашим потомкам» [2, с. 228]. Впервые об изучении дарственных надписей как элемента книжного быта заговорили на конференции «Писательский автограф на книге», организованной журналом «Вопросы литературы» в 1979 г. [3]. Выступавшие здесь Л. Озеров, В. Лидина, В. Лаврова обратили внимание на значимость анализа дарственных надписей, подчеркнули необходимость выявления новых инскриптов. В этом

же году в свет выходит программная статья Л. Озерова «Надпись на книге», которая дала «первые рабочие контуры возможного в дальнейшем исследовании» [2]. В рамках предложенных направлений специалистами были проанализированы инскрипты А. Блока, надписи на книгах и фотографиях А.П. Чехова [1, с. 4]. Вышедший в 1988 г. каталог «Автографы современников Пушкина...» впервые познакомил читателей с группой инскриптов друзей и коллег А.С. Пушкина¹.

На современном этапе изучение отдельных коллекций дарственных надписей является одной из приоритетных тем истории книги. По мнению исследователя А.С. Янушкевича, инскрипт «1) это факт книжной культуры; 2) феномен бытовой культуры и литературного быта; 3) историко-литературное явление; 4) источник творческой лаборатории» [4, с. 104]. По каждому из выявленных направлений прослеживается исследовательский интерес. Появляются труды по ранее не известным инскриптам В.А. Жуковского [4], Н.К. Михайловского [5], других персоналий. Сотрудниками региональных библиотек и архивов начата работа по изучению рукописного наследия книг местных деятелей, его историко-культурного значения и мемориальной ценности [6–8].

Особый интерес представляет анализ помет на изданиях XVIII века – времени активного становления книжной культуры в нашей стране. В этот период происходило формирование собраний известных дворянских родов, активизируется книжная торговля, появляются традиции библиофильства. В условиях дефицита источников о книжной культуре этого времени историю появления книги в конкретной коллекции, характер бытования издания очень часто можно узнать только из инскрипта.

В фондах отдела редких книг Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина (ТОУНБ) хранится одна из наиболее значительных коллекций русской книги гражданской печати XVIII века. Значимость данного собрания опреде-

ляется личностью самих владельцев – выдающихся государственных и общественных деятелей Российской империи. В своих имениях они смогли аккумулировать огромные собрания, по разнообразию репертуара не уступающие библиотекам Феофана Прокоповича, Д.М. Голицына, М.В. Ломоносова, значение которых отмечалось как отечественной, так и зарубежной историографией. Книги содержат множество маргиналий, владельческих записей, отражающих специфику книжной культуры на территории края [9, с. 278].

Особого внимания заслуживают ранее не описанные собрания книг на русском, французском, немецком, английском, латинском, греческом, итальянском и других языках, хранящихся в ТОУНБ (7510 единиц хранения). Этот массив поступил в библиотеку в 1920 г. в рамках исполнения решения коллегии Губоно о создании Губернского книгохранилища в г. Тамбове². В основу фонда были положены книги «Тамбовского общества народных чтений», конфискованные помещицы библиотеки края. Однако из-за дефицита специалистов, знающих иностранные языки, систематизация наследия проводилась лишь в отношении собраний на русском языке. Большую роль в отборе и анализе книг сыграли заведующий отделом литературы на иностранных языках Б.Т. Корнаухов и заместитель директора Тамбовской областной библиотеки им. А.С. Пушкина А.И. Сапогов. В декабре 1985 г. на основе выявленных собраний был образован отдел редких книг, включивший 3600 экземпляров книжных памятников (издания, выпущенные по 1830 г. включительно). Среди признанных редкостей можно отметить «Новый Завет и Псалтырь» (1580), изданный Иваном Фёдоровым в типографии К. Острожского, «Псалтырь с толкованием...» (1783), «Шестоднев», изданный в Вильно в XVII веке, «Лексикон трехязычный...» (1704), изданный Фёдором Поликарповым по указу Петра I в Московской типографии, и др. Наличие маргиналий и экслибрисов в структуре собрания позволило выделить коллекции Д.В. Поленова, Л.А. Воейкова, Г.Р. Державина, А.Д. Хвоштинского, А.Н. Норцова, А.П. Кугушева и других тамбовских библиофилов.

¹ Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А.С. Пушкина: аннот. кат. / сост. О.В. Асина и др. М.: Книга, 1988. 269 с.

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 278. Л. 15.

В 2019–2020 гг. работа по разбору фондов была продолжена. На основе выборки изданий по чертам владельческого пользования были созданы новые и дополнены уже существующие коллекции. В общей сложности удалось найти 22 ранее не известных книговладельцев края, обобщить принадлежавшие им собрания: Петрово-Соловово – 60; Бенкендорфы – 7; Давыдов В. – 1; Орловы-Давыдовы – 1; Булгаковы – 1; Вышеславцев А.В. – 346; Кушелевич-Безбородко – 1; Загрязские – 10; Капнисты – 8; Кольчевы – 1; Тимофеевы – 48; Куракины – 1; Ланские – 149; Безобразовы – 14; Салтыковы – 2; Строганов П.С. – 11; Воронцовы – 3; Строганов С.Г. – 1; Всевожские – 3; Араповы – 44; Андриевские – 2; Чичерины – 5.

Кроме того, проделанная работа дала возможность дополнить ранее сформированные частновладельческие коллекции. В результате в публичный оборот было введено более 450 книг: Воейковы – 357 (в том числе новых изданий – 4); Поленовы – 1361 (в том числе новых изданий – 10); Кугушевы – 586 (в том числе новых изданий – 262); Хвоцинские – 285 (в том числе новых изданий – 94); Норцовы – 178 (в том числе новых изданий – 85); Державин Г.Р. – 1127 (в том числе новых изданий – 2)³.

Об уникальности выявленных собраний говорит наличие маргиналий, дарственных записей (в том числе на иностранных языках), характеризующих историю бытования, историко-культурную и мемориальную ценность каждого издания.

Большинство инскриптов, обнаруженных при работе с владельческими собраниями, нейтральны и констатируют лишь факт знакомства адресатов, определённую дистанцию между объектом и субъектом надписи. В этом отношении показательна запись на книге масона Г.Ф. Штендера «Истина религии вообще»: «Подарена Дмитрию Дмитриевскому окт. 1785»⁴. Косвенно о важности

подарка может свидетельствовать как весьма редкий характер издания, так и оперативность её покупки. Книга была напечатана в вольной типографии Лопухиной в 1895 г. и практически сразу попала под цензуру. Стронник критикуемого течения розенкрейцеров, Г.Ф. Штендер учил отречению от греховного мира, открывал мир мечтаний, духовной, «ментальной» сущности человека [10, с. 152]. В 1787 г. в Москве было конфисковано более 300 экземпляров, однако какая-то часть тиража всё же обрела своего читателя.

Немногословен автор надписи на «Книге Степенной царского родословия», изданной при императорском университете в 1775 г. На форзаце был размещён короткий инскрипт «П.А. Голицину»⁵. Вероятнее всего, получателем был полковник, камергер и гофмейстер Павел Алексеевич Голицын (1782–1849), имевший родство с П.А. Чичериным. Книги с соответствующим автографом («Из библиотеки Петра Чичерина»)⁶ имелись в тамбовском имении семьи Чичериных – усадьбе Караул. Несмотря на свою краткость, данная форма записи может служить своеобразным форматом обращения дарителя к своему адресату, характерным примером множества других надписей в XVIII веке.

Значительную роль в книжном наследии XVIII века имеют «памятные инскрипты»,

---

натуралистов. М.: Изданием Типографической компании, 1785. Ч. 1. 212 с. [Инскрипт на обороте форзаца].

⁵ Книга степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времён государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, / Сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария, ; А напечатанная под смотрением коллежского советника, и Имп. Академии наук, також и разных иностранных академий, и Вольного экономического и Российского Вольного же собрания члена Герарда Фридерика Миллера. Ч. 2. При Имп. ун-те, 1775. 580 с. [Инскрипт на форзаце].

⁶ Юсти, Иоганн Генрих Готлоб. Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния / Сочинил И.Г.Г. Юстий, ; А с немецкаго на российский язык перевел Иван Богаевский. Спб.: При Имп. Акад. наук, 1772–1778. Ч. 2, содержащая в себе четыре книги, из которых I) об основании всех вообще народных промыслов, II) о союзе производимых в государстве разнаго рода промышленниками дел, III) о средствах споспешествующих цветущему состоянию народного пропитания, а IV) о препятствиях, встречающихся народу в производимых им промыслах, 1775. VIII, 711 с., 1 л. табл. [Инскрипт на форзаце].

---

³ Усадьбные библиотеки Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX века как элемент провинциальной культурной среды: сайт. URL: <http://tambov.ru.net/libraries/?id=famlib.analysis> (дата обращения: 05.10.2020).

⁴ Штендер Г.Ф. Истина религии вообще в двух частях, из которых в первой доказывается истина религии вообще противу неверия вольнодумцев и натуралистов, а во второй утверждается истина христианской религии, следуя Священному Писанию противу неверия

посвящённые воспоминаниям о личном знакомстве или давней встрече. Характер таких надписей всегда эмоционален, ведь в данном случае они отражают факты хороших отношений получателя и адресата и могли передавать их общие переживания и специфику общения. Известный исследователь книжной культуры О.Г. Ласунский, характеризуя данную форму инскрипта, отмечал, что жанр «дарственной надписи не зажат в тиски формальных требований – в этом его прелесть: автор может дать простор своей фантазии и, что называется, вволю порезвиться» [11, с. 55].

Информативна дарственная надпись И.И. Лепёхина В.А. Поленову на книге Жана Франсуа Мармонтеля «Велисарий» (издана при Императорской Академии наук в 1786 г.). Инскрипт, расположенный на обороте форзаца, гласил: «Книга сия дана за успехи и прилежание обучающемуся в гимназии пенсионеру Василью Поленову. Декабрь 18 дня 1789 г. Академик И. Лепёхин»⁷ (рис. 1). Короткое предложение передаёт общие воспоминания двух известных людей своего времени. Василий Дмитриевич Поленов долгое время обучался в гимназии при Академии наук, где одним из его преподавателей был И. Лепёхин. Инскрипт характеризует успехи обучения В.А. Поленова, отражает дань уважения наставника к своему ученику.

Важным аспектом характеристики инскрипта могут служить особенности его адресации, зависевшие от сословного статуса адресатов, степени личного знакомства. Большинство инскриптов писались по горизонтали, то есть равнозначными по положению в обществе людьми, близкими знакомыми или родственниками. Характерный пример данной надписи можно встретить в книге И.И. Фильбигера «Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи», подаренной в личную библиотеку М. Бороздина. На форзаце издания тёмными чернилами было нанесено: «Из книг Матвея Бороздина, которые подарил Константин Бороздин»⁸ (рис. 2). Книга содержала «Таблицы

о познании букв, о складах, о чтении и правописании», которые, безусловно, могли заинтересовать увлечённого языкознанием, известного российского библиофила и одного из самых образованных представителей своего времени К.М. Бороздина.

Константин Матвеевич Бороздин являлся крупным библиографом, историком, чиновником Российской империи. «Он не учился систематически, но читал много – писал о нём академик А.В. Никитенко, – и, что чудо между нашими дворянами и администраторами, размышлял ещё более. Он имеет обширные познания в русской истории, которую изучал, как патриот, и вместе как философ» [12, с. 197]. В 1846 г. Константин Матвеевич стал членом Российской Академии, а с 1841 г. – почётным членом Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Надпись поясняет судьбу части библиотеки К. Бороздина, которая перешла его отцу Матфею Бороздину. Что касается остальной части его собрания, то оно впоследствии было переведено в библиотеку Румянцевского музея Москвы и фонды Нарышкинской библиотеки в Тамбове.

Гораздо меньшее распространение имели инскрипты, написанные «снизу вверх», то есть послания вышестоящему человеку или покровителю. Поэтому инскрипты данного вида имели чаще всего официальный характер и только фиксировали отношение объекта и субъекта надписи. Выбирая ту или иную форму, автор следовал иерархии, закрепляя социальную дистанцию. Дарственная надпись в этом случае составлялась в лаконичной, официальной манере. Весьма характерным для культуры эпохи было пожелание на форзаце «Полного немецко-русского лексикона»: «Словарь дан А. Новопокровскому. Рождественскому»⁹. Тематика подарочной книги позволяет предположить, что новый

⁷ Велисарий / Сочинение г. Мармонтеля, академика французского. ; С амстердамского 1767 года издания, переведена в Москве в том же году. Первым тиснением. В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1769. 282 с. [Инскрипт на обороте форзаца].

⁸ Фильбигер И.И. Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи,

/ Изданное по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья. ; [Перевёл с нем. яз. Ковалёв]. Спб.: [Тип. Шнора], 1783. 114 с. [Инскрипт на форзаце].

⁹ Полный немецко-русский лексикон: из большого грамматикально-критического Словаря господина Аделунга составленный, : с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений: в 2 ч. Спб.: Имп. тип., 1798. Ч. 1: А–L, 2, X. 1048 с.; Ч. 2: М–Z, 4. 1060, [4] с. [Инскрипт на форзаце ч. 1].

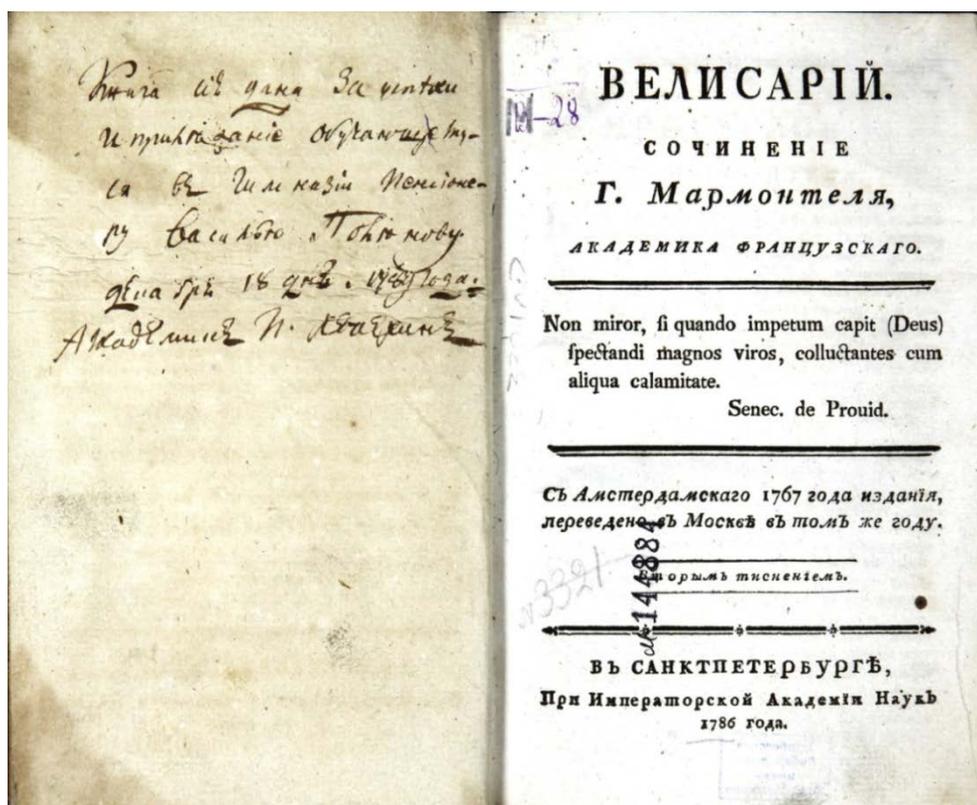

Рис. 1. Дарственная надпись В.А. Поленову на книге Мармонтеля «Велисарий» (Санкт-Петербург, 1786)

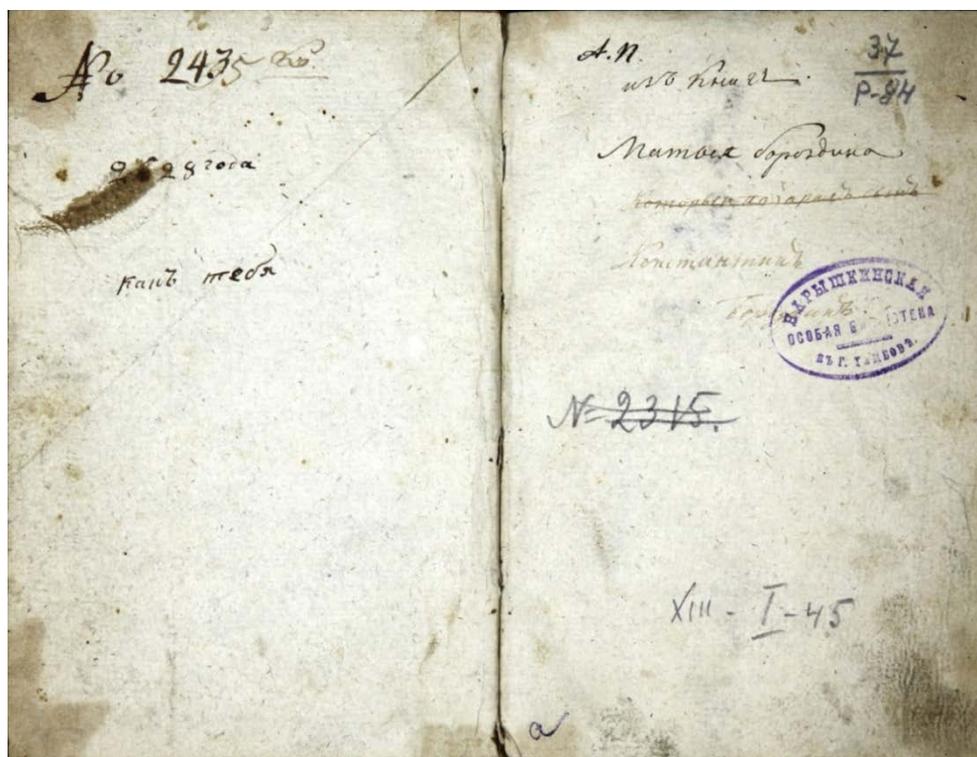

Рис. 2. Дарственная надпись К. Бороздина М. Бороздину на книге И.И. Фельбигер «Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи» (Санкт-Петербург, 1769)

владелец книги имел отношение к преподаванию в народных училищах или другую профессию, связанную с немецкой филологией. Словарь издавался «с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений»¹⁰.

Наряду с официальным тоном, в инскриптах разных по общественному положению людей можно встретить и эмоциональные надписи. В данном случае преподнесение книги можно рассматривать как дань уважения или восхищения дарителя. Наиболее часто такой посыл встречался в качестве благодарности за учёбу. Как пример, отметим запись в книге «Грамматика философских наук, или Краткое разнообразие новейшей философии», изданной в Вольной типографии Пономарёва в 1796–1798 гг. На отдельном вклеенном листе было помещено послание: «Его Сиятельству Графу Артемию Ивановичу Воронцову Действительному тайному Советнику, Сенатору и ордена св. Анны Кавалеру. Усерднейше приносит Трудившийся»¹¹ (рис. 3). Неформальные отношения учителя и ученика подчёркиваются дружественным характером записи.

В рамках уставленных сословных и общественных рамок инскрипты, написанные сверху вниз, могли быть восприняты в качестве похвалы со стороны дарителя. В выявленных в ходе работы коллекциях были обнаружены две подобные записи. Это уже упомянутая нами надпись академика И. Лепёхина В.А. Поленову, а также посвящение на форзаце издания Лессинга «Эмилия Галотти: Трагедия в пяти действиях» (Москва, 1788): «В день Ангела Другу Моему ученику Словесности Алексею Филипповичу г-ну

Аболенскому, сей малый подарок посвящает Студент Фил. Пётр Руднев. Февраль в 17 день 1819-го года»¹² (рис. 4). Незначительные на первый взгляд пожелания содержат в себе целый мир событий и памяти об обучении и успехах своих учеников.

Часть книг была пожертвована дарителями в учебные и духовные организации для комплектации фондов местных библиотек. Литература в то время была дорога, поэтому стоит отметить ценность данных подарков для получателей. Так, из инскрипта от «1824-го года. Генварь 4-го» мы узнаём, что «в библиотеку Тамбовской духовной семинарии» житель «города Козлова Троицкой Церкви Фёдор Иванович Спесивцев» передал «Христофора Целлария Краткой латинской лексикон»¹³.

Анализ подобных инскриптов позволяет выявить связи книговладельцев и учреждений. В 1824 г. Архимандрит Филарет подарил Тамбовской духовной семинарии первый том «Нового лексикона на французском, немецком, латинском, и на русском языках» (Санкт-Петербург, 1755), что подтверждает надпись на форзаце «Ст. академии Фёдора Долгова. В библиотеку Тамбовской духовной семинарии. Тамбовской семинарии ректор и профессор Богословских наук Архимандрит Филарет. 1824 года. Ноября в 16 день». Такой инскрипт свидетельствует об одном из важнейших каналов комплектования библиотек семинарий – частных пожертвований¹⁴.

Немало книг было передано в Тамбовскую архивную учёную комиссию (ТУАК). Являясь второй в России по времени создания (1884 г.), Комиссия способствовала активной краеведческой деятельности на территории региона, проведению работ по описанию «музейных древностей и архивов».

¹⁰ Полный немецко-русский лексикон: из большого грамматико-критического Словаря господина Аделунга составленный, : с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений: в 2 ч. Спб.: Имп. тип., 1798. Ч. 1: А–L, 2, X. 1048 с.; Ч. 2: М–Z, 4. 1060, [4] с. [Инскрипт на форзаце ч. 1].

¹¹ Грамматика философских наук, или краткое разобранье новейшей философии. Изданная на английском языке г. Вениамином Мартином, а с онаго переведена на французский с французского же переложена на русский Павлом Бланком. 4 части, в одной книге. М.: Вольной типографии Пономарёва, 1796–1798. Ч. 1. 252 с.; Ч. 2. 316 с.; Ч. 3. 396 с.; Ч. 4. 640 с. [Инскрипт на отдельном вклеенном листе].

¹² Эмилия Галотти: Трагедия в пяти действиях, Сочиненная г. Лессингом. ; Перевод с немецкого [Н.М. Карамзина]. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. 142 с. [Инскрипт на форзаце].

¹³ Христофора Целлария Краткой латинской лексикон : С русским и немецким переводом, : Для употребления Санктпетербургской гимназии. [Санкт-Петербург]: При Имп. Акад. наук, 1795. 480 с. [Инскрипт на форзаце].

¹⁴ Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на русском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова. Спб., 1755–1764. Ч. 1–2. 1066 с. [Инскрипт на форзаце].

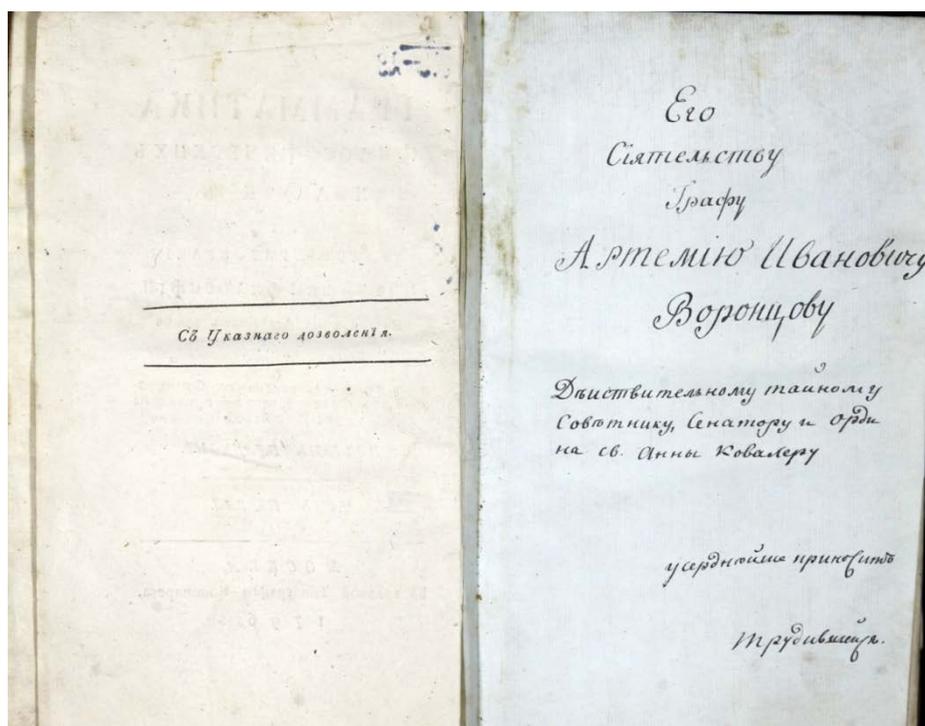

Рис. 3. Дарственная надпись А.И. Воронцову на книге «Грамматика философских наук или краткое разобраніе новейшей философии» (Москва, 1798)

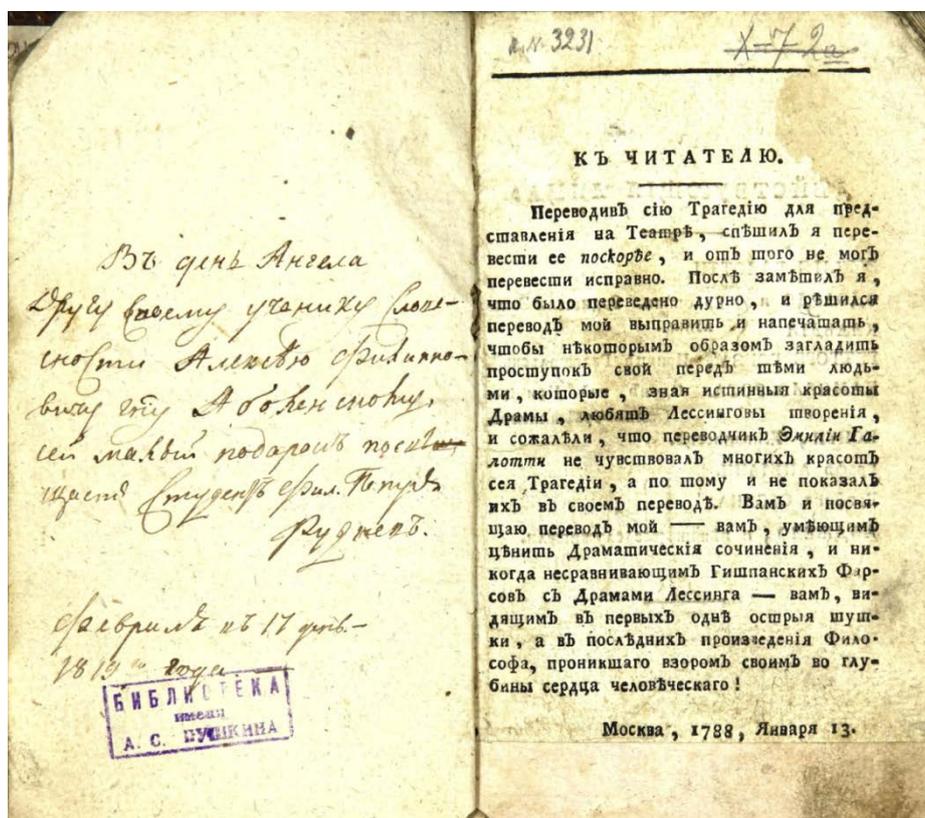

Рис. 4. Дарственная надпись А.Ф. Аболенскому на книге «Эмилия Галотти: Трагедия в пяти действиях» (Москва, 1788)

Постепенно при комиссии были созданы архив и служебная библиотека, обобщившие богатую коллекцию книг, периодических изданий и исторических документов. Среди переданных комиссии изданий было немало книг, выпущенных в XVIII веке. Один из самых редких – труд Д.К. Кантимира «Книга систима, или состояние мухаммеданской религии», выпущенный в 1722 г. Издание подарил А. Новопавловский, о чём он написал в своём инскрипте «1886 года 24 дня»: «Жертвую сию книгу в Тамб. Архив. Комиссию»¹⁵. Примечательно, что свой автограф автор разместил на нахзаце, что крайне нехарактерно для дарственных надписей того времени.

Вторая часть многотомника «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России», изданная в Москве в университетской типографии Н. Новикова в 1788–1789 гг., попала в библиотеку Комиссии благодаря подарку Фёдора Хохлова. При этом в инскрипте нашло отражение и название учебного заведения, в котором в то время обучался меценат: «В Тамб. Архив. Комиссию от воспитанника Т. Е. У. И. Фёдора Хохлова»¹⁶. Интересно, что девятый том «деяний» появился в библиотеке Комиссии из собрания тамбовской семинарии, о чём свидетельствует соответствующая печать на титульном листе книги. Изучение эпохи Петра Великого было одним из приоритетов работы членов комиссии, поэтому историография деятельности великого правителя занимала важнейшее место в собраниях ТУАК¹⁷.

Внимательное изучение инскриптов на книгах XVIII века позволяет, помимо личных связей дарителя и получателя, выделить множество другой информации. Например, дата составления инскрипта даёт надёжные сведения о времени появления конкретной

¹⁵ Книга систима, или Состояние мухаммеданския религии / Напечатана повелением его величества Петра Великаго императора и самодержца всероссийскаго. [Санктпетербург]: В типографии царствующаго Санктпитебурха, 1722. 379 с. [Инскрипт на нахзаце].

¹⁶ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М.: В университетской типографии, у Новикова, 1788. Ч. 2. 467 с. [Инскрипт в конце оглавления].

¹⁷ Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Тамбов: Тип. губернского правления, 1888. Вып. XVIII. 90 с.

книги у нового владельца. В этом отношении характерна помета на «Новом ядре российской истории». Стиль записи («Эта книга: Новое Ядро российской истории... Нехачина. В Тамбовском музее. 1879 года декабря 14 от Н.А. Покровского») проясняет, что комплектование местной библиотеки началось уже в декабре 1879 года¹⁸.

Значительное количество книг было подарено переводчиками, принимавшими участие в подготовке иностранной литературы к печати. Среди тамбовских материалов данные инскрипты особенно примечательны из-за короткого, но плодотворного периода работы Тамбовской Вольной типографии (основана Г.Р. Державиным в 1787 г.).

О мире человеческих контактов и творческих отношений свидетельствует инскрипт Е.К. Ниловой. Она принимала участие в переводе ряда книг для вольной типографии. Один из её переводов «Графа Вальмонта» в 1805 г. был передан князю П.М. Кугушеву¹⁹ (рис. 5). Подарок был сделан через 12 лет после первого выхода издания, однако даже спустя такое время оно всё ещё представляло ценность для книголюбов. Инскрипт свидетельствует о тёплых дружеских отношениях дарителя и получателя.

В дальнейшем эта книга была подарена Козловскому училищу, о чём свидетельствует надпись на шмуцтитуле «Князь Н. Кугушев. Козловскому уездному училищу». Повторные дарения, отражённые в пространстве инскрипта, имеют большое значение. Они дают возможность изучения судьбы конкретной книги на протяжении десятилетий и даже веков.

В коллекции тамбовских инскриптов встречаются дарственные надписи переводчиков, работавших в центральных типографиях. В 1780 г. в университетской типографии Н. Новикова был издан труд Евгения

¹⁸ Нехачин И.В. Новое ядро российской истории, от самой древности россиян и до нынешних дней благополучнаго царствования Екатерины II Великия, на пять периодов разделенное / Писал Иван Нехачин. М.: Тип. А. Решетникова, 1795. Ч. 1. 466 с.; Ч. 2. 492 с. [Инскрипт перед тит. лист.].

¹⁹ Жерар Ф.Л. Граф Вальмонт, или Заблуждения разсудка: Письма, собранныя и выданныя в свет господином М... / Поднесенныя королеве французской в 1775 году, г. Жерардом, каноником С. Лувовика Луврскаго. Тамбов: В вольной типографии, 1794. Ч. 1. 474 с. [Инскрипт на обороте форзаца]

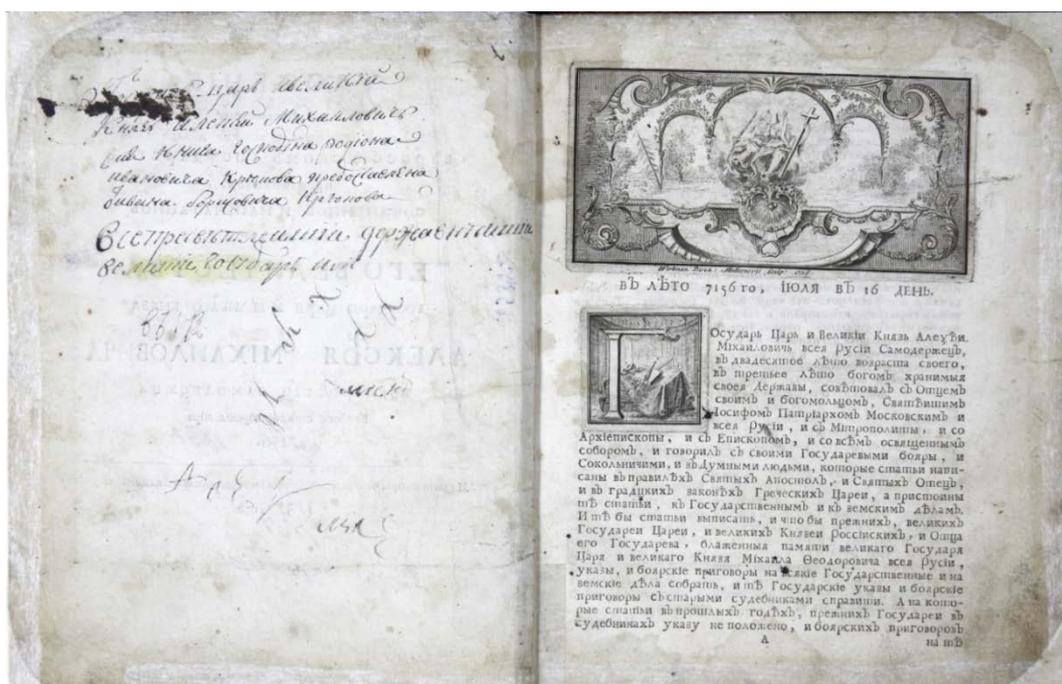

Рис. 7. Дарственная надпись Р.И. Крюкову на книге «Россия. Царь (Алексей Михайлович; 1645–1676)» (Санкт-Петербург, 1737)

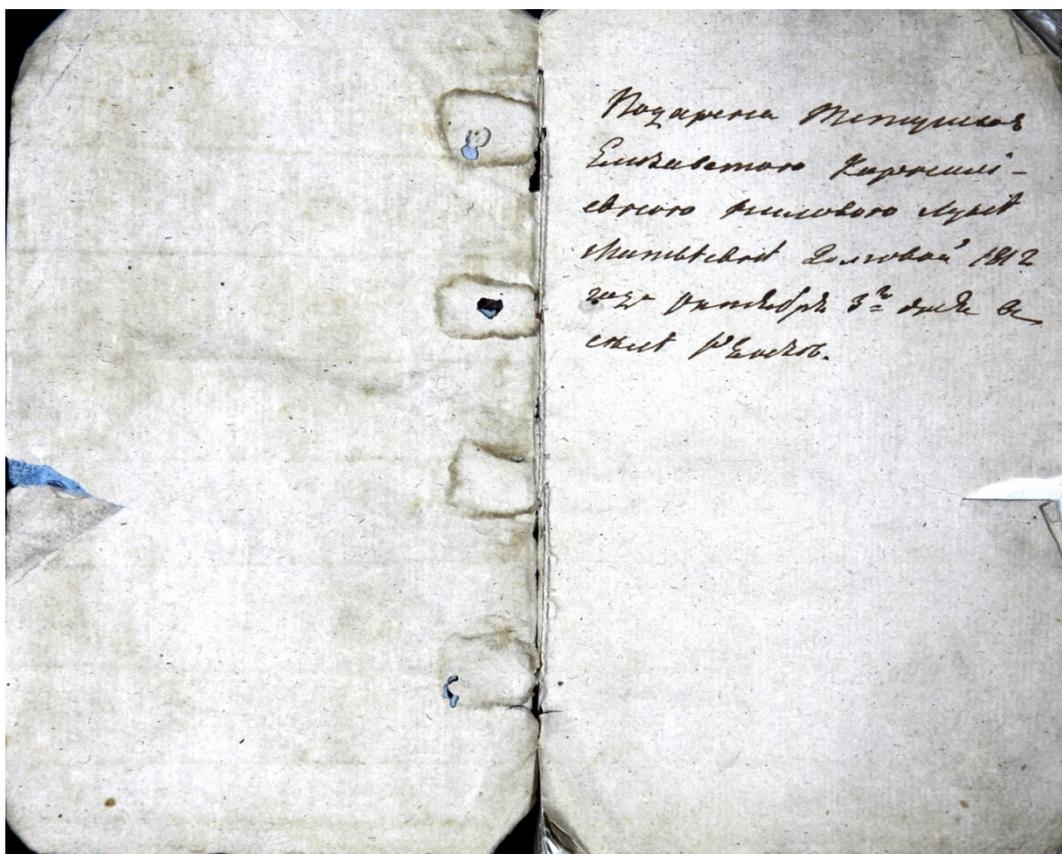

Рис. 8. Дарственная надпись Л.М. Долговой на книге Ф.Л. Жерара «Граф Вальмонт, или Заблуждения разсудка» (Тамбов, 1794)

Булгариса, переводом которого занимался Н. Кругликов. На обороте форзаца книги работник типографии оставил запись «Милостивому Государю Алексею Григорьевичу Господину Полковнику Корфу в знак усердия от переводчика Н. Кругликова»²⁰ (рис. 6). История появления этой книги в тамбовской коллекции неизвестна. По характеру переплёта издания можно отнести её к личной библиотеке Г.Р. Державина.

Крайне часто книги преподносили родственникам. Помимо всего прочего, это говорит о книгодарении как важном элементе семейных отношений. Среди выявленных надписей примером семейного инскрипта может являться автограф в книгах Крюковых. На обороте титульного листа издания «Россия. Царь (Алексей Михайлович; 1645–1676)» даритель сообщал о подарке своему отцу: «...Сия книга господина Редиона Ивановича Крюкова предоставлена Ивана Борисовича Крюкова»²¹ (рис. 7). На форзаце также дана надпись чернилами, разобрать которые не удалось. Для своего времени это было достаточно ценное издание. Особенности то-

²⁰ Евгений. Разсуждение на действительно критическое состояние Оттоманской Порты / Переведена с французского языка Александром Кругликовым. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1780. 79 с. [Инскрипт на обороте форзаца].

²¹ Россия. Царь (Алексей Михайлович; 1645–1676). Уложение, по которому суд и росправа во всяких делах производится, / Сочинённое и напечатанное при владении его величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156. Издано вторым тиснением. [Санктпетербург]: При Имп. Акад. наук, 1737. 248 с. [Инскрипт на обороте тит. л.].

ма подчёркивал гравированный портрет царя Алексея Михайловича работы Х.А. Вортмана, оформленный по образцу вкладного листа.

Эмоциональное значение несёт ещё один инскрипт Е.К. Ниловой на книге «Граф Вальмонт». На форзаце первой части издания чернилами было написано: «Подарена тётушкой Елизаветою Корньильевною Нилову Луше Митьевой Долговой 1812 октября 3-го дня в селе Рязне»²² (рис. 8). Данный автограф – типичный пример надписи из близкого окружения книговладельца, который стремится подчеркнуть значимость для него семейных ценностей и отношений. Обращает на себя внимание и исторический фон подарка. В это время семья находилась в эвакуации после сдачи Москвы французам. В моменты переживания за свою родину именно книга стала символом неразрывной связи поколений, памяти о времени и месте.

Рассмотрение инскриптов на книгах XVIII века позволяет подойти к изучению истории формирования коллекций тамбовской книги, проследить индивидуальные судьбы отдельных изданий, способы комплектования личных библиотек. Содержание выявленных надписей говорит о богатой книжной культуре рассматриваемого столетия, активном развитии книгообмена и дарения, большой ценности изданий для владельцев библиотек. В этот период книга начинает выступать транслятором «невещественных отношений», важным элементом межпоколенной связи разных владельцев собраний.

²² Указ. соч. [Инскрипт на форзаце].

Список литературы

1. Яцунок Е.И. Вступительная статья // Автографы поэтов Серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 3-18.
2. Озеров Л. Надпись на книге // Встречи с книгой. М., 1974. С. 228-242.
3. Бек Т. Писательский автограф на книге // Вопросы литературы. 1979. № 7. С. 302-306.
4. Янушкевич А.С. Инскрипт в творческой системе В.А. Жуковского и в книгах из его библиотеки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1 (13). С. 102-120.
5. Востриков А.В. Инскрипты из библиотеки Н.К. Михайловского // Культура и текст. 2015. № 4 (22). С. 133-153.
6. Тихоненкова Т.В. Инскрипты литераторов в фонде Отдела редких книг Тульской областной библиотеки // Новое литературное обозрение. 2005. № 1 (71). С. 54-64.
7. Горохова О.В. Инскрипты георгиевских кавалеров в фондах Костромской универсальной научной библиотеки // Вестник Военного университета. 2010. № 4 (24). С. 82-87.

8. *Морева О.В., Шумкова И.А.* Инскрипты литераторов и учёных-гуманитариев в фонде отдела редких книг Свердловской областной библиотеки им. В.Г. Белинского // Новое литературное обозрение. 2017. № 6 (148). С. 374-385.
9. *Патрина Л.Н., Житин Р.М.* Книжные собрания дворянских библиотек Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX века // Румянцевские чтения – 2019: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 277-280.
10. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. М.: Аспект Пресс, 1999. 453 с.
11. *Ласунский О.Г.* «На память и в знак уважения...»: о культуре книгодарения // Библиофилы России. М., 2005. Т. 2. С. 53-62.
12. *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: записки и дневник (1804–1877 гг.): в 2 т. СПб.: М.В. Пирожков, 1904–1905. Т. 1: Записки. 1804–1824 гг. 632 с.

References

1. Yatsunok E.I. Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. *Avtografy poetov Serebryanogo veka: Darstvennyye nadpisi na knigakh* [Autographs of the Silver Age Poets: Dedicatory Inscriptions on Books]. Moscow, 1995, pp. 3-18. (In Russian).
2. Ozerov L. Nadpis' na knige [Inscription on the book]. *Vstrechi s knigoy* [Meetings with the Book]. Moscow, 1974, pp. 228-242. (In Russian).
3. Bek T. Pisatel'skiy avtograf na knige [Writer's autograph on the book]. *Voprosy literatury* [Literature Issues], 1979, no. 7, pp. 302-306. (In Russian).
4. Yanushkevich A.S. Inskript v tvorcheskoy sisteme V.A. Zhukovskogo i v knigakh iz ego biblioteki [Inscription in V.A. Zhukovskys creative system and beyond it in the books of his library]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 1 (13), pp. 102-120. (In Russian).
5. Vostrikov A.V. Inskripty iz biblioteki N.K. Mikhaylovskogo [Inscriptions from Nikolai Mikhailovsky's library]. *Kul'tura i tekst – Culture and Text*, 2015, no. 4 (22), pp. 133-153. (In Russian).
6. Tikhonenkova T.V. Inskripty literatorov v fonde Otdela redkikh knig Tul'skoy oblastnoy biblioteki [Inscriptions of writers in the fund of the Department of rare books of the Tula regional library]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2005, no. 1 (71), pp. 54-64. (In Russian).
7. Gorokhova O.V. Inskripty georgiyevskikh kavalerov v fondakh Kostromskoy universal'noy nauchnoy biblioteki [The books of the St. George's order cavaliers in Kostroma Universal Research Library]. *Vestnik Voyennogo universiteta* [Bulletin of the Military University], 2010, no. 4 (24), pp. 82-87. (In Russian).
8. Moreva O.V., Shumkova I.A. Inskripty literatorov i uchenykh-gumanitariyev v fonde otdela redkikh knig Sverdlovskoy oblastnoy biblioteki im. V.G. Belinskogo [Inscriptions of writers and scientists-humanitarians in the fund of the department of rare books of the Sverdlovsk regional library named after V.G. Belinsky]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2017, no. 6 (148), pp. 374-385. (In Russian).
9. Patrina L.N., Zhitin R.M. Knizhnyye sobraniya dvoryanskikh bibliotek Tambovskoy gubernii kontsa XVIII – nachala XX veka [Book collections of noble libraries of Tambov Governorate of the late 18th – early 20th century. The problem of reconstruction and analysis of book heritage]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Rumyantsevskiy chteniye – 2019»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Rumyantsev Readings – 2019”]. Moscow, 2019, pp. 277-280. (In Russian).
10. Gukovskiy G.A. *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999, 453 p. (In Russian).
11. Lasunskiy O.G. «Na pamyat' i v znak uvazheniya...»: o kul'ture knigodareniya [“In memory and as a sign of respect...”: on the culture of bookmaking]. *Bibliofily Rossii* [Bibliophiles of Russia]. Moscow, 2005, vol. 2, pp. 53-62. (In Russian).
12. Nikitenko A.V. *Moya povest' o samom sebe i o tom, «chemu svidetel' v zhizni byl»: zapiski i dnevnik (1804–1877 gg.): v 2 t.* [A Story about myself and about “What I Witnessed in my Life”. Notes and Diary (1804–1877): in 2 vols.]. St. Petersburg, M.V. Pirozhkov Publ., 1904–1905, vol. 1: Notes, 1804–1824, 632 p. (In Russian).

Информация об авторах

Житин Руслан Магометомич, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фрактального моделирования социальных и политических процессов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: istorik08@mail.ru

Вклад в статью: идея и дизайн исследования, анализ первичного материала, написание части текста статьи, редактирование рукописи.

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: a-topil@yandex.ru

Вклад в статью: поиск литературы, работа с архивными материалами, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 12.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 21.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the authors

Ruslan M. Zhitin, Candidate of History, Research Worker of Center for Fractal Modeling of Social and Political Processes. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: istorik08@mail.ru

Contribution: study idea and design, source material analysis, part of manuscript text drafting, manuscript editing.

ORCID: 0000-0002-6031-6088

Aleksey G. Topilsky, Candidate of History, Senior Lecturer of General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: a-topil@yandex.ru

Contribution: literature search, work with archival materials, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0001-9416-1312

There is no conflict of interests.

Received 12 November 2020
Reviewed 21 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-151-164
УДК 351.758.1

Театрализация как способ изучения культурного пространства этноса

Татьяна Михайловна НИКОЛЬСКАЯ ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ timnik2004@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос о понятии театрализации и его роли для общего понимания культурного пространства этноса с точки зрения основных культурологических понятий. Здесь говорится об основных задачах, которые должен выполнять такой метод, как театрализация. Прослеживается взаимосвязь от простого движения в лице мимов до сложного по композиции театрального действия, зачастую сопряжённого с огромным количеством эффектов. Делается акцент на том факте, что именно театрализация помогает формировать ассоциативное восприятие этнокультурной действительности. Доказывается, что благодаря данному явлению погружение в этнокультурную действительность приобретает осмысленный характер и способствует формированию собственного представления о культурном коде народа. Приводятся примеры, сопровождаемые иллюстративным материалом, подтверждающие тот факт, что не только малые театрализованные формы, но и целостные театрализованные представления способствуют созданию целостной картины культурного кода этноса, а непосредственное тактильное восприятие лишний раз помогает в данном процессе. Кроме того, обосновывается, что подобный метод способствует ещё и осуществлению межкультурной коммуникации. Делается вывод о том, что именно театрализация совмещает в себе как искусство, так и другие виды деятельности, способствующие более быстрому, легкому, а главное – полному пониманию культурного пространства определенного этноса.

Ключевые слова: театрализация; этнокультурные традиции; межкультурная коммуникация; социально-психологическое воздействие

Для цитирования: Никольская Т.М. Театрализация как способ изучения культурного пространства этноса // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 151-164. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-151-164

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Theatricalization as a way to study the cultural space of an ethnic group

Tatiana M. NIKOLSKAIA ✉

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ timnik2004@mail.ru

Abstract. We consider the issue of the theatricalization concept and its role for a general cultural space understanding of an ethnic group, in terms of basic cultural concepts. We point out the main tasks that the theatricalization method should perform. The interrelation is traced from a simple movement in the mimes' face to a theatrical performance complex in composition, often associated with a huge number of effects. We focus on the fact that theatricalization helps to form an

associative perception of ethnocultural reality. We prove that due to this phenomenon, immersion in ethnocultural reality acquires a meaningful character and contributes to development of peculiar idea of people's cultural code. We provide examples, accompanied by illustrative material, confirming the fact that not only small theatrical forms, but also integral theatrical performances contribute to the creation of a holistic picture of the cultural code of an ethnic group, and direct tactile perception once again helps in this process. In addition, it is substantiated that this method also contributes to the implementation of intercultural communication. We conclude that theatricalization combines both art and other types of activity that contribute to a faster, easier, and most importantly, an intimate understanding of the cultural space of a particular ethnic group.

Keywords: theatricalization; ethnocultural traditions; intercultural communication; social and psychological impact

For citation: Nikolskaia T.M. Teatralizatsiya kak sposob izucheniya kul'turnogo prostranstva etnosa (na materiale tolkovykh slovarey) [Theatricalization as a way to study the cultural space of an ethnic group]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 151-164. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-151-164 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В настоящее время при изучении культурного пространства того или иного этноса важно сформировать целостное представление, а для этого необходимо понять некий код, который и поможет созданию художественного образа.

При этом рассматривается огромное количество критериев, которые могут влиять на этот процесс. Это и книги, и музыка, конечно же изобразительное искусство и иконопись. Особое внимание уделяется этнокультурному аспекту. Изучение определённого историко-культурного пласта – это неотъемлемая часть становления и развития любого этноса, а также отдельных личностей и их внутренней составляющей.

Знакомство с этнокультурным наследием, как правило, ограничивается просто изучением отдельных элементов: таких как обряд, костюм, кухня и т. д. В данной связи формирование целостного представления является несколько затруднительным, так как отсутствует такой немаловажный аспект, как визуализация, формирующая ассоциативное восприятие этнокультурной действительности. Возможным решением данной проблемы может стать театрализация и её элементы, что широко применяется в различных странах.

В соответствии с самой известной точкой зрения, «теа́трализация – организация в рамках праздника материала (документального и художественного) и аудитории (вербальная, физическая и художественная акти-

визация) по законам драматургии на основе конкретной событийности, рождающей психологическую потребность коллективной общности в реализации праздничной ситуации» [1].

Но, применяя подобный метод, не стоит забывать о том, что задача театрализации – это не простое привлечение художественного материала в ту или иную форму досуга, и не только иллюстрация в более сложном её варианте. Театрализация должна быть наряду со всем вышеперечисленным способствовать вовлечению в необходимую этнокультурную среду, вызывая соответственный ассоциативный ряд. Но, тем не менее, подобное явление не может быть использовано всегда, а только для определенных событий, обращая нас к эмоционально-образной сфере человеческого восприятия, необходимого для понимания включенности в общий культурный код этноса.

Театрализация – это представление некой реальности в её многообразии. Благодаря данному явлению, погружение в этнокультурную действительность приобретает осмысленный характер и способствует формированию собственного представления о культурном коде народа.

Театрализация возможна в различных её проявлениях. Это может быть «живая скульптура», которая широко известна в Европе, и её часто можно увидеть на улицах европейских городов. Так же проявлением подобного метода может стать костюмиро-

ванное представление (бал). Ещё одной разновидностью является и организация стилизованных встреч, проведение этнических праздников и многое другое.

Рассмотрим некоторые из них. Например, такое интересное явление, как «живая скульптура», появилось сравнительно недавно, а именно в 60–70-е гг. XX века и представляла собой новую форму, способ выражения произведений искусства. «Сам аттракцион живых скульптур, которые теперь можно увидеть в большом количестве на улицах городов Европы, придумали трое мимов, выходцев из Латинской Америки – Тонио, Пепе и Пако» [2]. Пантомима (выступление мимов) имеет глубокие корни, уходящие в античность. Но сегодня она вышла за рамки театра. Сама по себе «Живая скульптура» – вид пантомимы, где актёр, находящийся, как правило, на улице, имитирует статую из металла или мрамора. Человек, выполняющий роль «живой статуи», на протяжении длительного времени находится без движения, но когда кто-нибудь кинет монетку, статуя должна «ожить», то есть сыграть сценку (рис. 1, 2). Как правило, «статуи» должны своими действиями привлечь прохожих, чтобы те останавливались и платили ещё больше.

Сходства со статуей добиваются путём наложения грима и краски, причём не только на лицо, но и на одежду. Костюм должен быть максимально правдоподобным, так как на него обращают внимание прохожие в первую очередь, поэтому его подготовке уделяется большое внимание.

Гримм также важен, так как создаёт наиболее полное впечатление от образа, позволяя достичь зеркальной схожести.

Обязательно у «живой статуи» присутствуют аксессуары, дополняющие образ.

Персонаж выбирается каждым актёром в зависимости от внутренней потребности и желания, а также от многих других личностных факторов, так как каждое выступление мима – это спектакль, и здесь требуется не меньшее погружение в образ, чем на сцене. На данную работу соглашаются, как правило, молодые актёры, желающие подработать, но выдерживают далеко не все, что обусловлено многочасовым нахождением в гриме и статичным состоянием. Выступление необхо-

димо отработать актёрскую игру перед выходом на публику, чтобы движения были чёткие и удивляли прохожих. И обязательным аспектом является также и история образа, без которой погружение практически невозможно. Будет явно чувствоваться неестественность и фальшь.

Практически каждый европейский город считает обязательным появление подобного рода спектаклей на улицах города, так как они не меньшая достопримечательность, чем статичные объекты.

Рис. 1. «Живая скульптура» «Часы»

Рис. 2. Фигура «живой скульптуры»

Есть подобные попытки приобщения к национальной культуре и в России. Например, в городе Тамбове, в рамках V Покровской ярмарки было проведён фестиваль тамбовской картошки, на котором активное участие приняла Детская художественная школа № 2 декоративно-прикладного искусства им. В.Д. Поленова при участии студентов Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, направления подготовки Культурология, с инсталляцией «Тамбов золотокартофельный» (рис. 3).

Была проведена тщательная подготовка: сделан проект, основной задачей которого было показать, что картошка – это не просто продукт, но она может быть также и художественным материалом. В результате появился подиум с силуэтом Тамбова, сделанным из картофеля, покрытого золотой краской, что символизировало необходимость и важность данного продукта для региона. Здесь же были представлены и продукты, сопутствующие сбору урожая. Кроме того, для оживления данной композиции были использованы впервые в Тамбове так называемые «живые» скульптуры сборщиц картофеля.

Рис. 3. Подиум с фигурами «Тамбов золотокартофельный»

В качестве артистов, изображавших сборщиц, выступили студенты направления Культурология Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, а костюмы были смоделированы и выполнены самостоятельно, так же как и грим. Скульптуры, так же как и везде, были неподвижны, пока кто-нибудь не подходил к ним, после этого они воспроизводили произвольный поклон, а некоторые получали в подарок сюрприз в виде «золотого» или «серебряного» картофеля. Это приводило в восторг всех жителей города, вызывая неподдельный интерес к этой композиции.

Таким образом, была попытка воспроизвести «живые» скульптуры, имеющие схожесть с европейскими. Этот опыт может стать одной из особенностей Покровской ярмарки, да и не только ярмарки, а может быть использован на праздновании Дня города и других мероприятиях, став отличительной чертой Покровской ярмарки города Тамбова.

Таким образом, «живая скульптура» – это одна из форм театрализации, позволяющая воспринимать культурное пространство того или иного этноса не только с точки зрения неподвижных объектов, но движущихся, придающих особый колорит и позволяющих более полно погрузиться в наследие народа.

В целом, приобщение к национальным традициям и к многовековой истории в России существовало достаточно давно. В качестве примера можно рассмотреть знаменитый костюмированный бал Романовых, проходивший в Санкт-Петербурге в 1903 г. Все гости собрались в Петербурге, в Зимнем дворце. Гости должны были присутствовать в костюмах эпохи Алексея Михайловича. Это был бал-маскарад, на который прибыло более 390 гостей. Все образы создавались по эскизам художника Сергея Соломко. Также здесь применялись и оригинальные царские предметы из Оружейной палаты.

Празднования длились два дня. «В первый день пировали и танцевали, а во второй прошёл маскарад»¹. На праздновании при-

¹ Великолепие костюмированного бала Романовых в раскрашенных фотографиях 1903 года. URL: <https://cameralabs.org/12722-velikolepie-kostyumirovannogo-bala-romanovykh-v-raskrashennykh-fotografiyakh-1903-goda> (дата обращения: 14.06.2020).

существовали также фотографы, которые смогли запечатлеть всё великолепие костюмов, которое наблюдалось на празднике. Был создан даже «Альбом костюмированного бала в Зимнем дворце» [3]. Николай II надеялся возродить обряды и одежды московского двора, но последующие печальные события помешали этому.

Все наряды были украшены драгоценными камнями и мехами, но полностью соответствовали образам эпохи.

«Баронесса С.К. Буксгевден, фрейлина императрицы Александры Федоровны» [3], так писала: «Императрица проявила особенный интерес ко всем приготовлениям к этому балу; она сама, с помощью директора музея Эрмитажа Ивана Александровича Всеволожского, представившего ей необходимую историческую информацию, оформила свой костюм и костюм императора... Мужчины и женщины из высшего общества соперничали друг с другом на этом балу. Из частных коллекций специально для этого случая извлекли великолепные посохи, драгоценности и меха. Офицеры нарядились в мундиры того времени, а придворные оделись в платья, принятые при дворе царя Алексея. Великие княгини были одеты подобно своим прародительницам, а их наряды создавались лучшими современными мастерами. Очаровательнее всех смотрелась на этом балу великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Все танцевали старинные русские танцы, заранее тщательно разученные, – зрелище было поистине завораживающим»² (рис. 4–6).

Сам Николай II был облачен в костюм, который являлся точной копией парадного одеяния Алексея Михайловича: «кафтан и опашень золотой парчи, царская шапка и жезл – ныне хранятся в Оружейной палате Московского кремля» [4]. Непосредственно эскиз данного костюма был разработан И.А. Всеволожским, директором Эрмитажа, совместно с Е.П. Пономаревым, художником Санкт-Петербургских императорских театров, а ткани изготовлены на заказ. Сам костюм был сшит театральным костюмером при помощи двух портних. На платье были на-

шиты детали со старых облачений XVII века. Для воссоздания полноты образа в костюме использовались и настоящие украшения, например, жемчужные запястья, а также подвеска царя Алексея Михайловича (рис. 7, 8).

Рис. 4. Зинаида Юсупова

Рис. 5. Фрейлина Графиня Елизавета Александровна Шереметьева

² Костюмированный бал 1903 года // Виртуальный музей Надежды Петровны Ламановой. URL: http://lamanova.com/19_bal_1903.html (дата обращения: 14.06.2020).

Рис. 6. Фрейлина императрицы баронесса Эмма Владимировна Фредерикс

Рис. 7. Николай II и Александра Фёдоровна

Рис. 8. Запона-подвеска царя Алексея Михайловича. Стамбул, вторая половина XVII в.

Все эти предметы Николай II поручил выбрать своим дяде и тёте. Из дневников Сергея Александровича: «В 1/2 3 ч. с женой в Оружейную палату и выбирали старинные вещи для костюма Ники» [5]. Из телеграммы Сергея Александровича Николаю от 28 января 1903 г.: «Мы выбрали в Оружейной палате всё, что Ты приказал; надеюсь, останешься доволен» [5].

На императрице Александре Фёдоровне был надет костюм царицы Марии Ильиничны. Для данного облачения эскиз выполнили также художники Е.П. Пономарев и И.А. Всеволожский. Предположительно образ взят с изображения на иконе «Кийский крест с предстоящими» 1671 г., но есть ряд различий, говорящих о том, что в данном случае была задача передать некий образ, а не чётко следовать образцу. В этом и состоит одна из особенностей театрализации – передача эмоционального фона.

Данное событие вошло в историю как грандиозный бал, запомнившийся исторически точными и богато украшенными нарядами. Многие из этих костюмов не сохранились, но так как были сделаны фотографии, сегодня мы можем представить всю грандиозность данного мероприятия (рис. 9).

Рис. 9. Костюмированный бал 1903 г.

Рис. 10. Фото билета В.П. Шнейдер, позволявшего присутствовать на богослужениях, крестных ходах и молебнах во время Саровских торжеств. 1903 г. Бумага, печать, чернила. ИРЛИ (Пушкинский Дом)

Это был не первый подобного рода бал. Первым был бал в стиле *à la russe*, который устроил Великий князь Владимир Александрович с супругой в собственном дворце во времена правления Александра III. А последний состоялся годом позже – в 1904 г.

В 1903 г. состоялось и ещё одно мероприятие, которое с точки зрения своей постановки и театрализации не уступало многим другим.

«Саровские торжества 1903 года» – событие, которое позволило применить элементы театрализации, сопряжённые не просто с историческим контекстом, а также и с этнокультурным пространством определённого региона, задействовав при этом огромное количество личного материала.

Данное мероприятие было достаточно массовым, и поэтому были организованы специальные медпункты, места ожидания, построены бараки для ночлега. Вход на богослужения и присутствие на крестных ходах осуществлялся по специальным билетам (рис. 10).

На торжества прибыло огромное количество паломников. По некоторым данным от 100 до 300 тысяч человек. Поэтому, несмотря на все меры по размещению паломников, предпринятые организаторами, места не хватало.

Имя Серафима Саровского тесно связано с императорской семьёй. Считается, что ещё Александр I посещал Святого в его келье. Николай II со своей супругой также посещал Саров в надежде обрести наследника.

В связи с этим особым отношением царской семьи к данному Святому и связаны торжества 1903 г., приуроченные к перенесению мощей Серафима Саровского. Торжества продолжались весь июль. А в середине месяца Император со своей женой прибыли в Саров. Император должен был проследовать через Нижегородскую и частично Тамбовскую губернии. Для его приёма и были организованы мероприятия на границе Нижегородской и Тамбовской областей. Заниматься организацией торжеств было поручено В.П. Шнейдер.

В.П. Шнейдер происходила из германских дворян. Варвара Петровна, являясь знатоком русских народных традиций и искусства, огромное внимание уделяла их распространению. По заказу губернатора Тамбовской области фон дер Лауница, «Варвара Петровна сделала проект арки и убранства пути следования императора границы Тамбовской и Нижегородской области» [6] (рис. 11). Будучи человеком консервативного воспитания и очень ответственным, В.П. Шнейдер переживала и ответственно относилась ко всем мелочам. Из её воспоминаний: «...мне

Рис. 11. Фото арки на границе Нижегородской и Тамбовской губерний, созданной В.П. Шнейдер. Фотография 1903 г. РГИА

предложили сделать проект арки и убранства пути для встречи Г<осуда>ря на границе Тамб<овской> губ<ернии> и Нижегородской. Предложение исходило от Тамб<овского> губернатора ф<он> дер Лауница. Я послала проект, он очень понравился, только для его исполнения Лауниц потребовал личного присутствия. Т<ак> как я <в> это время очень увлекалась работами и сборами этнографическими, то присутствие в Сарове, где ожидалось 200000 народу со всех концов России, было очень заманчиво. Ещё до отъезда удалось купить некоторые уже изготовленные детали декоративных украшений (орлы, венки, бархат для надписи и пр., оставшиеся после праздника 200-летия) у Лейферта, и это было очень удачно, т<ак> как очень сокращало расходы» [5].

Даже по пути следования к месту организации самого торжества Варвара Петровна продолжала приобретать вещи, которые могли бы соответствовать этнографическому контексту торжества и помочь оформить все театрализованные мероприятия. Варвара Петровна так писала об этом: «На одном из постоянных дворов на ст<анции> Новочадовие я купила кувшин, оплетённый лыком, на столе была солонка с двумя коньками довольно тонкой резьбы, но за неё просили 2 р. 50, а жбан с базара Киевского завода с интересным запором был очень громоздок, мужик обещал мне доставить в Саров такой же, но не дошёл, я очень жалею, что упустила жбан. Здесь же купила себе подсвечник с алексеевским орликом» [5].

Также В.П. Шнейдер было поручено заниматься и театрализованной встречей императора. Одежда людей, встречающих императора, также была подобрана и оформлена с её участием. Но прежде она тщательно изучила местные национальные костюмы, а уже потом они были сделаны и представлены на празднике.

Граница Нижегородской и Тамбовской губерний проходила между Балыковым и Саровом. Здесь и была размещена арка и здесь же торжественно встречали императора Николая II. Встречали губернатор, представители городов и различных сословий с подарками. Построение встречавших было также не случайным и способствовало наилучшему восприятию того этнографического

контекста, в котором находился царь. Первые ряды состояли из рослых великорусских крестьянок в вышитых сарафанах и кокошниках из парчи, украшенных золотом. Далее следовали ряды представителей мордвы, костюмы которых представляли собой расширенные различными народными узорами белые костюмы. Для создания полноты картины и показа целостной многонациональности и эффектности народной одежды стояли и татары в разноцветных (зелёных, белых и чёрных) халатах (рис. 12–14).

Таким образом, подобная театрализованность торжества способствовала не только правильному восприятию этнического контекста, но и помогла сформировать правильный эмоциональный фон всего мероприятия, поддерживая подъём патриотического духа и настроения народа.

В советское время театрализация также широко использовалась. Само явление театрализации как особого метода в художественно-массовой работе возникло в 50-е гг. XX века. В это время театрализация являлась одним из средств организации досуга, а также объектом массовой пропаганды. Театрализованные представления тех лет – это возможность реализовать послевоенную тягу к творчеству, являясь формой общественных встреч.

Например, широкое распространение в 50-х гг. XX века получили театрализованные спортивные представления. Например, в 1957 г. на новом, только что построенном стадионе им. С.М. Кирова, в честь 250-летия Ленинграда, было проведено театрализованное спортивное мероприятие, а режиссёром его стал всемирно известный, народный артист СССР Г.А. Товстоногов.

Начинались мероприятия на площади Искусств, где был открыт памятник А.С. Пушкину (рис. 15).

Также был заложен камень на том месте, где в будущем будет располагаться ТЮЗ.

Одним из знаменательнейших моментов в праздновании стало прибытие паровоза № 293, на котором В.И. Ленин отправился в эмиграцию, а потом вернулся (рис. 16).

Самое главное действо, проходившее на стадионе, представляло различные эпохи, а именно: Основание города, Революцию, как знаковый период, Блокаду, оказавшую неиз-

Рис. 12. Сельские жительницы в национальных костюмах Тамбовской губернии во время встречи императора Николая II. Фотография 1903 г. РГИА

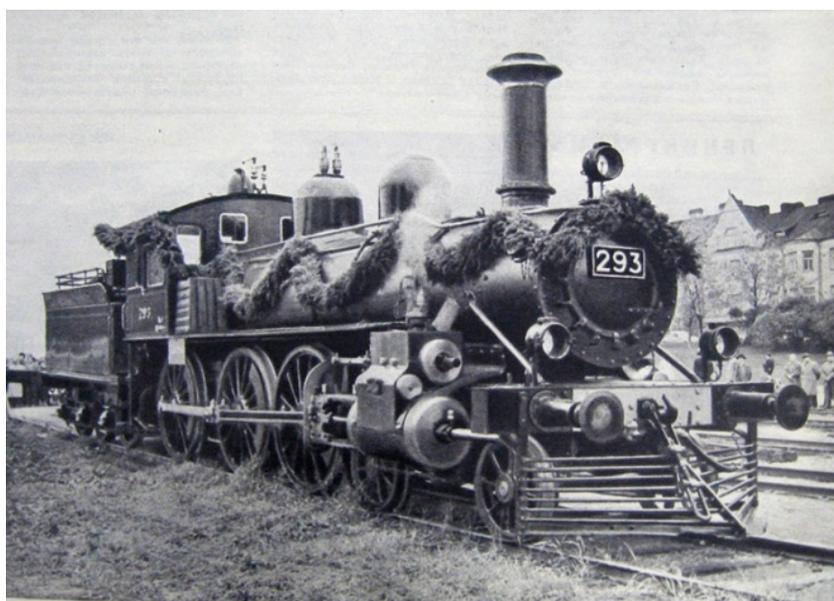
Рис. 13. Сельские старосты с хлебом – солью. РГИА

Рис. 14. Николай II и жители в национальных костюмах на границе Нижегородской и Тамбовской губерний. Фотография 1903 г. РГИА

Рис. 15. Памятник Пушкину на площади Искусств в Санкт-Петербурге работы М. Аникушина

Рис. 16. Паровоз № 293 перед отправкой в Россию

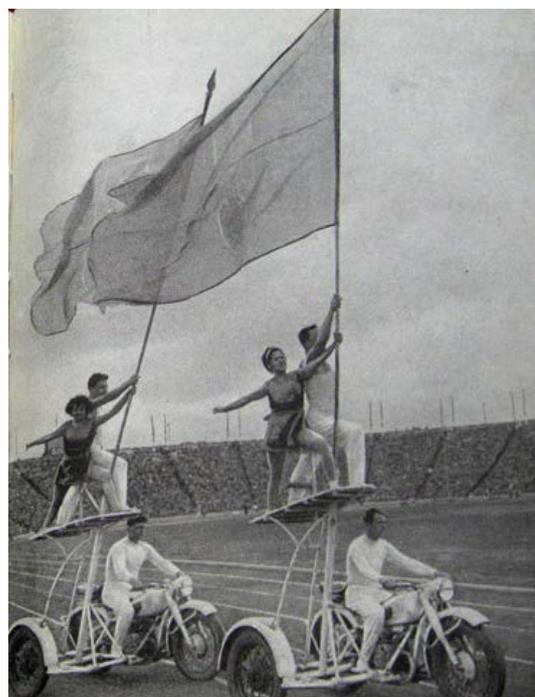
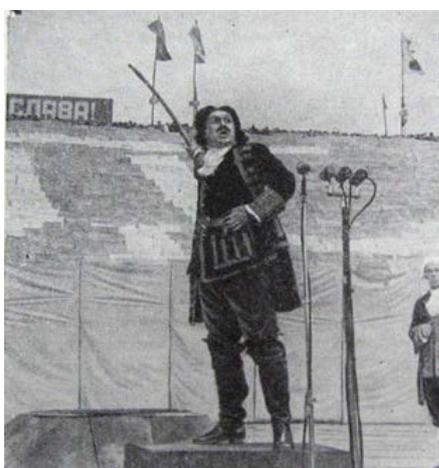

Рис. 17. Праздник на стадионе имени Кирова [7]

глядимое впечатление на весь мир. Занято было около двух тысяч человек. Также здесь был физкультурный парад (рис. 17).

Представление было грандиозным. До этого момента в Ленинграде подобного не проводили. Были здесь и флаги, которые изображали волнуемое море, служившее подобием экрана. Здесь импровизированные часы отсчитывали века, и век имперский с двуглавым орлом сменился революционным маршем.

Закончился праздник на улицах города, где находилось огромное количество людей, воодушевлённых таким представлением.

Подобная театрализация помогла не только организовать праздник как таковой, но и смогла представить историко-этнический контекст, а также способствовала общему эмоциональному и патриотическому настрою, что далеко не всегда возможно без использования подобного метода.

Сегодня также присутствует театрализация. Хотя не всегда на высоком уровне. Например, костюмированные фото рядом с памятниками архитектуры и искусства на улицах различных городов: люди, одетые в костюмы эпохи Петра I или эпохи революции и советского прошлого.

Но, тем не менее, достаточно огромное количество тех мероприятий, которые стали знаковыми в нашей стране. С уверенностью можно сказать об Олимпиаде-80, проходившей в Москве, или недавней Олимпиаде, прошедшей в Сочи в 2014 г.

Настоящий период времени характеризуется стремительным развитием технических средств, которые позволяют нам не только увидеть предполагаемое будущее или прошлое, но и ощутить его (так называемые эффекты 3D, 5D и т. д.). Но, тем не менее, каждому человеку необходимо тактильное восприятие предметов для полноты картины происходящего, а также возможность поучаствовать в том или ином процессе. Кроме того, данный метод способствует созданию эмоционального фона и помогает ярче и чётче воспринять культурный код того или иного этноса.

В связи с этим театрализация является тем элементом, который наиболее полно и точно соответствует данному требованию. Кроме того, это тот элемент, использование которого возможно для аудитории различного возраста, а также различных целевых аудиторий, так как он понятен и легко усваивается. Также необходимо отметить тот факт, что подобный метод интересен как в простом исполнении в виде застывшей «живой» скульптуры, так и в виде большого театрализованного действия с применением различного рода спецэффектов.

Итак, театрализация – это своеобразный метод, основывающийся на переосмыслении определённых фактов, действий, обрядов, то есть этнокультурной модели общества. Сегодня данный способ изучения этноса становится очень популярным, так как помогает не просто донести информацию на словообразовательном уровне, но и привлечь художественный материал, осуществляя тем самым формирование общего историко-эмоционального понимания культуры определённого народа. Подобный метод создаёт культурологический контекст, способствующий осуществлению межкультурных коммуникативных связей на социально-психологическом уровне. А «с позиций психолого-педагогического аспекта сценарий театрализованных форм является художественно-педагогической программой взаимодействия с участниками культурно-досуговой деятельности, а именно: вербально-речевой, ритуально-символической, игровой и творческо-исполнительской активности. Отсюда определение организационно-педагогической цели становится одной важнейшей задачей при подготовке театрализованных программ» [8].

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что театрализация, совмещающая в себе искусство и различные виды деятельности, способствует более быстрому, лёгкому, а главное – полному пониманию культурного пространства определённого этноса.

Список литературы

1. Конович А.А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М.: Высш. шк., 1990. 208 с.
2. VIII Поленовские чтения. Искусство и педагогика – теоретическое и практическое: материалы Междунар. науч.-практ. конф.-форума, посвящ. 25-летию образования МБОУ ДО Детской художествен-

ной школы № 2 ПДИ им. В.Д. Поленова г. Тамбова / гл. ред. М.В. Никольский. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. 368 с.

3. Экиут С. С короля – на бал // Родина. 2016. № 7. С. 48-50.
4. Софьина М.В., Софьин Д.М. Дневники великого князя Сергея Александровича: история публикаций // Кубанские исторические чтения: материалы 8 Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2017. С. 213-217.
5. Шнейдер В.П. Саровские торжества // Наше наследие. 2007. № 83-84.
6. Лончинская Т.Е. Искусствоведческая и педагогическая деятельность В.П. Шнейдер (по материалам архивных документов) // Декоративно-прикладное искусство и образование. 2014. № 1 (8). С. 26-38.
7. Рассказ о празднике: 250-летие Ленинграда: сб. / сост. А. Бейлин. Л.: Лениздат, 1957. 241 с.
8. Плюснин А.Д. Творческий метод театрализации как феномен социально-культурной деятельности: психолого-педагогический аспект // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 4 (71). С. 99-101.

References

1. Konovich A.A. *Teatralizovannyye prazdniki i obryady v SSSR*. [Theatrical Festivals and Rituals in the Soviet Union]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990, 208 p. (In Russian).
2. Nikolskiy M.V. (ed.-in-chief). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii-foruma, posvyashchennoy 25-letiyu obrazovaniya MBOU DO Detskoy khudozhestvennoy shkoly № 2 PDI im. V.D. Polenova g. Tambova «VIII Polenovskiy chteniya. Iskustvo i pedagogika – teoreticheskoye i prakticheskoye»* [Proceedings of International research and practice conference, dedicated to the 25th anniversary of the Children's Art School no. 2 of Applied and Decorative Arts named after V.D. Polenov, Tambov "8th Polenov Reads. Art and Pedagogy – Theoretical and Practical"]. Tambov, Print-Service Publ., 2017, 368 p. (In Russian).
3. Ekshchut S. S korolya – na bal [From the king to the ball]. *Rodina* [Motherland], 2016, no. 7, pp. 48-50. (In Russian).
4. Sofina M.V., Sofin D.M. Dnevniky velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha: istoriya publikatsiy [Diaries of Grand Duke Sergei Alexandrovich: the publishing history]. *Materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Kubanskiye istoricheskiye chteniya»* [Proceedings of the 8th International research and practice conference "Kuban Historical Readings"]. Krasnodar, Krasnodar Center for Scientific and Technical Information Publ., 2017, pp. 213-217. (In Russian).
5. Shneyder V.P. Sarovskiy torzhestva [Sarov celebrations]. *Nashe nasledie – Our Heritage*, 2007, no. 83-84. (In Russian).
6. Lonchinskaya T.E. Iskustvovedcheskaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' V.P. Shneyder (po materialam arkhivnykh dokumentov) [Art history and pedagogical activity of V.P. Schneider (based on archival documents)]. *Dekorativno-prikladnoye iskusstvo i obrazovaniye – Traditional Applied Art and Education*, 2014, no. 1 (8), pp. 26-38. (In Russian).
7. Beylin A. (compiler). *Rasskaz o prazdnike: 250-letiy Leningrada* [A Story about the Holiday: the 250th Anniversary of Leningrad]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1957, 241 p. (In Russian).
8. Plyusnin A.D. Tvorcheskiy metod teatralizatsii kak fenomen sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti: psikhologo-pedagogicheskiy aspekt [The creative method of theatricalization as a phenomenon of social and cultural activity: psychological and pedagogical aspect]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya – World of Science, Culture and Education*, 2018, no. 4 (71), pp. 99-101. (In Russian).

Информация об авторе

Никольская Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культуроведения и социокультурных проектов. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: timnik2004@mail.ru

Вклад в статью: идея, поиск и анализ литературы, культурно-исторический анализ, написание статьи.

Поступила в редакцию 31.07.2020 г.
Поступила после рецензирования 03.09.2020 г.
Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Tatyana M. Nikolskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Cultural Studies and Social Cultural Projects Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: timnik2004@mail.ru

Contribution: idea, literature search and analysis, cultural and historical analysis, manuscript drafting.

ORCID: 0000-0002-1525-3161

Received 31 July 2020
Reviewed 3 September 2020
Accepted for press 25 September 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-165-179

УДК 398.21

Русские народные сказки в США: в графических комментариях А. Алексеева и научном осмыслении Р. Якобсона

Лола Уткировна ЗВОНАРЁВА ✉, Олег Викторович ЗВОНАРЁВ

Институт мировых цивилизаций

119049, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский проспект, 1/2, корп. 1

✉ lzvonareva@mail.ru

Аннотация. Проанализированы графические комментарии русского художника эмигранта первой волны Александра Алексеева к русским народным сказкам, изданным в США в 1946 г. Отмечено: А. Алексеев был не первым иллюстратором русских волшебных сказок в США, поскольку первым их проиллюстрировал великий русский художник-иллюстратор И.Я. Билибин. А. Алексеев привнёс в иллюстрирование народных сказок своё видение художественных образов, соединив старославянские мотивы и христианскую символику. Подчёркнуто: уникальность издания объясняется ещё и тем, что предисловие к нему принадлежит перу известного филолога и исследователя древнеславянского и русского фольклора Романа Якобсона, текст которого приводится впервые на русском языке. Кратко рассматривая жизненный путь и научные интересы Р. Якобсона, отмечено: логичным представляется то, что он принял не только таинство православного крещения, но и стал разделять научные воззрения сторонников «евразийства». С этой точки зрения, анализируемое издание русских волшебных сказок целостно по содержанию, гармонично объединяя традиционные ценности культурного наследия русского мира и творчество выдающихся деятелей, развивавших и пропагандировавших своими трудами его ценности и непреходящее значение.

Ключевые слова: Александр Алексеев; Роман Якобсон; Иван Билибин; Н.Я. Данилевский; русские народные сказки; книжная иллюстрация; древнеславянская и древнерусская культура; русский мир; евразийство

Для цитирования: Звонарёва Л.У., Звонарёв О.В. Русские народные сказки в США: в графических комментариях А. Алексеева и научном осмыслении Р. Якобсона // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 165-179. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-165-179

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Russian fairy tales in the USA: Alexander Alexeieff's graphic interpretation and Roman Jacobson's scientific comprehension

Lola U. ZVONAREVA ✉, Oleg V. ZVONAREV

Institute of World Civilizations

1 Bldg., 1/2 Leninsky Ave., Moscow 119049, Russian Federation

✉ lzvonareva@mail.ru

Abstract. We analyze the graphic commentaries of Alexander Alexeieff, the illustrator and the first wave emigrant, made for The Russian Fairy tales published in the USA in 1946. We believe A. Alexeieff to have been the second to illustrate The Russian Fairy tales in the USA as Ivan Bilibin, the eminent Russian painter and book illustrator had preceded him. A. Alekseev brought his

vision of artistic images to the illustration of The Russian Fairy tales, combining ancient Slavonic motives with Christian symbolism. We assume the publication also to be unique as Roman Jakobson, the well-known philologist and ancient Slavonic and Russian folklore explorer wrote the foreword to the book being cited in Russian for the first time. Having briefly considered R. Jakobson's life and creative work, we presume it to be quite logical for Jakobson to have been baptized according to the Russian Orthodox tradition, as well as to have backed up the theory of Eurasianism. From this point of view, the analyzed edition of The Russian Fairy tales is holistic in content, harmoniously combining the traditional values of the cultural heritage of the Russian world and the work of outstanding figures that developed and propagated its values and enduring significance through their works.

Keywords: Alexander Alexeieff; Roman Jakobson; Ivan Bilibin; N.Y. Danilevskij; Russian Fairy tales; book illustration; ancient Slavonic and ancient Russian culture; Russian world; Eurasianism

For citation: Zvonareva L.U., Zvonarev O.V. Russkiye narodnyye skazki v SSHA: v grafičeskikh kommentariyakh A. Alekseyeva i nauchnom osmyslenii R. Yakobsona [Russian fairy tales in the USA: Alexander Alexeieff's graphic interpretation and Roman Jakobson's scientific comprehension]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 165-179. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-165-179 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

* * *

Русский художник-эмигрант первой волны Александр Александрович Алексеев (1901, Казань – 1982, Париж) стал в США вторым, после И.Я. Билибина, иллюстратором русских народных сказок. С Билибиным Алексеев познакомился в 1920 г. в Египте, где показал ему работы и получил рекомендательное письмо, оно помогло не имевшему профессионального художественного образования молодому человеку устроиться помощником декоратора в один из парижских театров. Завоевавший известность книжный график, изобретатель игольчатого экрана и автор знаменитого анимационного фильма Алексеев уезжает в США: «Скоро Париж окажется в руках немцев. Я боюсь, что они придут за мной и заставят делать для них пропагандистские фильмы» [1, с. 39].

В сентябре 1940 г. Алексеев и его ученица американка Клер Паркер прибывают в Нью-Йорк, переезжают в штат Невада, где художник разводится с первой женой Александрой Гриневской и вступает в брак с Клер, с которой проживут сорок лет, «жизнь неправдоподобно счастливую» [1, с. 40]. В Нью-Йорке Алексеев разыщет Жака Шифрина, выпустившего в парижском издательстве «Плеяда» «Записки сумасшедшего» и «Братья Карамазовы» с иллюстрациями, принёсшими художнику славу. В нью-йоркском пригороде Маунт-Вернон, куда молодая пара

переберётся, состоится рождение издательства «Пантеон букс» во главе с Шифриным. Главным занятием Алексеева стала работа над новым игольчатым экраном. Вскоре они получили первый американский контракт на короткую заставку с картой США к информационным фильмам для демонстрации в войсках за рубежом, использовавшуюся в тысячах американских пропагандистских фильмов времён Второй мировой войны [2].

Дочь Алексеева Светлана вспоминает: «Эмиграция была трудным временем для всех художников и интеллектуалов, вынужденных бежать из Европы в Америку. Им пришлось столкнуться с проблемами элементарного выживания: искать кров и приспособиться к жизни в незнакомой стране, где порядки сильно отличались от тех, к которым они привыкли дома» [1, с. 60].

Шифрин предлагает художнику иллюстрировать «Рассказы и легенды» Л. Толстого и русские народные сказки из собрания А. Афанасьева. «Рассказы и легенды» выйдут в Нью-Йорке в 1943 г. [3]. «Русские волшебные сказки» – первым изданием в 1945-м. Алексеев приступает к русским народным сказкам, работая в ином ключе, неожиданно более жёстком и строгом, хотя, казалось бы, использовал лубочные приёмы и образы.

Готовясь иллюстрировать народные сказки, художник в музее Метрополитен фотографирует предметы русского народного

искусства из коллекции изящных искусств: старинные гравюры, костюмы, изображения русских дворян, план старой Москвы; иллюстрированные издания, посвящённые искусству скифов; издания «Парижская мода», «Иллюстрированная мода», «Журнал моды», «Журнал для девушек».

Солидный том в 672 страницы со работами художника выдерживает в США три издания – в 1945, 1946 и в 1973 г., два из них – первое и третье – в издательстве «Пантеон Букс»¹. В том включено двести из шестисот собранных А.Н. Афанасьевым сказок. Перевод на английский – Норберта Гутермана. В послесловии – статья Романа Якобсона. Переплёт обтянут оранжевой тканью с золотым тиснением – изображением сказочной Жар-птицы на лицевой крышке. Зелёная целофанованная суперобложка украшена рисунками. Книга спрятана в футляр в таком же оформлении с изменённым повтором цветной иллюстрации к первой сказке «Волшебное кольцо» в чёрно-белом варианте. На клапане суперобложки читаем: «Первое исчерпывающее по полноте издание на английском русских волшебных и народных сказок из известного сборника А.Н. Афанасьева, русского аналога волшебных сказок братьев Гримм, включает наиболее характерные и выдающиеся сказки русского народа. Эта книга открывает читателям новый мир наполненного образностью фольклора и знакомит с русской версией таких универсальных персонажей волшебных сказок, как ведьмы и герои, говорящие животные, злые колдуньи и благочестивые девицы, практичные крестьяне и праведные «божьи люди», также как и с такими уникальными, существующими только в русских сказках героями, как Жар-птица и Кощей Бессмертный. И в самом деле, представляя собой народное литературное творчество, эти сказки – кладёшь незапамятного психологического и исторического опыта и предоставляют бесценный ключ к пониманию характера великой нации. И последнее, по месту, но не по значению: они – восхити-

тельное чтение как для молодых, так и для людей старшего возраста. Все сказки представлены в новом переводе, а множество из них переведено на английский впервые. В иллюстрациях А. Алексева, художник-иллюстратор, русский по крови и воспитанию, сочетает великолепную художественную технику и подлинное знание России, её традиций и обычаев» (перевод с английского О.В. Звонарёва)².

В чёрно-белых перовых заставках, концовках Алексева – изображения хитрой лисицы, свёрнутой в кольцо рыбы-щуки с ключичными острыми плавниками, двуглавого орла, жар-птицы в крошечной короне... Пляшущие в присядку удалые молодцы то по двое, то вереницей, движущиеся в танце девицы, танцующие на задних ногах цирковые лошади, дерущиеся друг с другом рогатые черти с вилами в костлявых руках только кажутся взятыми из лубков. На суперобложке трио музыкантов наяряивает на народных инструментах с ожесточением. В концовках – ряды крохотных старинных пушек и «металлических» солдат. Художник ограничивается пятью цветами, принятыми в лубке: малиновым, зелёным, жёлтым, красным и чёрным, театрализованное художественное пространство напоминает лубочное. Композиция нередко делится на две части с разным по времени действием. Хитро жмурящийся кот в нижней части иллюстрации к сказке «Кот, петух и лиса» крупнее, чем лиса и петух в верхней части. Алексей выбирал сюжеты, связанные с противостоянием. Полосный портрет Кощей Бессмертного – оскалившийся скелет с конём – олицетворение войны, раздиравшей в те годы Европу. Соловей Разбойник – воинственная злая птица, держащая под крылом лук, примостилась в ветвях столетнего дуба. Грузный богатырь Илья Муромец, пускающий стрелу из лука во врага, в кольчуге, со щитом и мечом, сидит на расписном игрушечном коньке, похожий на глиняную расписную игрушку. Фольклористы подчёркивают: «Сказочный дурак оказывается на деле мудрецом, чей образ жизни, мыслей и действий непонятен окружающим, живущим по общепринятым нормам» [4, с. 124]. Грубоватые штрихи гравюры, тёмно-синие мрачные оттенки создают атмосферу непо-

¹ Russian Fairy Tales. N. Y.: Pantheon Books, 1945. 661 p.; Russian Fairy Tales // The Pantheon Fairy Tale and Folklore Library. N. Y.: Pantheon Books, a division of Random House, Inc. 1973. 651 p.; Russian Fairy Tales // The Pantheon Fairy Tale and Folklore Library. N. Y.: Random House, Inc., 2006. 672 p.

² Ibid.

коя и опасности. Страшны безликие воители, конные и пешие, кто – с пиками, кто – со стрелами наступающие друг на друга, красные и чёрные, в четыре ряда по вертикали, безрадостно освещённые кто – солнцем, кто – луной, в облаках, в тучах пыли – в плоскостном, силуэтном решении.

Сказочные сюжеты давали Алексею возможность фантазировать – в иллюстрации про волшебного Финиста Ясного Сокола над стилизованными теремами парит полуптица-полуюноша в нарядном убранстве, Марья Моревна напоминает Шамаханскую царицу восточным одеянием: шароварами и перьями в волосах. Т.В. Зуева утверждает: этот образ А.С. Пушкин заимствовал из сказки П.А. Катенина «Княжна Милуша» (1834), где Шамаханская царица – «ведьма-оборотень, внезапно явившийся и исчезнувший призрак, посланный герою как испытание его верности невесте Милуше» [5, с. 130].

Неожиданны бодучие и глупые коровы в облаках (сродни летающим козам М. Шагала, жившего в то время в США и иллюстрировавшего для того же издательства). На доске раскачивается глиняный человечек и распная кукольная фигурка («Не нравится, не слушай»). Над притаившимися втроём на печке испуганными, похожими, как близнецы, братьями возвышается в пушистых облаках ярко-красный златогривый конёк, смахивающий на игрушечного («Свинка золотая щетинка, утка золотые пёрышки и златогривый конь»). Фантазия художника, сюрреалистические мотивы, штрих, напряжённо решённое пространство лишены шутейства русских «потешных картинок». На титульном листе – московский Кремль, Успенский собор, кремлёвская башня, однообразные домишки вокруг. В небе парит Дева-птица в русском убранстве, с нимбом и ангельскими крыльями... Её руки распротёрты над Кремлём: Богородица, по преданию, не раз спасала Москву. Собака и кот из сказки «Волшебное кольцо», вместе с маленьким оркестром и женихом – крестьянским сыном, ударившимся на свадьбе в пляс, открывают американский том «Волшебных русских сказок». Этот пёс – не любимец ли Клер пудель Джерико, а кот – не алексеевский ли символ, повторяющийся во многих его работах?

Главным событием жизни Алексея в США оставалась женитьба на Клер.

В частном швейцарском архиве фонда «Art ex east» мы обнаружили материалы, связанные с нью-йоркским изданием. Там хранится экземпляр книги 1945 года издания, принадлежавший Марине Леирин (Marina Leirin), чьё имя проставлено на авантитуле, множество иллюстраций, вручную раскрашенных Алексеевым. Пара цветных пронумерованных корректур одной иллюстрации с изображением крестьянина, открывающего сундук, 2 цветные копии, приклеенные к миллиметровой бумаге с изображением всадника, 8 цветных копий иллюстрации с изображением виселицы, цветная копия иллюстрации с другим изображением всё той же виселицы, 6 цветных копий титульной страницы. В этом же швейцарском фонде хранятся и рисунки-эскизы, сделанные чернилами, показывающие, насколько тщательно готовился художник к иллюстрированию обычного, не подарочного издания (лиса, концовка с лучниками, упряжки, концовки с птицами). В фонде хранится и автограф Жака Шифрина с указанием, какие страницы иллюстрировать, подписанный инициалами Ж. Ш. В архив передана дочерью художника машинописная рукопись, озаглавленная «Русские волшебные сказки», со списком иллюстраций в каждой главе и аннотациями, написанными карандашом и чернилами.

До Алексея русские волшебные сказки в США выходили с иллюстрациями Ивана Яковлевича Билибина, эмигрировавшего в 1920 г. из Новороссийска на пароходе «Саратов». До 1925 г. Билибин жил в Александрии, в августе переехал в Париж. Иван Яковлевич прославился иллюстрациями к русским народным сказкам, сказкам братьев Гримм, «Тысячи и одной ночи», сказке Г.Х. Андерсена «Русалочка» («Фламарион», 1937), «Сказке о золотой рыбке» А.С. Пушкина. Иван Яковлевич, опираясь на традиции древнерусского и народного искусства, создал «Стиль рюсс». Вернувшись из эмиграции в СССР в 1936 г., Билибин стал профессором Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств в Ленинграде, в 1939 г. получил звание доктора искусствоведения. После начала Великой Отечественной войны И.Я. Билибин отказался

эвакуироваться, в заблокированном Ленинграде в новогоднюю ночь расписал скатерть древнерусскими яствами, написал патристическую оду [6, с. 317-327] и умер 7 февраля 1942 г. от истощения. Его похоронили в братской могиле профессоров Академии возле Смоленского кладбища.

Алексеев в иллюстрирование народных сказок привнёс своё видение художественных образов, соединив старославянские мотивы и христианскую символику.

Не менее примечательно и предисловие к изданию, принадлежащее перу Романа Осиповича Якобсона, окончившего в 1918 г. Московский университет, работавшего там до 1920 г., возглавляя основанный им Московский лингвистический кружок. Якобсон был на пять лет старше Алексеева, стал другом В.В. Маяковского и героем стихотворения «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»:

«Помнишь Нетте, – // в бытность человеком // ты пивал чай // со мною в дипкупе? // Медлил ты. // Захрапывали сони. // Глаз // кося // в печати сургуча, // напролёт // болтал о Ромке Якобсоне // и смешно потел, // стихи уча» [7, с. 383].

Спустя десятилетия после самоубийства поэта Якобсон встретится с Лилей Брик и защитит от её притязаний память великого друга: «Считай, что Володя дал тебе пощёчину», – объявила она (Лиля Юрьевна. – Л. З., О. З.) Якобсону. «Вот как? – деланно изумился Роман Осипович. – Ты и право раздавать пощёчины унаследовала от Володи?» [8, с. 431].

В 1920 г. Якобсон с миссией Красного Креста попал в Чехословакию, работал в полпредстве СССР. Основал Пражский лингвистический кружок, в 1930 г. защитил докторскую диссертацию по фольклористике в Немецком университете Праги на немецком языке «О стихосложении сербскохорватского народного эпоса» (нем. *Über den Versbau der serbokroatischen Volksepen*), преподавал русскую филологию, древнечешскую литературу. В 1937 г. получил чешское гражданство.

После ввода немецко-фашистских войск в Чехословакию Якобсон с семьёй эмигрировал в Данию, а затем – в Норвегию, где работал в Институте сравнительной культурологии и был избран действительным членом Академии наук Норвегии. В апреле 1940 г.,

после нацистского вторжения, Якобсоны бежали в Швецию, в мае 1941 г. – в США на американском грузовом судне. Якобсон прибыл в Америку на год позже Алексеева и в 1942–1946 гг. работал профессором общей лингвистики в Вольной школе общих исследований. В 1943–1946 гг. в должности приглашённого профессора лингвистики в Колумбийском университете исполнял обязанности сотрудника чехословацкой военной разведки в США, участвовал в основании в 1944 г. Нью-Йоркского лингвистического кружка и журнала «Слово» (“Word”). В 1946 г. в Колумбийском университете организовали кафедру чехословаковедения (Chair of Czechoslovak Studies), где Якобсон работал со дня основания. В 1949 г. оставил университет из-за обвинений в прокоммунистических симпатиях. В 1949–1965 гг. трудился на должности профессора славянских языков и литературы Гарвардского университета (с 1965 г. – на должности профессора-эмерита (Professor Emeritus), с 1957 г. – профессором Массачусетского технологического института. 17 ноября 1952 г. получил гражданство США.

Роман Якобсон занимался фольклором со студенческих лет, в Московском университете вместе с Петром Богатырёвым участвовал в фольклорной экспедиции [8, с. 438]. Он утверждал: социальные и культурные явления определяются внутренней структурой и системой отношений с другими явлениями в социальных и культурных системах. С этих позиций он разбирает во вступительной статье структуру и символику русских волшебных сказок. Его подход интересен современным исследователям, поэтому мы полностью приводим статью «О русских народных сказках» в переводе с английского О.В. Звонарёва, публикующуюся на русском языке впервые.

* * *

I. ИХ ЖИЗНЬ – ИХ ИЗУЧЕНИЕ

«Когда Иван (Грозный) ездил осматривать своё государство, многие простолюдины и дворяне подносили ему дары. Один честный лапотник, который плёл лапотки и продавал по копейке пару, не знал, что поднести царю, и просил у жены совета.

– Поднеси пару хороших лапотков, – сказала она.

– Это не редкость! – отвечал он, – а есть у нас в саду огромная репа. Мы поднесём ему эту репу, а вместе и пару лаптей.

Как сказано, так и сделано. Император милостиво принял подарок и, износив сам одну пару лаптей, заставил всех дворян покупать у крестьянина лапти по пяти шиллингов пару. Это составило крестьянину состояние, он начал торговать, и скоро так разбогател, что оставил после себя значительное имение. Потомки его получили дворянство и называются теперь Лапотскими. Есть одно дерево, подле которого стоял прежде дом его и на которое проходящие по обычаю бросают свои старые лапти, в память этого лапотника.

Один дворянин, видя, что такая награда получена была за репу, хотел также получить (награду и ещё значительнее) за хорошего коня. Но царь, угадав его намерения, подарил ему взамен ту большую репу, которую получил прежде, и таким образом заставил всех над ним смеяться».

Эта история об Иване Грозном, вместе с девятью другими русскими народными сказками, записана доктором медицины из Оксфорда Сэмюелем Коллинзом (1619–1670). В 60-х гг. XVII века он жил в Москве и являлся врачом царя Алексея Михайловича, отца Петра Великого, и, помимо собольей шубы, подаренной повелителем, привёз с собой на Родину любопытные сведения о Московской империи. Вскоре после смерти записи Коллинза опубликовали под названием «Нынешнее состояние России» (Лондон, 1671). Вышеупомянутые сказки вошли в эту книгу.

Классическое, фундаментальное собрание русских народных сказок подготовлено и опубликовано выдающимся учёным-этнографом Афанасьевым, издававшим его в нескольких книгах с 1855 по 1864 г.³ Двести лет разделяют это издание и скромный дебют Сэмюеля Коллинза. Стоит помнить: эти сказки были впервые записаны не на их родном языке, а затем и опубликованы не на их Родине, но в Англии в переводе на английский. Аналогична история и с древними русскими народными песнями, впервые записанными по инициативе бакалавра из Оксфорда Ричарда Джеймса, служившего капелланом в английской дипломатической мис-

сии в Москве и вернувшегося в Оксфорд в 1620 г. с этими бесценными текстами. Не в России, но в Англии в конце того же века Г.В. Лудольфом предпринята блестящая попытка издать грамматику русского разговорного языка, вышедшую из-под его пера.

Такие проявления активного внимания к устному русскому языку и поэзии характеризуют, без всякого сомнения, широту британских интересов в области географии и науки в XVII веке. С другой стороны, здесь возникает немаловажный вопрос о том, почему на Родине русский разговорный язык и традиции устного творчества в течение такого долгого времени существовали только в устном виде, без соответствующих записей. Здесь мы встречаемся с одной из наиболее любопытных черт культурной жизни русского народа, резко отличающейся от её аналогов, существующих в западном мире. В течение долгих веков создание письменных памятников русской литературы оставалось лишь прерогативой церкви: со всем богатством издания и художественностью исполнения, памятники древнерусской литературы полностью посвящены житию святых и блаженных с праведными историями, молитвами, поучениями, духовными рассуждениями и монастырскими хрониками. Миряне в древней Руси имели в распоряжении оригинальные, обширные и разнообразные по тематике, красиво изданные книги, но единственным способом ознакомления для многих с их содержанием был устный пересказ. Идея использования письменности для записи недуховных стихов абсолютно чужда русским традициям, и выразительные средства такой поэзии неотделимы от наследия устного творчества и традиций их устного исполнения.

Отклонения от принципа такой дихотомии (духовные писания – светская поэзия) редко наблюдались в истории древнерусской литературы. Таким образом, существование агиографии и апокрифов повлияло на появление новой разновидности фольклора – устных легенд и духовных песен. С другой стороны, в древнейший период русской истории, до монголо-татарского нашествия в XIII веке, отдельные сюжеты светского содержания из памятников устного творчества проникали в письменную литературу, и бесценные фрагменты древних письменных эпосов,

³ Автор имеет в виду «Народные русские сказки» – самый известный и полный сборник русских народных сказок. Составлен А.Н. Афанасьевым, издан в 1855–1863 гг. Вторая (переработанная) редакция была опубликована в 1873 г. (посмертно). – Прим. пер.

тесно связанные с сюжетами устного творчества, чудесным образом сохранились в дошедших до нас письменных русскоязычных манускриптах. Более того, отголоски этих героических сюжетов появлялись и позже в русскоязычных рукописных памятниках, особенно учитывая многовековую борьбу против монголо-татарского ига. Но былины о богатырях немногочисленны по сравнению с десятками тысяч старорусских духовных текстов, и, за некоторыми исключениями, религиозная тематика всё чаще превалировала в рукописных памятниках.

Миры из царского окружения и бояре, вплоть до мелкопоместных, продолжали удовлетворять тягу к развлечениям и искусству, обращаясь к традициям устного творчества. Таким образом, было бы ошибочным считать эти традиции и творческую деятельность отличительной чертой представителей только низших сословий. Устное литературное творчество России в допетровскую эпоху было в ходу на всех ярусах социальной пирамиды, и, благодаря полиморфизму, бесклассовости и национальному характеру русского фольклора, оказало заметное влияние. В древнерусском обществе разница между письменной и устной литературой состояла в присущих произведениям того или иного жанра функциях, а не в их социальной роли.

Фольклор брал на себя многочисленные функции светской литературы, а язык произведений этого жанра близок к тогдашнему разговорному русскому. Памятники письменной литературы создавались для духовных целей и написаны на церковно-славянском языке, до некоторой степени модернизированной и русифицированной версии языка, на котором, при зарождении христианства в славянских землях, написаны церковные книги в Великой Моравии и Болгарии.

Наиболее характерные черты истории России XVII века – беспрецедентные бунты наряду с социальными сдвигами и переоценкой традиционных ценностей. В результате начали исчезать границы между литературой на духовные и мирские темы, памятниками письменного и фольклорного творчества, письменным и разговорным языком, традиционная ранее разобщённость сменилась плодотворным взаимопроникновением. Начинается процесс секуляризации письменного

литературного творчества; в первый раз в истории Московской державы предпринимаются попытки создавать письменные произведения недуховного содержания. А поскольку единственной исконной традицией, на которую мог оказать влияние этот процесс, было наследие устного творчества, то в русской литературе XVII века начинает чувствоваться сильное влияние фольклора. В свою очередь, книга, особенно в переводе с иностранного языка, теперь оказывает намного более заметное влияние на устное поэтическое творчество. Когда русская литература перестала ориентироваться только на духовную тематику, стали чаще появляться переводы книг с иностранных языков. И затем, в соответствии со старыми традициями, сказочный жанр, существующий в устном литературном творчестве, восприимчивый к темам светской жизни, легко впитал в себя этот новый материал. Русская литература XVII века особенно богата произведениями, созданными на границе жанров устного и письменного творчества, и в результате прихотливого слияния этих элементов возникли такие своеобразные, неподражаемые шедевры устного творчества, как сказки «Горе-Злосчастье», «Савва Грудцын», «Парень и девушка» и т. д. Но именно такая гибридная форма, возникшая в результате слияния различных жанров, демонстрирует, насколько глубоко укоренилось в сознании русского народа понимание различий между двумя разнородными литературными жанрами, письменным и устным. Фольклорные произведения видоизменялись, будучи перенесёнными на бумагу, подлинные русские народные сказки и песни XVII века могли дойти до нас только благодаря причудам иностранных путешественников, таких, как Коллинз и Джеймс.

Начиная с XVII века развитие русской светской литературы, посвящённой мирским проблемам, не прекратилось, равно как она продолжала испытывать влияние устного народного творчества. Но, с приходом XVIII века, в России на повестку дня поставлены перед литературой новые задачи, а именно: проявившаяся тенденция к возникновению литературы, ориентированной исключительно на дворянское сословие, влекла за собой стремление изолировать и возвести в абсо-

лют язык, на котором она создавалась. Тем не менее, процесс сужения социальной аудитории устного фольклора и превращения его из достояния всей нации в таковое только для простого народа происходил постепенно. В течение долгого периода времени фольклор продолжал звучать в домах представителей имущих сословий, но занимая там всего лишь скромный уголок, в то время как возвышенная поэзия, созданная по классическим канонам, царила в светских салонах. Даже несмотря на такое положение вещей, Василий Тредиаковский, один из наиболее известных авторов новой литературы, неоднократно признавал: даже эти произведения, несмотря на весь их аристократизм и западничество, основывались на фольклорных сюжетах.

Уже в XII веке в русских рукописных документах можно прочитать историю о богатом человеке, который, страдая от бессонницы, приказал слугам щекотать себе ступни, брэнчать на гусях и рассказывать ему волшебные сказки. Иван Грозный, ставший одним из наиболее популярных героев русских народных сказок, был их ярым поклонником и знатоком: в его спальне всегда присутствовали три слепых сказителя, рассказывавших ему волшебные сказки на ночь, пока он не засыпал. К услугам знающих сказителей, которые, рассказывая сказки, разнообразили жизнь царя и царицы, царевичей и бояр, прибегали вплоть до XVIII века. Даже в конце XVIII века мы можем встретить в русских газетах объявления слепых, искавших работу в домах знатных господ в качестве рассказчиков сказок. В детстве Лев Толстой засыпал под сказки, рассказанные ему стариком, давно приведённым в дом деда графа, потому что он знал множество сказок и умел мастерски их рассказывать.

Народные сказки часто издавались в виде собрания дешёвых цветных картинок, ориентированных на обычных людей. Но народные сказки было недопустимо публиковать в более качественных и дорогих изданиях, и когда, уже в конце XVIII века, известный собиратель фольклора Чулков попытался попотчевать читателей тремя оригинальными народными сказками, критики протестовали против такого начинания, «потому что самый неграмотный крестьянин мог

без всякого труда сочинить десять подобных сказок, и, если всех их напечатать, то это означало бы бесполезный расход бумаги, перьев, чернил, типографского шрифта, не говоря уже о труде издателей».

Позже, в том же ключе современные ему критики реагировали на попытки Пушкина подражать народным сказкам и крайне отрицательно относились к вторжению «мужика» в общество благородных господ. Если такое подражание и допускалось, то прямота и вульгарность, противоречащие утончённым привычкам и вкусам, должны быть исключены. И когда автор, стилизуя народную сказку, был уже морально и физически готов к тому, чтобы обесцветить и как следует «причесать» её, критики с удовлетворением объявили: «совершенно очевидным представляется – эта сказка родилась не в хижине мужика, но в замке». (Высказывание Плетнёва по поводу сказки «Иван-царевич», адаптированной Жуковским).

Но именно Пушкин осознал всю глубину художественной ценности народной сказки. «Что за чудо эти сказки! – сказал он. – Каждая есть поэма». Более того, поэт, который более остро, чем его современники, чувствовал нужды и чаяния родной литературы, понимал: современный ему жанр русского романа только начинал развиваться, в то время как традиции устного народного творчества продолжали представлять собой для русских прозаиков поучительный и недостижимый идеал. «Ничто не может сравниться с народной сказкой, когда речь идёт об обогащении нашего языка широтой истинно русского духа. Но как много нужно сделать, чтобы научиться также говорить по русски в обычной жизни!»

Пушкин не мог ограничиться достижениями на ниве существовавшей к тому времени уже сто лет поэзии, и в течение последнего периода короткой жизни (1799–1837) попытался обогатить современную русскую литературу, создав оригинальные прозаические произведения. Именно в результате этих поисков он обратился к народным сказкам. Он хорошо знал народные сказки и предания и записывал их, но, как ни странно, его опыты на этой ниве основаны, большей частью, на французских переводах арабских сказок из «Тысячи и одной ночи», братьев Гримм

или Вашингтона Ирвинга, чем на произведениях русского фольклора. Также любопытно: все волшебные сказки Пушкина написаны в стихах, а не в прозе и, в большинстве своём, стихотворным размером, не свойственным русским сказкам. И самое удивительное: он добился успеха в передаче духа и характера русской народной сказки. Например, в знаменитой «Сказке о Золотом Петушке» Пушкин пересказывает написанную Ирвингом «Легенду об арабском астрологе», используя четырёхстопный хорей в качестве стихотворного размера, что нехарактерно для русских народных сказок, тем не менее, как русские, так и американские читатели, вольно или невольно, ассоциируют этот пастиш с русским фольклором.

В структуре русских народных сказок Пушкин искал ответ на мучивший его вопрос о том, какова квинтэссенция русской прозы. Именно этими поисками можно объяснить его попытки использовать оригинальные сюжеты русских народных сказок для написания повествовательных произведений в поэтической форме: подобный приём всегда использовался опытными шутами, будучи переходным жанром между прозой и поэзией.

Эксперименты Пушкина с русскими народными сказками, равно как и Гоголя с украинскими – пример созидательного периода в современной русской прозе. Более того, не случайно: последовавший затем период активного собирательства и изучения подлинных народных сказок, равно как и появление таких их обширных и великолепных собраний, как, например, книги Афанасьева (1855–1864), Худякова и других, совпадают с эпохой расцвета русской литературной прозы. Велика роль русской народной сказки в творческом развитии классиков русской прозы – Толстого, Достоевского, Лескова, Островского. А жанр устного повествования, продолжая существовать в русской литературе и оказывая влияние на её формирование, питается из источника фольклорных традиций.

Редко труженики на ниве этнографии бывают призваны сыграть настолько многостороннюю роль, оказывавшую так долго дивившееся влияние на историю национальной культуры, как это произошло с Александром Николаевичем Афанасьевым (1826–

1871). Без его сказок была бы пустой полка с русской литературой для детей. Поколения писателей пользовались и продолжают пользоваться наследием Афанасьева. Без него и его трёхтомного труда по символизму сказок и фольклорной мифологии⁴ не появилась бы «Снегурочка» Островского и Римского-Корсакова, не приобрела бы многогранность поэтическая образность Есенина, который, после долгих поисков в голодную пору гражданской войны, раздобыл копию исследований Афанасьева, заплатив за неё дороже, чем стоили три бушеля⁵ пшеницы, и ликовал от удачи.

Собрание волшебных сказок Афанасьева остаётся непревзойдённым в русской фольклористике, учитывая количество и разнообразие материала. Собиратели и исследователи народной поэзии и обычаев учились и учатся на его трудах. Вокруг них развернулись горячие и плодотворные дискуссии по поводу методов записи, изучения и классификации народных сказаний.

Афанасьев пришёл к изучению фольклора, выучившись на другую специальность, он получил диплом юриста. Среди более чем 600 сказок, которые он опубликовал, он лично записал только около десяти. Для публикации он использовал обширный словарь Владимира Даля, известного собирателя словарных богатств и фольклорного материала, а также уникальную коллекцию фольклорных сказок, собранную Русским Географическим Обществом. К сожалению, только в двух третях случаев Афанасьев отмечал место, где он услышал и записал фольклорное произведение. Он уделял недостаточно внимания тому, где и кто рассказал ту или иную сказку. Как редактор, он не упускал случая внести стилистические правки здесь и там,

⁴ Автор имеет в виду «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» – фундаментальное исследование А.Н. Афанасьева (1826–1871) по славянской мифологии, впервые изданное в 1865–1869 гг. Главный труд автора, над которым он работал 17 лет, и всей мифологической школы в русских этнографии и фольклористике XIX в. – Прим. пер.

⁵ Бушель – (англ. bushel) – единица вместимости и объёма сыпучих продуктов и жидкостей в странах с английской системой мер; размер сильно различается: в Великобритании – 36,37 литра, в США – 35,24 литра. – Прим. пер.

но не заходил в этом смысле так далеко, как образцовые для него коллеги, братья Гримм.

Несмотря на то, что гипотетически реконструированный архетип сказки интересовал Афанасьева, возможно, больше, чем её отдельные варианты, он не следовал принципу, приписывавшемуся ему известным историком литературы А. Пыпиным, утверждавшим: публикуемая сказка должна быть избавлена от личных суждений и оценок, «этой болтовни и отсебятины». Тем не менее, в различных случаях Афанасьев искусственно конструировал цельный текст сказки из нескольких вариантов. В дальнейшем, уже в 60-х годах, такой подход отвергнут. Худяков выдвинул тезис: «текст народной сказки должен оставаться неприкосновенным». В то же время П. Рыбников, положивший начало записям и изучению эпических русских народных песен («былин»), призывал к изучению «всего, что характеризует и описывает рассказчика, всего того, что отражает не только фольклорное содержание, но и индивидуальность». И даже в статье, посвящённой первым публикациям сказок Афанасьева, ведущий критик того времени, Н. Добролюбов, призывал собирателей фольклорной поэзии не ограничиваться только записью текста сказки или песни, но стремиться передавать полное описание социальных и психологических обстоятельств, в которых услышана песня или сказка, и учитывать, прежде всего, отношение сказителя к истории и реакцию аудитории.

Эти принципы нашли ещё более стойких последователей среди собирателей и студентов, изучавших сказки и былины. Исследователи русского фольклора стали концентрировать внимание на рассказчиках и слушателях. Проявилась тенденция к превращению записанного текста из образца для исследования в лаборатории в живой организм. Современная стенографическая запись или фонограмма народной сказки с детальной справочной информацией, фоновыми шумами и с подробной биографией сказителя или же, говоря о следующем этапе, её воспроизведении в аудио- и видеозаписи – всё это блестящие технические достижения по сравнению с текстами Афанасьева. Но, возможно, именно безыскусный эклектизм редактора «Русских народных сказок», собиравшего крупицы

народного творчества во всех мыслимых местах, дал ему возможность завершить гигантскую и срочную работу по представлению сказок русского народа во всём их многообразии.

Дальнейшее развитие в России исследований народных сказок привнесло множество существенных корректив в подход Афанасьева и выступало в качестве антитезы его точки зрения и романтическим теориям языка и традиционных знаний в этой области, которые его вдохновляли. Но можно ли представлять предыдущие теории в качестве антитезы последующим, как будто бы предшествующая точка зрения была серьёзной научной концепцией, а более поздняя – всего лишь старомодным заблуждением? Нет, необходим творческий синтез научных подходов.

Афанасьев и его учителя переоценивали унаследованную подлинность фольклорных произведений, и они не заметили: происходило постоянное взаимопроникновение письменного и устного жанра. Но позже оппоненты этой романтической теории, наоборот, переоценивали важность таких родственных связей и упустили из внимания функциональные различия между письменными и устными произведениями, они не приняли во внимание – принципы построения композиции произведений того или иного жанра отличны друг от друга. Увлечённые проблемой выявления индивидуального подхода в репертуаре того или иного сказителя некоторые выдающиеся русские исследователи национального фольклора недавнего прошлого (например, Борис и Юрий Соколовы) зашли настолько далеко, что начали трактовать каждый вариант сказки как независимое литературное произведение. Между тем появление и существование фольклорного произведения подчиняется иным законам, чем создание и дальнейшая судьба его литературного собрата.

Средневековый автор придумывает и записывает сказку: появилось на свет литературное произведение, причём автор не учитывал то, как оно будет принято в дальнейшем. Может быть, оно встретит осуждение в обществе, и только через сто или более лет потомки случайно наткнутся на рукопись, благосклонно отнесутся к нему и будут ему подражать. Или, возможно, общество примет

лишь отдельные фрагменты сказки, а остальное – отвергнет. Тем не менее, если тот же автор, выдумав сказку, начнёт рассказывать её публике, то будет положено начало устной поэзии, но станет ли это произведение фольклорным зависит только от того, примет его публика или нет. Только то произведение, которое встретит благожелательный консенсус в обществе, а это испытание общественной цензурой проходят не все из них, станет частью фольклорной традиции. Писатель может создавать то, что не будет принято обществом, но подобная концепция немислима, если речь идёт о фольклоре.

И если Афанасьев воспринял тезис предшественников романтизма: народная сказка – продукт коллективного творчества, то сейчас мы должны, несмотря на постоянные нападки на это «возрождение суеверия», признать – фольклор, также, как и язык, предполагает коллективное творчество. Но следует наивно представлять себе это коллективное творчество, как своеобразное хоровое исполнение. Сторонники теории романтизма совершили ошибку, но не в том, что они допустили наличие коллективного творчества, но в отстаивании тезиса – оно со временем ослабевает, и, следовательно, история языка и фольклорного творчества представляет процесс постоянного упадка и деградации. В частности, современная народная сказка, не в меньшей степени, чем её древний прообраз, – типично межличностная социальная ценность.

В соответствии с опытом современной лингвистики языковые принципы демонстрируют завидное постоянство. Для языков всего мира характерны недостаточное количество и относительная простота структурных моделей, и все эти модели базируются на универсальных законах. Этот схематический и периодически повторяющийся принцип построения основных законов языка объясняется, прежде всего, тем, что язык, как социальное явление, носит типично общественный характер. Аналогичные феномены, связанные со схематичностью и периодичностью повторения принципов построения народных сказок во всём мире, уже долгое время приводят в замешательство учёных и побуждают их к исследованиям.

Только часть существующих в фольклоре, также, как и в языке, общих черт можно объяснить, основываясь на тезисах общего наследия или диффузии (схем миграции). И, поскольку другие совпадения объяснить случайностями невозможно, возникает настоятельный вопрос о существовании структурных законов, с помощью которых могли бы быть объяснены эти потрясающие совпадения и, в частности, повторение сюжетов сказок, почерпнутых из различных независимых источников. Выдающиеся исследования советских учёных-фольклористов В. Проппа и А. Никифорова, посвящённые морфологии русских народных сказок, значительно приблизили разрешение вышеупомянутого вопроса. Оба эти учёных при классификации и анализе сказочных сюжетов опираются на концепцию функции действующих лиц повествования. Согласно этой теории, именно важность героя для сюжета предопределяет его поступки.

Используя собрание Афанасьева для исследования волшебных сказок, Пропп пришёл к наводящим на размышления выводам. А именно: о функциях действующих лиц повествования. Кто и какие действия совершал не имело никакого отношения к сюжету. Их действия – часть основных сюжетных элементов сказки. Количество действий, совершаемых в волшебной сказке, ограничено. Взаимосвязь и временные совпадения между этими действиями ограничиваются и регулируются определёнными законами. И, наконец, его самый удивительный вывод: «Все волшебные сказки имеют одинаковую сюжетную структуру».

Объяснение, которое мы пытались развернуть, говоря о соответствующих лингвистических феноменах, предполагает: оно также верно и для похожих по структуре сказок. Народная сказка – типичный образец коллективного творчества. Получившие развитие в обществе элементы интеллектуальной культуры, как, например, язык или народная сказка, подвержены регулированию более строгих и универсальных законов, чем те, которые действуют в тех разделах интеллектуальной культуры, где преобладают плоды индивидуального творчества. Конечно же, в композиции народной сказки присутствуют, помимо постоянных элементов сюжета, и

переменные, описание которых может варьироваться в зависимости от желания рассказчика, но не следует переоценивать эту вариативность. Афанасьев избежал опасности потерять сказку из-за множества её вариантов. «Влияние личности рассказчика на сюжет самой сказки» – бесспорно, интересная проблема, но, поскольку иерархия фольклорного творчества подразумевает примат сказки над рассказчиком, то здесь необходимо быть вдвойне осторожным.

Естественно: профессия, личные интересы и склонности рассказчика влияют на акценты, расставляемые им по ходу сюжета, что сказывается на выборе перечня и отличительных черт действующих лиц, когда, например, рассказчик, почтальон по профессии, мастерски создаёт образ двенадцатиглавого дракона для того, чтобы он послал письмо с угрозами королю, сначала – по почте, а затем и по телеграфу. Но попытки интерпретировать сюжет с учётом личного опыта выглядят неубедительными, когда речь идёт о поэтике сказок. Случается, сентиментальному человеку нравится рассказывать сентиментальные сказки, но также возможно и обратное, а именно, ярко выраженное неприятие личного опыта. В городе Верея Московской области я встретил рассказчика, мусорщика по профессии и с виду нахального головореза, но его сказки, наоборот, были полны чистой сентиментальности и высоких чувств.

Братья Соколовы отмечают: среди рассказчиков бывают мечтательные фантазёры, одержимые волшебными сказками, шутники, предпочитающие, прежде всего, сказки юмористического типа, вроде анекдотов, и некоторые другие психологические типы сказителей, а ментальность того или иного рассказчика проявляется как в выборе им репертуара, так и в манере повествования. В то же время эта проблема может иметь и двойное значение. Сказочная традиция предполагает различные отчётливо выраженные жанры – волшебные сказки, анекдоты и т. д., и наиболее предпочтительная манера рассказа той или иной сказки традиционно совпадает с её жанром. Среди всего этого богатого наследия и ассортимента рассказчик, естественно, выбирает те элементы, которые наиболее близки его индивидуальным предпочтениям

и профессиональным интересам. Но мы не можем не учитывать – рассказчик примеряет на себя одну из ролей действующих лиц фольклорной истории, в то время как в письменной литературе творческая личность может создать для себя абсолютно новое амплуа.

Для Афанасьева понятно: личность рассказчика оказывает влияние на сказку, и это вполне естественно – основная проблема всегда существовала и заключалась не в том, что сказитель как бы соучаствовал в сказочном действии. Тот же порядок проблем встаёт перед читателем, стремящимся познакомиться с миром русских сказок. Читая собрание сказок Афанасьева, он встретится с чрезвычайно разнообразным и потрясающим воображение миром русских сказок. Именно его издание послужило источником для выбора русских народных сказок, которые затем были переведены и включены в настоящую антологию.

* * *

Якобсон отстаивал уникальность древнерусской культуры, посвятив жизнь её изучению, не боясь профессиональных или карьерных «потерь». В 1948 г. он опубликовал опровержение гипотезы А. Мазона о поддельности «Слова о полку Игореве». Развернувшаяся дискуссия осложнилась политическими соображениями, поскольку, как писал Якобсон, «многие не верят Мазону, но считают его развенчание русской культурной традиции удобным орудием в антикоммунистической кампании» [9, с. 184]. В Колумбийском университете, где Якобсон работал профессором, студенты распространяли листовки, обвиняющие его в поддержке коммунистической линии в его книге о «Слове». В 1959 г. Якобсон основал «Международный журнал исследований славянской лингвистики и поэтики» (*International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*), став его главным редактором. Он был погружён в специфику и реалии русского мира, изучая и отстаивая язык и культуру, нравственные и духовные ценности, отличающие русский культурный код. И с этой точки зрения, издание русских волшебных сказок целостно по содержанию, гармонично объединяя традиционные ценности культурного наследия русского мира и творчество выдающихся деятелей, развивав-

ших и пропагандировавших его ценности и непреходящее значение. Это касается Александра Алексева, иллюстратора книги, и Романа Якобсона, написавшего вступительную статью. В отличие от Алексева, отказавшегося посетить СССР, Якобсон часто бывал в Москве [10, с. 385]. В 1956 г. участвовал в Первом международном съезде славистов [8, с. 474].

Вполне логичным явилось и принятие Романом Осиповичем таинства православного Крещения в 1938 г. Его крёстным отцом стал П.Н. Савицкий, один из лидеров философско-политического движения Евразийство⁶. Якобсон разделял её ценности и поддерживал эту теорию. Такая духовная и культурная эволюция Романа Осиповича соответствует формам распространения цивилизации, сформулированным Н.Я. Данилевским, чьи научные воззрения использовались теоретиками евразийства: рассматривая пути воздействия культурного кода одной цивилизации на другую, он отмечал – последнее «...есть действие, которое мы уподобим влиянию почвенного удобрения на растительный организм, или, что то же самое, влиянию улучшенного питания на организм животный. За организмом остается его специфическая образовательная деятельность; только материал, из которого он дол-

жен возводить своё органическое здание, доставляется в большем количестве и в улучшенном качестве, и результаты выходят великолепные; притом всякий раз – результаты своего рода, вносящие разнообразие в область всечеловеческого развития, а не составляющие бесполезного повторения старого...». Н.Я. Данилевский делал вывод: «...цивилизация, то есть раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип под влиянием своеобразных внешних условий, которым они подвергаются в течение своей жизни, тем разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составные элементы, то есть народности, входящие в образование типа» [11, с. 123-125]. Научное служение Р.О. Якобсона обогатило цивилизацию русского мира. Учёный, в свою очередь, выступил в качестве крёстного отца известного московского переводчика Константина Богатырева, с отцом которого Петром работал в Праге и снимал одну квартиру на две семьи [8, с. 438].

Роман Якобсон умер в 1982 г. в Кембридже (США, штат Массачусетс) и похоронен на кладбище Маунт Обёрн (Mount Auburn). С.И. Богатырёва свидетельствует: «Отношение к нашей стране даже в её тогдашнем уродливом виде было у Якобсона реализацией найденной им метафоры: «Россия – мать. Чехия – первая любовь. Франция – прекрасная любовница. Америка – брак по расчёту», – так обозначал он свои перемещения по Земному шару. Что тут скажешь: мать по определению неподсудна, к матери какие могут быть претензии? Она прекрасна, и всё тут» [8, с. 484]. Не изменил он любви к далёкой Родине и после смерти: по его просьбе, на надгробии выгравировали надпись на русском: «Роман Якобсон – русский филолог».

Александр Алексеев 8 августа того же года покончил с собой в мастерской в 14 округе Парижа; похоронен в склепе родителей Клер Паркер на английском кладбище в Ницце, где на мраморном цветнике лежит небольшая деревянная доска с краткой надписью “Alexander Alexeieff”.

⁶ Идеиное и общественно-политическое движение в среде русской эмиграции в 1920–1930-х гг. Датой возникновения считается 1921 г., когда в Софии была издана коллективная монография П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского и П.П. Сувчинского «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Заметный вклад в разработку идеологии внесли Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин и др. Считая неизбежным воссоздание единого Российского государства, евразийцы выдвинули исторнософскую и культурологическую концепцию России-Евразии как самобытной цивилизации, соединившей в себе элементы Востока и Запада (под Евразией понималась срединная часть Европы и Азии, объединяющая три равнины: Восточно-Европейскую, Западно-Сибирскую и Туркестанскую), опираясь на идеи С.М. Соловьёва, А.П. Щапова и В.О. Ключевского о роли природно-географического фактора в русской истории, а также теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. В качестве основных аргументов, способствующих воссозданию единого Российского государства, его сторонники рассматривали уникальное ландшафтно-климатическое пространство России-Евразии, её особый этнокультурный ареал и доминирующую роль православия. Сторонником этой теории считал себя и Л.Н. Гумилёв. – Прим. авторов.

Список литературы

1. *Алексеева-Роквелл С.А.* Зарисовки = Snapshots: истории моей юности. Ярославль: Рыбинский дом печати, 2013. 301 с.
2. *Starr C.* Remembering Claire Parker // Alexeïeff. *Itinéraire D'un Maître – Itinerary of a Master*. P.: Annecy, 2001. P. 208-228. Пер. Звонарева О.В.
3. *Tolstoy L.* Stories and Legends / Illustration by Alexander Alexeïeff. Translation by Louise and Aylmer Maude. Introduction by Dorothy Canfield Fisher. N. Y.: Pantheon books Inc., 1948. 224 p.
4. *Хамидуллина В.П.* Специфика художественного перевода русских и татарских литературных сказок в контексте диалога культур. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2020.
5. *Зуева Т.В.* Сказки Пушкина: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. 159 с.
6. *Звонарёва Л.У.* Иван – Железная Рука // Серебряный век Ренэ Герра. СПб.: Росток, 2012. 672 с.
7. *Маяковский В.В.* Товарищу Нетте, пароходу и человеку // Путешествие в страну поэзия: в 2 т. / сост. Л.А. Соловьёва, Д.А. Семичев. Л.: Лениздат, 1970. Т. 1. 416 с.
8. *Богатырёва С.И.* Серебряный век в нашем доме. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 512 с.
9. *Якобсон Р.О.* / Р.О. Якобсон – С.И. Карцевскому. September 20, 1948 // Якобсон Р. Тексты, документы, исследования / отв. ред. Х. Баран. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. 918 с.
10. *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж; Москва: Ymca-Press–Русский путь, 1996. 448 с.
11. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Ин-т рус. цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

References

1. *Alekseyeva-Rokvell S.A.* *Zarisovki = Snapshots: istorii moyey yunosti* [Sketches: Stories from My Youth]. Yaroslavl, Rybinsk Printing House, 2013, 301 p. (In Russian).
2. *Starr C.* Remembering Claire Parker. *Alexeïeff. Itinéraire D'un Maître – Itinerary of a Master*. Paris, Annecy Publ., 2001, p. 208-228. Trans. by Zvonarev O.V. (In French)
3. *Tolstoy L.* *Stories and Legends*. New York, Pantheon books Inc., 1948, 224 p.
4. *Khamidullina V.P.* *Spetsifika khudozhestvennogo perevoda russkikh i tatarskikh literaturnykh skazok v kontekste dialoga kul'tur* [Peculiarities of Russian and Tatar Fairy Tales Translation Considering Culture Dialogue]. Kazan, Editorial and Publishing Center “School”, 2020. (In Russian).
5. *Zuyeva T.V.* *Skazki Pushkina* [Fairy Tales by A. Pushkin]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, 159 p. (In Russian).
6. *Zvonareva L.U.* Ivan – Zheleznaya Ruka [Ivan the Iron Arm]. *Serebryanyy vek Rene Gerra* [René Guerra's Silver Age]. St. Petersburg, Rostok Publ, 2012, 672 p. (In Russian).
7. *Mayakovskiy V.V.* *Tovarishchu Nette, parokhodu i cheloveku* [To comrade Nette, the ship and the man]. *Puteshestviye v stranu poeziya: v 2 t.* [Travel to the Poetry Land: in 2 vols.]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1970, vol. 1, 416 p. (In Russian).
8. *Bogatyreva S.I.* *Serebryanyy vek v nashem dome* [The Silver Age at our Place]. Moscow, AST Publ., Elena Shubina Editorial Board, 2019, 512 p. (In Russian).
9. *R.O. Yakobson – S.I. Kartsevskomu.* September 20, 1948 [R.O. Jakobson – to S.I. Kartsevsky. September 20, 1948]. In: *Yakobson R. Teksty, dokumenty, issledovaniya* [Texts, Documents, Studies]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999, 918 p. (In Russian).
10. *Struve G.* *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile]. Paris, Moscow, Ymca-Press–Russkij put Publ., 1996, 448 p. (In Russian).
11. *Danilevskiy N.Y.* *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., Bлагословение Publ., 2011, 816 p. (In Russian).

Информация об авторах

Звонарёва Лола Уткировна, кандидат филологических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедр гуманитарных дисциплин, иностранных языков и коммуникационных технологий, академик РАЕН и ПАНИ, член Русского ПЕН-центра, секретарь Союза писателей Москвы, главный редактор альманаха «Литературные знакомства». Институт мировых цивилизаций, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: lzvona-reva@mail.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, подбор и анализ литературных источников, написание 50 % текста статьи.

Звонарёв Олег Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедр гуманитарных дисциплин, Иностранных языков и коммуникационных технологий. Институт мировых цивилизаций, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: donfeliz@yandex.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, подбор и анализ литературных источников, написание 50 % текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 06.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 16.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the authors

Lola U. Zvonareva, Candidate of Philology, Doctor of History, Professor, Professor of Humanities, Foreign Languages and Communication Technologies Departments, Academician of RANS and PAS, Member of PEN Russian Centre, Secretary of the Union of Russian Writers, Editor-In-Chief of the Almanac “Literary Acquaintances”. Institute of World Civilizations, Moscow, Russian Federation. E-mail: lzvona-reva@mail.ru

Contribution: idea, main study conception, literature sources selection and analysis, 50 % manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0003-1208-4611

Oleg V. Zvonarev, Candidate of History, Associate Professor of Humanities, Foreign Languages and Communication Technologies Departments. Institute of World Civilizations, Moscow, Russian Federation. E-mail: donfeliz@yandex.ru

Contribution: idea, main study conception, literature sources selection and analysis, 50 % manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received 6 November 2020
Reviewed 16 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-180-185
УДК 81.271+327

Восприятие в Китае образа России в контексте «Один пояс и один путь»

Чжан ЛИВЭЙ ✉

Шанхайский университет иностранных языков
201620, Китайская Народная Республика, г. Шанхай, ул. Вэньсян, 1550
✉ zhangliweiyu@163.com

Аннотация. Доказано, что позитивное восприятие образа России в Китае укрепляется в контексте создания глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры «Один пояс и один путь», что расширяет китайско-российские отношения, укрепляет благоприятную атмосферу для экономического развития двух стран. Предложена попытка изучения причин распространения и укрепления в современном Китае позитивного образа «Россия» с богатым образовательным имиджем, природными ресурсами и культурными традициями, который долгие годы китайцами воспринимался как страна балалаек, медведей и водки. Доказано, что образ России в Китае выстраивается на основе знакомства с традициями национальной культуры и бытовой повседневной культуры. Отмечено, что особую роль в понимании образа страны играет культурно-языковой стереотип, формирующийся на основе имени собственного, которое содержит оценочно-ассоциативный компонент. Подчёркнуто, что феномен антропонима позволяет выявить его прагматический признак, способствующий выяснению субъективного восприятия носителем китайского языка определённой личности, и культурные свойства имени собственного.

Ключевые слова: имидж России; «Один пояс и один путь»; китайско-российские отношения; культура

Для цитирования: Ливэй Чжан. Восприятие в Китае образа России в контексте «Один пояс и один путь» // Нефилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 180-185. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-180-185

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Perception of Russia's image in China in the context of "One Belt and One Road"

Zhang LIWEI ✉

Shanghai International Studies University
1550 Wenxiang St., Shanghai 201620, People's Republic of China
✉ zhangliweiyu@163.com

Abstract. We prove that the positive perception of Russia's image in China is strengthened in the context of the creation of global transport and investment infrastructure "One Belt and One Road", which expands the China-Russian relations, strengthens a propitious atmosphere for the economic development of two countries. We propose an attempt to study the reasons for the spread and strengthening in modern China of a positive image of "Russia" with a rich educational image, natural resources and cultural traditions, which for many years was perceived by the Chinese as a country of balalaikas, bears and vodka. We substantiate that the Russia's image in China is built on the basis of acquaintance with the traditions of national culture and everyday culture. We note

that a special role in understanding the image of the country is played by the cultural and linguistic stereotype, which is formed on the basis of the proper name, which contains an evaluative and associative component. We emphasize that the phenomenon of the anthroponym allows us to identify its pragmatic feature, which helps to clarify the subjective perception of a certain person by a native Chinese speaker, and the cultural properties of the proper name.

Keywords: Russia's image; "One Belt and One Road"; China-Russia relations; culture

For citation: Liwei Zhang. Vospriyatiye v Kitaye obraza Rossii v kontekste «Odin poyas i odin put'» [Perception of Russia's image in China in the context of "One Belt and One Road"]. *Neophilology – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 180-185. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-180-185 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В настоящее время укрепляется стратегическое партнёрство, в результате чего создаётся образ новой России в Китае. На это особенно влияет контекст китайской идеи «Один пояс и один путь» (экономический пояс Шёлкового пути и Морского пути XXI века), способствующей развитию уже существующих транспортных путей и созданию новых транспортных и экономических коридоров, связывающих более 70 евро-азиатских стран. Попутно обратим внимание, что в написании этого предложения в средствах массовой информации отмечается разногласие в постановке знаков препинания. Ср.: «Один пояс, один путь» и «Один пояс – один путь», отмечены случаи с пропуском числительного «один»: «Пояс и путь» (см. подробно: [1, с. 168]).

Как известно, истории отношений между Китаем и Россией более 300 лет, она началась с конца династии Мин и начала династии Цин. В течение многих веков отношения между странами были неоднозначными. С начала XX века и по настоящее время отношения России (СССР) с Китаем складывались по-разному. Первый серьёзный конфликт произошёл в 1649–1689 гг. (русско-цинский пограничный конфликт, известный как Албазинская кампания). В 1689 г. Китай и Россия подписали Нерчинский договор, являющийся первым пограничным договором между Китаем и Россией и первым дипломатическим соглашением в Китае, подписанным в ходе переговоров. В 1728 и 1792 гг. между Китаем и Россией был заключён Кяхтинский договор (был подписан в городе Кяхте). С тех пор торгово-экономические отношения Китая и России стали ак-

тивными и постепенно формировали всемирно известный «Великий чайный путь».

7 ноября 1917 г. (25 октября по российскому старому стилю) произошла великая революция эпохального значения – Октябрьская социалистическая революция в России. В Китай пришла марксистско-ленинская идея, которая указала путь многострадальному Китаю. В течение Движения за новую культуру Ли Дачжао и другие сторонники этой идеи начали пропагандировать марксизм. В 1918 г. Ли Дачжао опубликовал статьи в журнале «Новая молодёжь», в которых воспевал Октябрьскую революцию. Например, статья «Моё марксистское видение» (1919 г.) стала одним из первых систематически пропагандистских трудов марксизма в Китае.

В это время была основана в Китае коммунистическая партия и произошла первая гражданская война. Происходило сотрудничество между двумя партиями КПК и Гоминьдан. Сунь Ятсен как член китайской коммунистической партии помог создать Военную академию Хуанпу, что привело к национальному революционному движению. Учиться в Советском Союзе в 1920-х и 1930-х гг. было престижно, что сказалось на развитии Китая.

После того как было достигнуто первое сотрудничество между двумя партиями (КПК и Гоминьдан), резко возрос спрос на кадры. Советским правительством в Москве был основан Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина. В память о Сунь Ятсен был основан университет имени Сунь Ятсена в Москве (с 1925 по 1930 г.), в который за пять лет было принято 859 студентов из двух партий [2]. Здесь учились:

Дэн Сяопин, Чэнь Бода, Е Цзяньин, Дун Биу, Линь Боцью, Ван Мин, Бо Гу, Ян Шанкунь и др. (КПК), Цзян Цзинго, Гу Чжэнган, Кан Цзэ и др. (Гоминьдан). Опыт обучения китайцев за рубежом формировал основательный фундамент для распространения советской культуры и способствовал развитию китайско-советских отношений.

Во время антияпонской войны Советский Союз оказывал Китаю большую материальную и моральную поддержку. В 1945 г. Советская Красная армия оказала помощь северо-востоку Китая, что стало одной из причин того, что Китай смог одержать окончательную победу в сопротивлении врагу. Тогда Китай и Советский Союз являлись партнерами революции и братьями в окопах. В 2019 г. на 70-й годовщине установления дипотношений между Китаем и Россией генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил: «Не будем забывать, как в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны и Войны сопротивления японским захватчикам наши народы плечом к плечу сражались против фашистских агрессоров, кровью скрепили нерушимую боевую дружбу»¹.

В трудные дни восстановления и развития Китая многочисленные советские специалисты своим умом и трудом помогли китайцам заложить промышленную базу Китая, в 50-х гг. XX века гуманитарный обмен двух стран достиг своего пика. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой, подписанный двумя странами в 1950 г., предусматривал: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия, взаимных интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны – развивать и укреплять экономические и культурные связи между Советским Союзом и Китаем, оказывать друг другу всякую возможную эко-

номическую помощь и осуществлять необходимое экономическое сотрудничество»².

На этом фоне лидеры Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и другие подчёркивали необходимость учиться у Советского Союза, чтобы быстро развился гуманитарный обмен между Китаем и Советском Союзом. В этот период Советский Союз часто посещали делегации китайских партийных, правительственных, военных организаций, комсомольского союза и культурных обществ. Китайские СМИ с энтузиазмом пропагандировали великие достижения Советского Союза, Китай отправил в Советский Союз большое количество студентов, китайские предприятия, фабрики и образовательные учреждения пригласили много советских специалистов. В Китае наблюдался всплеск перевода и распространения советской литературы.

Советская и русская классическая литература, музыка, песни, даже одежда (платье) и украшения стали модными. Многие жители страны и сегодня знают песни «Катюша», «Ой, цветёт калина», «Подмосковные вечера», смотрят фильм «А зори здесь тихие». Слово «товарищ» ассоциируется с понятием «дружба между Китаем и Россией». Советские фильмы «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» получили широкое распространение в Китае, а статья «Тбилисская подпольная типография», отражающая карьеру революции И.В. Сталина, была выбрана в качестве учебника для средней школы в Китае. Кроме того, советские писатели М. Горький, Н. Островский и их литературные произведения («Мать», «Детство», «Мой университет», «Песня о Буревестнике», «Как закалялась сталь») считаются классикой пролетарской революционной литературы, их одобряют, хвалят в Китае, они широко распространяются в различных изданиях (включая комиксы).

Китайские ученики средних школ были знакомы со знаменитым отрывком из книги «Как закалялась сталь» и даже учили наизусть этот отрывок: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы,

¹ Владимир Путин и Си Цзиньпин посетили Большой театр, где состоялся торжественный вечер, посвящённый 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60674> (дата обращения: 20.10.2020).

² Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. URL: <https://biography.wikireading.ru/106679> (дата обращения: 22.10.2020).

чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить».

В 1950-е гг. китайский народ называл Советский Союз «Большим братом». В китайской культурной среде образ «Большого брата» содержит коннотации «богатая квалификация», «большие способности», «щедрость», «доброта», «дружелюбие», «отзывчивость», «богатый опыт», «надёжность» и другие яркие определения. В 1960-е гг. советско-китайские отношения обострились. В середине 1980-х гг. китайско-советские отношения восстановились. В мае 1989 г. М.С. Горбачёв посетил Пекин и провёл переговоры с Дэн Сяопином, и отношения между двумя странами нормализовались. После 1991 г. китайско-российские отношения вступили в новую эру. 17 декабря 1992 г. президент России Б.Н. Ельцин перед своим визитом в Китай заявил журналистам, что он «как на иголках» перед этой поездкой. В ходе этого визита стороны подписали в общей сложности 24 документа, большинство из которых являются конкретными соглашениями о сотрудничестве в важных областях.

В наши дни распространение Интернета и коммуникация в сети Интернет позволяют людям получать все больше и больше информации. Политика открытости Китая способствует тому, что китайцы всё активнее стали посещать Россию (туризм, учёба, биз-

нес, работа и т. п.), в то же время русские также стали больше интересоваться Китаем.

С 1992 г. китайско-российские отношения в основном прошли четыре разных исторических этапа: «дружественные страны» → «конструктивное партнёрство», → «стратегическое партнёрство и взаимодействие», → «всеобъемлющее партнёрство и стратегическое взаимодействие».

Обе страны постепенно усиливают акцент на культурный обмен и на практику гуманистического общения. Самым ярким примером китайско-российских культурных обменов является мероприятие «Тематический год». В июле 2001 г. лидеры Китая и России подписали «Китайско-российский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». Впоследствии министерства иностранных дел двух стран сформулировали План реализации российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в соответствии с духом этого договора. В планах проведение «Национального года», он определяется как важный канал для развития культурных обменов. Концепцию «тематического года» впервые включили в китайско-российские культурные обмены. С тех пор «тематический год» стал одним из важных направлений китайско-российских культурных обменов.

Приведём перечень названий «тематического года», проведенных в России и Китае с 2004 по 2019 г. (по материалам СМИ, газеты «Жэньминь жибао», агентства новостей Синьхуа (табл. 1)).

Таблица 1

Перечень названий «тематического года»

Название «тематического года»	Год проведения	Место	Страна-организатор
Год дружбы китайской и российской молодёжи	2004	Китай, Россия	Китай, Россия
Год России в Китае	2006	Китай	Россия
Год Китая в России	2007	Россия	Китай
Год русского языка в Китае	2009	Китай	Россия
Год китайского языка в России	2010	Россия	Китай
Год российского туризма в Китае	2012	Китай	Россия
Год китайского туризма в России	2013	Россия	Китай
Годы дружественных молодёжных обменов между КНР и РФ	2014 2015	Китай, Россия	Китай, Россия
Годы обмена между китайскими и российскими СМИ	2016 2017	Китай, Россия	Китай, Россия
Годы китайско-российского сотрудничества и обмена на местном уровне	2018 2019	Китай, Россия	Китай, Россия
Годы научно-технического и инновационного сотрудничества РФ и КНР	2020 2021	Китай, Россия	Китай, Россия

Как показывает табл. 1, проведение китайско-российского «тематического года» в течение 15 лет отражает устоявшуюся динамику связей России и Китая. Данный факт свидетельствует, что страны укрепляют взаимоотношения, уделяя большое внимание «пониманию друг друга» и укреплению российско-китайского диалога.

Кроме того, при помощи перекрёстного года туризма, с 2014 г. Китай является крупнейшей страной – источником туризма в России, а Россия также является важной страной – источником туризма в Китае. С 8 августа 2017 г. на территории Свободного порта Владивостока была внедрена электронная визовая система для граждан соответствующих стран. Граждане этих стран могут выезжать в 5 административных районов Дальнего Востока по электронной визе. Данная политика России обеспечивает удобство для китайских туристов в поездке в Россию. В 2018 г. в связи с проведением в России чемпионата мира по футболу популярность путешествий в Россию возросла. «Отчет о потреблении красного туризма за 2018 г.», опубликованный TripAdvisor, свидетельствует, что Россия – одна из любимых стран для китайских туристов, желающих совершить путешествие в Россию.

Большинство туристических групп, увлекающихся туризмом в Россию, состоит из людей среднего и пожилого возраста (родились в 1950-х и 1960-х гг.), они очень уважают старшее поколение революционеров, знакомы с историей китайской революции, любят русскую классику и помнят советско-китайскую дружбу. Русские туристические достопримечательности, такие как Красная площадь, Кремль, Мавзолей Ленина, дом-музей Ленина, Новодевичье кладбище, Санкт-Петербург и т. д., стали историческими местами, интересными для китайских туристов.

Для понимания образа России особое значение имеет культурно-языковой стереотип «Путин», который стал ключевым именем собственным. «Культурно-языковой стереотип синонимичен ассоциативному стереотипу, понимаемому как устойчивая, организованная форма социокультурного опыта народа, передающая в упрощённой вербальной форме социокультурный опыт оценивания» [3, с. 305].

После распада Советского Союза фамилия президента Российской Федерации В.В. Путина в Китае стала широко известной. В значительной степени образ президента Путина представляет собой образ всей российской нации. В Китае известна фраза В.В. Путина, которую он произнес в 2000 г.: «Дайте мне 20 лет, и вы не узнаете Россию». В СМИ и блогосфере Китая его представляют как 强硬的领导 – «сильный и крепкий лидер», часто называют 普京大帝 – «Великим Путиным» [4]. В средствах СМИ подчёркивают его дипломатическую тактику, манеры поведения, способности: 勇敢维护俄罗斯主权 – «храбро защищает суверенитет России», 普京的强人形象 – «образ Путина как сильной личности», 普京的外交手腕 – «тонкие приёмы дипломатии Путина», 普京的强硬做派 – «решительные манеры Путина», 政治智慧远高于经济治理能力的大国领导人 – «лидер великой державы, политическая мудрость которого превосходит навыки экономического управления», 特立独行的普京 – «независимый во мнениях и поступках Путин». Директор института информации Китайской академии общественных наук Чжан Шухуа даже назвал Путина ««мастером дзюдо» международной политики» – “国 ▪ 政治中的‘柔道高手’” [4, с. 8]. Знание о таком человеке «предполагает наличие соответствующей характеристики у предмета мысли и иллюстрирует специфику языкового сознания и форм освоения мира в языке» [5, с. 302]. Иными словами, через создание образа человека мы создаём образ страны.

В последние годы укрепляется инициатива идеи «Один пояс и один путь», впечатляет гуманитарный обмен между Китаем и Россией, который постоянно укрепляется. Китайский народ «получил доступ» к пониманию «страны Путина», к «миру русского характера», духовного стремления и идеалов русских. Прочная основа развития китайско-российских отношений, всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие в новую эпоху двух стран предложило пример развития другим странам, что без иностранного опыта во всех сферах (образование, туризм, экономика, бизнес и т. д.) не-

возможно стать процветающим государством. Совместное строительство «Одного пояса и одного пути» – это реализация «взаимопонимания народов». Добрые отношения между Китаем и Россией способствуют форми-

рованию позитивного имиджа России в Китае, а также формированию положительного имиджа Китая в России, которые, в свою очередь, могут способствовать развитию отношений между Китаем и Россией.

Список литературы

1. Чжан Ливэй. Синонимичность знаков препинания в русском языке «Один пояс – один путь», «Один пояс и один путь» // Кирилло-Мефодиевские чтения-2019 в Калмыцком государственном университете им. Б.Б. Городовикова: диалог культур, языков, конфессий. История и современность: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. С. 168-170.
2. 蒋蓝辉. “一带一路”背景下中国与俄罗斯人文交流案例研究 [D]. 上海外国语大学, 2020. (Lanhui Цзян. Исследование культурного обмена между Китаем и Россией в контексте «одного пояса и одного пути». Шанхай: Шанхайский ун-т междунар. исследований, 2020.)
3. Абишева К.М., Сейдахметова Р.Г., Искакова Ж.М. Абай как прецедентный оним и проблема его лингвокогнитивной, культурно-прагматической сущности // Неофилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 302-307.
4. Смирнова Л.Н. Предложения по улучшению образа России в Китае: рабочая тетр. №16/2014 / под общ. ред. И.С. Иванова. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2014. 40 с.
5. Щербак А.С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. Москва: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2020. С. 301-304.

References

1. Chzhan Livey. Sinonimichnost' znakov prepiniya v russkom yazyke «Odin poyas – odin put'», «Odin poyas i odin put'» [Synonymy of punctuation marks in Russian “One Belt – One Road”, “One Belt and One Road”]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhduнародnym uchastiyem «Kirillo-Mefodiyevskiye chteniya-2019 v Kalmytskom gosudarstvennom universitete im. B.B. Gorodovikova: dialog kul'tur, yazykov, konfessiy. Istoriya i sovremennost'»* [Proceedings of All-Russian Scientific Conference with International Participation “Cyril and Methodius Readings-2019 at Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov: Dialogue of Cultures, Languages, Confessions. History and modernity”]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2019, pp. 168-170. (In Russian).
2. Lanhui Tszyan. *Issledovaniye kul'turnogo obmena mezhdu Kitayem i Rossiyey v kontekste «odnogo poyasa i odnogo puti»* [Research on Cultural Exchange between China and Russia in the Context of “One Belt and One Road”]. Shanghai, Shanghai International Studies University Publ., 2020. (In Chinese).
3. Abisheva K.M., Seydakhmetova R.G., Iskakova Z.M. Abay kak pretsedentniy onim i problema ego lingvokognitivnoy, kul'turno-pragmaticheskoy sushchnosti [Abay as a precedent onym and the problem of his linguocognitive, cultural and pragmatic essence]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 302-307. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-302-307 (In Russian).
4. Smirnova L.N. *Predlozheniya po uluchsheniyu obraza Rossii v Kitaye* [Suggestions for improving the image of Russia in China]. Moscow, Specialbook Publ., 2014, 40 p. (In Russian).
5. Shcherbak A.S. Onomasticheskoye soznaniye kak kognitivno-yazykovaya sistema [Onomastic consciousness as a cognitive-linguistic system]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2020, pp. 301-304. (In Russian).

Информация об авторе

Ливэй Чжан, докторант. Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика. E-mail: zhangliweiyu@163.com

Вклад в статью: идея, анализ литературы, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 10.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 15.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Liwei Zhang, Doctoral Candidate. Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China. E-mail: zhangliweiyu@163.com

Contribution: idea, literature analysis, material processing and editing, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-4739-8007

Received 10 November 2020
Reviewed 15 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

Правила для авторов статей, представляемых для публикации в журнал «Неофилология»

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ

Виды публикаций

Принимаются научные статьи, представляющие не опубликованные ранее оригинальные исследования; тематические аналитические обзоры; научные рецензии; краткие сообщения (персоналии, обзоры научных мероприятий). Статьи должны быть написаны на высоком научном уровне, развивать научные положения, обладать новизной и иметь научный и практический смысл, вызывать интерес научной общественности. Обязательным условием публикации статьи в журнале является соблюдение публикационной этики журнала.

При подготовке рукописи автору следует ориентироваться на профиль и **рубрики журнала**:

по направлению 10.00.00 – филологические науки

Русский язык

Ономастика

Языкознание

Текстология

Литературоведение

Русская литература

Межкультурные коммуникации

по направлению 24.00.00 – культурология

Культурология

Межкультурные коммуникации

Культурное наследие

Отправка статей

Авторы подают статьи, подготовленные к публикации, в соответствии с Правилами для авторов, устанавливаемыми редколлегией журнала. Рукопись может быть послана в Объединенную редакцию научных журналов по электронной почте ilina@tsutmb.ru или главному редактору А.С. Щербак ant_scherbak@mail.ru. Авторы, проживающие в г. Тамбове, могут лично принести статью непосредственно в редакцию журнала (г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г).

Телефон редакции: 8 (4752) 72-34-34 доб. 0440.

Требования к оформлению основного текста

Объем статьи от 0,5 п.л. (20 тыс. знаков с пробелами) до 1,0 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

1) Статья должна быть набрана в программе Microsoft Word, формат А4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта 14. Выравнивание по ширине. Межстрочный интервал полуторный (1,5). Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Все страницы рукописи с вложенными таблицами, рисунками, подписями к рисункам, списком литературы должны быть пронумерованы. Шрифтовые выделения в самом тексте статьи допускаются в виде *курсива* или **полужирным** шрифтом.

2) Обязательно предоставление PDF формата статьи с подписями всех авторов.

3) Отдельным файлом прилагаются **сведения обо всех авторах статьи** (Имя, Отчество, ФАМИЛИЯ полностью), с указанием его (их) ученого звания, ученой степени, должности, места работы (полное название организаций, к которым приписан автор, а не аббревиатура, почтовый адрес организации, адреса электронной почты всех авторов, ORCID каждого автора), номеров контактных телефонов (с кодом города) и контактного адреса электронной почты.

Для аспирантов и докторантов – наименование специальности, почтового адреса (с индексом для доставки номеров журналов согласно подписке). Аспиранты, докторанты, соискатели вправе представить рекомендацию научного руководителя.

Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.

4) Необходимо также ознакомиться с Авторским договором (публичной офертой), подписать и выслать в адрес редакции Согласие на обработку персональных данных (см. на сайте журнала http://journals.tsutmb.ru/upload/vest/Dogovor_Neofilologiya_rus.pdf, <http://journals.tsutmb.ru/upload/vest/Soglasie-rus.pdf>).

Рукописи на иностранных языках (английском, немецком, французском, китайском, казахском, узбекском, македонском, польском) и на русском языке (для иностранцев) должны быть в обязательном порядке отредактированы носителем языка с указанием его ФИО и адреса электронной почты. Ссылки внутри статьи на иностранном языке должны быть даны на том языке, на котором опубликована работа. Список литературы также должен быть дан с источниками на языке, на котором работа издана.

При подаче в редакцию статьи на языке, отличном от русского, необходимо убедиться, что были использованы векторные шрифты для иноязычного текста, конвертируемые в формат pdf/A при размещении журнала в системы приема обязательного электронного экземпляра Российской книжной палаты и Российской государственной библиотеки.

Структура статьи

В верхнем левом углу листа проставляется код УДК (<http://teacode.com/online/udc/>), который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (уточнить в научной библиотеке университета или города).

Далее по центру жирным шрифтом печатается **Название статьи** (прописная буква только первая), оно должно быть точным и кратким (не более 107 знаков с пробелами), с учетом того, что триада: название, ключевые слова, аннотация представляют собой единую структуру, термины в которой не должны дублировать друг друга.

Ниже обычным шрифтом – **Имя и Отчество** (сначала! полностью), **ФАМИЛИЯ автора(ов)**.

Строкой ниже – **полное название организации с ее юридическим адресом** на русском и английском языке (данные об аффилировании авторов – author affiliation). В отношении организаций необходимо, чтобы был указан официально принятый английский вариант наименования.

ORCID, E-mail каждого автора.

При отсутствии номера ORCID его необходимо получить, зарегистрировавшись на сайте <https://orcid.org/register>. ORCID – это реестр уникальных идентификаторов ученых и вместе с тем соответствующий метод, связывающий исследовательскую деятельность с этими идентификаторами. На сегодняшний день это единственный способ однозначно идентифицировать личность ученого, особенно в ситуациях с полным совпадением ФИО авторов.

Ниже через строку помещается текст аннотации на русском и английском языке.

Аннотация (150–200 слов) в соответствии с ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация» в обязательном порядке должна включать предмет, актуальность и цель исследования; метод или методологию проведения работы; результаты; область применения результатов работы; выводы (например, Обосновано..., доказано..., проанализировано..., сформировано... Сделан вывод...).

Затем приводятся **ключевые слова** на русском и английском языке (5–6 ключевых слов или словосочетаний, отражающих тему работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации).

Благодарности и ссылки на номера грантов. Информация об источниках финансирования, лица, внесшие вклад в выполнение работы, недостаточный для признания авторства (не принимающие на себя ответственность за содержание работы, но оказавшие техническую, финансовую, интеллектуальную помощь), должны быть перечислены (с их письменного согласия) в разделе «Благодарности» (Acknowledgements) после текста статьи.

Ещё через строку помещают основной текст статьи.

Рекомендуемая структура научной статьи (рубрикация желательна):

- введение: постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствованные в статье должны быть корректно оформлены);
- постановка задачи: формулировка целей и методов исследования рассматриваемой темы;
- результаты исследования: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;
- выводы: научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;
- **список литературы** (обязательно). Список литературы должен включать 10 и более источников, ссылка на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников; список литературы в обязательном порядке должен содержать ссылки на современные периодические источники, опубликованные за последние 5 лет (не менее 50 %), желательны иностранные источники;
- References (пристатейный библиографический список в романском алфавите (латинице) – полное транслитерирование источников и их перевод на английский язык);

- вклад соавторов. В конце рукописи авторам необходимо указать фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания соавторов согласуется ими самостоятельно. Приводится на русском и английском языке.

В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подпись автора (авторов).

Пристатейные библиографические списки цитируемой литературы

Ссылки на литературу являются **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ** атрибутом любой научной статьи. Указание в списке всех цитируемых работ обязательно.

Библиографические ссылки в списках литературы оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и даются в порядке очередности цитированных источников, например [1, с. 25], или [3; 4], или [5–12].

Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье сведений, цитат и правильность указания названий книг и других источников. После вычитки отпечатанного текста статьи и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: *Статья вычитана. Цитаты проверены. [Дата. Подпись].*

В **Список литературы не включаются** неопубликованные работы, учебники, учебные пособия, диссертации, нормативно-правовые акты, архивные материалы, статистические сборники, интернет-ресурсы, содержащие банки данных курсовых, ненаучных и научно-популярных источников (википедии), рефератов и т. п., примечания и пояснения автора(ов), которые оформляются в виде подстрочных библиографических ссылок.

Политика открытого доступа

Научно-теоретический журнал «Неофилология» поддерживает концепцию открытого доступа (Open Access), предложенную Будапештской инициативой открытого доступа (БИОД).

Журнал предоставляет открытый доступ к своему контенту в НЭБ eLIBRARY.RU (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64820), «КиберЛенинке» (<https://cyberleninka.ru/journal/n/neofilologiya>) и на сайте журнала на русском и английском языках (раздел «Архив» <http://journals.tsutmb.ru/go/2587-6953/>). Информация на сайте регулярно обновляется.

Процесс рецензирования

Для экспертной оценки всех поступающих рукописей журнал проводит двухстороннее анонимное («слепое») рецензирование (Double-blind review). Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты в соответствующей области Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина и других вузов России. Срок рецензирования 21–60 дней, но может быть изменен в ходе редакционного процесса.

Заемствования и плагиат

Редакционная коллегия журнала при рассмотрении статьи производит проверку материала с помощью системы [Антиплагиат](#). В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами [COPE](#) и этикой журнала.

Лицензия и депонирование

Публикация материалов в журнале осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](#).

Контакты

Юридический адрес редакции журнала: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Фактический адрес редакции журнала: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г

Телефон редакции: 8 (4752) 72-34-34 доб. 0440

Сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (на русском языке)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Электронная почта: ilina@tsutmb.ru, ant_scherbak@mail.ru

Обсуждены и утверждены на заседании редколлегии 25 декабря 2020 г.

